

ЭДИТА вып. 23

ЭДИТА

ВЫПУСК 23

ЭДИТА

№23

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Графика обложки — из архива "Эдиты"

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-81-5

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Виктор Королев

Екатеринбург

СКАЗКА ПРО КУТЬКУ

Действующие лица:

Беатрис Питерс (1896 —1914) — дочь машиниста паровоза Бельгийских государственных железных дорог.

Жан Мартин (1894—1914) — капрал 14-го пехотного полка 3-й дивизии армии Королевства Бельгии.

Место действия — Мехелен, Брюссель (Бельгия).

Время действия — начало Первой мировой войны.

Роман бельгийского писателя Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», увидевший свет в 1867 году, кончается словами:

«— Никому не удастся похоронить Уленшпигеля, дух нашей матери — Фландрии, и Неле, сердце её! — сказал Тиль. — Фландрия тоже может уснуть, но умереть она никогда не умрет! Пойдем, моя ненаглядная Неле!

И он ушел, распевая десятую свою песенку, но когда он спел последнюю — этого не знает никто».

ПО ПОТОЛКУ, плохо крашенному, кое-где с тёмными разводами, переливаются желтовато-розовые сполохи. Когда мама открывает дверцу печки, весь потолок играет красным. Печка-голландка и мама рядом — таково её первое о детстве воспоминание. И это воспоминание, словно закладка в книге, будет постоянно высовываться из памяти, и потому надолго сохранится. Иной раз наступит вечер, и Беатрис ни с того ни с сего начнёт заново вспоминать, как они жили.

— Ещё скажи, что ты в три годика книжки сама читала! — мама, посмеиваясь, привычно подтрунивает над ней. — Триса, ты — фантазёрка!

— Правда-правда, я помню эту печку и полярное сияние на потолке! — клянётся дочь. — И сказки твои помню — раз навсегда и совсем!

Про весёлого щеночка-кутёнка, про лесное чудище с красными глазами, про куриц, которые кукуют людям долгую жизнь...

И, довольные, хохочут обе, забыв про вязание. В доме тепло, пахнет вяленой рыбой, хлебной закваской, детскими пелёнками и ещё чем-то домашним. Им хорошо вдвоём.

— А помнишь, как ты просила у меня братика?

— Конечно! Я даже имя ему придумала — Марк! Красиво же? Я тогда твердила, что сестру любить не буду. А вы с папой скинули на меня Марию, словно я нянька ей.

— Я тебе так и говорила: сначала рожают няньку, а потом ляльку. Ты старшая, тебе и заботиться о сестре. Пришла твоя очередь ей сказки читать!

— Фу! Марк всё равно красивее звучит, чем Мария! Ладно, сказки читать я согласна, но только сама выберу...

— Только не про Тиля Уленшпигеля, ей это рано ещё!

— Ну уж нет! — театральным басом отзывается дочь. — Пепел Клааса стучит в моё сердце!

И обе снова хохочут.

Такие весёлые воспоминания после рождения Марии стали у них регулярными. Потом мама обычно шла греть ужин к приходу отца. Беатрис тоже бросала вязание и меняла пелёнки сестре, попискивающей в той же деревянной резной люльке, в которой когда-то она сама лежала, глядя в потолок.

Мама гремела сковородками, резала лук, тушила капусту. Приходил отец и долго умывался с работы. Он был чёрный от угольной пыли, и пахло от него всегда тавотом — этим неведомым словом отец называл густое машинное масло. Беатрис наливала ему из большого глиняного кувшина двухпинтовую кружку пива, и все наконец-то усаживались за стол. Под малиновый перезвон соборных колоколов читали шёпотом короткую молитву и начинали есть. Казалось, что в такие вечера даже воздух в их доме становился осязаемый и густым, словно только что сбитое сливочное масло, словно неведомый этот тавот...

Семейство Питерсов жило в Мехелене с тех пор, как пустили железную дорогу до Брюсселя. Дедушка, пока жив был, служил на государственной железной дороге, водил свои «Элефанты» — кургузые такие локомотивы, действительно чем-то на слонов похожие. И сына своего — папу Беатрис, а потом и Марии — дед привёл в депо. Папа, в свою очередь, мечтал семейное дело передать своему сыну, но родились две дочери. Мама только посмеивалась:

— Нянька нужнее! Мальчики — это к войне!

Мальчик у Беатрис появился — свой собственный. Это случилось, когда она училась в последнем классе. Марк её ровесник, он ходит в соседнюю школу, а живёт рядом, через мост. Вдобавок их отцы друг с другом знакомы. У Марка папа тоже в депо служил когда-то, а теперь числится на мебельной фабрике резчиком по дереву, часто работает на дому и держит маленькую лавку.

Беатрис как-то после уроков заглянула туда — и сначала влюбилась в кукол, что стояли на витринах, а в Марка потом, когда он пригласил в синематограф и погладил в темноте её руку. Она ещё подумала тогда: «Если не уберёт свою руку, то это судьба, он станет моим мужем». Руку Марк не убрал, но тут кино кончилось.

После школы Беатрис устроилась работать на привокзальной почте, а Марк встал за прилавок в отцовской лавке. На День независимости, 21 июля, он пригласил девушку снова поехать с ним в Антверпен. Год назад они уже были там, но получилась какая-то неудачная поездка, даже чуть не поссорились. Беатрис тогда хотела в Гент, на всемирную выставку, а Марк уговорил в зоопарк Антверпена, «на чудо дивное смотреть».

Поехали. Народу — битком, тогда тоже праздник был. Оркестры на площадях играют марши. Все радостные, счастливые. И большинство прямо с вокзала, чуть не бегом — в зоопарк, заморский аттракцион глядеть.

Не было там никакого чуда. Дикость, мерзость одна. В огромной клетке, словно дикие звери, сидели на полу чёрные люди. Полуобнажённые, с печальными глазами — мужчины, женщины, дети. По команде надсмотрщика они вставали, кружились, дёргали руками и ногами, изображая какие-то ритуальные танцы, потом пили воду из мисок, подбирали брошенную на пол еду и протягивали к публике розовые ладони за добавкой. Люди довольно смеялись. По верху клетки шла крупная надпись: «Недостающее звено в историческом развитии человечества».

— Это же дико, Марк! Это мерзость! Так нельзя!

— Да ты чего, Триса? Неужели тебе не смешно? Это же не обезьяны, они в перспективе могут стать такими же, как мы! В школе нам говорили про естественный отбор, ты забыла?

— Нет-нет! Я хочу домой! Поехали обратно!

Они чуть не поссорились тогда. А праздник был знаковый — 70-летие независимости Королевства Бельгии.

...Родители не возражали против таких поездок — благо, всё рядом, какой-то час на поезде. Вот и на этот раз разрешили.

— Только к вечеру чтобы дома была, не забывай, что ты католичка, — напутствовала мама. — А то сядешь под чужой метлой в окошке.

— Как это? Как это?!

— Останешься без брака, без свадьбы, без венчания! Так в народе говорят. И будешь всю жизнь сидеть себе на лавочке, считать свои булавочки, каяться да поклоны бить Святой Магдалине...

Наверное, она так шутила, мать ведь, понять можно.

Но за день до праздника Марк пришёл к ним домой смурной, не похожий на себя. Показал бумажку: «Призывной лист принесли, в армию мне идти...»

Какая уж тут поездка! Хоть горшок вывешивай наружу, чтоб люди знали: здесь всё не так. Ох, как нескладно всё пошло! Не зря соседка твердит который уж месяц: «Свиньи ямы роют, белок в лесах несчётно, щук в реке полно — не к добру!»

Ушёл Марк расстроенный. Почти две недели от него не было ни слуху ни духу. Думали уже, что обойдётся, пироги пекли в воскресенье, а назавтра, третьего августа 1914-го, король Альберт I объявил в стране мобилизацию. Марк наконец появился — в голубых армейских штанах, в тёмной куртке с двумя рядами блестящих пуговиц, в остроконечной шапочке-пилотке со смешной красной кисточкой спереди. Позвал её на площадь — попрощаться.

Солнце палило. Они отошли в тень, подальше от всех, хотя народу почти и не было. Стояли, молчали.

— Ты будешь меня ждать? — спросил наконец Марк.

— Конечно! — соврала Беатрис.

Откуда она могла знать наверняка, война ведь началась.

— Ты только возвращайся. Ты вернёшься?

— Обязательно вернусь, меня не убьют, я верю, — соврал Марк.

Война ведь началась, откуда ему знать, что будет, чего ждать. Мир перевернулся вверх тормашками. Никто не может с уверенностью сказать, наступит ли завтрашний день.

— Становись! — раздалась команда.

Солдаты построились. Среди одинаковых тёмно-синих курток, чужих лиц с надвинутыми на глаза пилотками Беатрис никак не могла разглядеть Марка. Потом новобранцы разом повернулись и пошли, громко топая. Не было ни оркестра, ни слёз, ни будущего. Ей дико хотелось пить...

Утром Беатрис принимала для местной газеты телеграфный текст. Лента ползла, а она отрывала кусочки и лепила их на бланк. Слёзы са-

ми текли по её лицу. Получалось, что она первая в городе узнала: немцы перешли границу Бельгии.

Даже начало этой войны было страшным. В маленький пограничный пункт близ города Визе первыми ворвались германские кавалеристы. Не обращая внимания на протесты шестерых пограничников, они начали клеить на стены домов свои листовки. Телеграф — а ленту передавал какой-то иностранный журналист для бельгийских коллег — бесстрастно цитировал текст немецких листовок:

«Величайшую скорбь испытает император Вильгельм II, если Бельгия воспротивится тому факту, что Германия нарушит неприкосновенность бельгийской территории. Мы уважаем и поддерживаем ваш военный нейтралитет. Но сопротивление нашему проходу через земли вашей страны мы воспримем как враждебный акт. Наказание за любое зло, причинённое армии кайзера, будет неотвратимым и беспощадным...»

Телеграфная лента ползла и ползла.

«Гражданских лиц, стреляющих в наших солдат, ждёт смерть. Укрывающиеся бельгийских солдат отправятся на пожизненные каторжные работы в Германию. Деревни и мелкие населённые пункты, жители которых окажут сопротивление, будут сожжены, превращены в пепел, а заложники расстреляны».

А дальше лента сообщила невероятное. Бельгийские жандармы-пограничники обстреляли германских конников, заставили их повернуть назад. Тут же на город Визе лавиной двинулась многотысячная армия. Немцев встретил огонь из шести винтовок. Целых пять минут жандармы сдерживали кайзеровские регулярные войска. Они героически погибли. Но потом на глазах обескураженных немцев взлетели на воздух мосты через реку Маас...

Лента ползла. И тут Беатрис пробило, словно током: «Там же родители с Марией!» Они вечером уехали в Льеж, а это всего пятнадцать километров от Визе. Она побежала к начальнику вокзала. Тот хорошо знал её отца и сразу согласился помочь. Но по телефону Брюссель ответил, и она это слышала:

— Мы знаем только, что её отец привёл состав из Льежа и тут же отправился обратно — мобилизация же идёт. Пусть меффрау Питерс сама ищет отца...

Всё, что могло войти в маленькую почтальонскую сумку, покидала туда. Каравай хлеба завернула в чистую холстину — на дно сумки. Уже через полчаса начальник вокзала помог ей втиснуться в проходящий поезд, битком набитый мобилизованными.

В вагоне было грязно, накурено. Солдаты ехали с оружием, говорили на разных языках. Многие пили вино, но без музыки, без песен. Валлоны привычно звали Беатрис «мефрау», а неулыбчивый фламандец с красными нашивками на погонах уступил «мадемуазели» место у окна. И тут она увидела странную картину. Справа, по ходу поезда, неторопливо шли колонны солдат. Собаки тянули упряжки с пулемётами, редкие четвёрки лошадей — чёрные пушки на тяжёлых лафетах. А слева, в окне напротив, плыло навстречу что-то серое от пыли, лохматое, безликое. Это были беженцы — плотная, безглазая и безмолвная толпа.

Не прошло и получаса, как поезд остановился посреди какого-то поля. Просто встал. Все посыпались из вагонов и тут же услышали дальний гул артиллерийской канонады.

— Мадемуазель, вашу руку! — неулыбчивый фламандец помог ей спуститься со ступенек. — Вы с нами?

— А вы куда?

— Понятия не имею. Куда прикажут. В Намюр или Льеж — куда же ещё?

— А мне надо в Брюссель.

Он приподнял за козырёк свою форменную кепочку, по широким плечам рассыпались чёрные кудри. Поймав её взгляд, капрал улыбнулся.

— Тогда прощайте, мадемуазель! Впрочем, верю, что мы ещё увидимся. Меня Жан зовут, Жан Мартин...

Не дожидаясь ответа, он повернулся и пошёл к солдатам.

Почему-то Беатрис не могла отвести взгляда от его спины с вещевым мешком на плечах. Он уходил, немного косолапя, закинув назад винтовку со штыком, и длинные его волосы развевались на ветру. Солдаты, глядя на своего капрала, шагали, переваливаясь, устремив к нему ружейные стволы.

«И сказал Господь: срубите дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его, — зашептали молитву её губы. — Пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он среди полевой травы орошается небесною росой...»

Она перешла через железнодорожные пути и вплелась в колонну беженцев. Люди брели размеренно, опустив глаза долу, и оттого казались слепыми и безликими. Многие шли с чемоданами, но в основном это были женщины, держащие за руку или на руках самое ценное, — детей. Это всё, что они успели взять и унести от войны.

Повозок почти не было. Лишь в метре перед Беатрис поскрипывала тележка, на которой посреди кучи баулов восседала злая матрона, держа в руках клетку с зелёным попугаем. Тележку тащили две старухи. Кто-то впереди — из детей, видимо, — уронил куклу. Колёса тележки вмязли её в грязь. Ни один человек не остановился.

Мужчин в толпе не видно. Все они, скорее всего, остались сзади, откуда доносился гул артиллерийской дуэли...

К вечеру Беатрис добралась до Брюсселя. Флаги висели на каждом доме, ярко вспыхивая на солнце красными и жёлтыми цветами. На привокзальной площади к ней подошла женщина с повязкой Красного Креста на рукаве.

— Не могли бы вы помочь в госпитале?

— Я только напишу письмо родителям, оставлю его в депо и приду, — с готовностью ответила Беатрис.

Через час она уже принимала первых раненых. Помогала размещать их прямо в вокзальном вестибюле, в ближайших домах. Окровавленных, искалеченных солдат с каждым часом становилось всё больше. До утра она так и не присела отдохнуть. Руки отваливались от тяжести носилок, ноги не желали двигаться. Беатрис упала без сил прямо на пол, рядом со стонущими ранеными.

Назавтра вечерний кошмар повторился. И на следующий день — тоже. И ещё почти две недели она работала в этом привокзальном госпитале, пропахшем кровью и болью. Не уходила, потому что знала: так быстрее найдёт родителей и сестру. Каждый день звонила в Мехелен, но дома они не появлялись.

Всё больше поступало гражданских раненых — старики, женщины и даже дети. Напуганные, голодные люди рассказывали страшные вещи. Как германцы сотнями расстреливали заложников, как сжигали дома и церкви, как грабили и увозили на свою родину всё что можно — зерно, инструменты, домашнюю утварь, одежду. Словно рабов, толпами заталкивали в вагоны тех, кто мог работать на их полях и фабриках. Не брали только книги, они шли у них в костёр.

Новости с фронта всё тяжелее. Кайзеровские войска давно уже переправились через реку Маас, и лишь форты Льежа и Намюра из последних сил сдерживали их стремительное наступление на столицу. Потом враг подкатил к передовой сверхмощные орудия и стал методично разбивать капитальные стены старинных крепостей. Грохот редких выстрелов «Большой Берты» слышался даже в Брюсселе. Говорили, что от взрыва её снаряда остается яма десятиметровой глубины, а ос-

колки разлетаются на километр. Передавали шёпотом, что гарнизоны фортов умирают один за другим.

Однажды в новой партии раненых Беатрис увидела знакомое лицо. Фламандец-капрал с того поезда лежал весь в крови, чёрные длинные кудри его спутались от грязи и известковой пыли. Лицо осунувшееся, бледное. Но он был в сознании. Когда Беатрис склонилась к нему, узнал сразу.

— О, мадемуазель! — прошептал. — Я же говорил, что встретимся...

Врач, готовя раненого к операции, спросил сурово:

— Это твой знакомый, что ли? Смотришь, как на родного.

— Жених, — почему-то сказала Беатрис и сразу ушла.

Сидела на пропахшем карболкой крыльце, молилась. Когда через час вернулась, усталый врач протянул сплюснутую медную пуговицу.

— На! Подаришь жениху, когда поправится. Прямо в сердце пуля шла, срикошетила. Пожалел, оставил ему руку. Через месяц будет твой парень в мяч играть. Хорошая ты девушка, повезло ему...

— Рука... цела? — первое, что спросил капрал, когда очнулся:

— Да, — кивнула Беатрис. — Врач сказал, что вам повезло.

Больше они ни о чём не говорили. Днём она помогла ему вымыть голову, постирала порванный китель. Вечером, обняв её здоровой рукой, он доковылял до туалета, а когда возвращались, сказал:

— Я ведь даже не знаю, как тебя зовут...

— Это совсем не важно, — соврала она.

Он остановился, внимательно посмотрел на неё.

— Мадемуазель, мне не с руки сейчас заигрывать с вами. Я не прошу к вам в женихи, а просто хочу знать, какое имя поминать в молитвах.

— Беатрис, — покрасневшись, ответила девушка.

— Что ж, — промолвил он неулыбчиво. — Беа, Триса — это замечательно. Это красиво. Очень красиво...

Перед сном она подошла к его кровати.

— Рука почти не болит! — по лицу Жана не понять, рад он ей или нет. — Как идут дела на фронте, не знаешь, Беа?

Дела на фронте шли плохо. Шестнадцатого августа пал последний форт Льежа. Намюр ещё держался, но остановить германцев уже нечем. Брюссель обречён.

— Не очень дела на фронте, — не стала обманывать Беатрис.

— Нас подняли по тревоге, — он вдруг начал рассказывать, глядя в потолок. — В Льеже приказали держать оборону сутки. Мы выполнили.

Потом сказали: продержитесь ещё двое суток. Мы сделали и это. Я своих солдат учил целиться прямо в сердце, во вторую сверху пуговицу на мундире врага. Германцы падали, целая баррикада мёртвых перед нашими окопами. Но и враги стреляли метко. В моём отделении остались в живых двое. А потом с дирижабля полетели на нас бомбы. Дальше не помню, наверное, меня оглушило...

— Слух вернётся, всё будет хорошо, — попыталась она остановить Жана.

— Да мне-то хорошо. За мной никто так никогда не ухаживал. Ребят жалко...

Он отвернулся.

Госпитальный врач явно симпатизировал девушке. В коридоре остановил её, зашептал.

— Через час пойдёт поезд на Антверпен. Не исключено, что последний. Бери-ка ты своего жениха да поезжай — может, хоть вы спасётесь...

Она быстро надела на здоровую руку Жана ещё влажный после стирки китель, застегнула пуговицы так, чтобы раненая рука оказалась прижатой, натянула ему на ноги армейские ботинки, сунула свою почтальонскую сумку в его походный ранец, помогла парню подняться.

— И куда мы теперь, Беа?

— Домой. Туда, где войны нет.

— Так она везде!

— Если ты на меня обопрёшься, мне будет намного легче. Что у тебя такое тяжёлое в ранце?

— Только самое необходимое капралу для жизни, — наконец-то улыбнулся Жан.

На перроне ждали долго. Ещё успели увидеть, как с ближайших домов стали снимать бельгийские флаги. Свежий ветерок мешал рабочим, играл с полотнищами. А по главной улице скакал эскадрон озабоченных, усталых французов. Воняло какой-то кислотной, гарью и конским навозом.

— Дождались союзничков! — презрительно сплюнул Жан. — Они и не собираются защищать нашу страну! Думают нас, как дураков, можно без мыла побрить...

Пыхтя, подошёл небольшой состав. Он был переполнен. Всю дорогу им пришлось стоять в тамбуре, пробиться в вагон невозможно. В Мехелене сошли с поезда и уже через десять минут оказались дома. Всю дорогу Жан молчал. Беатрис чувствовала, что у него начинается жар, держится из последних сил, едва не теряет сознание.

— Ещё шажок, ещё чуть-чуть, — приговаривала она, таща его по лестнице на второй этаж.

С трудом уложила на кровать, стащила с него грязные ботинки. Принесла снизу кувшин вина, сыра. Обтёрла лицо Жана мокрым полотенцем.

— Вот так лучше. Отдыхай. Поживём здесь, пока не кончится война. Время пройдёт быстро, скоро не будет ни войн, ни убийств...

— Беа, ты смеёшься? Знаешь, чем живёт любая власть с тех пор, как существует мир? — в запале он вскочил с кровати. — Именно войнами и убийствами! Это война сжигает в пепел наши сердца!

— Ты говоришь совсем, как Тиль Уленшпигель!

— А ты помнишь, что ты мне сказала вначале?

— Нет.

— Не помнишь, какое было слово?

— Нет.

— Ты мне сказала: «Да». Вначале было слово «да»!

— А потом?

— А что может быть потом, после такого хорошего слова? Да — это счастье, это любовь. Что с нами будет потом, не важно. Есть ты, и есть сейчас. «Потом» не будет...

— Но я католичка, я не должна...

— У любви один Бог — она сама. Иди ко мне!

Беатрис подошла ближе, обняла его.

— Ох, Жан!..

Война ведь. За окном, правда, не стреляют, но война же.

— Господи, что я делаю?! Святая Магдалина, спаси! — беззвучно прошептала она...

Посреди ночи оба одновременно вдруг проснулись.

— Что?! Рука затекла?

— Нет, — выдохнул он сонно. — Испугался, что ты ушла. Темно...

— Зажечь свечу?

— Не надо. Просто посиди со мной. Расскажи мне сказку... Про кутьку...

— Про Тиль Уленшпигеля? Про его собаку?

— Нет, про нас. Про нашу землю, про жизнь после войны...

Триса пересела поудобнее, положила его голову себе на колени.

— Это будет сказка, самая добрая из всех написанных, самая правдивая, — начала она, глядя Жана по жёстким волосам. — В некоем царстве, маленьком государстве жили-были король со своей королевой. Жили они в благородном спокойствии души, погруженные в повсе-

дневные заботы своего народа. Но однажды явился дьявол, и на землю их государства вторглись бесчисленные легионы демонов, они стали уничтожать всё на своём пути. Храбрый король призвал народ защитить честь и независимость страны. Бои шли тяжёлые. Но каждый житель сражался героически, и они победили врага. И был парад в столице. По мостовой главной улицы шагала армия, и впереди шли король с королевой. Крики радости, слёзы у всех на глазах. Дальше сложилось всё мирно и счастливо. А в королевской семье родились дети: мальчик Жан и девочка Беатрис. Вот и сказочке конец. Спи!..

Жан спал.

Когда он утром проснулся, Беатрис сидела у окна и штопала его китель.

— Доброе утро! Я пришила новую пуговицу. Давай помогу одеться, умывайся, и пойдём вниз завтракать.

— Умываться, целоваться, только потом завтракать! — засмеялся Жан и пошёл к ней.

Она держала наготове китель. А он баловался, как ребёнок, не давая ей засунуть здоровую руку в рукав. Но оба вдруг замерли, услышав громкое ржанье под окном.

Через всю улицу, заполнив даже тротуары, в центр города въезжала кайзеровская кавалерия. Первыми шли эскадроны улан с пиками наперевес. За ними — плотные серо-зелёные колонны гладко выбритых солдат в начищенных сапогах; штыки их винтовок сверкали на утреннем солнце. Затем снова появилась кавалерия — гусары с султанами на высоких киверах. Подковы лошадиных копыт непрерывно цокали по мостовой, казалось, они способны затоптать всё, что встретится на пути. За конницей тянулись тяжёлые артиллерийские орудия, фургоны с боеприпасами, самокатчики на велосипедах, полевые кухни...

Не смолкая, звучали победные марши. Военный оркестр подошёл к дому Беатрис, остановился прямо под окном спальни. Рвали медь духовые, барабаны грохотали, мечтая порвать перепонки. Пронзительно, словно дикие кошки, раздирающие добычу, вскрикивали флейты. Слово фоном этой преисподней, неумолчно шаркали сотни ног.

— Две недели я не слышал вообще никакой музыки, — с удивительным спокойствием сказал Жан. — Всегда любил марши, а в чужом исполнении они совсем не заходят в душу.

— Боже праведный, почему их так много?!

— Это значит, что Брюссель пал, они идут на Антверпен.

— Может, пронесёт?

— Вряд ли, они сейчас будут устраиваться по домам. Глянь, на ра- туше часы переводят на берлинское время...

— Жан, я боюсь!

— Беа, страшна не смерть, а то, что будет вместо неё. Ты лучше за- крой дверь.

На первом этаже зазвенела разбитая посуда, раздались радостные вопли ворвавшихся в дом германцев. Видимо, они нашли на кухне ви- но. Сапоги застучали по ступенькам старой лестницы, на второй этаж поднималась целая толпа.

— Ты со мной? — Жан почему-то был очень спокоен.

— Да.

— Какое прекрасное слово «да»! Да — это любовь!

Он выпростал из-под кителя раненую руку, достал из своего ранца нечто тяжёлое, похожее на маленький ананас, вкрутил туда что-то. По- том обнял её и больно поцеловал в распухшие губы.

Дверь трещала под ударами прикладов. Жан потянул Беатрис на середину комнаты. Они так и стояли, крепко обнявшись, когда дверь рухнула. Человек пять сразу ввалились в спальню. Все в остроконеч- ных касках, у всех винтовки со штыками. Немцы увидели бельгийского солдата и девушку, но даже прицелиться не успели.

Мощный взрыв гранаты убил их всех, а пол спальни провалился на головы тех солдат, что шарились на чужой кухне. Осколки стекол засы- пали сухим дождём инструменты и музыкантов, стоящих под окном. По- бедный марш смолк на полужразе...

Никита Кривцов

Москва

ОДНАЖДЫ В ВЕНЕЦИИ

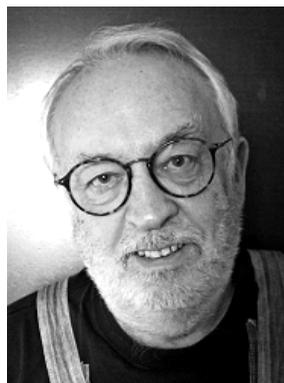
— Вы курите?

— В том-то все и дело, что да...

— Ну и отлично! Я тоже курю, — обрадовался я и полез за пачкой сигарет.

Так мы и познакомились с Андреем.

Было это два десятка лет назад, когда курить

в номерах можно было едва ли не во всех гостиницах, и мы — с удовольствием и словно в знак найденного взаимопонимания — дружно затянулись.

Вообще-то, мало кто любит, когда его селят в номере с кем-то еще. Но мы с Андреем буквально «нашли друг друга», и потом уже просили селить нас вместе. Кроме того, что мы с ним были коллегами — что было само собой разумеющимся в пресс-туре — мы оба были курильщиками, оба любили вино, любили пошутить и покаламбурить. Чем Андрей отличался от меня — он был еще и поэтом. По случаю рождал четверостишья, чем очень восхищал девушек из нашей группы, а особо проникшимся дарил небольшую книжечку своих стихов, изданную буквально накануне отъезда. Этим он окончательно располагал к себе лиц женского пола — на дворе стояли годы, когда еще было живо поколение молодых людей, писавших в школе по литературе сочинения, а не сдававших тесты под видом ЕГЭ.

С Андреем мы сдружились настолько, что после возвращения в Москву позвал меня на свой день рождения. Один из его гостей, зная об увлечениях Андрея, подарил ему тогда редкое издание Апухтина. «Опухтин от пьянства — это про меня!» — прокомментировал Андрей. Эта фраза — лучшая иллюстрация к тому, как, в каком стиле мы с ним общались во время поездки...

Последним ее пунктом была Венеция. Правда, остановились мы не в самой «Королеве Адриатики», а в Лидо-ди-Езоло

Венеция, как известно, остров, точнее множество островков. И находятся они в закрытой лагуне. А коса, отделяющая ее от моря, это Лидо-ди-Езоло — километры песчаных пляжей и почти пять сотен отелей, выстроившихся вдоль побережья и зеленых тихих улочек. Из них-то и совершают дневные набеги на город те самые несколько миллионов туристов со всех концов света, которые растворяют в своих несметных полчищах коренных венецианцев. Благо от Езоло до Венеции рукой подать, а цены в курортных гостиницах в пять раз ниже, чем в городе.

...С огромного треугольного балкона гостиницы, выходящего одновременно на море и во двор, открывался вид на соседнюю крышу. Ветер то и дело задирает тент, и мы видели, как под ним за столиками люди ели пиццу и пили вино. Им было явно весело, а за короткие промежутки между порывами ветра, огромные и, судя по всему, аппетитные и горячие круги, уменьшались на несколько сегментов. «Вот она, итальянская жизнь — обед на крыше, у моря, веселой компанией», — восхищались мы видом этой сцены.

В Италии мы с Андреем оба очутились впервые.

Ну, а Венеция нас просто покорила, сразила, вскружила голову. Причем, практически в тот самый момент, когда мы только увидели город с борта кораблика—«vaporetto», который связывал Венецию с Езоло.

Странно, правда, было то, что, чем ближе мы подходили к городу, тем больше мне казалось, что я это уже видел. Дворец дождей, площадь Святого Марка, покачивающиеся на легких волнах гондолы, каналы и каналчики, бесчисленные мосты — все было знакомо, будто я смотрел кадры старого фильма или разглядывал картинки в хорошо знакомой книге. И чем больше я смотрел на проплывавший мимо город — живой, реальный — тем больше во мне росло ощущение нереальности.

...Разноязыкая толпа втянула нас с пристани на площадь Святого Марка, а затем повлекла куда-то по лабиринтам улочек, мостам, проходам, где приходилось прижиматься к стене, чтобы пропустить торговцев, тащивших коробки.

Венеция — единственный город в мире, где нет никакого колесного транспорта, даже велосипедов. Улицы здесь настолько тесны и непредсказуемы, что власти еще в XVI веке запретили даже лошадей.

Поражало все. Заглянув в туалетную комнату во вполне, казалось бы, демократичном ресторанчике, вынесшем свои столики под огромный тент на набережной, мы с восхищением увидели в ней отделку из богатого старинного мрамора. В Венеции все осталось в наследие от славных и блестящих былых времен, и всюду находишь хоть чуточку неподражаемой венецианской роскоши... Обветшалость большинства зданий, на ремонт которых не хватает средств, никак не нарушает праздничности города.

Дворец дождей, еще более изумительный внутри, чем снаружи, мост Вздохов, соединяющий его с тюрьмой «Пьомби», собор святого Марка, Золотой дом, мост Риальто через Большой канал, церковь Сан-Джорджо-Маджоре — все это, да еще масса других диковинок, какими богат город, взятые в отдельности могли бы послужить украшением любого другого места на Земле. Но даже поставленные все рядом, но где-то не здесь, они не смогли бы дать того, что являет собой Венеция.

Мы бродили как замороженные, и было желание ущипнуть себя за руку, чтобы убедиться, что это не сон. А потом, когда мы, соблюдая ритуал знакомства с Венецией, взяли гондолу и заскользили по лабиринтам каналов, город совсем показался мне огромным театром, а мы стали участниками спектакля в его фантастических декорациях.

— В этом доме спал Вивальди. В этом, говорят, жил Джакомо Казанова, — бросал время от времени гондольер.

— Скучновато для такого исторического города, — хмыкнул Андрей.

Видимо, лодочник на практике убедился, на что больше всего падки туристы. Показывая на «Пьомби», в которой мы уже побывали днем, молодой красавец с изящной татуировкой во всю руку заметил, что именно отсюда удалось бежать знаменитому авантюристу.

Но мы, несмотря на скудность рассказов гондольера и явное отсутствие у него дара чичероне, все-таки восхищались этим парнем. Гондолы порой сбивались в кучу, но их черные лакированные борта, которые во что бы то ни стало должны были столкнуться, всякий раз проходили, не касаясь друг друга, — пусть в миллиметре или двух.

На следующий день все повторилось. Я думал, что когда мы завтра снова приедем в Венецию, все встанет на свои места, во мне уляжется ошалелое чувство упоения этим городом, какое охватывает меня только в совсем непохожем Нью-Йорке, но я ошибался. И вновь как замороженный мы смотрели на голубей на площади Святого Марка, растворялись в толпе таких же, как и мы, потерявших голову туристов и поражались, как нам удается каждый раз находить приглянувшийся накануне бар, чтобы зайти на стаканчик вина или граппы.

Только в Венеции я мог напялить на себя дурацкую соломенную шляпку гондольера с голубой лентой и надписью «Venezia» и ходить в ней весь день, а мой коллега — прикупить сшитую из разноцветных ромбов шляпу с металлическими колокольчиками и не снимать ее, даже заходя в тратторию. А потом вместе с молодыми голландками, встреченными на пристани, хохотать над этими самыми венецианскими из сувениров.

— Ну, как мы выглядим?

— Отвратительно. Вы похожи на туристов.

Но может, это и есть Венеция? Ожившая картинка из знакомой книжки, действующими лицами которой мы на время стали? Монах-бenedиктинец, оказавшийся в толпе японцев, гондольер на мостике, артистично уговаривающий приехавших откуда-то с севера девушек, дверь из кафетерия в музей под надписью «выход», открывающаяся на ступеньку к темному каналу, и мы — в виде придурочных туристов, приехавших поглазеть на чудо-город.

Правда, я стал замечать, что Андрей время от времени переставал шутить, а лицо его делалось серьезным.

— Ты знаешь, а у меня вообще-то тут есть одно дело: я бы хотел побывать на могиле Бродского, — поделился он со мной мыслью, кото-

рая, похоже, одолевала его давно, но высказать ее вслух он решился только теперь.

— Он ведь в Нью-Йорке умер, — неуверенно возразил я. Поэт умер чуть больше года назад, и, даже не будучи особенным его поклонником, я помнил это...

— Умер-то в Нью-Йорке, но завещал похоронить себя в Венеции, — уверенно отрезал Андрей.

Чем ближе к вечеру, тем серьезнее и сосредоточеннее становился Андрей:

— Быть в Венеции и не поклониться могиле Бродского — нет, я себе этого не прощу!

У нас оставалось два часа до отхода vaporetto на Лидо-ди-Езоло, на который у всех членов нашей разбредшейся по городу группы были билеты.

— Ну ладно, давай пойдем на кладбище, — согласился я. — А где кладбище, ты знаешь?

Но в этом-то, как оказалось, и был вопрос.

Ясно, что в самой Венеции кладбища нет и быть не может. Здесь даже для деревьев нет места, не то, что для могильных крестов.

Оно должно быть где-то на «материке» или на одном из островов лагуны.

«Где здесь кладбище — Where is the cemetery?» — стали мы спрашивать по-английски едва ли не всех встречных.

Понимавшие вопрос разводили руками от незнания — это были туристы. Остальные тоже разводили руками — из-за непонимания.

— Cimiterio! — из глубин своей памяти «вытянув» нужное слово, а точнее, «вычислив» итальянское «кладбище» из английского «cemetery», — возопил я.

— Cimiterio! — откликнулся один из прохожих и, бурно жестикулируя, стал указывать куда-то на парходик, стоящий у набережной.

— Vaporetto!? — тут уже с надеждой обрадовался я.

— Si, si!

Мы ринулись к парому, шедшему, как мы поняли по вывеске на причале, к лежащему напротив острову Лидо.

О, эти острова рядом с Венецией — Мурано, Бурано, Сан-Микеле, Лидо! На Мурано еще в XIII веке власти, опасаясь пожаров, выселили стеклодувов, колдовавших с кремнием и огнем. И теперь весь мир знает муранское стекло. Знаменитые кружева, хоть и носят название «венецианских», тоже рождаются не в самом городе, а на другом соседнем острове — Бурано.

Не менее знаменитый Лидо, к которому причалил наш «vaporetto», оказался совсем не похожим на Венецию. Мы будто попали в совершенно другой город. Несколько вышедших на берег туристов тут же растворились среди местной публики. Лидо тоже изрезан каналами, но там ездят автомобили, за изящными заборами стоят особнячки, а улицы обсажены деревьями. Там нет гондол и почти нет туристов, там нет облупившихся стен и развешенного над каналами белья. Там все размеренно, зажиточно, но не так безумно дорого. В общем, обычный ухоженный южный буржуазный город. Там можно перевести дух от нескончаемого венецианского театра.

Но на отдых у нас не было времени.

— Вообще-то, цветы бы стоило где-то купить, — оглядываясь вокруг, неуверенно предложил Андрей.

— Да, ладно... Времени уже нет.

«Cimiterio», «Cimiterio» — спрашивали мы едва ли не каждого из редких прохожих. Но в ответ все лишь разводили руками.

Но, наконец, одна дама в ответ переспросила:

— Cimiterio? А, Cimiterio ebraico?

«Еврейское кладбище!» — понял я.

— Слушай, Андрей! Это, видимо, нам и нужно. На еврейском-то кладбище Бродский, наверное, и похоронен.

Мы закивали головами даме в ответ.

— Dove? Где?

Она показала рукой вдоль улицы-набережной. Обрадованные, мы ускорили шаг. Справа вереницей тянулись ограды домов. А время немолимо бежало вперед, мы поглядывали на часы: успеем ли вернуться к отправлению нашего кораблика на Лидо-ди-Езоло?

Но вот, возникшая затем долгая глухая стена прервалась воротами. Кладбище!

Увы! Ворота были закрыты. Привратника нет.

Андрей пытается заглянуть внутрь, просовывает голову между прутьев. Его огорчению и досаде нет предела. Я тоже расстроен, но больше думаю о том, что мы едва ли успеем на наш «vaporetto» и до гостиницы придется добираться самостоятельно. Андрей же трясет прутья, смотрит — нельзя ли перелезть.

Стена кладбища невысокая и не выглядит неприступной. Андрей примеряется, даже подтягивается на стене, заглядывая через нее в кладбищенскую тень.

— Слушай, давай я попробую перелезть, сможешь? — говорит Андрей, оглядываясь вокруг: нет ли рядом прохожих.

Прохожих не видно, но я вспоминаю про видеокамеры у ворот. А вдруг, по кладбищу охранник бродит? Попастся в руки полиции было бы не самым лучшим завершением пребывания в Венеции.

Я говорю Андрею про то, что мы так точно опоздаем на свой «vaporetto», но в ответ слышу: «Ну и черт с ним!». Правда, когда я перехожу к доводам посерьезнее — мол, «свинтят ведь!», он отходит от стены.

— Вот обидно! — только и может выдавить из себя он, и мы молча идем к пристани. Паромчик, на который мы рассчитывали попасть, уже давно отошел. Следующий — через полчаса.

— Никогда не прощу себе: приехал в Венецию, и не побывал на могиле Бродского! — сокрушался Андрей.

— Да, жалко, — робко согласился я, имея, скорее, в виду то, что нам теперь самим придется добираться до Лидо-ди-Езоло.

— Давай, выпьем, что ли, с горя? — предложил Андрей, показывая на уличное кафе. — Я угощаю. Это ведь я тебя втянул.

Заказали по стаканчику граппы. Наверное, уже по пятому за этот день.

— Давай, за Бродского! — предложил Андрей.

Мы чокнулись.

— Эх, что за невезуха! Ведь нашли уже, черт! Раньше нужно было ехать сюда, тогда бы успели!

— И на паром бы успели, — добавил я свое.

Андрей бросил на меня злобный взгляд:

— Нужно было мне через забор лезть. Все равно, видишь, опоздали. А ты все: «Свинтят. Свинтят!». Эх!

И мы еще раз чокнулись:

— Ладно, за Венецию!

Про этот последний вечер в Венеции я вспомнил спустя почти два месяца, когда в какой-то газете прочел сообщение: «Вчера, 21 июня, на острове-кладбище Сан-Микеле в Венеции был перезахоронен прах великого русского поэта, лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского, умершего в Нью-Йорке 28 января 1996 года».

«БЕВЕРЛИ-ХИЛЛЗ», АТЛАНТА

Для меня все гостиницы одинаковы.

«Беверли-Хиллз» отличалась от остальных. Она была маленькая, и все постояльцы знали друг друга. Причем знали не просто в лицо, а знали друг про друга почти все, потому что некоторые останавливались здесь не на ночь-две-три, а жили. И довольно долго.

В гостинице жили и две горничные. Горничными я их называю условно, потому что они и сидели на ресепшн, утром помогали во время завтрака, а вот насчет уборки в номерах — не знаю. В общем, не важно, как именовалась их должность, но работали они в отеле — когда обе вместе, когда поодиночке, но жили в гостинице. Одна была молодая, спортивного телосложения, миловидная, звали ее Селеста. Она работала в штаб-квартире «Кока-Колы», а в гостинице подрабатывала за «кров». Вторая была тоже довольно молодая, но очень уж полная, поэтому «девушкой» назвать ее у меня сейчас как-то язык не поворачивается.

Чем занималась толстушка помимо работы в гостинице и занимались ли вообще, я не знаю. Не помню и ее имени, но почему-то мне кажется, что звали ее Хитер — по крайней мере, всех пухленьких девушек и женщин, с которыми сводила судьба в Штатах, звали именно так.

Обе горничные были общительные и вместе с парой постояльцев, которые жили в гостинице не первую неделю, представляли некую семью.

Их главной подружкой, которую, из-за того, что она была слишком хорошо осведомлена о всех гостиничных делах и была на короткой ноге с Селестой и Хитер, я было вначале тоже принял за служащую отеля, была тоже молодая и довольно симпатичная американка. Она была замужем за французом, который имел какое-то отношение к нефтяному бизнесу и по делам приехал в Атланту. Никогда, правда, до этого не слышал, что в Атланте есть какой-то нефтяной бизнес. Вот та же «Кока-Кола», CNN — да. Хотя, с другой стороны, а где его нет? Он внешне был похож на Клода Ван-Дама — мелковатый, темноволосый, густобровый и немного слащаво-симпатичный. Я видел его только по утрам — в костюме, белой рубашке и галстук он спускался к завтраку и убегал по делам. У его жены дел в Атланте не было, и она с удовольствием после завтрака судачила с Селестой или Хитер, да и с другими постояльцами, если они не проходили деловито мимо, а задерживались в большом холле у лестницы на первом этаже — несмотря на свои более чем скромные размеры, это был некий центр гостиничной жизни: мино-

вать его было невозможно, ни спускаясь в подвал к завтраку или в прачечную, ни поднимаясь к себе в номер или выходя на улицу.

Там я и познакомился с ней на следующее же утро после моего приезда в Атланту. Именно там она тут же рассказала мне о себе, о своем муже, о Селесте и Хитер и, конечно же, расспросила меня — откуда, надолго и по какому делу.

Она не очень удивилась, узнав, что я из России: «Ой, у нас здесь столько всяких интересных людей!». Номеров в гостинице было десять-двенадцать, ну пятнадцать. Так что одновременно могло остановиться максимум человек тридцать. И знать всех, хотя бы в лицо, было несложно. Но в том-то все и дело, что она знала всех не только в лицо.

Понизив голос, осмотревшись по сторонам и немного наклонившись ко мне, она сказала: «Тут у нас живет один странный человек. Он всем говорит, что он из Италии, но у него аргентинский паспорт! Ни с кем не общается. Утром куда-то уходит, возвращается всегда только вечером и сразу запирается у себя в комнате. И ключ никогда не оставляет на ресепшене. Странный тип... А еще, в шестом номере, живет дамочка, которая всегда завтракает только у себя. И каждый день ходит в одном и том же платье...»

Такие встречи с женой француза, Селестой или Хитер в холле внизу или на крылечке гостиницы происходили потом постоянно — утром и вечером почти обязательно. И я тут же узнавал все местные новости. Селеста, к сожалению (повторяю, она была хорошенькая), в таких разговорах участвовала нечасто, возможно, «Кока-Кола» отнимала у нее все силы, остававшиеся от гостиничных дел, зато Хитер была хохотушкой и охотно судачила с женой француза.

Одним словом, здесь царила такая полусемейная обстановка. Может, стоило бы сказать правильнее, «обстановка коммунальной квартиры», где — если такое в принципе возможно — царила дружелюбная, точнее почти дружеская обстановка, но само это выражение — «коммунальная квартира» — как-то не с руки употреблять в рассказе об Америке.

Сам же хозяин отеля показывался на людях довольно редко, обычно только во время завтрака. Он был индийцем, но британским подданным. Последнее обстоятельство он всячески подчеркивал и постоянно упирал на то, что его гостиница — типичный английский отель. Видимо, поэтому комнатка с журнальным столиком, парой кресел и книжными полками в противоположном от входа конце коридора гордо именовалась «библиотекой», и там иногда выставлялся графинчик с портвейном. И еще — перед входом в гостиницу стояло черное лондонское так-

си, на котором вместо номеров были таблички с надписью «Beverly Hills».

Хозяин был весьма приветлив и общителен и тоже любил рассказывать про свою гостиницу всякие байки. Нет, говорил он это с гордостью, в порядке нескрываемой саморекламы, да и тема была все одна и та же: в его гостинице любят останавливаться всякие известные люди, прежде всего, — фотомодели и звезды. У него в коридорчике, у зала в подвале, где накрывали завтрак, на стене был даже небольшой стенд, на какие в школах и институтах обычно клеят объявления или стенгазеты. У него же кнопками были приколоты какие-то слегка пожелтевшие газетные вырезки и мутноватые любительские фотографии — с этими самыми «звездами», имена и лица которых ни мне, ни кому-либо еще из постояльцев ничего не говорили.

Об этой «доске почета» я невольно вспомнил спустя несколько лет, когда в Малайзии, в музее, посвященном какому-то очень заслуженному деятелю, коллега заметил: «Почему-то на Востоке портреты всегда как-то криво висят».

Да, еще нужно добавить, что гостиница располагалась в весьма богатом районе (когда мы на своем минивэне только подъезжали к ней, мои спутники, глядя на огромные старые каменные особняки, стоящие среди зеленых участков, не раз восклицали: «Ну, это район миллионеров!»), чуть в стороне от знаменитой Пичтри-стрит, но почти на окраине. Рядом, на самой Пичтри, был торговый центр с отличным книжным магазином, где я зависал, освобождаясь после деловой программы. А уже вечером, приходя в сумерки в отель, на противомоскитной сетке двери в который всегда сидела пара-тройка жирных цикад, я попадал на посиделки на ресепшн и, если не был очень уставшим, принимал в них участие.

Но иногда я заглядывал в ту самую «библиотеку», где было тихо и уютно. А как-то вечером решил устроиться там поосновательнее, изучив книги и журналы, стоящие и лежащие на полках: я там обнаружил не знакомый мне до этого журнал «Travel & Leisure» и совсем любопытный «Sierra». Я даже стал думать, а не организовать ли мне встречу с кем-то из редакций, смотрел и выписывал их контакты. И то и дело бросал вожделенные взгляды на стоящий на столе графин с темно-рубиновым напитком.

Так я сидел с журналами, книгами и своим блокнотом, когда дверь ближайшего от библиотеки номера открылась и оттуда вышла молодая дамочка и направилась ко мне.

Я ее заметил еще днем. Приехала семья: глава семейства, ребенок и жена — крашеная блондинка лет тридцати пяти–сорока с собранными в пучок волосами и в очках с тонкой оправой — про таких говорят «училка», добавляя «без личной жизни». Кстати, довольно редкий типаж в Америке.

А тут она вышла, распустив свои белые волосы, в белом платье и без очков — видимо, их заменили линзы. Она выглядела теперь не просто привлекательной — даже эффектной.

Она улыбалась и, направляясь явно ко второму креслу у столика, спросила:

— Извините, я вам не помешаю?

Я привстал:

— Нет, конечно.

За что обожаю американок: смелый ясный взгляд глаза в глаза и энергично протянутая для пожатия рука:

— Мэрилу!

Разговор завязался легко и быстро.

Мэрилу сказала, что они из Таллахасси, Флорида, проводят отпуск. Что-то негативное упомянула о Новом Орлеане — город не для семейного туризма, поэтому поехали в Джорджию.

Она повернулась к графину на столе:

— Это ведь для нас поставлено?!

«Для нас» — она имела в виду не меня и ее, а для нас — гостей. Не согласиться, даже если бы хотел, я не мог, поэтому потянулся к графину и наполнил два стаканчика.

Мы сидели, мило болтали, и я, как уже почти абориген отеля, стал делиться с новоприбывшей всякими мелкими смешными подробностями, которыми со мной несколько дней назад так же поделились его более давние обитатели, точнее, обитательницы.

Я рассказал про странных гостей — про даму, которая не выходит из своей комнаты, про итальянского джентльмена с аргентинским паспортом...

В общем, все те сплетни, которые мне уже успели понарасказать.

Мэрилу оставалась столь же приветливой, иногда качала головой, но потом вдруг стала серьезной, при этом продолжая улыбаться:

— О, этого не может быть!

Я вскинул брови.

— Я только что ТО ЖЕ САМОЕ прочла в книге!

Теперь я оказался в замешательстве и был явно озадачен.

— Что вы прочли?

— В последней книге Эшли Браун, я ее сейчас читаю, действие происходит в гостинице, и там — все то же самое!

— Что — то же самое?

— И дама, не выходящая из номера, и итальянский дипломат с бра- зильским паспортом...

Вы Эшли Браун не читали?

Я покачал головой.

Возникла пауза. Длительная...

— Правда? Удивительно! Не может быть...

— Минутку, — сказала Мэрилу, встала, зашла в свой номер и вскоре вернулась с кокетбуком в руках. — Вот, сами посмотрите!

Она пролистала книжку, открыла на нужном месте:

— Читайте!

Я пробежал глазами текст, перевернул страницы.

— Потрясающе! Вот это совпадение! А что там дальше, давайте взглянем!

— Ой нет! Я еще не читала! Не портьте мне впечатление!

Но я еще повертел в руках книгу. На обложке была золотая наклейка: «Бестселлер № 1 в Америке». Пролистал страницы: на одной из них прочел: «Утром постояльцев потревожили звуки «Without You» Харри Нильсона, доносящиеся из одного из номеров». Ничего себе! — подумал я: день назад, собираясь на встречу в CNN, я включил MTV, а там была Мэрайа Кэри с «Without You» — да, той самой, что тринадцать лет до этого пел Нильсон, суперхит, написанный Питом Хэмом и Томом Эвансом из обожаемого мной «Badfinger». Я тогда в восторге поставил звук на максимум, и директор нашей программы, проходя мимо моего номера, сделала замечание: «Тише! Вы так всех разбудите!»

Вот это да!

Действительно совпадение, пусть и с разницей в столько лет!

Отдавая книгу Мэрилу, я прочел и несколько строк краткой аннотации, что дают крупным шрифтом на задней обложке бестселлеров: «На этот раз события разворачиваются в небольшой уютной гостинице «Корал-Гэйблс» в Пасифике, когда там из-за грозы тухнет свет»...

Я хотел было сказать что-то еще о прочитанном, но из соседнего номера высунулся муж:

— Мэрилу, ну ты еще долго?

— Подожди, сейчас, — ответила моя новая знакомая, и взглядом предложила мне еще налить из графинчика.

Мы подняли стаканчики, улыгнулись друг другу. Но из их номера раздался уже капризный голос ребенка, и, когда после этого, без всяких слов, снова высунулась голова мужа Мэрилу, она поднялась.

На следующий день после полудня погода начала меняться. Небо потемнело, подул яростный ветер. Где-то на горизонте бесновались всполохи, освещавшие, несмотря на их отдаленность, все небо.

Когда мы на своем минивэне сворачивали с Пичтри-стрит к гостинице, бушевал ветер, сверкали молнии, а сверху низвергались потоки. И весь квартал пребывал в темноте.

В гостинице тоже света не было. Ни толком помыться (в темноте-то!), ни почитать, ни посмотреть телевизор! Но главное — не работал кондиционер! Дождь вскоре перестал, но влажная жара, в обычных обстоятельствах изгоняемая из жизни кондиционером, теперь не отпускала.

В номере делать было абсолютно нечего, да и находиться было малоприятно.

Я спустился вниз. При свете фонарика в ресепшн уже сидели жена француза и Хитер.

Мы решили выйти на разведку, тем более что снаружи дышалось гораздо легче.

Прошли пару кварталов, а точнее больших участков со старыми колониальными особняками — Атланта, это ведь, все-таки, настоящий Юг! — и поняли источник проблемы: поперек улицы лежало огромное дерево, не выдержавшее напора ураганного ветра и оборвавшее провода.

Мы вернулись в гостиницу. Телефон тоже не работал, но Хитер как-то узнала, что электричество наладят только где-то глубоко ночью или вообще под утро.

Мы сидели на крыльце, болтали, обмениваясь мрачными шутками — в номера идти не хотелось: и из-за темноты, и из-за душной жары.

Тут вдруг Хитер вспомнила:

— Ой, в холодильнике у нас ведь целый ящик мороженого! До утра оно точно не пролежит!

Она с фонариком вошла в здание, спустилась в подвал и вернулась с большой картонной коробкой:

— Угощайтесь!

Мы стали брать мороженое из коробки — оно было не только вкусным, но, главное, холодным! И уже этим скрашивало пребывание в жаркой влажной темноте.

Выглядывал на крыльцо кто-то из постояльцев, возвращался кто-то в отель — всем им мы предлагали мороженое. Но коробка была большая, оно почти не убывало. Мы стали предлагать его и просто прохожим, которые осторожно пробирались впотьмах к своим домам мимо входа в гостиницу.

Так я и угостил молодую, стройную и очень симпатичную девушку. Видимо, обительницу одного из тех шикарных особняков — наследия Юга, что стояли вокруг. Объяснение щедрости за чужой счет было простое: холодильник не работает, все равно растает, берите, не стесняйтесь! Она с удовольствием взяла, поблагодарила и исчезла во мраке.

Электричество дали где-то под утро: по крайней мере, когда я вставал, кондиционер уже работал.

Мы выезжали рано: уже в полдень была важная встреча в Нашвилле, Теннесси. В гостинице, по-моему, все еще спали, только я и мои коллеги загружали свои чемоданы в багажный отсек на крыше минивэна.

Мимо пробежала девушка: джоггинг — это святое для американцев. Я ее узнал — это ее я вчера угощал мороженым.

— Привет! — Привет! — сказали мы друг другу, как добрые знакомые. Она остановилась. При утреннем свете она была еще более хорошенькая, чем накануне ночью. На нее обратил внимание один из моих коллег и даже присвистнул:

— Ишь-ты! Когда это ты успеваешь знакомиться с такими красотками?!

— Когда ты в номере в жару мучался, я людям помогал!

— Уже уезжаете? — спросила девушка.

— Да. Но как «уже»? Почти неделю тут.

— Вчера в темноте я даже не поняла, что это за здание. А сейчас смотрю — это же крутое место! И с кем вы рядом жили?!

— В каком смысле?

— Да у вас ведь здесь сама Эшли Браун остановилась!

— Эшли Браун? — я вспомнил имя, которое мне называла Мэрилу пару дней назад, показывая книгу.

— Да. Вот! — девушка протянула мне газету. — Вынула из ящика, собираясь на пробежку.

Материал был чуть ли нем на полосу. Читать его времени не было: почти все уже собрались, погрузка заканчивалась.

Поэтому пробежал глазами по диагонали.

Эшли Браун — автор нескольких детективных романов. Безумно популярных. Некоторые пророчат ей титул новой Агаты Кристи. Недавно

вышел новый роман. Сразу стал бестселлером. Это его мне показывала Мэрилу. По одной из ее книг снимается фильм. Скоро должен выйти. Сейчас Эшли в Атланте. Дала эксклюзивное интервью. Но не любит публичности. Путешествует под чужим именем. Предпочитает маленькие гостиницы, где проще сохранять privacy. Дала это интервью с условием, что его опубликуют уже только в день ее отъезда.

— Ух ты! — сказал я, отдавая газету девушке, собиравшейся продолжать свою пробежку.

Лицо писательницы, смотревшей на меня с газетной полосы, показалось знакомой. Да-да, вроде я ее видел...

Девушка, засунув в рюкзачок свернутую толстую газету, продолжила свой утренний джоггинг. Мы с коллегами рассаживались в минивэн.

В это время к гостинице подъехало такси, и к нему спустилась та самая дама, что завтракала только в своем номере и не меняла платье.

Так это именно она смотрела на меня с фотографии в газете буквально пару минут назад!

Ой, какой же снимок упустил хозяин-индиец, — подумал я, вспоминая о его «стенгазете» со снимками знаменитостей в подвале.

А потом первую мысль догнала вторая: а что еще — кроме того, что мы раздали мороженое из его запасов — могло произойти в гостинице, пока несколько часов не было света?

ЭТО — НЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО...

Юра, как всегда, резко отворил дверь, сходу развернулся на каблуках и опустился в кресло около моего стола. На стол тут же шлепнулась пачка сигарет — что означало: закуривай! Сам он уже щелкал зажигалкой.

Он был в редакции на договоре.

Он принес и привил слова «отсек» и «конина», которые в его лексиконе заменяли «ответственный секретарь» и «коньяк».

Юра писал легко. Был достаточно образован (заканчивал или закончил Литинститут, хотя это заведение для меня загадка). Ходил в костюме, явно советском, не новом, но достаточно элегантно. Это была его форма.

Был язвительный, остроумный и нервный. Безумно любил мать, которая жила в Одессе и которую он потом перетащил в Москву.

Он многих знал по журналистскому цеху. Работал в Сибири, рассказывал байки про Норильск и Саяногорск.

Даже общих знакомых я с ним нашел, хотя бывал в Сибири всего два раза.

Рассказал я ему, как в Саяногорске местный комсомольский начальник повез на пикник венгерского журналиста (ну, и меня, который его сопровождал) — в горы над Енисеем над речкой Уй. Хорошее название — да!? Так Юра прямо рассмеялся: это ж его — комсомольского начальника — любимое место!

«Девочек там с ним не было?»

«Да были две какие-то из местной столовой в Майне...»

Юра засмеялся: «Это его любимые».

Ну, а я не стал ему говорить, как с одной из них, уже крепко напившись, мы упали на охапку веток. Нет, ничего не было, только порвал ей немного платье...

Юра тут же рассказал, что этот комсомольский работник был большой бабник, хоть и был женат, ну, а жена его жутко ревновала.

Однажды, когда в сильный ветер — а в Хакасии такие, наверное, правда, бывают — летом с чужого балкона занесло этому работнику в комнату... женские трусы... Вот, говорил Юра, крику было!

Но Юра приносил и новости. Причем постоянно. И тут же предлагал тему для работы. Новые темы находить было несложно — на дворе стояла перестройка, гласность, открытость. Все говорили все — ну, почти все — что хотели, не боясь. Или — почти не боясь.

Юра тут же тащил меня на какую-то встречу — к лидеру независимого профсоюза (он, в смысле лидер, кажется, функционирует еще и поныне) — у которого был ... партбилет Хрущева. Откуда, зачем, почему — не понятно. Да и сам этот профсоюзный лидер боялся этот билет показывать — вынимал его из-под полы, озираясь. Но зачем-то с собой носил. Сам видел.

Приводил Юра еще и ирландского троцкиста — я брал у него большое интервью, которое потом много часов вместе расшифровывали.

Юра бросался словечками «интерфейс», тогда еще мало кому понятным, и «электронная почта» и общался с людьми, которые это (то есть почту, не говоря уже о невиданных тогда еще в Москве ПК) могли обеспечить — помню, как привел меня на какую-то странную встречу в гостинице «Националь» с двумя бельгийцами — даже их, мне кажется, Юра ошарашил «интерфейсами» и «электронной почтой» и предстоящими возможностями глобального общения.

На такие встречи Юра, который не был особенно разборчив, хватал кого попало — кто оказывался под рукой. Нет, на интервью с ирланд-

цем, да и на разговор с теми самыми бельгийцами он звал именно меня — а кто бы еще мог поговорить по-английски?

Но как-то Юра нашел какого-то югослава, который был готов вложиться в будущие российские медиа. Юра почему-то на эту встречу взял молодого, но нагловатого паренька — редактора из отдела культуры.

Югослав остановился в партийной гостинице в районе Патриарших, но которая, в связи с перестройкой, стала и коммерческой. Они выпили, и, хоть и стояли перестройка с гласностью, Юра с этим пареньком поняли, что наговорили лишнего: про загнивший режим, про будущую свободу слова. В какой-то момент оба, осознав это, протрезвели и решили подвести «идеологическую базу» под свою пьянку за счет югослава — надо пить и напоить его так, чтобы он забыл все, что они говорили...

Не знаю, как югославу, но им это удалось...

На следующий день в редакцию они пришли оба очень плохие...

Но идеи, проекты у Юры на этом не прекращались.

И в тот раз тоже.

Только сейчас он был особенно возбужден. И серьезен.

Без обмена привычными приветствиями и шутками он стал говорить.

В Донбассе убили лидера профсоюза! Да, там создали первый независимый шахтерский профсоюз. Ему только что оттуда позвонили!

Вот, началось! — считал Юра. Стали убивать по политическим мотивам!

А какой еще может быть мотив у убийцы лидера независимого профсоюза?

Я не помню, что Юра конкретно тогда говорил. Но общая мысль, общее понимание было одно: шахтеры в Донбассе решили заговорить о своих правах, создали профсоюз — ну, а как же без него о своих правах заявлять? И вот — профсоюзного лидера убили.

Мы с Юрой посидели, покурили — все, вроде, было ясно. Он пошел к главному редактору пробивать командировку для поездки на такую горячую тему.

А он был способен убеждать и обаять — даже прожженных советских редакторов.

Через пару дней Юра снова появился у меня в кабинете.

Так же резко сел на кресло. Так же резко бросил на стол пачку сигарет. Так же дружно мы с ним закурили.

— Ну как? — спросил я.

Юра курил и, похоже, обдумывал свои слова.

Куража и торжества победителя у него точно не было.

— Прилетел в Ростов уже под вечер, — начал Юра.

А шахтерский поселок, куда он стремился, был то ли в Ростовской области, то ли в Донецкой — но добраться туда из Москвы было проще через Ростов.

— Сел там на электричку. Потом на автобус, — продолжал Юра. — А потом пошел пешком через поселок, разыскивая адрес, что мне прислали...

Бывалый Юра говорил, что идти там был страшно. Непредсказуемо... Ряды безликих неосвященных домов, редкие прохожие, перегруженные бытом или алкоголем. Все было темное, убогое, покореженное.

Уже спустилась ночь. Юра решил проверить адрес и зашел в телефонную будку.

— Аппарат не работал. Нет, там не был оторван провод. Если бы! — рассказывал Юра. — Какой-то и чей-то невероятной силы удар — а ты ведь знаешь, из какой прочной стали сделаны корпуса таксофонов — вмял диск, да и добрую часть лицевой стороны автомата. Будто кувалдой били! Но, похоже, рукой...

Он несколько секунд промолчал, а потом добавил:

— И я сразу понял: напрасно приехал. Это — не политическое убийство...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В МЬЯНМЕ

Время здесь летело незаметно. Не быстро, не медленно, а именно незаметно. Его я не ощущал. Передо мной постоянно выстраивались яркие картинки, которые тут же сменялись на другие — как в калейдоскопе. Только было такое чувство, что не смотрю в глазок трубочки с волшебными картинками, а нахожусь внутри нее. И картинки имели еще звук, запах, даже вкус. И я путался, сбивался в них, не мог выстроить в памяти их последовательность, а оттого время теряло смысл, текло будто где-то рядом — вне и помимо меня.

Мостовые-калсады из белой и темно-сеной плитки, а на них — прирастившиеся в уголках кумирни со свечами и тлеющими благовониями. Барочный фасад собора Святого Павла и игроки в маджонг чуть ли не за каждой распахнутой дверью. Пещера Камозэнса, у которой старушки принимают вычурные позы тайцзи. Роскошный отель с видом на Жем-

чужную реку с мутной желто-коричневой водой и десятками жилых джонок. Улица Вечного Счастья с красными дверями и красными фонариками и азулежу — с названиями проспектов, скверов и закоулков. Зеленое вино и пиво «Superbock», соседствующие на полках мини-маркетов с водкой, настоящей на змеях и скорпионах. И над всем этим, видимое почти ото всюду огромное, помпезно-безвкусное в своей показной роскоши, напоминающее золотой сноп или пачку балерины здание казино «Grand Lisboa», увенчанное еще и яйцом Фаберже с одним из самых лучших ресторанов Азии внутри него...

Когда я уже решил, что по нуворишской роскоши и вычурному блеску «Grand Lisboa» ничем не переплюнуть, я понял, что ошибся, попав на Котай-Стрип на острове Колоан. Там комплекс «Venetian» объединил и дворец дождей, и кампанилу, и венецианские мосты, и каналы — с гондолами и певцами баркарол, причем не только снаружи, но и внутри огромного сооружения. В его недрах каналы исполняли роль торговых улиц, а потолки были расписаны под небеса Адриатики. Внизу, под всеми этими каналами, магазинами и ресторанами на сотнях квадратных метров расположилось казино с тысячами игроков.

Я помню пачки патак — в молодых и ухоженных, как в «Venetian» или «Grand Lisboa», но чаще грубоватых, натруженных руках — в заведениях попроще, которые разбросаны по всему городу. Патаки не имеют ценности за пределами Макао, и не только проигрыши, но и выигрыши остаются в этом городе — в магазинах дорогих мировых брендов, да и в самых простых мини-маркетах и закусовых. Да, почему-то помню эти пачки банкнот, стянутые резинкой, и эти неухоженные руки чжухайцев. Лица там неразличимы, да и разглядывать людей в казино не приветствуется.

Но это почти те же лица, что можно видеть повсюду в городе над столами за игрой в маджонг, за столами закусовых с мисочками лапши, в открытых дверях кабинетов акупунктуристов и традиционных докторов с внешностью святых или философов-учеников Конфуция.

Вот такой город, с вкраплениями паштеларий и барочных храмов, неожиданными пастельными цветами арт-деко и есть настоящий Макао, который меня и завлек, закрутил в своей калейдоскопной трубе. Даже улицы-щели из одинаковых бетонных домов, которые, если бы можно было их увидеть во весь рост, оказались бы безобразными и безликими, манили меня — своими двухцветными португальскими мостовыми, похожими на запасники музея восточных диковинок антикварными лавками, скрывающимися почему-то под вывесками «Moveis» — «Мебель», и нескончаемыми лавочками, где изготавливают и продают

лапшу. Метры, сотни метров лапши, а если по всему Макао — и километры! Которые, если их вытянуть, опоясали бы весь город, протянулись бы по проспектам и самым узким закоулочкам — как Ариаднина нить, которая вела бы, манила все дальше и дальше, вглубь этого города...

Но хозяева, которые принимали нашу группу, лапшу и эти мастерские-лавочки только показывали — как экзотику и черту местной жизни. Нас же они хотели поразить другим. Вульгарноватой роскошью «Grand Lisboa» и «Venetian», а также носящим звезды Мишлена рестораном в «яйце Фаберже» и другими вкусными заведениями, способными восхитить любого и оставить в сердце и желудке неизгладимый след. Тем более, что у нас в группе было двое гастрономических журналистов.

«Robuchon au Dôme» в яйце был хорош. Фуа-гра и морские гребешки, конечно, здорово, но слишком пафосно и помпезно, но в гуандунском ресторане с китайским фондю и хуанцзю, в макоанском — с его фьюжн-кухней, огромными кроватками и местным пивом (наш сопровождающий, Жозе, говорил, что Макао давно уже ничего не производят — нет, он ошибся), в бразильском — с конвейером мясных блюд и даже в варьете после него, где Жозе сказал: «Заказывайте что хотите, но только прошу — не шампанское!» — было свободнее, раскованнее, веселее и не менее вкусно, не говоря уж о том, что уж точно более сытно. Короче, от души и от живота.

Но настоящим праздником оказался визит на ужин в лучший португальский ресторан Макао — в Тайпе, квартале из одно-двухэтажных домиков с расслабленной атмосферой.

Хозяин ресторана Мануэл, португалец в возрасте — приятель Жозе — расстарался. Были и колбаски-шаришку, которые прямо в зале обжаривали на спиртовой горелке, и суп калду-верди, и моришкуш, и телятина по-алентежуански... И все это под зеленое вино, красное из долины Доуру, а потом — и агуарденте, и портвейн, и жинью из Обидуша, и шампанское из погребов Ламегу: Мануэл, напугав девушек, срезал резким и сильным ударом клинка горлышко.

Все там было португальским. Я даже, когда понадобилось выйти в туалет, обратился к китайке в гардеробе: «Onde e casa de banha?». Так я сказал просто из куража, подогретого португальской кухней и португальским вином, уже зная, что здесь язык Камозэнса знают единицы, несмотря на то, что все надписи, вывески и объявления выполнены на двух языках — даже в гостинице на ящике пожарного огнетушителя

было продублировано «Extintor de incêndio». Но она поняла, а, думаю, скорее догадалась — и указала на нужную дверь.

У стола появился и немолодой лузитанец с гитарой и стал петь фаду! Вот уж не ожидал, что где-то на юге Дальнего Востока буду слушать лиссабонский городской романс.

За столом было тепло — и от дружелюбия хозяев, и от обильной и вкусной еды, и от не менее обильных и вкусных напитков.

И настроение было романтическое и расслабленное.

После утренней экскурсии и обеда я, было, думал, что появится свободное время — самому пройтись по улочкам, потом искупаться в бассейне на балконе над Хейлунцзян, но Жозе сказал, что у нас запланировано посещение спа-салона, а именно — все мы записаны на массаж. Я робко спросил: «А это обязательно?». Ну, не фанат я массажей, прогуляться по улочкам с «Moveis», заглянуть в мини-маркет с водкой на скорпионах и найти гостинцу, описанную Яном Флемингом, было бы мне гораздо интереснее.

«Это подарок от отеля. Очень дорогой. Мы не можем отказаться», — ответил Жозе.

К назначенному времени я спустился в спа-центр. «L'Occitane» был фирменной косметикой отеля, и я выбрал крем на ситронели. Массажистка-филиппинка провела меня в бокс, велела лечь, сначала на спину, закрыв мне глаза полотенцем, тоже пахнущим ситронелью. Я вскоре понял смысл этого закрывания глаз. Ничего близкого к сексу и в помине не было, но девушка массировала мне низ живота, критически подбираясь к паху, но каким-то удивительным образом избегая самых интимных мест — при этом я не мог не испытывать возбуждения, и если бы еще видел девушку, ее руки, то, возбуждение было бы сильнее. Девушка почувствовала, что у меня увеличена печень (следствие болезней в детстве и пристрастия к алкоголю во взрослом возрасте), спросила об этом и обошла ее стороной — она была прекрасной профессионалкой.

Потом она велела перевернуться на живот, и ее руки работали с моей спиной, потом тазом, бедрами...

Я не изменил своего отношения к массажу. Но то, что мне это понравилось — точно.

После процедуры, когда я уже облачился в халат, мне предложили чай, и я опять выбрал ситронель. Хоть мне на прощание и сказали, что, поднявшись в номер, лучше не принимать душ и не купаться, я все равно пошел в ванную — не люблю жирной кожи, хоть и пахнущей си-

тронелью и хранящий память от пальчиков филиппинки, а, тем более, надевать на жирную кожу свежую одежду.

В общем, на ужин в ресторан к Мануэлу я поехал расслабленный и одновременно возбужденный — экзотическими ароматами и не менее экзотическими прикосновениями магии Востока...

Я не особенно люблю общаться со спутниками в таких поездках. Часто они меня вообще раздражают. Кто-то вечно опаздывает, кто-то теряется, кто-то что-то забывает. Вечно начинаются разговоры — кто где бывал, кто с кем уже знаком, общие воспоминания о Крите или Барселоне. Еще кто-то постоянно лезет в кадр — только ты прицелился, вдруг какая-то девочка выползает перед тобой.

Поэтому стараюсь держаться особняком, немного даже демонстративно.

Но с Эллой познакомился еще в самолете — входя в него еще в Москве: она остановилась и камерой вела по салону, а мне приходилось топтаться сзади.

— Не знаю, как вы, но я впервые лечу бизнес-классом, — сказала мне она. И фотографировала каждый свой шаг, каждую тарелку с сыром, что ей предлагали...

Потом мы с ней не общались — в самолете, где я в качестве аперитива заказал джин-тоник, а к рыбной закуске новозеландское «Spry Valley», к мясному горячему добавив австралийский шираз, к десерту — портвейн, а к кофе — «Drambuie». Потом я просто лег спать. Хотя на ночь и заказал еще «Chivas».

В любом случае, прилетев в Гонконг, мы были уже знакомы. Элла была как раз одной из двоих гастрономических журналистов. Но в отличие от своей коллеги, которая была молчалива, непритязательна, иронична и походила на английскую даму столетней давности — худенькая, под зонтиком, в длинном платье, открыто не выражая никаких чувств, только в ужасе отинулась от Мануэла, когда тот срубал клинком горлышко бутылки шампанского, Элла была открыта к общению и не скрывала свой интерес ко всему, что происходило вокруг ...

За ужином Элла старалась пробовать все, даже то, что не очень нравилось. Я, оказываясь рядом с ней, подбадривал ее. И как-то однажды, она — единственная — не боясь улыбок и шуток, взяла голову черной курицы (черт, что бы это ни значило!) и обсосала ее.

Я, как мог, объяснял ей все китайские примочки, а мой хуанцзю был гораздо авторитетней, чем ее кана — сладкий напиток из сахарного тростника.

Элла была маленькая, пухленькая, немного смешная, но искренняя и улыбочивая, вполне симпатичная и, главная, не избегающая опеки.

Я — за столами — стал ее проводником по Китаю. А в тот вечер — и по Португалии. Хотя она делала постоянно жесты к независимости, а разговоры за трапезой — о *vinho verde* или *jinha* — она прерывала (не пресекала!) просьбой сделать фотографию. Я снимал ее редакционной камерой (Элла призналась, что камера не ее). Она смотрела потом на дисплей, что-то одобряла, что-то тут же демонстративно выбрасывала.

В ресторане у Мануэла я был явно в своей тарелке — мог разойтись. И о португальской кухне, и о напитках, и даже... — о фаду. Пара моих коллег явно занервничали. Объехали полмира, а здесь — ничего нового вставить не могли. «Английская дама» почтительно слушала, поняв безосновательность своей иронии и замолчав: она была явно неглупа и ей стало интересно.

Элла положила камеру мне на колени: «Я боюсь все пропустить».

— А как же агуарденте? — спросил ее я.

Элла покачала головой.

— С меня достаточно. Пробуй сам, — перейдя, видимо, сама не ведая того, со мной на «ты».

По дороге в гостиницу, в мини-автобусе фирмы «Сагреш», который нас возил все предыдущие дни, и где мест всем хватало, чтобы сесть по одному, Элла опустилась на сидение рядом со мной.

Похоже, она была пьяна.

Мы все были выпивши.

Элла была добрая и улыбочивая. Я ее приобнял и поцеловал — сначала руку, а потом — в щеку. Чисто по-дружески.

Входя в лифт, я положил руку на плечо Элле. Она манерно пожалала плечиками и прислонила свою голову к моему.

На шестом этаже она вышла.

— Если что, я на седьмом, номер 719, — сказал я ей.

Она — снизу — обвела меня туманной, но яркой улыбкой, и вышла.

На следующий день мы улетали, выезд из отеля был утром, а до этого мне нужно было успеть забежать в чайный магазин, который накануне показал Жозе. Поэтому я сразу лег и заснул.

Ночью я проснулся — не то от хлопка, не то от удара: будто-то что опрокинулось, упало, стукнуло.

Что это? Или кто это? Чувство испуга прошло быстро. Я вспомнил про Эллу: может, это она? Но как она могла попасть в номер — дверь ведь заперта?! Но, может, это был как раз стук в дверь? Нет, звук до-

несся изнутри, причем из противоположной к двери части комнаты, и был одиночным. Точно: будто что-то упало...

Я прислушался и стал ждать: не услышу ли новые звуки? Но было тихо, совершенно тихо. Даже в воздухе не улавливалось никакого движения. И была крошечная темнота — я в гостиницах всегда задергиваю шторы на окнах... Я полежал, подождал и вскоре заснул.

Разбудил меня будильник. Собирать вещи, бежать в магазин за чаем? Я соображал, прикидывал — с чего начать, и тут увидел, что коробка с зарядным устройством для аккумуляторов от камеры лежит на полу.

Я сразу сообразил, что за шум разбудил меня ночью.

Я понял одно, но после этого не мог понять другое, еще более странное. Коробка, небольшая, но довольно тяжелая, прямоугольной формы, лежащая на ровном столе, причем, не на краю — я никогда на краю ничего не кладу — как она могла сама упасть на пол?!

Ее мог только кто-то задеть, смахнуть. Кто-то все-таки заходил ко мне.

Элла?

Или?

Я вспомнил горничную, миловидную и крупную для китайки, которая, когда я только поселился и начал было переодеваться, постучала в дверь. Я приоткрыл, она увидела, что я полуодетый, но — восточный этикет! — ее это не смутило: она держала поднос с фруктами — бананами, яблоками, личи и питахайей, вошла. Улыбаясь и только тогда извиняясь, поставила на стол — compliment, подарок от отеля. Но что ей или кому-то из ее коллег, у которых, вероятно, мог быть ключ, делать ночью в моем номере? Все-таки Элла? Но как она могла попасть ко мне без ключа? Может, я не захлопнул плотно дверь, она вошла, но, увидев, что я крепко сплю, не решилась меня будить?

Нет, всего этого не могло быть. Был только удар от падения зарядного устройства — и все. Никаких шагов, никакого другого шума.

Я бы долго мог думать и рассуждать, сидя на краю постели, но я посмотрел на часы. Резко встал и начал собираться: ненавижу это делать с вечера. Сборы к отъезду портят, размывают впечатления и ощущения не только от вечера, от всего дня.

Наспех убирая свой паспорт в карман сумки, я помял и чуть не порвал его — за три дня, что он лежал на столе, он весь как-то разбух, раскрывшись, стал влажным, перестал быть плоской твердой книжечкой и не хотел легко влезать в узкое отверстие кармашка с застежкой-молнии-

ей. Жуткая влажность, которую позволял меньше ощущать кондиционер, никуда не девалась. И деться никуда от нее было невозможно.

В разгаре был футянь — период жары, дождей и влажности, которую можно переносить, лишь заставив себя забыть о ней, не обращать внимание на струйки пота, бегущие по лицу, по спине на мокрую рубашку... Что я и сделал в день прилета в Гонконг. Дул шквальный ветер, по крыше автобуса барабанил ливень. Всюду висели красные флаги — штормовое предупреждение. Пик Виктория облепили облака, и «самый захватывающий дух вид Азии» заменял густой белый туман. Над городом бесновалась гроза, долго не дававшая самолету приземлиться — похоже, это вообще был тайфун. И при этом жара и влажность — будто не дышишь, а пьешь... Сначала, пытаюсь прятаться под навесами, беря зонт, я быстро понял тщетность любых попыток укрыться от дождя, и просто перестал обращать на него внимание. Ну и пусть, что рубашка промокла — она промокла бы и так, от влажности, которую уже вобрал воздух.

Я раздвинул шторы. Небо было темно-серым, с комками еще более темных туч. Город накрыл мощный ливень.

Долго не раздумывая, я надел шорты и резиновые шлепанцы и поспешил вниз. У окна около лифта я взглянул на город с другой стороны — золотой сноп «Grand Lisboa» смотрелся вполне эффектно на фоне грозового неба.

В холле внизу я взял зонт и выскочил на улицу. Стоки не справлялись с обилием воды, и по калсадам неслись потоки. Шлепая по щиколотку в теплой грязной воде — ох, как правильно, что я надел шлепанцы на босую ногу! — я отшагал два квартала до чайного магазина.

Продавщицы в фирменных костюмах были приветливы и улыбались каждой моей фразе. Они радостно закивали в ответ на мое «Do you speak English?», потом так же с восторгом отреагировали на мое, но произнесенное уже с большим сомнением «Você fala português?». И потом, выбирая чай — зеленый или черный — я находил нужный цвет на костюмах девушек (а они — слава Богу! — были черными с зеленой и красной отделкой). «Пуэр» — тоже слава Богу! — не требовало перевода.

Я вернулся в отель как раз, чтобы успеть принять душ, дособраться и спуститься к завтраку.

В зале сидела Элла, но к ней подсели двое наших спутников, и я занял свободный столик. Я только кивнул ей, как и ее соседям по столу, но иногда бросал на нее взгляды, пытаюсь понять — про вчерашний вечер, а, возможно, и ночь.

Потом у нас были экскурсии, завершившиеся под вечер в «Lord Stow's Bakery» в Тайпе, где делают лучшие паштел-ди-ната в Макао. А оттуда было уже рукой подать до пристани, от которой быстроходные суда отправлялись прямо в гонконгский аэропорт.

В самолете — а обратно мы уже летели эконом-классом — я оказался — надо же! — рядом с Эллой.

Я стал рыться в музыкальной и кинопрограмме (а они у Cathay Pacific потрясающие), чтобы заранее выбрать себе развлечения на долгую ночь полета.

Элла заговорила первой. Хотя на борту и присутствовала атмосфера покидаемой нами земли, волшебство экзотики уже пропало. Москва была еще далеко, но ощущение от возвращения в нее довлело.

Как, кстати, интересно: когда летели «туда», все было наоборот: погружение в новый мир началось сразу с приветствия стюардесс. Я, правда, должен заметить: так бывает всегда!

И Элла тоже уже говорила не о черной курице, даже не о паштел, а стала рассказывать про своего сына, как я понял, не сильно прислушиваясь, а потому не особенно вдаваясь в подробности, непростого подростка, но, конечно же, талантливого и почти гениального!

Зачем она мне все это рассказывала?

А потом Элла вроде бы сменила тему, и стала говорить о своем духовнике, о том, как он помогает ей жить, а дальше перешла к откровениям Серафима Саровского, вкрапляя их в рассказ о паломничестве в его обитель.

— Это особое, святое место! «Там должен побывать каждый», — твердо сказала она.

Почему-то, когда я слышу подобные фразы, я в них чувствую какую-то наивность, скрещенную с безапелляционностью: если ты не согласен, гореть тебе в аду.

Поэтому обычно от таких разговоров я стараюсь уходить — особенно с посторонними людьми, какими и оказываются попутчики, будь то поезд, самолет или автобус. Причем, порой довольно демонстративно. Но мы, вроде, не были посторонними. Я просто кивал, а потом — так как она все еще говорила — включил «Hindu Times» и стал слушать через один наушник, второй, из вежливости, на ухо не надевая.

Москва точно уже овладела ей. Она была уже там. И она продолжала говорить о своем духовном наставнике, о том, как он помог ей и сыну, и семи поучениях святого Серафима из Сарова. А я сопротивлялся — слушая Oasis, собираясь затем включить «Next Day», а после перейти к «Impromptu» с Джуди Дэвис.

В ответ на слова соседки я только кивал — видимо, достаточно демонстративно-безразлично. Элла обиделась. Она никак не обозначила этого, но это было вполне естественно и очевидно.

А я даже не пытался как-то сгладить ситуацию — извиниться, что-то переспросить, проявить интерес к разговору. Почувствовав это, она сказала что-то немного резкое, с вызовом, и принялась листать бортовой журнал.

Я, честно говоря, в какой-то момент даже обрадовался. Смогу спокойно послушать любимую музыку, посмотреть любимые фильмы — под стаканчик скотча.

Но все-таки чувство неловкости не покидало меня.

— Ну, не знаю, как... — тут заколебался я, — вы, ты?

— Вы, — чуть ли не с вызовом подсказала Элла.

— Как вы к этому относитесь, — продолжил я, — но для меня это все как-то довольно далеко.

Маленькая, полненькая, вздорная женщина! Откуда это все в гастрономическом журналисте неплохого издания?

Я раскрыл газету, которую взял у стюардессы, еще входя в самолет. Я мог теперь отгородиться — даже чисто физически — от всех окружающих. И даже если бы Элла захотела продолжить свои разговоры-проповеди, я был уже недоступен — вряд ли она бы стала стучать пальцем по листу газеты.

Газета была «South China Morning Post». Пробегая глазами по заголовкам, я остановился на одном. «Землетрясение в Мьянме потрянуло Южный Китай».

Я стал читать. Сегодня ночью на севере Мьянмы было сильное землетрясение, «отголоски» которого дошли до Южного Китая, включая Гонконг и Макао. Ночью здесь тоже сильно потрянуло.

Так вот в чем дело! Я во сне, конечно, не почувствовал толчок. Но коробка с зарядкой со стола упала! Все объяснилось.

Я опустил газету и посмотрел на Эллу.

Хорошо, что это было землетрясение...

ДОРОГИЕ ТКАНИ

Шикарное старое здание в самом центре. Бывший доходный дом на едва ли не главной торговой улице — здесь на первом этаже до 1917 года были магазины англичан и французов, которые одевали и обували состоятельных горожан. Потом одно время рядом здесь были и художе-

стенные галереи, но сейчас в основном банки и здания государственных спецслужб.

Трудно даже поверить, что в таком доме что-то из интерьеров может сохраниться. Но надо зайти в подъезд — все еще с приметамы былой роскоши — не разграбленной в понятное время и по понятным причинам, и не убитой последующими евроремонтами, для которых главное сделать красиво и современно, ибо восстанавливать, а, тем более, реставрировать старое, гораздо дороже, — и подняться на пару этажей. И, оказывается, там, где когда-то были богатые квартиры горожан, не все вычищено под реновацию, есть живые уголки с оставшимися с 90-х офисами, к которым, в духе уже сегодняшних дней прилепилось и ... кафе!

Оно, это кафе, правда, правильнее будет сказать coffee shop, довольно стильное и странно, как существующее здесь, в малолюдном подъезде, но явно обозначающее свое присутствие запахом хорошего кофе и, видимо, полюбившееся завсегдатаям, оказывается по левую руку, а прямо по коридору, слева — вход в магазин тканей и ателье.

Большая светлая комната со стеллажами, на которых уложены рулоны тканей. Явно дорогих, качественных и модных. Свет — через большое окно — дополняется светильниками, не очень приметными, но яркими. Посредине — длинный, стоящий на полу низкий шкаф с обилием дверок и ящичков на замках, а у правой стены, на которой все те же стеллажи с тканями, стойка — с кассовым окошечком. Над ним — большая клетка для птички, совсем новая, вряд ли антикварная и реставрированная, но без какого-либо обитателя. Ее обитатель либо умер, либо клетка была подарена хозяйке заведения в расчете на то, что она купит птичку.

Хозяйка появляется здесь — на людях — лишь чтобы обслужить наиболее ценных клиентов. Как та, которая небрежно бросила, заняв весь диванчик для посетителей, стоящий у окна, свою шубу. Не очень дорогую, но весомую. Клиентка не покупает ткани, она здесь шьет. Чем особенно дорога магазину. Она из бывших челночниц, ставших бизнесвумен средней руки, или жена такого же среднего бизнесмена, но подвигает шубу, чтобы мог присесть другой посетитель. И очень долго задерживается у кассы под пустой золоченой клеткой — предпочитая расплачиваться наличными и путаясь в пятитысячных бумажках.

На освободившееся от шубы богатой клиентки место садится другой посетитель — ему нужно оплатить и забрать пуговицы и еще какую-то фурнитуру, которую выбрала его жена-модельер, побывавшая здесь немного раньше, но не располагавшая временем ждать.

Стеллажи с рулонами тканей, длинный шкаф на полу с ящичками под замками, стойка с окошком кассы и золотая клетка, не понятно для кого. Но все это не остановившееся, мертвое, а живое, которое со своей скамеечки, спиной к окну, можно наблюдать, как представление в театре.

Вдруг понимаешь, что все женщины в комнате — а их три-четыре-пять — работают в этой конторе. Две или три из них — в светло-бежевых фирменных передниках, завязанных сзади. Еще одна — тоненькая, без признаков индивидуальности, косметики и женственности, в брючках и в такой же темной водолазке, другая — самая молодая и самая, наверное, яркая — тоже в брюках, но в белой кофточке, явно с «дизайнерским» уклоном — на ткани женские фигуры как на эскизах модельеров. Все такие пусть и не одинаковые, но держащиеся стилистически. Как и дорогие ткани на стеллажах вокруг них и даже пустая клетка над кассой. Странно, но они все почти без возраста, без каких-то ярких отличительных черт — даже трудно определить, что пытался сделать посетитель, ждущий на диванчике, какая из них хорошенькая, какая — нет.

Они приходят из другого зала, молча уходят, иногда разглядывают бирки на рулонах на стеллажах, выбирают, что-то ищут — «Света, Лена, а где ключик?» — потом роются в стоящей посреди зала стойке, той самой, которая с ящичками на замках, отходят, появляются снова, исчезают... Как в какой-то странной постмодернистской театральной постановке. Точно, как официантки в кафе «Loring» в Миннеаполисе, супермодном среди хипстеров в 1990-е, но, теперь, увы, закрывшемся. Картина завораживает...

Богатая заказчица расплачивается. Вокруг нее все суетятся. Появляются еще две дамочки — мать и дочь, но кто из них кто — понять невозможно. Произносят какие-то названия крутых тканей — нужно на свадьбу. Такие есть, их ищут. Приходит курьер за готовым заказом — дамочка в белой кофточке с фэшн-дизайнерскими рисунками заходит в боковую комнатку, которую видно лишь с диванчика для посетителей, и отдает ему пакет.

Все это наблюдает посетитель, пришедший забрать заказ своей жены. Нет! Его не забыли, не игнорируют, но просто тут идет своя жизнь.

Здесь и вновь появляется Света в своем фирменном переднике — темно-русые волосы у нее по бокам убраны в косички, уложенные вдоль головы, она столь же отрешена, как и другие, смотрит на бирки на рулонах, присаживается перед заветным стеллажом-шкафом посреди комнаты — в них ценная фурнитура, кружева, отделка. Она садится на корточки... В Rendez-Vous продавщиц в залах учат — перед клиента-

ми нужно присесть, да, но так, чтобы все это было прилично: они подтягивают юбку, скрещивают ноги, или вообще — носят брюки. Но здесь этому не учили — зачем? Тем более, что почти все посетители салона — женщины?

Света садится, роясь в ящичках, а гость, ждущий своего заказа, смотрит — на комнату, стеллажи с дорогими тканями, на золотую клетку, и — в конце концов — его взгляд падает на дамочку, в светлой юбке, с темно-русыми волосами, убранными в косички по бокам головы, в фирменном переднике и... раздвинувшей перед ним ноги в черных колготках.

Даже специально не наблюдая за ней, взгляд там нельзя было не остановить.

Он и не остановил, ибо это было как-то неудобно, да и вообще — он пришел сюда не для этого...

Света, даже, похоже, поймав его взгляд, который он, правда, быстро отвел, при этом никак не прореагировала: не привстала, не сдвинула ноги, скорее всего, никто просто не говорил ей, что сюда могут прийти мужчины, взгляд которых может даже случайно упасть под юбку. Да и она сама об этом, видимо, как-то не думала.

Хозяйка куда-то исчезла. Богатая клиентка из бывших челночниц ушла довольная. Молодая дамочка на кассе — та, что не в фирменном переднике, но в белой кофточке с дизайнерскими фигурками — деловито разговаривала от кассы с дочкой-матерью.

Все продолжалось по-прежнему. Женщины входили и выходили, так же отстраненно от чужого взгляда занимались своими — только им ведомыми — делами. Правда, теперь посетитель более внимательно наблюдал за Светой, да и она будто специально, появляясь в комнате, проходила мимо него. Ох, он случайно заглянул ей под юбку, а теперь вроде бы как стал с ней чем-то связан.

Да, наблюдая за ней, он заметил на ее руке — как ремешок с часами — только какого-то грязноватого розового цвета — нечто. Он следил глазами за ней, она входила, выходила, с кем-то перебрасывалась фразами, смотрела на стеллажи с тканями, даже заходила в ту заветную комнатку, где выдавали готовые заказы. Это «что-то» на ее запястье выглядело как дизайнерские часы — что здесь вполне бы смотрелось естественно, но было слишком обыденным и для обладательницы браслета повседневным.

Ему упаковали и выдали заказ. Он оплатил — в кассовом окошке под странной птичьей клеткой.

«Спасибо! У вас такой стильный магазин», — стараясь понравиться, сказал получатель заказа. А потом, немного набравшись смелости и (Боже упаси!) наглости, обратился к Свете:

— А что это у вас такое на руке?

Но в ту же минуту, оказавшись со Светой поблизости, понял — это подушечка для булавок! Света — швея, это ее работа.

На зеленом ободке, охватывающем запястье, была круглая розовая подушечка, утыканная булавками.

— Ой, все понял... Но вам идет! — только и сказал он.

Света и все остальные женщины заулыбались — мужчины здесь бывали не часто, а тем более, говорили комплименты. Хотя какой это был комплимент?

Выходя из комнаты, заказчик столкнулся с тоже собиравшейся выходить дамочкой — той, которая замещала хозяйку у кассы и на которой была белая кофточка с дизайнерскими фигурками.

Он жестом пропустил ее перед собой в коридор и спросил:

— Спасибо еще раз! Может, предложу вам чашечку кофе? — память о coffee-shop'e у лестницы.

Все дальнейшее не имеет никакого значения. Она могла отказаться — ведь у нее был рабочий день, могла и согласиться — но у него тоже впереди были дела и, главное, заказ от жены. В любом случае, скорее всего, это предложение — сделанное чисто из вежливости, не имело никакого продолжения.

— А где кружевная кайма итальянская черная? — грозно спросила хозяйка немного позже. — Куда она могла деться?

— Да у нас ведь все под замком. Ключик я вам, как всегда, на стойку положила, — сказала Света. Точно помня, что она заперла ящик и вернула ключ.

Хозяйка, недовольно фыркнув, пошарила по стойке у кассы и нашла ключ. А потом стала рыться в содержавшихся под замком дорогих кружевах и каймах. Вроде, все нашлось, но она то и дело бросала недовольный взгляд на Свету, когда та появлялась в зале.

Ближе к вечеру, в конце рабочего дня Лена, та, которая была в черных джинсах и черной водолазке, исчезнув ненадолго, появилась с двумя бутылками вина и тортом.

— Вы забыли! Сегодня ведь день модельера! — воскликнула она. Все остальные были не так уж и воодушевлены: праздник был условным, не все из них были модельерами, но посидеть с «девчонками» за тортиком и бокалом вина, особенно, когда тебя дома никто не ждет, было неплохо.

Собрались за столом в другой — рабочей — комнате, куда посетители не заглядывали.

Чокнулись, обычные женские разговоры. Кто-то сказал, что вино слишком терпкое, кто-то — что слишком сладкое, но торт ели все с удовольствием. Если бы там можно было курить, кто-то бы с удовольствием достал сигарету, но хозяйка не переносила дым.

— Аааа! — вдруг закричала дама в белой кофточке с дизайнерскими фигурками. Она застыла с открытым ртом с заполнившим его куском торта. Глаза у нее округлились, из них потекли слезы, она стала задыхаться и хрипеть.

Она что-то пыталась говорить, но вместо слов у нее изо рта вылетали крошки.

— Что с тобой? Что случилось!? — все вскочили вокруг нее, а она, перестав кричать, полезла рукой в рот, стараясь из него что-то достать и продолжая хрипеть.

— Скорую! Скорую нужно вызвать! Что с ней?

Это было ужасно! Она покраснела, слезы лились из ее глаз градом, она что-то порывалась говорить и одновременно продолжала пальцами забираться себе в самую гортань.

Кто-то уже набирал на телефоне экстренную службу, когда она откашлялась, и вынула изо рта ... булавку, всю в креме...

Пару минут она сидела молча, тяжело дыша и вытирая рукой слезы, не замечая, что размазывает по лицу тушь для ресниц.

— Как булавка в торт попала? — спросил кто-то, глядя на блюдце, где среди кусков бисквита и крема лежала серебряная иголочка с закрученным в кольцо одним концом.

Симпатичная дамочка, обрета, наконец, дух, но потеряв свою симпатичность, почти возопила:

— Это все Светка! Точно! Кто же, как не она! Кто еще здесь с булавками ходит — трясет. Но она не случайно! Она меня всегда ненавидела. А тут еще, меня клиент в кафе позвал, а не ее! Сидела, перед ним ноги раздвигала! И такой облом! Ты всегда мне завидовала!

А потом, обращаясь уже именно к Свете:

— Я на тебя в суд подам! Да, за покушение на убийство! Ты у меня сядешь, дрянь такая! Всегда мне завидовала... И кружево для своих левых заказов это ты точно сперла!

Последнюю фразу она явно адресовала хозяйке, памятью о ее фразе о ключе от ящика с дорогими итальянскими каймами.

Тут все заголосили:

— Да, успокойся, мало ли что... Тут всюду булавки... При чем здесь Света?

— Ох уж нет! Тут всё против нее! Любое следствие установит! Булавки у нее на руке, зависть — налицо: все видели! И про кружево проверить надо! Пойду — заявление на нее напишу! Тварь ты, Светка!

Теперь у Светы появились на глазах слезы, она сидела молча, слушала, но цвет лица ее менялся, она не могла говорить. И только всхлипывала:

— Нет! Как? Что ты говоришь...

Хозяйка заведения хотела всех успокоить, повторяя:

— Ладно, ладно... Все нормально. Разберемся...

Симпатичная, но уже с красными глазами дамочка в белой блузе с дизайнерскими изображениями, встала:

— Да, Ленка, хороший ты торт нам устроила... С праздничком вас! А ты, Светка... Завтра я заявление напишу на тебя! И мотив, и средство есть, и свидетели — я книжки читала, фильмы смотрела, знаю! Так что держись!

Она ненадолго выбежала, накинула пальто, вернулась, кивнула хозяйке и выскочила в коридор...

— Все, завтра разберемся, — недовольно сказала хозяйка и тоже ушла.

Света сидела, обхватив лицо руками, и тихо всхлипывала.

Остались только они с Леной.

Та подлила Свете вина и протянула ей бокал:

— Выпей. Полегче будет. Хотя, конечно, ты ни в чем не виновата. Успокойся... Но как уж, успокойся?

Света выпила. Выпила еще. Стало немного легче — хотя чего уж легче — и обвинение чуть ли не в убийстве, и в воровстве... Но ведь не было же ничего! Как так!?

Она залпом опустошила бокал.

— Пошли, все будет нормально... — Лена взяла Свету под локоть и помогла подняться.

— Я, по-моему, немного пьяная, — сказала Света.

— Ничего, я тебя провожу.

— Как так? Я никому ничего плохого не делала. А тут — раз, и я убийца, и вор! Ведь подушечка для булавок на руке у всех есть. Ох, вот она! Даже снять забыла! — Света засучила рукав пальто. — И ведь я даже торт не резала! А ключ — его все берут!

Лена приобняла ее:

— Успокойся! Она просто психанула. Да и сама тебе завидует — ты ведь мастер! А она кто? А с булавкой — это просто совпадение! Могла от любой в торт попасть. Все это я скажу завтра. Конечно, ты не виновата. Расслабься.

— Да? Спасибо тебе...

— У меня еще бутылка вина есть. Давай, спокойно с тобой посидим, поговорим...

Сидя у Светы на кухне в ее однокомнатной квартире, они выпили еще. Света немного поплакала, но потом успокоилась, но была на грани слез. Ее слегка шатало — все было и очень даже неплохо, и просто ужасно. Она выбирала.

Она говорила то одно, то совершенно противоположное — и про работу, и про коллег, и про свою жизнь, и про судьбу вообще...

— Свет, давай, всё, тебе надо спать. Я помогу.

Лена довела Свету до постели, помогла раздеться — а на ней все еще был фирменный передник магазина, который она забыла снять.

Уже, полуголая, она, сидя на краюшке постели, сказала Лене:

— Слушай, Лен! А ты ведь такая классная! И сколько времени мы работали вместе, а как-то не общались... Даже странно...

— А ты мне, Свет, всегда нравилась... Просто случая не было так оказаться вместе, вдвоем... — и она обняла свою подругу.

Света лишь тяжело вздохнула.

— Ладно, все, утро вечера мудренее. Давай, ложись.

Света, преодолевая головокружение, стянула колготки и стала, не попадая на спине пальцами на застёжки, снимать лифчик:

— Спасибо, ты настоящая подруга, Лена! Там, в прихожей, есть еще один ключ. Запрешь меня снаружи, завтра отдашь...

— Зачем ключ? — шепнула Лена.

Она быстро сбросила джинсы и водолазку и юркнула под одеяло к Свете.

Света сжалась, вся напряглась, застыла. А потом Лена обняла ее и стала целовать в шею:

— Ведь все хорошо. Все будет хорошо, — шептала она.

Света расслабилась:

— Да, все хорошо, очень хорошо.

БУТЫЛКА «СУНТОРИ»

Из Японии мы уезжали на грузовом теплоходе. Прямых авиарейсов из Токио в Москву тогда не было. Пассажирских теплоходов до Находки — тоже. Вот и подвернулся сухогруз, который должен был идти из Йокогамы к берегам СССР.

Черный теплоход, носивший имя революционера и казавшийся мне, пятилетнему мальчишке, огромным, на самом деле был совсем небольшим. Он был тесноватым, сотрясался от работы двигателя, повсюду висел запах машинного масла, а его палуба была усеяна разноцветными прозрачными камешками — оставшимся от предыдущего рейса полевым шпатом, который я принял за самоцветы и которым набивал карманы. Судно стояло на рейде, и до него нашу семью и еще двух сотрудников посольства, тоже возвращавшихся в Москву, от причала везли на катере. С нами ехало еще несколько провожавших. И в кают-компании были устроены проводы.

Потом теплоход выходил из йокогамской гавани. Вода была почти белая — столько в ней было медуз! Мы с братом носились в восторге по палубе, радуясь почему-то, что японский берег удаляется, и чем он сильнее удалялся, значит, скорее будет встреча с родиной, которой я почти не помнил, но патриотические чувства, которые во мне никто специально не пестовал, генетически в этот момент стали прорываться...

Была еще по пути недолгая стоянка в Муроране — который мне показался каким-то бедным и провинциальным после Токио. Тревожная ночь в ожидании обещанного тайфуна, который потом все-таки нас миновал.

В Находке было пасмурно и хмуро. С теплоходом-революционером, к запаху и вибрации которого я уже привык, расставаться не хотелось, он мне казался уютным и почти родным на фоне почему-то пугающего причала с железнодорожными путями, кранами и пограничниками в зеленых фуражках.

Еще более чужим и неудобным мне показался сам город, когда нас с отцом повезли на экскурсию — смотреть в нем было нечего, и, как я теперь понимаю, кульминацией этой поездки был визит на какую-то гору, откуда открывался вид на Находку, порт, залив. Вид, наверное, должен был впечатлять, но меня совсем не воодушевил. Было серо, накрапывал дождик, город — бедный, разляпистый, неухоженный, казался даже с высоты еще более бедным и чужим, чем Муроран, и неприветливым. И, стоя на смотровой площадке, я жался к отцу.

Поздно вечером, уже на вокзале, в ожидании поезда на Владивосток, я уже жался к маме, опасливо озираясь. В зале, по которому гулко и малоразборчиво разносились объявления по громкоговорителю, было полно людей, сидевших на скамьях — в основном семьи с огромным количеством вещей и с детьми. Вид у всех был какой-то обреченно-несчастный — мне это напоминало кадры из фильмов про войну. Куда они все ехали, почему у них столько котомок, авосек, свертков, почему приехали не прямо к отправлению поезда, а не известно за сколько часов. Мы-то сошли с теплохода, нам некуда было деваться в этом городе, а они?

Во Владивостоке было солнечно. В гостинице в номере люкс не было горячей воды — нужно было ходить на другой этаж, а полотенца были тоненькие, вафельные, с ржавыми пятнами и сырые.

На улицах было полно пьяных. В ресторане — шумно, тесно, на тяжелых шторах из плюша лежала пыль, а над столами вились мухи. Официантки со «взбитыми» прическами были заискивающими и грубыми одновременно и носили белые наколки.

Вновь уютно и спокойно мне стало только вечером, в вагоне поезда «Владивосток — Москва». Вагоны «СВ» тогда называли «международными» — бронзовые ручки, зеркала, декоративные панели из дерева, оббитые плюшем полки и кресла. Остатки сталинской роскоши! Вагон был полупустой — два двухместных купе занимали мы, еще два — какой-то генерал с женой и дочкой, и одно — те два молодых сотрудника посольства в Токио, которые ехали вместе с нами. Проводники — пара в возрасте — были приветливые и любезные. Уже на следующее утро все в вагоне стали друзьями.

Празднование возвращения на родину продолжалось в купе у молодых дипломатов. Теперь я думаю, оно не прекращалось и в те дни, что мы плыли на теплоходе. И я только диву даюсь, какие запасы спиртного они везли с собой из Токио!

Собирались они мужской компанией — звали папу и генерала — начиная с вечера отъезда из Владивостока. Но нам с братом тоже перепадала радость. На следующее утро кто-то из двух веселых дипломатов звал нас к окну в конце вагона напротив их купе — устраивать «салют»: из окна «залпом» выбрасывались опустошенные накануне бутылки из-под виски и пива, которые к нашему восторгу летели в таежные заросли, овраги и болотца...

Кешка с Андреем шли вдоль железнодорожных путей. От разъезда, где они жили, было три возможных маршрута для прогулок — вдоль

рельсов или по лесовозной дороге. В сторону границы была глухая тайга, вглубь которой без взрослых отправляться не решались.

Оба были в сапогах — а без них тут не очень погуляешь, на Андрее была телогрейка, хоть был и разгар лета, а Кеша — в куртке, сшитой мамой из старого отцовского плаща.

Они любили такие прогулки. В камышовых заводях под путями они находили что-то интересное. Недавно это были два больших голубых яйца. Голубые — это яйца лебедей, здесь птицы чувствовали себя в безопасности, привыкнув к гудкам паровозов и стуку колес: те не представляли никакой угрозы. Лебединые яйца ничем не хуже гусиных или утиных. Главное, чтобы свежие были. Отнесли их домой — мать Андрея тут же сделала из него яичницу. Кешка тоже показал матери находку, но та не потребовала сразу разбить яйцо на сковородку, а потрогала — вроде, теплое еще. И Кешка обернул его ватой, положил в картонную коробку и поставил у печи. Вдруг, вылупится лебеденок?

Что дальше с ним будет, если вылупится, было непонятно, но он время от времени заботливо трогал голубое яйцо, обкладывая его ватой, подвигал поближе к печи...

Но что-то было не так, все сроки прошли, яйцо — такое красивое и необычное — пришлось выбросить...

И вот теперь они снова шли по узкой тропинке между насыпью и краем заболоченного озерца, вглядываясь в заросли камыша.

— Смотри, — сказал Кешка, увидев что-то блестящее и желтое в воде.

— Где? — спросил Андрей и остановился.

— Да, вот! — обогнал его Кешка и по щиколотку зашел в воду.

На солнце блестела гранями и желтой этикеткой бутылка.

Кешка нагнулся, взял ее за горлышко и поднял из воды.

Такой бутылки он еще никогда не видел. Она была прямоугольной формы, но с закругленными краями, с насечкой, вроде черепахового панциря, а на ней была яркая этикетка с непонятными буквами. Горлышко было закрыто желтовато-золотистой пробкой, навинченной на него... Такая впервые оказалась в его руках.

Кешка стал, было, ее рассматривать, но сзади услышал шаги Андрея:

— Что это? Покажи!

Солнце поблескивало на гранях «черепаховой» насечки.

— Ух ты! — воскликнул Андрей и потянулся к находке. — Дай по-смотрию!

Кешка, не выпуская из рук бутылку, протянул ее Андрею, но, держав перед ним несколько секунд, запихнул ее не без труда к себе во внутренний карман куртки.

«Ну, да, сейчас возьмет, скажет, что первым заметил, и не увижу я ее больше никогда...», — подумал Кешка.

— Ну, покажь! — настаивал Андрей.

— Чего, «покажь»? Бутылка как бутылка... Я ее увидел, я ее вытащил...

— Да необычная какая-то... Дай посмотреть!

Кешка знал, что взять из рук и не отдать, сославшись на тысячу мотивов, Андрей мог, но отнять, вытащить из кармана — нет. Поэтому теперь он был спокоен.

— Если сдам в магазине, 60 копеек отдам тебе, по дружбе! — сказал шутливо Кешка, уже зная, что никогда не отнесет ее сдавать.

Андрей махнул рукой, и они пошли дальше. Но прогулка уже не интересовала Кешку. Ему хотелось поскорее прийти домой и рассмотреть находку, которая при каждом шаге напоминала о себе, прижимаясь к груди влажным холодком...

Дома, разувшись, Кешка, не снимая куртки, прошел в свой закуток, отгороженный занавеской. Сел на кровать, бережно вытащил находку из внутреннего кармана и поставил бутылку на тумбочку.

Бутылка была действительно необычная. Теперь он мог рассмотреть ее не спеша, внимательно.

Таких он не видел не только в местном магазине — ничего похожего не было даже среди тех, что отец иногда покупал — к празднику, или когда случались перебои с доставкой или магазин закрывался — в вагоне-ресторане поезда дальнего следования, если тот вдруг останавливался на их полустанке. Кешка не раз видел, как в него взбирались, стуча в запертую дверь, местные работяги и, пока не загорится зеленый, что-то покупали у официанток. Порой им приходилось спрыгивать на ходу, когда состав уже трогался...

Но то все были одинаковые бутылки, отличавшиеся лишь наклейками. А эта была совсем другая. И, главное, на этикетке — желтой, глянцево-яркой — все надписи были не по-русски. Кешка видел в местном сельпо бутылки с золотистой жидкостью, которую называли «коньяком» — на них иногда тоже были надписи какой-то непонятной вязью, но все остальное было по-русски, и сами бутылки были привычной формы. Что они содержали, он не знал: отец, да никто из соседей их не покупал, но слово «коньяк» Кешка слышал.

Кешка взял бутылку в руки и стал внимательно разглядывать. На овальной желтой этикетке была крупная надпись из двух слов — первые, заглавные буквы были красными, остальные черными. По кругу сверху еще было что-то написано. В школе у них в прошлом году был немецкий, но училка вышла замуж, уехала в Хабаровск. Заменить ее было некем. В сентябре обещали кого-то прислать. Кешка выучил только латинские буквы и несколько слов...

Написано было по-немецки — это он понял, стал читать: «Сунтори вхиски».

«Наверное, «виски», — решил он. Это слово он встречал — такая водка, которую пьют американцы и всякие другие империалисты.

«Бутылка американская»? — подумал Кешка.

Потом, разглядывая более мелкие надписи по кругу, увидел слово «Япан».

«Япан». Ага, Япония, — догадался он. — Значит, японская?

Пробка была металлическая и накручивалась на горлышко. Таких он тоже никогда не видел. Он осторожно отвернул ее, снял, понюхал — из открытого горлышка пошел запах алкоголя. Кешка сморщился и закрутил пробку обратно. Только сейчас он заметил, что бутылка была не совсем пустая — на дне плескалось немного золотисто-желтой, почти такой же по цвету, как этикетка, жидкости.

Он так увлекся, изучая свою находку, что не услышал, как пришла мама. Она отдернула занавеску:

— Кеш, а чего это ты в куртке дома сидишь?

— Сейчас пойду повешу...

— А что это у тебя? Где ты такую бутылку взял?

— Да мы с Андрюхой гулять ходили вдоль путей, на разливе в камышах нашли... — ответил сын.

— Дайка сюда, — мать взяла бутылку. — Красивая!

Стала ее разглядывать, но потом, будто внутри нее что-то промыгнуло, она вся немного напряглась, отринула от себя бутылку, поставила ее на тумбочку.

— Таких у нас не было, не видела никогда. И написано все не по-нашему. Иностранная. Откуда она здесь? — в голосе матери зазвучала тревога.

— Не знаю, мам... Я прочел, вроде, виски... Водка такая... И в Японии, наверное, сделана...

— В Японии? — с еще более явной тревогой в голосе переспросила мать.

Кешка весь немного сжался. Принес в дом такую красивую штуковину, Андрюха порывался ее присвоить, а тут мать вроде как и недовольна...

Он даже схватился за бутылку — вдруг мама ее отберет.

Но та, не потеряв своего серьезного вида, лишь сказала:

— Скоро отец со смены придет. Будем ужинать.

Но снова настороженно посмотрела на бутылку.

А Кешка сидел на кровати и шептал про себя: «Виски «Сунтори», «Сунтори» виски... Что это значит — «Сунтори»? И любовался своей находкой...

Красивая. Прямо изысканная. Сокровище, одним словом...

О приходе отца, даже если он входил совсем тихо, Кешка узнавал по запаху машинного масла и креозота, который сразу разливался по дому. Что такое креозот, Кешка, конечно, не знал, да и само слово тоже вряд ли, но его запах, шедший от шпал, особенно в теплые летние дни, был ему знаком с раннего детства.

Вареная картошка с укропом, несколько ломтей сала. Отец, утолив голод, расслабился, слегка приобнял Кешку. Мать была занята с младшеньким — Илюшей, который, как казалось Кешке, всегда плакал или капризничал.

Отец отпил, не вынимая ложки, из граненого стакана чай, фыркнул — «Ух, горячий» — поставил его на стол и спросил Кешку, вскинув брови на бутылку, стоявшую у того на тумбочке:

— Ну, чего нашел? Покажи.

Покрутил в руках, разглядывая этикетку:

— Иностранная...

А потом, беззвучно шевеля губами, попытался прочесть надпись.

— Где ты ее нашел?

— Да я уже говорил, в камышах, под насыпью, в болоте плавала, — ответил Кешка.

— Хм, откуда она тут?

Сзади возникла фигура матери:

— Вот и я думаю... Откуда... Может, диверсант какой... Или шпион... У нас таких отродясь не было...

Отец еще больше посерьезнел:

— Ведь граница рядом. Может, перешел, и теперь где-то у нас...

Потом, споря с самим собой, сказал:

— Если шпион, не будет же он таким дураком следы оставлять, бутылки свои разбрасывать...

Кешка сидел молча, с ужасом думая о том, что вдруг с его прекрасной находкой что-то сделают, а он не сможет даже этому помешать — ведь это его отец.

Но отец замолчал, а потом лишь вымолвил:

— Империалисты!

— Она японская, — тихо вставил Кешка. Полагая, что защищает свою бутылку — ведь империалистами в его представлении были американцы — толстые дядьки с сигарами во рту, в шляпах и с бомбами с надписью «НАТО». Такие картинки он видел в журнале «Крокодил» в местной библиотеке, долгое время недоумевая, на что это такое «то» направлены их бомбы, пока Андрюха не объяснил, что это не «на то», а «НАТО» — агрессивный военный блок во главе с американцами.

— Японская? Ну, тут они всегда лезли... Хотя куда им теперь! В народном Китае их разгромили давно...

— Слушай! — вдруг вполголоса воскликнула мать. — А я тут слышала, что диверсанты иногда специально что-то разбрасывают. Думает ребенок, что игрушка — берет в руки, а там бомба! Ба-бах!!! Или вещи отравленные... Надо осторожным быть ...

Сказав это, она с тревогой посмотрела на сына.

Отец, не то матери, не то просто сам себе высказал мысль:

— Ну, и что теперь с этой бутылкой делать? Вдруг, правда, шпион какой бросил. Или диверсант... Надо бы сообщить, куда следует. Хотя бы участковому нашему.

— Да... Надо бы... — согласилась мать. Но тут же сама себе возразила:

— Ну, да. И что мы ему скажем? Нашли бутылку, ищите шпиона?

— А если, правда, диверсия, в бутылке — отравы? В Хабаровск надо везти, кто здесь определит?

— А если не скажем никому — получится, диверсанта, шпиона укрываем?

Отец и мать оба с укоризной смотрели на Кешку. Вот задачу он им принес! У обоих в голове крутилась одна и та же мысль — выкинуть эту «Сунтори» куда подальше, будто ее и не видели, и забыть о ней. Но жалко в то же время было — красивая бутылка: чего в нее не налить, будет просто праздник!

Кешка сжался, вдавился в свою постель. Он, вроде, и понимал родителей, но с такой необычной прекрасной бутылкой расставаться не хотелось... Даже не просто не хотелось — это было бы не расставание, а предательство, предательство самого себя...

В комнате повисла тишина. Отец и мать были явно взволнованы. Кешка — напуган. Он ждал, что скажет отец — последнее слово, конечно, было бы за ним.

В это время в прихожей скрипнули половицы, послышались шаги, и — распахнулась еще не запертая на ночь дверь.

Вошел дед.

В отличие от отца, он ходил в черном форменном бушлате с латунными пуговицами и петлицами и в форменной фуражке, с которой не расставался даже зимой... Он мог бы уже выйти на пенсию, но его держали на работе, да он и сам не стремился на покой. Другого такого, кто бы, как он, знал здешнюю дорогу, не было...

Дед повесил на гвоздь бушлат, присел на табуретку и аккуратно положил фуражку на стол, разгладив седые волосы. Мать стала хлопотать с едой.

— Кех, покажи, что ты нашел, — сказала она.

Дед взял из Кешкиных рук бутылку, осмотрел ее, хмыкнул удивленно и недоверчиво:

— Союзническая?..

— Нет, вроде японская... «Япан» на ней написано, — ответил Кешка.

— Самурайская... — крутил в руках бутылку дед. — Сейчас посмотрим...

Он открутил пробку, понюхал и хлебнул — все, что оставалось в бутылке.

Мать воскликнула:

— Ой, а вдруг это отравка!? Вдруг диверсант...

Но все было очень быстро... Ничего поделаться было уже нельзя. Только ждать. Поэтому отец бросил на нее суровый и строгий взгляд и тихо шепнул:

— Чего ты панику раньше времени разводишь?!

Мать подумала: «А потом-то уже поздно будет...», но промолчала. И они с отцом лишь переглянулись — настороженно и тревожно...

А дед чуть скривился, вытер кулаком рот:

— Самогонка! — покачав головой, он подцепил вилкой половинку картофелины...

— В Муданцзяне мы крепко им дали... Побросали все. На складах мы там много спиртного нашли. Но такой не было, забористая... — продолжил дед, снова потянулся к бутылке, но она уже была совсем пуста. Покачав головой, он поставил ее обратно на стол...

Мать с отцом снова переглянулись: «А вдруг и, правда, — отравы? Что делать?»

Деда до лета 1945 в армию не призывали — бронь была, на дороге требовались специалисты. И лишь потом, когда уже с японцами воевать стали, направили в Китай, в железнодорожные войска. Но дед редко вспоминал войну, тем более рассказывал о ней. Ну, только выпив иногда, начинал сыпать названиями станций и городов, где пришлось побывать. И Муданцзян всплывал в его рассказах чаще всего...

А вот про раннюю историю Уссурийской дороги, свидетелем и участником строительства которой он был, не прочь был вспомнить... И Кешка с удовольствием слушал его рассказы... Он вообще любил своего деда — немногословного, суховатого, но доброго.

— Правда, красивая? — спросил он деда. — На разливе нашел, когда с Андрюхой гуляли...

— Жаль, что почти пустая... — улыбнулся в усы дед. — А так бы совсем красивая была... У нас раньше, до революции, в Уссурийске, помню, тоже красивые делали... Откуда она только тут взялась? В болоте-то? Может, кто из поезда выбросил?

— Да? Вы думаете? А, может, диверсант какой или шпион? — вступила в разговор мать.

— Шпион... Диверсант... Хмм... — недоверчиво, но, посерьезнев, самому себе сказал дед. Покачал головой, надел фуражку и, вынув из кармана бушлата пачку папирос, вышел на улицу покурить.

Обернувшись на Кешку, который забрал бутылку и пошел в свой угол, мать с отцом в очередной раз переглянулись.

— Ой, не нужно было ему пить... Вдруг, правда, яд... Что будем делать? — взволнованно вполголоса проговорила мать.

— Да, подожди... Раз сразу не остановили, теперь посмотреть надо... Думаю, обойдется... Панику-то тоже на пустом месте создавать нельзя... — ответил отец, стараясь быть спокойным, но с легкой тревогой в голосе...

— Панику... А если что? Ты уж смотри внимательно — что-то заметишь, беги сразу к фельдшеру.

Отец что-то сердито фыркнул себе под нос и махнул головой в сторону Кешки — мол, чего при нем такие вещи говоришь...

Вскоре дед вернулся, и все сели пить чай с сухками. Вначале отец и мать бросали настороженные взгляды на деда, потом все постепенно успокоились и забыли про бутылку.

Все, но только не Кешка.

Он взял ее в руки, еще раз внимательно осмотрел и бережно убрал к себе в тумбочку.

А, заходя пожелать спокойной ночи, отец сказал:

— Ты, это... Никому ничего не говори про эту бутылку... Спрячь, убери. Ну, знаешь, чтобы разговоров и вопросов не было. А Андрюхе своему скажи, что, ну, не знаю, потерял... Нет ее у тебя...

А чуть позже, уже повернувшись к деду и матери и вполголоса:

— Вы там, это, поспрашивайте, ну так, осторожно... Кого незнакомого, чужого не видел кто... Ну, так, на всякий случай...

А Кешка, когда засыпал, думал о Японии, о стране, где была сделана удивительная бутылка, что стояла у него в тумбочке. Ему, правда, жалко было, что вместо того, чтобы поставить ее на видное место и гордиться, приходится ее прятать. Но это не имело значения... Дед воевал с японцами, вспоминал про этот Муданцзян, он и отец называли их «япошками», «самураями» и еще по-всякому, по-обидному, но у Кешки не было ненависти к Японии, скорее — любопытство, интерес. И пытался представить себе страну, откуда — неизвестно как — попала к нему эта необычная бутылка...

На следующий день Кешка перебрал все немногочисленные книги, что имелись дома, чтобы найти что-то про Японию. Но ничего не нашел. Правда, на полке оказался старый маленький атлас мира. Кешка почти без труда разыскал на карте мира Японию, а потом и отдельную карту страны — она, хоть была и небольшая, показалась ему очень подробной, и он стал с интересом разглядывать ее и читать незнакомые и необычные названия.

Кешка так этим увлекся, что даже не заметил, как к нему подошла мать и с укоризной сказала:

— Чего ты дома сидишь... Согнулся весь... Пошел бы на улицу, с Илюшей погулял...

Кеша любил своего братика, но пока как-то всерьез его не воспринимал — слишком большая была разница в возрасте, и гулять с ним стеснялся: когда его с Илюшей встречали друзья-приятели, те порой смеялись: Кеха, мол, нянька...

Но его приучили не спорить с родителями.

На улице он встретил Андрюху. Однако вместо того, чтобы пройтись по нянькиным обязанностям друга, тот спросил:

— Ну, что та бутылка, что мы вчера нашли?

— Да... Да я разбил ее... По дороге домой вынул, стал рассматривать и споткнулся на путях. И она вдребезги...

— Вот раззява! Я бы никогда такую ценную вещицу не разбил... Нужно было мне ее взять, целая бы была... А ты — «Я первый увидел!»

...

Кешка только пожал плечами... А что ему еще оставалось делать? Как ни неприятно было слышать незаслуженные упреки друга, не мог же он признаться, что соврал?

Андрюха посмотрел на маленького Илюшку, который подошел к брату и взял того за руку:

— Ну, ты там, ладно... Мальца домой отведешь, выходи гулять... Сейчас там еще пацаны соберутся...

— Нет, ты знаешь... Не могу... Мне отцу помочь надо... — опять, даже не совсем отдавая себе в этом отчет, соврал Кешка...

— Тогда пока!

— Пока!

Вернувшись домой, Кешка открыл тумбочку, вытащил заветную бутылку и снова раскрыл атлас. Ради этого он так спешил домой, ради этого соврал другу...

Он смотрел то на бутылку, то в атлас и пытался представить, в каком месте, в каком городе делают такие красивые вещи.

Через пару дней он запомнил уже названия с дюжины городов — не только Токио, Осака, Киото, Кобэ, но более мелких, отмеченных небольшими кружочками, всех четырех крупнейших островов, и мог мгновенно показать их на карте...

Это было занятно — запоминать необычные имена, всматриваться в очертания островов с изрезанной береговой линией, отделенных друг от друга совсем узкими проливами... Но вскоре этого стало мало.

И Кешка решил пойти в местный клуб, при котором была библиотека.

Бывал он там раньше только с матерью, отцом или дедом, поэтому утром, когда собрался туда, сидел и думал, как бы объяснить, если спросят, причину своего визита — так, чтобы не раскрывать истинную цель, но, чтобы все выглядело естественно.

В это время в дверь постучали, и на пороге появился участковый.

Кешка, конечно, знал его в лицо, но ни в каких проступках, даже в озорстве, замечен не был, и участковый к ним никогда не заглядывал. Да, местные мальчишки, те, что постарше, иногда дрались, шалили, но все обычно заканчивалось миром, без разбирательства с милицией. Было, как-то раз, когда Кешка с Андрюхой прибились к компании более взрослых мальчишек и девчонок, которые решили — просто из озорства и ради смеха — поугагать бабку Анастасию. Пробрались вечером к

ней в огород, кто-то из мальчишек тихонько ввернул шуруп в раму над окном, через него перекинули нитку с привязанным болтом и, отойдя на безопасное расстояние, стали ее подергивать. Болт раскачивался и стучал в стекло... В доме зажегся свет, бабка выскочила с кочергой на крыльцо. Подростки со смехом бросились наутек, слыша вслед лишь ругань Анастасии. Шутка, конечно, была дурацкая, но безобидная. И Кешка в компании был не заводилой, а просто прибился случайно, да и темно было — никого бы бабка не разглядела. И вообще, было это уже несколько месяцев назад.

Одним словом, приход участкового стал неожиданным, и Кешка заволновался: вдруг это как-то связано с его находкой? У матери, приглашавшей участкового войти, тоже был встревоженный вид.

— У вас тут все спокойно? — спросил он, поздоровавшись, оглядев комнату и присев на предложенную матерью табуретку. — Ничего необычного не видели, не слышали? Может, следы какие?

Мать покачала головой:

— А что случилось?

— Да тут информация от пограничников поступила... — начал, было, отвечать участковый.

— Что, шпион, диверсант? — с тревогой и даже страхом перебила его мать.

— Ну, можно сказать и так... — усмехнувшись, ответил участковый...

Мать и Кешка молчали, но улыбка милиционера немного успокоила их.

— В общем, пограничники тигра видели. И судя по следам, он от границы на восток пошел. Вот, нам и передали, чтобы мы оповестили жителей. Всякое ведь может быть... Правда, это в соседнем районе, сюда тигр едва ли забредет. Но так, на всякий случай... Осторожность никогда не повредит. Особенно, если в тайгу соберетесь. Ведь как в органах говорят: «Бдительность — наше главное оружие»!

Услышав про тигра, да к тому же в соседнем районе, Кешка успокоился. Тигров в окрестностях их поселка уже очень давно никто не видел. Хотя он хорошо помнил один из рассказов деда про первые годы здешней железной дороги: тигр напал на обходчиков — прыгнул на одного сзади, со спины, второй был с ружьем и зверя застрелил, но тот и мертвый не разжал когти. Так и пришлось на дрезине раненого вместе с вцепившимся в него тигром к доктору везти... Но когда это было?! Дед тогда еще молодой был...

— Ну, ладно, — стал прощаться участковый. — Нужно дальше, по другим домам идти...

Когда он вышел, мать с Кешкой переглянулись, она вздохнула и покачала головой...

А потом сказала сыну:

— На улице за Илюшкой лучше присматривай, да и сам тоже не ходи никуда далеко. А то, знаю, мотаетесь иногда черте где...

Кешка закивал и понял, что сейчас не лучший момент отпрашиваться у матери на прогулку: про планируемый поход в библиотеку он дома тоже не хотел говорить...

Пару дней в поселке обсуждали появление тигра в соседнем районе, никто особенно не боялся, но ребячьи и даже подростки опасались выходить в сторону леса, да и вообще все вели себя настороженно — Кешка стал довольно часто встречать на улице людей с ружьями за спиной, что раньше случалось редко.

А потом как-то вечером отец, придя со смены и сев ужинать, сказал:

— Сегодня мне «Тихоокеанскую звезду» показали — там про нашего тигра написано. Застрелили его. Так что больше бояться нечего.

На следующий день Кешка отправился в клуб.

Молодая библиотекарь удивилась его приходу — мальчишки, тем более, его возраста за книгами нечасто туда заходили.

— Мне бы газету посмотреть... — нерешительно объяснил цель своего визита Кешка.

— Какую? У нас «Правда» есть, «Гудок», наша «Тихоокеанская звезда»...

— «Тихоокеанскую звезду»... Там про тигра было написано. Хочу прочесть.

— Да, была вчера заметка. Сама читала, — женщина взяла с полки одну из подшивок и положила на стол перед Кешкой. — Найдешь?

Он закивал и стал перелистывать большие, стянутые бечевкой страницы. А библиотекарь вернулась к своему столу и взяла лежащую там книгу. Посетители, тем более с утра, здесь явно бывали нечасто, и она, похоже, привыкла коротать часы за любимым чтением.

Про тигра ему тоже было, конечно, интересно узнать. Он нашел заметку, прочел ее, а потом, то и дело переводя взгляд со стеллажей на уткнувшуюся в книгу женщину, стал рассматривать корешки на полках.

— А у вас есть энциклопедия? — немного осмелев, спросил Кешка. Он знал, что в энциклопедии написано про все.

— Хочешь про тигров посмотреть? — подняла глаза от книги женщина. — Недавно новый том пришел, буква «т», кажется, как раз там.

Она подошла к полке:

— Ой, нет. Седьмой том на «Рубе» оканчивается... Но у нас есть старое издание. Вот, том 10, там с «эс» до «у».

Кешка свернул подшивку и взял большую книгу в темном переплете. «Малая советская энциклопедия». Он нашел там статью про тигров, которую не без интереса прочел. Но том заканчивался на Ульяновске.

— А сколько всего томов? — спросил Кешка. Женщина опять отвлеклась от своей книги, но, судя по всему, не сердилась, чего больше всего боялся он. Ей даже наоборот — редкий и интересующийся посетитель был в радость.

— У прошлого издания всего одиннадцать.

— Я вот теперь про наш край хочу посмотреть, — сказал ей Кешка, быстро сообразив, что Хабаровск и Япония будут в одном томе.

Он отдал ей одну книгу и взял другую.

— Молодец какой! Книгами интересуешься, — сказала женщина ласково.

Кешка, не спеша, перевертывал страницы — вот она, Япония! Он пролистал немного вперед: «Ух-ты, как много!» — с радостью подумал он, и стал читать...

Он сидел, не поднимая головы и перечитывая некоторые абзацы по два раза, чтобы лучше запомнить названия, даты, имена, пока к нему не подошла библиотекарь:

— Мальчик, мы сегодня работаем только до обеда. Я сейчас ухожу на перерыв, а потом кружки будут...

— А завтра можно будет придти? — спросил он. — Или послезавтра?

— Конечно же, приходи! — молодая библиотекарь была действительно рада. — Книги — это не только источник знаний и помощник. Это еще и лучший друг.

Женщина говорила по заученному, но вполне искренне.

На следующий день Кешка пришел снова — библиотекарь уже не удивилась, а лишь приветливо улыбнулась. На этот раз он пришел с тетрадкой и карандашом — решил записывать все самое интересное и важное...

...Он стал заходить в клуб почти регулярно. Молодая библиотекарь уже знала, что его зовут Кеша, встречала приветливо, а как-то замети-

ла: «Какой ты серьезный! Другие мальчишки на улице бегают, озорничают, а ты читаешь!»

Она уже разрешала ему самому подходить к полкам, самому выбирать книги, ставить их обратно.

Специальных книг по Японии, правда, он не нашел. Зато были кое-какие справочники, в которых Кешка находил упоминания о Японии, и эти куски читал, а если что-то казалось особенно интересным, то выписывал в свою тетрадку. Особенно понравилась ему хрестоматия «Зарубежная Азия» Королева, в которой целых тридцать страниц было посвящено Японии! Стал он просматривать и газеты. Но в них, если и попадалась информация с указанием «Токио», то она в основном касалась каких-то политических событий, не очень занимающих его. И он все ждал, когда, наконец, в библиотеку поступит том с буквой «я» нового издания МСЭ, который, как говорила Алла Степановна, должен выйти до конца года...

Кешка тоже уже знал, как зовут библиотекаря — он слышал, как к ней обращаются посетители, приходившие в клуб обычно к концу дня. Мужчины в основном брали газеты, просматривали их, иногда что-то выписывали. Женщины приходили взять что-то почитать — Алла Степановна делала какие-то записи на специальных карточках, и они уносили книги домой.

А потом наступил сентябрь, и Кешка пошел в школу. Времени заходить в библиотеку почти не было — с утра занятия, потом домашние задания, погулять с Илюшкой, помочь матери и отцу...

Кешка иногда вечером просматривал свою тетрадку, что-то перечитывал, но уже и так почти все выучил наизусть... Его тянуло рассказать что-то, поделиться своими знаниями, и он дома иногда к месту и не к месту начинал говорить про самураев, про гору Фудзи и древний город Киото. Но родители, если и слушали его, то без особого внимания — хотя отец пару раз и хмыкнул, покачав головой: «Ишь-ты! Откуда только ты это знаешь!?». Они уже забыли про бутылку и едва ли связывали новый интерес сына с находкой. У них были другие заботы — работа, хлопоты по дому, маленький Илюшка, который требовал гораздо больше внимания...

А друзьям-мальчишкам он и подавно ничего не рассказывал — знал, что это не только едва ли им будет интересно, но они еще и на смех его поднимут...

В свободное время он оставался наедине с собой...

И своими мечтами и мыслями...

Зима пришла быстро. Алла Степановна, одетая по-городскому, но в валенках и в полушубке, встречала Кешку, как всегда, приветливо, иногда даже предлагала ему чай с сушками, и они сидели вдвоем за столиком в залитой желтым светом комнате...

Алла Степановна привыкла к мальчику и совсем не удивлялась уже его интересу к чтению... Сама была такая же — правда, ее занимала художественная литература...

Она была тактична и не спрашивала ничего у Кешки, но, увидев однажды, что он читает что-то о Японии, предложила принести из дома «Индийские впечатления и японские заметки» Эренбурга.

— Знаешь, кто такой, Эренбург? — спросила она.

Кешка, конечно, не знал.

— Вот принесу, прочитаешь — узнаешь...

Но ему был интересен не автор, каким бы знаменитым он ни был. Ему важна была страна, о которой тот писал.

Книжечка оказалась небольшой, а о Японии в ней было всего страниц тридцать-сорок. Но, главное, в ней были не сухие статистические данные, а живые впечатления. Кешка прочел все за один вечер.

А как-то весной, когда географичка в школе вызвала его к карте и после Гренландии и Мадагаскара попросила показать Японские острова, он стал называть отдельно Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку, Внутреннее море, проливы Цугару, Лаперуза...

Он бы еще говорил, но географичка его прервала:

— Молодец! Садись. Вот когда Японию будем проходить, тогда все это покажешь...

Но Кешке не нужна была похвала. Ему просто хотелось рассказать то, что он знал — а тут такой повод был! И — не удалось...

Весной пришел и последний том новой Малой Советской Энциклопедии — с буквой «я». Там он нашел сведения по истории последних десятилетий, чего не было в старом издании, и, конечно, много чего о современном положении. Кешке было особенно приятно то, что он первым — это он знал наверняка, Алла Степановна так сказала! — листал и читал эти страницы.

А дома он по-прежнему время от времени вынимал старый дедовский атлас, смотрел на карту Японии, и думал: «Вот до нее всего несколько сот километров — он как-то взял линейку, сверился с масштабом и просчитал. — Конечно, не совсем рядом. Но до Москвы в десять раз больше! Значит, если сравнивать, все-таки очень близко...» И когда он теперь уже столько знал об этой стране, она казалась знакомой, но не становилась ближе, осязаемой, оставаясь какой-то иллюзорно вол-

шебной. Он хотел, пытался, делал все возможное, но дотянуться не мог...

Как-то летом отец собрался по делам в Хабаровск. Кешка упросил его взять с собой.

Он увидел широченный Амур, проехался на трамвае, а почти все те семьдесят копеек («Семь рублей старыми!»), что ему дала с собой мама — на мороженное, газировку, пирожки и все развлечения — он заплатил за книжку, которую увидел в киоске, «Что мы видели в Японии», только что вышедшую во Владивостоке. Отец недовольно сказал: «И на черта она тебе!», но мороженное все равно купил. Кешка, не раскрывая, таскал ее с собой весь день и лишь на вокзале, когда они сидели в ожидании обратного поезда, стал листать.

Лавки на вокзале были огромные, с мощными спинками, на которых были вырезаны скрещенные молоток, французский ключ и буквы «МПС», а на стенах висели картины с изображением станций, путевых работников, один из которых, пожилой, с усами, был очень похож на деда.

В книжке, как оказалось, в основном речь шла о рыболовстве, но Кешка все равно был рад приобретению и стал ее внимательно читать...

В том же году Кешка узнал, что из Находки в Йокогаму открыли теплоходную линию. И пассажиры, прибывающие морем из Японии, пересаживались на поезд, который, минуя Владивосток, доставлял их прямо в Хабаровск. Об этом написали и «Тихоокеанская звезда», и «Гудок». И этот поезд пробегал мимо их полустанка...

Кешка, когда была возможность, выходил к путям и смотрел на притормаживающий, но не останавливавшийся поезд, на вагоны, в которых многие ехали из Японии. У него было странное ощущение: это были вроде обычные пассажиры, но они несли с собой частицу страны — и она, эта частица, хоть и на какие-то секунды была совсем рядом.

Иногда Кешка брал с собой Илюшку. Того было не удивить поездами — он их видел по несколько раз в день, и старший брат, чтобы занять его, рассказывал ему про доблестных самураев, женщин в кимоно, про ворота тории, вулканы, разрушенные города Хиросиму и Нагасаки...

В библиотеке он появлялся теперь не так часто, как раньше — все, что могло его там заинтересовать, он уже прочел, и теперь заходил один-два раза в неделю полистать газеты. Он все меньше общался со своими друзьями: их не интересовало то, что увлекало Кешку, они, да-

же если бы захотели, едва ли поняли его, а ему все меньше нравились их привычные забавы. Конечно, то, что он ходил в библиотеку, вскоре для его друзей перестало быть секретом — в маленьком поселке все обо всех все знали. Андрюха и остальные приятели посмеивались над этой странностью Кешки, но, одновременно, и уважали его. Он оставался одним из них, просто был другим, стараясь этого никак не подчеркивать, наоборот — даже скрывать.

Дома, как-то вечером, думая, что Кешка ее не слышит, мать сказала отцу:

— Смотри, как он посерьезнел в последнее время...

— Ну, взрослеет... — только ответил тот... А что он мог сказать? Учился Кешка неплохо, по дому всегда помогал, ни в какие неприятности не попадал, младшего братика опекал — что еще от него можно было требовать, чем быть недовольным?

За несколько месяцев до начала Олимпийских игр в Токио, географичка как-то обратилась к классу:

— Советская сборная, наши спортсмены собираются в Японию. Вся наша страна будет следить за их выступлениями, за их успехами, болеть за них. Едут они в новую, незнакомую страну. И, конечно, внимание советских людей будет приковано к Японии. Мы решили, что и мы не должны оставаться в стороне. Я думаю, будет правильно, если мы как-то лучше узнаем о стране, куда отправляются наши спортсмены. Правильно?

В классе послышался одобрителный гул.

— Вот, надо будет подготовить доклад о Японии... И, думаю, это мы поручим Иннокентию... Я ведь помню, как он нам про Японские острова рассказывал...

Кешка обрадовался, но и удивился: как она все помнит!? В классе тоже все обрадовались — что не им поручили делать доклад...

А географичка продолжала:

— Ну, конечно, тут не только про острова надо будет рассказать. А и об истории немного, культуре, традициях... — сможешь? — Кешка закивал. — А ваша классная руководительница, Зоя Михайловна, выберет еще кого-то, кто доклад про наших спортсменов сделает. Так мы посвоему подготовимся к Олимпийским играм... Ну, что, Иннокентий?

У него было редкое имя, и в отличие от других учеников, его не называли по фамилии. Да и приятели, у которых у всех были прозвища, тоже всегда звали его Кешкой, ну, или Кехой...

Он закивал — его не нужно было уговаривать...

Как-то вечером, спустя недели три, в дом постучали. Мать открыла дверь. На пороге стояла Зоя Михайловна. Она никогда прежде не заходила к ним, и мать явно удивилась: что такое могло случиться в школе, что вдруг классная пришла?

Она пригласила Зою Михайловну в дом и бросила вопросительно-встревоженный взгляд на Кешку.

— Что это он там натворил?

— Да он обрадовал и удивил нас всех! Вы не волнуйтесь, хочу похвалить вашего сына.

Мать расслабилась, успокоилась, но по-прежнему была явно удивлена.

А классная продолжала:

— Он такое прекрасное сообщение сделал на уроке географии по Японии! Просили минут на пятнадцать подготовить доклад, а он почти весь урок говорил! И все сидели, слушали... А ведь знаете, какие у нас ребята, у преподавателей не всегда получается их во внимание все сорок пять минут держать... Мы даже бумагу составили — при слове «бумага» мать опять посерьезнела — в РАО отправили. Для отчета... А тут нам сегодня оттуда позвонили, сказали, что для района выступления готовить будут... Просили, чтобы мы вашего Иннокентия туда отправили, ну, с ним, конечно, кто-то из школы поедет... Отпустите?

Мать посомневалась, повздыхала — ведь самое время в огороде помогать! Но потом согласилась.

Кешка с директрисой школы съездил в райцентр, привез оттуда грамоту РАО, на некоторое время стал героем, и ребята, завидев его, кричали «наш японец»!... Это прозвище, впервые полученное Кешкой, звучало не обидно, а даже немного почтительно... Но оно прицепилось к нему ненадолго. И вскоре его жизнь вернулась в прежнее русло...

Кешка повзрослел. Они с мальчишками по-мужски стали здороваться за руку. Изменились и их развлечения, кто-то из одноклассников начал покуривать, делая это, конечно, тайком, но как можно более смачно, утрированно копируя взрослых. Но не Кешка. Он по-прежнему помогал матери по дому, в выходные — отцу, со всякими хозяйственными делами, с Илюшкой, который уже тоже пошел в школу, если надо, делал с ним уроки...

Но, когда выкраивалось время, ходил к железнодорожной насыпи и смотрел на пробежавший мимо поезд «Находка — Хабаровск». Если он притормаживал на их разъезде, он мог иногда даже увидеть лица в окнах. Он будто на мгновения соприкасался с ними, а, значит, как ему ка-

залось, и с Японией. Страна, близкая и в то же время недостижимо далекая, в эти мгновения была почти осязаемо рядом...

В старших классах Кешка стал задумываться о том, что будет, когда он окончит школу. Ему приходили в голову мысли об учебе, такой, которая бы, может, открыла ему путь в Японию.

От кого-то он слышал, что можно податься в мореходку, а там, если повезет, не только Японию, весь мир увидит... Но суда, моря, не слишком интересовали его, а учиться, заниматься нелюбимым делом в надежде на то, что когда-то, может быть...

Географичка как-то заметила:

— Ну, ты, Иннокентий, конечно, на геофак поступать будешь...

Он пожал плечами. Из вежливости. Получать хорошие отметки по географии вовсе не означает, что ты всю жизнь собираешься ей заниматься. К тому же познания в географии у него шли как приложение к познаниям о Японии.

Вообще, многие преподаватели говорили, что Кешке, после школы, «надо в Хабаровск, Владивосток учиться»...

А Алла Степановна, как-то сказала ему: «Раз у тебя такой интерес, такие познания, я бы на твоём месте в Москву попробовала бы поступать. Там есть институт при университете, где восточные языки учат. Там и японский преподают»...

Кешка загорелся, было, спросил даже у библиотекарши, что за институт, что туда сдавать нужно... Но потом потерял интерес. Узнал, что кроме прочего, туда нужно сдавать иностранный — а какой у них иностранный был? Начинали с немецкого, потом училка ушла, стали преподавать английский... У него была твердая четверка, но кроме «Хау ду ю ду?» и «Май нейм из Кеша» он мог еще составить, наскребя из своих познаний, лишь пару фраз.

И Москва — это ведь не только неделя пути. Лишних денег, чтобы оплатить дорогу, да и жить там какое-то время, в семье не было. А лишних он бы никогда не решился попросить...

Но главное — то, о чем он специально не думал, что специально не взвешивал, но что подспудно сидело в нем, то, в чем он не отдавал себе отчета и в чем едва ли бы когда признался — он очень боялся, если даже вдруг все получится, он поступит в Институт восточных языков или в мореходку, и когда-то — наконец — увидит ту страну, которой он грезил уже столько лет, не будет ли его ждать разочарование? Он за прошедшие годы создал себе образ, который очень боялся разрушить — столкнувшись с реальностью...

А пока реальностью для него была та красивая бутылка и проезжавшие мимо, без остановки, поезда.

В последний школьный год Кешка не без удивления вдруг заметил, что многие его одноклассники, раньше вроде троечники и вообще ребята без каких-то интересов, увлечений и планов, как-то посолиднели: оказалось, что Мишка собирается в лесотехнический, Серега в военное училище будет поступать, а друг Андрюха стал секретарем комсомольской организации и по этой линии намеревается двигаться. И все так уверенно это говорили и планировали, что не было у Кешки даже сомнения, что у них все получится.

Кто-то, конечно, строил менее амбициозные планы — в леспромохоз, на базу, на станцию работать собирались идти, но тоже как-то солидно, уверенно об этом рассказывали — и какой график, и какая зарплата будет...

После выпускных экзаменов Кешка пошел к отцу — в бригаду путейцев. Тот и раньше иногда брал с собой сына на смену, и он уже многому научился, многое знал. Так что теперь — уже официально — он пришел в знакомый коллектив на знакомое дело. Нельзя сказать, чтобы Кешке оно очень нравилось: работа как работа, одно было хорошо — он видел пользу от своего труда, ответственного и довольно тяжелого. Но в бригаде к нему все относились по-отцовски, когда надо — помогали, особенно сложных заданий не давали, как и где могли — опекали... А дед, который уже стал совсем старым и, наконец, вышел на пенсию, даже гордился внуком — хоть и очень редко говорил об этом вслух: вот, третье поколение наших на железной дороге работает!

Вернувшись из армии, Кешка снова пошел в путейцы. Дед, пока его не было дома, умер. Близких друзей почти не осталось. Сергей учился в Хабаровске, Андрей, покрутившись в поселке недолго после возвращения из армии, перебрался в райцентр, где быстро стал каким-то комсомольским начальником. Многие успели пожениться и выйти замуж — и у них были уже свои, семейные дела...

В армию Кешка уходил без особых эмоций. Ему не очень нравилась вся эта армейская романтика, тем более жизнь по уставу, с беспрекословным подчинением начальству и муштрой. Он просто воспринимал это как неизбежность, через которую нужно пройти. А вернувшись домой, даже не думал, как многие его сослуживцы, красоваться в «дем-

бельской форме» — он убрал свою х/б в шкаф и надевал ее лишь иногда, как рабочую одежду.

Илюшка вырос, стал тоже уже парнем, а не мальчишкой. Отец купил транзисторный приемник, и Илюшка вечерами — иногда один, иногда с компанией сверстников — выходил на окраину поселка и слушал музыку: не только «Юность» и «Маяк», но и зарубежные станции, которые через хрипы и помехи прорывались со своими передачами.

В армии Кешка научился курить и выпивать. Но ему не нравилось выпивать в компании — с почти обязательным ритуалом в виде разговоров про «баб» или футбол, анекдотов, воспоминаний об армейской службе, а иногда и пьяных разборок.

В выходной он покупал поллитровку, заходил домой, вынимал из тумбочки бутылку с желтой этикеткой, граненую под черепашковый панцирь, переливал в нее водку и шел к откосу у железнодорожных путей.

Иногда он звал с собой младшего брата — тот ходил с отцовским транзистором и, сидя на пригорке рядом с Кешкой, слушал музыку. Потом он стал увязываться с ним регулярно — Кешка не знал, что это мать говорила Илюшке: «Пойди, присмотри за ним».

Кешка глядел на пробежавший мимо них поезд «Находка — Хабаровск», который теперь стал называться «Восток», и отхлебывал из горлышка, не закусывая...

В этот раз на выходе с разъезда, видимо, был красный, и, когда светофор переключился, поезд только начинал набирать скорость, медленно проплывая перед глазами братьев. Кешка, как всегда, смотрел на окна — сейчас пассажиров за стеклами можно было рассмотреть особенно хорошо. И глядя на удаляющиеся красные огоньки последнего вагона, Кешка снова отхлебнул из горлышка.

Илюшка встал, потянул брата за рукав:

— Не надо больше, Кеш. Пошли...

Георгий Кулишкин

Харьков

СЧАСТЬЕ

Сергею Потимкову

Котёнком она угодила под велосипедное колесо. Переломы в крестце и правой задней лапке срослись так, как срослись, и с той поры искалеченную, вытянутую в струнку и неподвижную ножку она носила подмышкой передней лапы, как копыеносец копыё.

Хозяин, с которым она и собачка Чуха привольно проживали в роскошном своими заваленными хламом углами и пристенками, давным-давно не прибираемом и оттого несказанно милом для них с Чухой доме, кормил, чем придётся, как и себя. Сидя на кровати поверх брошенного на одеяло старого пальто, задубелого от древности, свалывшегося с ватюю подбоя в некое подобие коржа, на котором сверху в дополнение к слоям копилась её и Чухи шерстинки, он подолгу отрешённо гладил своих животинку и, затруднённо, с присвистом вдыхая и выдыхая, плакал, не кривя лицо и не мешая стекать по нему слезам. Пятнаша бывала невыразимо счастлива в такие минуты и думала, что слёзы у людей сопутствуют наивысшей благодати.

Потом они долго не ели — и он, и они. И мёрзли, потому что он не поднимался топить. Грелись дружка о дружку и у его спины.

Когда спина перестала давать тепло, Чуха выбежала на двор и, задрвав острую морду, завывала, перемежая тонкие и низкие звуки. Это был крик такого горя, что Пятнаша ясно почувствовала, как что-то большое оторвалось от её души и рухнуло куда-то безвозвратно.

Возникли люди. Хозяина в той же застывшей позе, на боку, переместили на ударяющую ядовитыми запахами переносную лежанку с откидными лапами на колёсах и унесли, отворачивая лица от него, упрянтанного под одеяло.

По двору, по милым её сердцу завалам в доме, таким богатым, так сладко пахнущим старинной пылью, хмурым распорядителем похаживал кругленький, быстрый в движениях человек в голубовато-серой одежде из шерсти и с выпуклыми звёздами на плечах. За ним не поспевала тоже полноватая, но вялая, нерасторопная женщина с обмотанными широкими лентами отёчными ногами.

Чуть в стороне от них держалась молоденькая худышка в дутой белой курточке и с глазами, заполненными какой-то давней, не подлежащей прощению провинностью. Угадывалось, что вина эта во многом исходит из-за присутствия, а может, и самого существования ребёнка — девочки, ступающей на неумелых ещё ножках и оберегаемой готовыми подхватить руками провинившейся навсегда девочки-мамы, которая, чтобы занять себя и ребёнка, учила маленькую гладить кошечку и собачку, с наставлением называя:

— Пятнаша, Пятнаша! Чуха, Чуха!

Оказавшийся вовсе не строгим новый хозяин наведывался, принося покусать. Говорил приветливо, но торопливо, и убегал. И не касался их с Чухой руками.

Потом непоправимо когда-то оступившаяся девочка-мама привела худого сутулого субъекта с искривлённым, всех презиравшим ртом. Пинками Пятнашу и Чуху он выпроводил из жилища и свалил под стеною кособокого сараюшки, где хранились ящики для топки, большую часть добра, заполнявшего прежде дом. В числе прочего там очутилось и пальто, пахнущее прежним счастьем и снова приютившее их.

Малышка, которую в первый приход не отпускала от себя мама-девочка, не появлялась. Говорили в доме редко. Иногда раздавались лающие выкрики худого — такие же, какими он сопровождал пинки, выгоняя их с Чухой. И мама-девочка, пряча глаза, уходила из двора. Возвращалась она вечером или на другой день с сумками, от которых исходил волшебный дух снеди.

Он же не покидал места обитания, обнесённого изгородью из спинок старых кроватей, прутков, кольев и перержавевшей в труху проволоки. Кашляя и отхаркиваясь, он возродил огород, которого ни Чухе, ни Пятнаше ещё не приходилось видеть вскопанным. Вскоре там проклюнулись посеы. Орудя дрючком, он раз и навсегда отвадил приближаться к ним собаку и кошку.

Посаженное буйно прибавляло в росте. Он опускался на корточки, роняя голову мимо шишковатых коленей, прижимавших уши, и часами не сводил светящихся голодом глаз с остроконечных листьев.

Случалось, налетал, как вихрь, тот кругленький подвижный и незлой, носивший на плечах звёзды. Упрашивая и грозя, он кричал что-то девочке-маме, повелительно указывая на калитку и с горьким отчаянием на дом, в котором отсиживался худой. Ещё, с ужасом и скорбью подрагивая протянутыми по направлению к огороду руками, он тряс готовым разрыдаться лицом и снова умолял, жестами выманивая её вон из этого двора.

А вскоре кругленький появился, чтобы встретить у калитки высокого, грузноватого и неторопливого, который, побряхтывая, выбрался из большой серебристой машины и, подавая кругленькому руку, осветился вдруг такой улыбкой, что Пятнаша и Чуха, наблюдавшие через щели в лицевом, на улицу, заборе, тут же прониклись к нему наиплейшей симпатией.

Не осмеливаясь подходить близко, они сопровождали хозяина и гостя, приглашённого осмотреть владения. Показывая на огород, где поросль, богатая разлапистой листвой, вымахала, доставая кругленькому до подмышек, и на дом, он, судя по голосу и жестам, говорил о ненавистном для него приживале, а когда опускал ладонь ближе к земле, становилось ясно, что речь о ребёнке и о девочке-маме. Его размашистые жесты и полные отчаяния слова излагали пришедшему то, о чём Пятнаша и Чуха давно уже знали: что тому, нагло засевшему в доме, нужен только этот двор с огородом, крыша над головой и сумки, приносимые мамой-девочкой.

Дальнейшие откровения, как поняла Пятнаша, сводились к тому, что если у него, у кругленького, не будет больше этого трижды проклятого владения, то тот, паразитом присосавшийся к его дочери, сразу же бросит маму-девочку, чем избавит её от гибели, которой никак не миновать, останься она с ним.

Гость выказывал сочувствие и сметливую расположенность к искренности, чем-то очень выгодной для него. Вскоре они к обоюдному удовольствию ударили по рукам, чем убедили внимательно наблюдавших за ними дворовых питомцев в неизбежности новых и очень значительных перемен.

Когда незлобиво урчащая серебристая машина подкатила через несколько дней к воротам, которые Пятнаше ещё ни разу не доводилось видеть отворёнными, и тот, большой и неторопливый, перенёс через калитку руку, чтобы откинуть крючок, сердечко Пятнаши вдруг замерло, спружинилось и — ударило, затрепетало, сообщая о появлении нового их с Чухой владельца.

Войдя, он встретился с ней глазами и присел, подзывая. Пятнаша оглянулась на Чуху, и вместе, робея, но и очень желая доброго знакомства, они, крадучись, стали приближаться, загодя выказывая полнейшее расположение: она — подрагиванием ушек и прикрыванием улыбающихся глаз, а Чуха — отплясыванием хвоста. Каждой из них он отдал по руке, щекоча и поерошивая их затылки. И вдруг хмыкнул, пожурив себя, и, воротясь в машину, нетерпеливо завёл её и отъехал.

Возвратился со свёртком, запах от которого перепрыгнул забор раньше, чем отворилась калитка, и заставил фонтанчиками прыснуть слюнки на их языки. Мягкая розовая колбаса, только что рассечённая на ломти и истекающая дурманящим ароматом, едва не выпадала из раскрытого пакета.

Поданный ей кругляш Пятнаша приняла со всей возможной деликатностью и не знала, как приличнее поступить — кушать ли здесь или удалиться с подношением и где-нибудь в зарослях, либо в пещерке под сваленным у сарая скарбом первого хозяина, без свидетелей предаться упоительному обжорству. Чуха тоже старательно изображала воспитанность, но ломоть, который, казалось бы, никак не мог уместиться целиком у неё в пасти, вдруг, ни разу не укушенный, сам собою скользнул и проглотился. Второй ломоть в мгновение ока постигла та же участь, после чего Пятнаша, попрыгивая на одной толчковой лапке, проворно отнесла своё в травяной кустик, чтобы вернуться за добавкой.

Вызванный из жилища девочкой-мамой, худой залаял, ещё находясь за дверью. Но, натолкнувшись взглядом на нового владельца, прикусил язык.

Пришедший произнёс несколько слов — негромко и без нажима. Скрюченный злобно оскалился, но заговорил вдруг просительно, с трудом подбирая непривычные слова. Чаще всего звучало слово «имущество», за которое он ухватился как за нечто спасительное.

— Имущество! — тыкал он оттопыренным большим пальцем себе за спину, подразумевая нечто, что могло находиться в жилище.

Новый владелец, в котором Пятнаша и Чуха с торжеством успевших влюбиться признали теперь человеческого вожака, насмешливо покосился на огород, давая знать, что понимает, о каком имуществе речь, и снисходительно ответил что-то, воспринятое Пятнашей как нежелание начинать хорошее дело недобрыми действиями. Он позволил худому — и это подтвердилось трёхдневными хлопотами во дворе — забрать всё, что тот считает своим, и дал на это время.

Затем перемены, стремительно следуя одна за одной, заставили забыть и злюку худого, и выстриженный им под корешки огород, и старый их дом, который был размётан исполинской машиной, угрозисто рычащей и выдыхающей нечто ядовитое и удушливое, и даже пальто, некогда служившее приютом, а теперь подхваченное зубастой челюстью машины и закинутое в кузов машины другой — увозящей обломки того, что составляло былую их жизнь.

Они переселились под привезённую во двор времянку на железных полозьях и вскоре стали отсвечивать тем лоском благополучия, кото-

рый неизменно возникает у дворовой живности при достатке и разнообразии еды с прибавкой щедрых проявлений человеческой любви. Приходящие во времянку люди с охотой делились своими обедами и полдниками, а отдыхая от трудов по возведению нелепо грандиозного и тем заранее неприветливого для Чухи с Пятнашей жилища, неизменно подзывали их, чтобы говорить слова приятельства и ласкать. В одном из них — в том, что так ловко выкладывал из кирпича стены, вырастающие на глазах, Пятнаша угадала родственное: у него болела спина. Наскоро перекусив за обедом, он, постанывая, распрямлял её, вытягиваясь на двери, оставшейся от сломанного дома и уложенной наискось на подставку из кирпичей. Тогда Пятнаша, так понимавшая его и ясно чувствующая, что своим касанием и теплом своего тельца способна дать облегчение, неловкими скачками взбиралась на его жёсткую лежанку, принакая сбоку к месту его боли, либо, когда осмелела, — укладываясь на впалый живот.

В ответ он, приласкав, оставлял свою сухую от едкой цементной пыли ладонь на её изломанной спинке или забирал в горсть, согревая её негнущуюся, всегда мёрзнущую и ледяную в прикосновении лапку.

Сомлев от взаимности любви и сострадания, она забывала обо всём на свете, вся превращаясь в молящее желание — чтобы это длилось и длилось, не заканчиваясь никогда.

Встречая в глазах Чухи полное согласие тому, что чувствовала сама, Пятнаша мало-помалу уверовала в окончательно утвердившееся их счастье, и в это как раз время двор посетила девочка-мама с уже уверенно ступающей бойкими ножками дочкой. Поздоровавшись со строителями и сказав о себе, она скользнула печальным взглядом по изменившемуся неузнаваемо участку, по следам сноса на месте бывшего домика и сарая. И была рада увидеть робко выходящих навстречу четвероногих старожиллов.

— Помнишь? — говорила она, присев и глядя, как когда-то, зверят и повторяя для ребёнка их имена.

Малышка таращилась на Пятнашу влюблёнными пуговками-глазёнками и под конец проведывания прежних мест ударились в безутешные слёзы. Она ни за что не хотела расстаться с кошечкой — чистенькой, очень скромной и тоже привязавшейся к ней за недолгие минуты свидания. В конце концов, девочка-мама взяла Пятнашу на руки и, посылая строителям взгляды, полные сознания того, что делает она что-то очень доброе, но и просившие извинить за то, что отнимает это искалеченное, зато такое милое создание. Испуганную тем, что её забира-

ют, не знающую, радоваться или горевать, она уносила Пятнашу на руках и время от времени опускала, давая дотронуться до неё ребёнку, который не сводил глаз с нового существа, взятого для него и ему теперь принадлежащего.

По лестнице, где толпились запахи разного возраста людей а также внушивший чувство опасности дух большой недоброй собаки и пробудивший ревность пряный след двух кошек, они поднимались выше и выше, пока не добрались до двери, обитой пухлым и тёмным, и от девочки-мамы, достающей ключи, пахло волнением и робостью.

За дверью, когда вошли, воздух заполняли ароматы съестного, но было отталкивающе чисто — так чисто, что Пятнаша почувствовала себя непреодолимо чужой этому месту.

Всё явственнее источая волнение, девочка-мама сделала несколько шагов к пространству, откуда пахло едой, и опустила, наконец, Пятнашу перед женщиной с забинтованными ногами.

Не смея поднять взгляд выше ног в распыленных, будто бы тоже распухших тапках, Пятнаша угадывала спиной возникшее там, вверху, неприязненное недоумение. А слово «хромэня», сказанное явно о ней, упало, словно что-то имеющее тяжесть, способное пригнетать. Девочка-мама оправдывалась, ссылаясь на маленькую и зная, что желание маленькой сильнее нежелания и недовольства старшей.

Из коридора заглянул тот подвижный и круглый, который теперь, без одежды со звёздами, увиделся неказистым и немощным. Он горестно причмокнул губами, скривился и, ругательно и обречённо махнув рукой с дряблым, покатым плечом, удалился.

С тяготой в движениях старшая поставила перед Пятнашей блюдо и плеснула туда чего-то белого, пахнущего вкусно и сытно. Нежеланная гостя поняла, что это угощение, означающее, что её, хоть и скрепя сердце, но берут в дом, и которое следует с благодарностью принять. Она склонилась, чтобы со всей возможной учтивостью и самым откровенным удовольствием лизнуть незнакомую или, возможно, забытую жидкость. А ощутив вкус, лакала уже не напоказ, — пила и не могла оторваться. Ей прибавили — она управилась с прибавкой, как и с ещё одной, вылизав блюдо досуха.

Потом ею захотели развлечься. На игры и ласки маленькой она откликалась, но с опасливой осторожностью — дичась царившей повсюду чистоты.

А ночью, когда все спали, разойдясь по своим углам, её стал всё настойчивее тревожить переполненный животик, освободить который всегда было так просто там, где она жила, и совершенно немислимо,

дико и преступно — здесь. Доковыляв до входной двери, за которой была лестница и спасительный при нужде двор, она скукожилась, перебивая позывы. Вскрикнуть, попросить, чтобы выпустили, ей не хватало храбрости. Она не чувствовала себя вправе подать голос. Такую неуместную в этот час прихоть организма она силилась перетерпеть, переждать, как угодно помучившись, но никого не потревожив. Отчаявшись удержаться, она беззвучно кричала мимо голосовых связок.

Но вот напиравшее изнутри немного утихомирилось, стало терпимым. Надежда дотянуть до утра показалась не такой уж несбыточной, и она прилегла, мечтая уснуть. И задремала, тревожимая нечастыми звуками подъезда.

Очнулась от нового приступа, страшной резью проткнувшего живот. Усилия удержаться оказались тщетными перед накатившей теперь волной. Её прорвало. Из неё хлынуло неудержимо. И под благодатное чувство облегчения она ощутила муку существования, совершившего нечто убийственно постыдное и непрощаемое.

Смрад того, что из неё исторглось, ринулся на захват запертого дверью пространства. От него не было спасения, как не было спасения от стыда и осознания катастрофы, постигшей её. Чувство вины, терзающее душу, и ожидание страшной расплаты не позволили сомкнуть глаз до самого утра.

Началось сладостно-мстительным восклицанием забинтованной:

— Я так и знала! Так я и знала!

На возглас выглянула и скривилась от вони девочка-мама.

— Где эта гадина?! — крикнула ей старшая.

«Гадина» в шаге от происходящего вжималась в уголок за полкой с обувью.

Отданная дрожащими руками девочки-мамы в руки старшей, Пятнаша, не успев опомниться, очутилась над оставленной ею кучкой и, больно тыкаясь в твердь пола, несколько раз была сунута мордочкой в мерзкое.

— На двор! — приказала старшая, и девочка-мама, накинув плащ, понесла за ущемлённый загривок в вытянутой на отлёт руке и с повернутым в сторону лицом.

Внизу бросила на затоптанную травянистость у бордюра и отступила, чтобы не слышать запаха.

— Где ты её откопала? — осведомилась соседка, ни свет ни заря занимавшая лавочку.

— А вам-то что, тётъ Люся?! — вспылила и без того взвинченная девочка-мама.

— А то у нас своего горя мало — на это ещё глядеть!

Выбитая из колеи тем, как была наказана, она просидела на улице без движения, не сообразив, что надо бы умыться. А дома снова прижалась в уголке за полкой с обувью и машинально лизнула лапу, провела по ссохшемуся возле усов. С новой силой ожил запах, заставив замереть и съёжиться от понимания, как она отвратительна, и насколько невозможно её присутствие здесь.

Заспанная маленькая вышла из комнаты, шаркая и погрюкивая маминами пантолетами, просияла, завидя свою живую игрушку, приблизилась, протягивая ручку, но вдруг отшатнулась, скривившись, и с громкими звуками рвотного позыва метнулась на кухню, к бабушке.

Готовая защищать собственным телом, старшая вырвалась в коридор и, налетев на девочку-мату, прокричала:

— Ты опять её сюда?!

— А куда же мне её? — слёзно взмолилась та.

— Где брала, туда и неси!

Сквозь узенький просвет в едва приотворённой калитке её вбросили во двор и, спешно прикрыв, исчезли. Что-то помешало ей порадоваться родному двору, что-то подтолкнуло спрятаться от всех, кого тут можно встретить. В сорных зарослях подле тропки, упиравшейся в калитку, она, ни о чём не думая, смывала с себя следы испробованной домашней жизни. Ей было страшно покидать это своё укрытие, и объяснением страху вдруг вскрылось опасение, что её, не принятую там, могут теперь отвергнуть и здесь. Что её изгнание оттуда откроет глаза на её убожество и всем здешним. И тогда... Она не представляла конкретных реалий этого «тогда», но ощущала как непоправимую, окончательную беду.

Чуха учуяла её появление и, раздвинув заострённой мордой затвердевшие травяные стебли, уставилась глаза в глаза. В её взгляде потанцовывала радость, связанная с возвращением близкого существа, но и светилась мстительная смешинка — отголосок ревности к избранной накануне. Однако играть подолгу в гляделки Чуха не умела. Лизнув в нос, она завалилась набок, раскрывая лапы для объятий, которые так часто практиковались у них в былом общении. Обхватывая шею собачки, Пятнаша упала к ней в лапы, прижавшись щёчкой к щеке. Но не ощутила уже той простоты, той незатейливой нежности, какую чувствовала всегда, обнимаясь с подругой. Ничем не подтверждаемые, её преследовали подозрения в неискренности Чухи. Почему-то не вери-

лось, что всё может быть по-старому, что её, теперь узнавную о своём уродстве, кто-то может любить без притворства.

С недобрим пониманием кивнув тройным кивком, каменщик, её родственная душа, отметил возвращение Пятнаши одним словом:

— Прогнали...

И она, боясь, как кары небесной, что и он вдруг отмахнётся, не рискнула скакнуть на косую лежанку, где он распрямил в перерыв спину. Ей так хотелось утишить своим теплом остроту его хвори и согреться самой от его руки, но страх оказаться отвергнутой был несравнимо сильнее.

К концу осени взгромоздился покрытый кровлею остов нового дома, и уехали строители. Промозглую сырость потеснили холода. Повинуясь данным ей от рождения знаниям, под времянкой, где было сухо, собака вырыла нору. Вдвоём там удавалось согреться и убаюкать, засыпая, лапку, которую в ответ на стынь дёргали, выкручивали, ломали и томили неутихающие боли.

Не забывая их кормить, приезжал хозяин. Случалось, он отворял временные двери, приглашая в насквозь замороженный дом. Там, фантазируя, оглядывал помещение за помещением, по лестничным маршам без перил поднимался на этажи. Чуха, сторонясь провалов, пугающих высотой, следовала за ним. Пятнаше стоило труда одолевать черновые, пахнущие, как и руки каменщика, цементом ступени. Подтягиваясь на передних, уже поставленных на плоскость, которая выше, она выталкивала себя единственной рабочей задней. Старательно приготовившись, повторяла рывок к новому уровню, отставая, но всё же ступая за всеми.

Иногда он растапливал сложенный начерно большущий камин. На разгоревшиеся поленья любил уложить две-три неколотые чурки, нарезанные из стволов. Они горели подолгу, а он сидел и сидел на грубо сколоченной рабочей подставке. Чуха спиной к огню усаживалась у его колен. Жаркие лучи так припекали, что от её шерсти начинало струиться марево. Отчаянно карабкаясь, Пятнаша взбиралась на подставку к рукам хозяина. Не отводя взгляда от переменчивого пламени, он мог рассеянно погладить её. Тогда в приливе нежности она начинала умывать Чуху, голова которой покоилась на верхней плоскости той же подставки. Со старанием и чувствуя вкусное, слизывала солёные козявочки в уголках её глаз. И запасалась, запасалась теплом.

Напоминая о ветре снаружи, лопотала мутно-прозрачная плёнка в проёмах окон, а тут был жар огня, забытая хозяином рука на её спинке и нежность, изливаемая на подругу.

Когда зима подраскисла и увлажнилась, Чуха впервые исчезла из двора. Невесть где проваландавшись день деньской, она заявила в их норку истомлённой и в целом облаке новых запахов. Разило слюнявыми лобызаниями множества ухажёров и чем-то волнующе пресным, оставленным ими в ней. Пятнаша воротила нос, испытывая брезгливое презрение к гулёной подруге, ни с того ни с сего пустившейся во все тяжкие. Но вскоре и сама ощутила доселе неведомое ей смятение. Глубокой ночью её повлекло вдруг вон из норки на простор, освещённый большущей, спустившейся низко-пренизко луной. Мимо рытвин и отвалов остановленной в холода стройки она пробралась в окраину уцелевшего сада и неожиданно застыла, затаив дыхание. Ослепляя салатovým светом, на неё в упор глядели безумные глаза.

— Ы-ы-ы! — прерывисто и низко выдал кот, мягко шагнув навстречу, но замер и насторожился.

Со стороны её зажатой в подмышку лапки, словно на охоте, крался, мерцая очами, кот второй. Самым противным голосом он вскрикнул, запугивая соперника, но смолк, разглядев её сломленную фигурку. Затем прошёлся, разглядывая подробнее, и отступил, позволив приблизиться тому, который встретился первым. С бессмысленным, одичалым пламенем в глазах тот двинулся, обминая её с уцелевшей, не искалеченной стороны, и напевая своё истощное «ы-ы-ы». И смолк. То было знаком, что и он увидел, как она изломана.

Второй сидел, готовый задираться в случае проявления первым любовных претензий. Но таковых не последовало.

Через минуту, косясь неприязненно один на другого и держа дистанцию, они отступили к дырявой изгороди из останков кроватей и просочились сквозь неё.

Там, не сразу за границей места, которое Пятнаша считала своим и никогда по собственному почину не покидала, а где-то в отдалении, но пронзительно и ясно раздался вопль отысканного счастья. И был заглушен, смят воплем вторым, с ничуть не меньшим правом претендующим на счастье.

Забыв обо всём, не шевелясь и чуть дыша, ночь напролёт она слушала боевые и любовные песни. И звуки сражения. И звуки чего-то неведомого, что представлялось пленительным и ужасным.

А на исходе ночи той же дорогой, что и уходил, вернулся один. У него от угла и наискось был разорван рот. А глаза были потерянные и просящие. Она сразу поняла, что он битый. Что он тот, кто не удостоился права продлевать жизнь. Как после их ухода поняла, что и сама лишена такого права.

В его страстном подвывании, когда он закусил её холку, послышалось что-то жалкое. Нет, это не были властные клыки победителя, угонив в которые кричат от вожделения. И она не пискнула, хотя и ощутила острую боль и от его зубов, и там, вблизи с заломом сросшегося крестца.

Больше она не выходила на звуки оргий. Она не могла их не слышать у себя в норе. И этот столь бурно выставляемый напоказ чужой восторг, чужое упоение жизнью кричали ей в самое ушко о том, что она недобиток, что она калечка.

Со временем тело Чухи обрело защитный, отталкивающий запах состоявшейся беременности. Пятнашу тянуло на рвоту в их общей норке, и она перебралась в забытый строителями тюк базальтовой ваты с надорванной упаковкой.

И настал день, когда в норе возникла загадочная возня, и послышались невесть откуда взявшиеся новые голоса. Влекомая любопытством Пятнаша осторожно подобралась к норке и увидела целый выводок слепых, копошащихся, теснящих друг друга у живота Чухи новых существ. И страшно уставшие, но и счастливые каким-то совершенно новым счастьем глаза подруги.

Робкие, крадущиеся шажки кошечки спрашивали, можно ли ей приблизиться. Новаяявленная мама, исполненная превосходства сумевшей, в отличие от неё, Пятнаши, сотворить новые жизни, благосклонно позволила оглядеть и понюхать своих первенцев. И, уверенная в том, что милее и краше её щенят нет и не может быть ничего на свете, смотрела на свою оторопелую товарку, удивление которой сменялось постепенно умиленным восторгом, покровительственно и с несказанной гордостью за деток, приведённых ею на свет божий. И — разрешающе. Явно давая знать, что восхищение Пятнаши и её возможное обласкивание маленьких нисколько ей не неприятны и даже напротив — лестны и желательны.

Кошечка трепетно лизнула под хвостиком у ближнего к ней детёныша и почувствовала, что готова обнимать и оберегать их не только всем своим тельцем, но и вдруг распахнувшейся, исполненной неизбывной нежности душой. Ей, так много холодавшей на своём веку, подумалось, что им должно быть зябко со стороны спинок и хвостиков, и

она, стараясь никого не толкнуть негнушейся своей ножкой, неловко, с подрагиванием припадая на бочок, улеглась и придвинулась к их непрестанно толкущимся лапкам с почти прозрачными розовыми подушечками на ступнях. Она не понимала, что с ней, но что-то властное, безусловно правильное и бесконечно доброе, переиначивало на новый лад каждую клеточку её существа.

Когда один, а потом и ещё один детёныш, заблудившись, стали искать и у неё под брюшком и впились в растревоженные сезоном всеобщего материнства её соски, Пятнаша испытала благодетельную, пообещающую нечто небывалое, нечто чудесное, муку. Изнывая, растворяясь в этом мучении, она забыла о себе, утратила все до единого ощущения, способные свидетельствовать, что она — это она, а слышала только, как настойчиво из неё требуют, и как ей самой необходимо утолить и утолять жажду жить этих родившихся крохотных созданий.

К утру после ночи, проведённой ею в беспомощности и преображении, у Пятнаши появилось молоко. Уже без всякой опаски, а ощущая себя вправе, она облизывала маленьких, помогая им найти источник, и носиком уже не сомневаясь, что они — её дети.

Это в нарушение незыблемого хода вещей явленное одним только высшим замыслом природы кормящее материнство протекало скрытно от всего постороннего — в норке, глубоко упрятанной под передвижной временкой.

Двое, которые приохотились есть у неё, отложились от выводка, признавая маму в ней.

Глазки в положенный срок открылись у всех, но она, растворяясь в любви, видела только бирюзовые оконца этих. И первые шажки на нежных ножках праздником души отмечены были ею только у них.

С приходом стойкого тепла во временку вернулись строители. Показывая им «своих», Пятнаша хвастала, куда как выразительнее, чем Чуха перед ней в день появления потомства.

Отдельной компанией — Пятнаша и двое самых слабеньких, оттолкнутых братьями и прибившихся к ней, — играли на солнышке. Ей было легко и забавно управляться с ними лапкой, припрятав коготки. Или отразать их наскоки бодающим движением головы.

Но они стремительно вырастали, и вскоре она уподобилась хворающей бабушке, приставленной к неугомонным внукам, которые не знают, куда девать энергию. И всё чаще, когда, разрезавшись, они делали больно, запрыгивала на сложенные стопкой поддоны, куда разудалым бутусам было пока не забраться.

Впрочем, означенная высота очень скоро была взята ими, похудевшими и сильно прибавившими в росте за счёт нескладных долгоязыких лап.

Её тянуло к ним, но сил участвовать в кутерьме, неизменно затеваемой ими, она уже не имела. Улизнув, пряталась где-нибудь в закоулках строящегося дома, но там сразу же начинала тосковать и выходила к ним. И сама их затрагивала, если те оказывались занятыми чем-то своим.

А ещё ей всё чаще казалось, что занимаются они вовсе не тем, чем следовало бы заняться, и учатся решительно не тому, что, по её представлению, могло бы пригодиться им в жизни. И она набивалась и набивалась с наставлениями, но всё это неизменно сводилось щенками к развлечениям, в которых ей отводилась роль терзаемой игрушки.

С какого-то момента она с горьким недоумением стала замечать, что ни друг с другом, ни с Чухой, как и ни с кем из прочих своих братьев и сестёр они не доходят в игрищах до той степени озлобления и жестокости, которой непременно заканчивается их общение с ней. Там рычание и покусывание всегда смягчает улыбчивость глаз, там всё понарошку. Её же ухватывают всё жёстче и жёстче, а от пойманного иной раз взгляда леденеет сердце.

И вот она решила, что будет ставить сосунков на место. Переступившего границы дозволенного ударяла растопыренной пятипалой лапой, обозначив коготки. Это подействовало. Они сделались осторожнее, изворотливей. Но ни любви, ни уважения отнюдь не прибавилось в их глазах. У каждого из них, получившего по носу, глаза делались мстительными и чужими. Взгляды эти яснее ясного вещали, что ей пора отходить в сторону. Что всё хорошее, что могла им дать, она уже отдала.

Но чувство к ним, пившим её молоко, было сильнее разума, сильнее причиняемых страданий, сильнее обид. В отрыве от названных своих деток она пропадала. Её душа отказывалась жить без деятельной заботы о них.

И вот однажды, уже на исходе лета, отбиваясь, она ранила одного до крови. Тот взвизгнул и ощерился, прицеливаясь, как ответить. А второй сзади схватил её поперёк спины, оторвав от земли. Превозмогая боль или же вследствие этой боли, она изворачивалась, доставая когтями морду схватившего, а тот, свирепея, стал остервенело трепать её из стороны в сторону. Тут, будто приревновав, первый, изловчившись, впился клыками в её загривок и, вырывая у брата, трепал и дёргал с ничуть не меньшим азартом и озлоблением.

Её отчаянно выпущенные когти разили воздух, а дети, всё более входя во вкус, перехватывали, забирая в зубы с загравком и шею, и рвали её каждый к себе.

Уходящее сознание показало ей сон: под благодатную муку у неё появлялось молоко. А с молоком — и дети.

Бригадир, пятась, заманивал в проезд грузовик, сигналия правее или левее, и наступил на что-то, коварно скользнувшее под сапогом. Он не сразу узнал Пятнашу. Показалось — лоскут меха, ослюнявленный собаками. Но вот — исступлённо оскаленные зубы. И глаза. Будто живые. И видящие счастье.

ЖИЗНЬ

Баадур Чхатарашвили

Тбилиси

ТИФЛИС — МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Будем петь и плясать, ибо терять нам нечего,
а патриции тем временем, за занавесями,
скрывающими их понурые головы, пусть
проигрывают в карты дворцы и любовниц.

Алоизиус Бертран

Эпизод

В семьдесят пятом, когда меня в солдатики забрили, в конце этапа конфуз образовался: везли нас «железкой» на Баку, далее паромом через Каспий, опять «железкой» по Туркмении — и на Таджикистан. В Бухаре предстояла пересадка — полный световой день ожидания. А случилось так, что совпало с днём моего рождения — двадцать три годика стукнуло.

В дороге я скентовался с тройкой правильных гаеров (пребывал в их числе и будущий министр иностранных дел будущей «независимой Абхазии»), вот и говорю чувакам:

— Бёрсдей, други, надо бы отметить в относительно комфортной обстановке...

Сопровождающий в чине капитана казался нормальным мужиком, да ещё мы его с самого начала этапа уважили, посему подошли, объяснили: так, мол, и так — юбилей, едрёнь!

Отпустил, со словами:

— Мне до фонаря: не вернётесь к поезду — объявлю дезертирами...

В тогдашней Бухаре существовала очень интересная структура службы быта: что ни памятник старины — внутри либо баня, либо бордель, либо забегаловка. Набрели мы на роскошный храм времён Тимура-хромца, в котором вышеназванные заведения были заботливо скомпонованы в одно целое, и приземлились...

Дабы не затягивать повествование, не стану вдаваться в детали предоставленного нам сервиса, отмечу только, что любой оторванный «семидесятник» доподлинно знал: самая злая конопля произрастает на западных склонах Памира, ну а от Бухары до Каршей доплунуть можно было...

Поспели мы аккурат к отбытию — отдохнувшие, слегка расслабленные. У будущего премьера абхазского здоровенный шмат анаши в кармане.

Далее к пассажирскому составу прицепили три раздолбанных плацкартных вагона: переключка, погрузка — тронулись. Одуревшие после таборования на жаркой привокзальной площади рекруты повалились на лавки — Гипнос воцарился под стук вагонных колёс.

Глянул я сквозь торчавшие из оконной рамы осколки стекла на седебрившиеся под зыбким светом ночного светила пески Кызылкума, разобрала меня тоска неземная, и, вытянув из рюкзака пачку «Беломора», разбудил я будущего абхазского сепаратиста. Вскорости поплыли по вагону клубы сизого пахучего марева. То тут, то там приподнимались над лежаками заспанные физиономии — принюхивались, хищно раздувая ноздри...

Часть располагалась непосредственно за оградой парка Железнодорожников — до вокзала пять минут неспешной ходьбы. Встречать пополнение подгрёбса чуть ли не весь командный состав полка. Лейтёхи со свиты сопровождающего выгнали из вагонов табунки новобранцев, растянули цепью по платформе. Стропило неспешным шагом двинулось вдоль строя. Правый фланг — хмурые спросонок, но относительно справные. Центр тоже ничего себе. А вот левый фланг...

— Шах, переёб твою мать! — выверился комполка на экспедитора.
— В Бухаре отлучки с бана были? Караульный взвод сюда! Под конвой этих пидоров, обшмонать и запереть в клубе, пока не очухаются!..

Так я сразу же по прибытии ознакомился с участком идеологического фронта, вверенного позже под шкодливую руку мою.

1. Три-пшнадцать

«...Швейк лёг в кухне на диван и почитал ещё газету, которую поручик принёс из казарм.

— Скажите, пожалуйста, — заметил про себя Швейк, с интересом следя за событием дня. — Султан наградил императора Вильгельма военной медалью, а у меня до сих пор даже малой серебряной медали нет». (Гашек)

Портрет

— ...Грузик, проснись! Три-пшнадцать, проснись, сука! Грузик, погляди, это же джаз...

В казарме на две сотни бойцов действует обязательное правило выживания: ушёл в койку — отключайся намертво до пробудки, ибо к полуночи концентрация миазмов от переработки солдатиками потреблённого пайка достигает запредельного уровня, посему, если вдруг от особо злобной колики сон прервётся, коротать остаток ночи придётся в курилке, а сонный воин есть потенциальная жертва армейских сатрапов...

— Грузик, в рот ноги, проснись! Это же кайф!

Рыжий щёлкнул меня после вечерней поверки, когда мы, задыхаясь от жара раскалённого за день железа, второпях давились тёплым «Памиром» (вино креплёное ординарное) в фотографической будке.

Урча желудками, я и Покойник разбежались по спальным местам, фанат-моменталист полночи творил мой поясной портрет...

— Извините, пожалуйста, вы не подскажете, где можно одолжить пятьдесят копеек?

Вопрошающий — ясноглазый упитанный субъект с охрянными прядками по лепному черепу. Деморализованный кротким взором, я нашарил в кармане последний рубль и вручил вымогателю. Сам на тот день пребывал на птичьих правах временного ассистента художника, голодал жестоко и не видел будущего. За последующие месяц-полтора бы-

ла мною разыграна завершившаяся абсолютной викторией баталия за приемлемый быт: благодаря содержащим алкоголические напитки посылкам из семьи и собственным непростым телодвижениям добился-таки вождяленного статуса, получив в единоличное распоряжение художественную мастерскую, и должность оформителя при политическом отделе. Стало можно существовать: появился свой угол с печуркой — возможность просушки нательного и готовки скудных сверхнормативных харчей; образовались тайнички для сокрытия преследуемого по уставу спиртного: посылки из дома я получал регулярно и, обильно сплавивая руководство, не забывал толику заначить (обладавший собачьим нюхом великолепный Батя поклялся сорокалетней португеей выявить в отбившемся от рук грузине злостного нарушителя и тайного врага — достойный прапор не ленился чинить на мою конурку ночные контрольные набег, но каждый раз оставался с носом: горячительное по мере поступления разливалось в камуфлированные под растворитель и красители ёмкости без надежды на опознание).

Как-то, месяца через три после насильственного отторжения моего от родных пенатов, батюшка, надумав проведать любимое чадо, отбыл за три тысячи вёрст, прихватив с собой пару оплетённых ведёрных бутылей крепчайшей виноградной водки и ящик вина. На третьи сутки визита явившийся на построение лиловый с бодуна Стропило изрёк:

— Ну вот, бля! К грузину родитель приехал, и в полку сразу же открылся парк культуры и отдыха...

...Так вот: я, уже полноправный хам-солдат (салага не салага, дед не дед: сортир не убирает, в наряд не ходит, наглый, как дембель, а служил всего-то...), отмазюкав с трафаретки портрет вождя и лозунг про «ум, честь и совесть», выполз на согретые щедрым бактрийским солнцем ступени клуба и разбросал кости. Похрустев занемевшими от тяжких трудов суставами, закурил я сигаретку и стал пересчитывать наличность мелкими деньгами. От житейских забот отвлёк меня голосок со знакомыми интонациями: неподалёку стояли трое: приплясывающий рыжий толстяк, узбек и чуть в сторонке — наглмордый и голубоглазый, который ухмылялся в руку.

Рыжий давил узбека:

— Три-пшнадцать, дай пятьдесят копеек. А ты знаешь такую команду — «Блек Саббат»? Дай пятьдесят копеек, и Тони Аёми сыграет тебе серенату на трубе... гони пятьдесят копеек, морда жирная, к тебе завтра родня приедет, жратвой завалит, а тут солдат восьмого года службы с голодухи лупится. Давай, сука!

Узбек, не выдержав напора, отсыпал в подставленную ладошку мелочь. Голубоглазый шагнул к рыжему, указал на меня, шепнул в ухо. Облизываясь, дуэт приблизился к ступеням. Рыжий, сменив тактику, начал:

— Простите, вы не подскажете, где можно одолжить...

Не дав развить тему, я напомнил о прошлом займе, потребовал вернуть сдачу с рубля и столько же занятых. Рыжий пощупал меня на предмет знакомства с Джимми Пейджем и, получив в ответ цитату из Моррисона, предложил объединить капитал. Что мы и сделали.

В тот вечер, в нарушение устава Вооружённых Сил, Покойник (голубоглазый, наглomorдый) был делегирован через забор в ближайший продмаг. Уединившись в будке Рыжего, мы воздали должное немудрёной закуске и паре литровых пузырей местной отравы. Ночью мне было вручено моё фото, а наутро меня представили полуживому после дежурства Телеграфисту со словами:

— Хоть и грузин, но шарится!

Вот так и сложилась секта ГБ.

Бражка

Приписан я был, как и полагалось, к полковому клубу, но ввиду особой значимости служебных моих манипуляций, как-то: поточное изготовление разноформатных предостерегающих и стимулирующих боевой задор плакатов, транспарантов, планшетов, стендов, роспись девственных по недосмотру фрагментов стен и заборов портретами вождей и изображениями застывших возле устремлённых на вероятного противника средств массового поражения суровых воинов, оформление ленкомнат, музея боевой славы и прочее, — курировал мою деятельность непосредственно начальник политотдела, симпатичный, абсолютно не соответствующий должности по степени порядочности дяденька (единственный в полку высокий чин, не вымогавший посылку из солнечной Грузии). Любил он меня, Рыжего и всю нашу смурную четвёрку по-отечески и неизменно покрывал проступки наши, за некоторые из коих могли мы запросто схлопотать коллективную бессрочную командировку на совсем уже дальние рубежи необъятной Страны Советов.

Кроме главного, имелся у нас с Рыжим шеф непосредственный — клубный начальник кровосос Алик. Воришка, выжига и сволочь, всем существованием своим демонстрировавший миру, что жить припеваючи можно и пользуясь мундиром офицера Советской Армии. Выпить и вкусно закусить он любил превыше всего, но пьянствовал с умом, наби-

рался обычно к ночи, когда можно было не опасаться конфуза. Печень у Алика, по-видимому, пошаливала, ибо поутру после возлияния являлся он в часть с шафранными щеками и бывал по-подлому лют, изливая на нас похмельную хворобу...

Сегодня от той жизни меня отделяет, страшно подумать, без малого пятьдесят годков, посему воспоминания мои носят несколько сумбурный характер... Сорок семь лет тому, после года, потраченного на абсолютно дурацкое, бестолковое пустоделание, я вернулся в родной город, в любимый двор на любимой улице. Дома меня ожидало непонятное пока, в силу новизны ощущений, состояние — отцовство шестимесячной дочурки, проистекающие из этого заботы, слегка растерянная от неопытности моя подруга, суета дедушек и бабушек и требующие своей доли внимания друзья. Смена интенсивности эмоциональной нагрузки не затрагивает психику, если ты молод и крепок здоровьем. Я был молод, и организм мой был закалён казармой.

Сегодня, к слову, я также не жалею о самочувствии, но бывает, что от нескладно прожитого дня ночью меня посещают тяжёлые сны. А бывает, что приходит сон, от которого трудно оторваться: Рыжий, с трудом дотащивший до части посылку для тромбониста Эрика, пожаловался на ненормативный вес. В ящике оказалась фляга с мёдом кило на десять. Пренебрегая протестами адресата, изъяли четвёртую часть и затеяли в моей будке чаепитие. Сожрав сколько влезло, порешили организовать брагу из недоеденного. У кухонных добыли дрожжи, отмыли до стерильности бидон из-под олифы и заквасили родимую. Обмотав бидон одеялом, пристроили ёмкость за печуркой, прикрыли наглядной агитацией. Как этнически принадлежащий к племени виноделов, я предупредил компанию: продукт буду лелеять до полной зрелости, перебродит — дам отстояться, отфильтрую, и после восчувствуем. Весь процесс займёт дней десять.

Рыжий явился утром, отыграв на плацу «Прощание славянки»:

— Грузик, где бражка?

— Охренел? Она только-только бродить начала...

— Кончай ты, Бога ради, свои светские заходы, давай кружку!

Рыжий выволок бидон из укрытия, наполнил кружку пенящейся гадостью, зажмурился... Пристроив выпитое в желудке, выхлестал вторую порцию и прижался животом к тёплой печке:

— Внутри добродит...

Минут через пять поплывший в хлам толстяк ушёл в фотографическую будку:

— Грузик, я подремлю. Кто будет искать — на почте...

Ну, бражку мы съели в два дня. Пришлось, пользуясь благорасположением некой дамы из персонала санчасти, бегать за сульгином и прочими кишечно-укрепительными средствами.

— Ну что, Грузик, — это мы допивали остатки, — привык на родине ко всяким марочным? — Покойник занюхал порцию пойла рукавом.

— Не бери в голову, — Телеграфист нацедил себе, — абстрагируйся, генацвале. На войне как на войне, то бишь — в казарме...

ГБ

Воинская часть располагалась на окраине, соседствуя с окружавшими железнодорожный вокзал кварталами. Между нашим забором и ближайшими домами присутствовал тенистый парк, куда солдатики бегали в самоволку — перехватить тёплой водки под манты. С тыла полк граничил с городским аэропортом, «шелкомоталкой» и изготовлявшим повидло, кильку в томате и загадочный «Анзур горный маринованный» консервным заводиком.

На «шелкомоталку» бегали по девочкам. По пути имели место два хилых продмага с увядшей колбасой и набором плодово-ягодной отравы. В одном из них я обнаружил покрытые толстым слоем пыли пузыри арабского рома с изображением губастой красотки на этикетке. Путём несложных математических выкладок и натуральных испытаний воздействия крепчайшего напитка на организм удалось убедить оппонентов в абсолютной выгоде замены традиционно потребляемого «Памира» на продукт, поставляемый в благодарность за помощь в Шестидневной войне. Попьянствовав, порожнюю посуду демонстративно выбрасывали на полосу препятствий. Руководство незамедлительно отреагировало на новацию в алкогольном довольствии личного состава — в утреннем приветствии Стропило не преминул отметить:

— Аристократы в полку завелись, в душу мать! Чернила жрать больше не желают, импортных напитков им подавай...

Вернёмся к нашей дислокации: от привокзальной площади троллейбус вёз желающих в Пионерский парк, к озеру. Самоволки на озеро зачастую заканчивались гарнизонной «губой» и последующей длительной командировкой на заснеженные отроги Памира...

В двух кварталах от нас тянулись ряды Зелёного базара. Рыжий, возвращаясь с почтой, регулярно окучивал грядки с торговцами. Тактику плут выбирал незатейливую, но безотказную — наметив жертву, Рыжий наступал как танк:

— Бабай, дай арбуз. Дай арбуз, тебе говорят!

Нарвавшись на вполне объяснимое недовольство аборигена, переходил на ор:

— Я кровь проливаю, землю твою защищаю, а тебе арбуз паршивый для солдата жалко?!

Экспроприированные бахчевые толстяк складывал в почтовый чемодан; набрав мелких арбузов, менял их у тех же дехкан на пару ощутительных либо на сочную дыню.

В субботу выдался спокойный вечер: командиры укатили ревизовать дальнюю точку, Алик где-то пьянствовал, Телеграфист и Покойник приходили в разумное состояние после дежурства. Жара стояла убийственная, и мы, поджидая Рыжего, устроились на скамьях летней киноплощадки, под сенью ветвистого желтосливника. Из клубного динамика ревел: «Арлекино, Арлекино...»

— Сукой буду, Слепец дрожит на Пугачёву, — Покойник перевернулся на живот, — четвёртый раз подряд «Арлекину» крутит...

Телеграфист задрал бровь:

— Мастурбируют обычно на визуальный объект.

— Так, может, у него фотография присутствует, — развил я тему, — и визуальный возбудитель он закрепляет вокализмами вожделенной особи?

На площадку ворвался запыхавшийся толстяк, выкатил из чемодана два арбуза и повернул назад:

— Писем нет, переводов нет, дыню, подлые, не дали, я на развод...

— Опять арбузы... — Телеграфист сдёрнул с носа очки, — Грузик, что, в загашнике пусто?

— Сожрали всё, кроме повидла (за месяц до того Рыжий с Покойником приволокли с подшефного консервного заводика десятилитровый жбан яблочного месива).

— Нет! Только не повидло. Мне после дембеля будет во снах являться ломоть арбуза, покрытый толстым слоем повидла. В кошмарных снах.

— А поверх повидла, как на тартинке, штука кильки с долькой анзура, — добавил Покойник.

На плацу оркестр грянул марш. На коде кларнет Рыжего, гнусно фальшивя, перешёл на сфорцандо.

— Толстяк сигнал подаёт, — Покойник поскучнел лицом, — кто-то из сатрапов на дежурство заступил. Либо Черныш, либо Баран.

— Черныш на Гулизон уехал, — напомнил Телеграфист.

— Значит — Баран.

— Какая разница, кто заступил? — подал я голос. — Один чёрт — денег нет, выпивки нет, ни хрена нет. Пойдём баиньки, как дисциплинированные солдаты.

Из-за ограды слышались вопли Рыжего:

— В рот ноги! Как с дедушкой разговариваешь? Давай рубль. Что значит — нету? Солдырь зелёный...

— Зря старается, — вздохнул Покойник. — Я всю учебку прошерстил, нет у солобонов денег.

Рыжий пришёл злой:

— Полный бардак: личный состав обнищал, на кухне клейстер с салом — зажрались отцы-командиры, Баран с похмелья, злой, как Кощей. Грузик, пожевать ничего не значено?

— Повидло.

— Фу... А может, бражку из повидла забубырим?

— Нет уж, хватит! — Телеграфист пощупал живот, прислушался. — Я, между прочим, собираюсь семью создать на гражданке. Здоровую, полноценную семью.

— Кстати, о семейной жизни, други мои, — это я подал голос. — Я боец молодой, опыта у меня мало, просветите: уже неделя как у меня напрочь пропала естественная утренняя эрекция. Может, нам какую гадость в баланду подмешивают?

— Ну, тебя-то это не особенно должно волновать, — рассудил Покойник. — Твоя супруга вроде на сносях?

— Грузик, не бзди, к осени рыбу завезут, хек называется, шишка сразу в норму придёт, — заверил меня умудрённый Толстяк.

— Спасибо, родной, успокоил.

— Протестовать надо, незамедлительно отвечать адекватными акциями на произвол зажавшегося ворья! — Телеграфист протёр очки портянкой.

— Протестанты на Памире служат! — Рыжий понюхал арбуз. — Не могу я их больше есть. Грузик, а из арбуза бражка ништяк должна получиться.

Покойник зашевелил челюстью:

— На дембель дам домой телеграмму: «Евреи, готовьте форшмак!» С Домодедова — прямо домой: буду мазать форшмак на мацу и жрать, мазать и жрать, мазать и жрать...

— Всё, чуваки, — я сделал страшные глаза, — кончаем ныть. Начинаем протестные действия, но с умом. Что преследуется отцами нашими пуще всего? Правильно — нарушения устава, и в первую очередь несоблюдение формы одежды. Что пытаются примитивные наши одно-

полчане сотворить на предмет нарушения формы одежды? Верно: женский половой орган на панаму, на сапогах гармонь, ремень на яйца, бляха собой, и главное — неуставная причёска! Что делаем мы? Панама горшком и натянута по самые уши, голенища без единой складочки, ремень под мышки, бляхи ровняем молотком и бреем головы до зеркального блеска. Усекли?

— Грузик, ты гений, сатрапы от изумления в штаны наложат, — Рыжий задёргал ляжками. — Бошки я обрею, сей миг за бритвой побегу...

— С сапогами не выйдет, — засомневался Телеграфист, — кирза всё одно складку даст.

— Не, родной, — возразил я, — у меня в будке лак авиационный, помажем — стоять будут, как пенис до призыва.

Намотав на бидон с повидлом старую шинель, мы соорудили болванку, и Покойник выгладил на ней панамы, придав им форму ночных сосудов.

Телеграфист развесил на сучьях урюка сапоги, а я щедро покрыл голенища лаком.

Для фиксации ремней Рыжий вшил в наши гимнастёрки поддерживающие крючки чуть ниже подмышек.

После мы обрили друг дружке головы. Наведя марафет, вышли на прогулку. На штабной аллее на нас наткнулся Баран:

— Это, ётить, что за бля?

— Товарищ капитан, разрешите обратиться? — Рыжий выступил вперёд. — Это вы по поводу чего?

— Это, бля, что за ё...?

— А-а, понял, по поводу нашего внешнего вида. Это СВПСУ, — Рыжий сдёрнул панаму, — Стрижка Волосяного Покрова Согласно Уставу, оно же Соответствие Внешности Параграфическому Соблюдению Уложения!

— А... Ну, бля, да...

— Разрешите идти, товарищ капитан?

— Ага...

В курилке obsługi дембеля внимали бренчавшему на гитаре Трезору. При нашем появлении гитара жалобно тренькнула и затихла. Стукач Ованес ни черта не понял, но на всякий случай рванул к офицерским баракам. Затянувшееся молчание прервал Синица:

— Вы что, суки, — полк позорить?

— Молчи, джубедло, — Рыжий отставил кругленький зад. — Новая мода: ГБ — Группа Близунов, ПВО — Против Вероятного Орангутана. Понял?

Мы продолжили променад.

— Результат налицо, — объявил Телеграфист. — Будем наблюдать развитие ситуации.

Перед отбоем появился проинформированный Ованесом Батя, обошёл кругом меня, крикнул, недобро улыбнулся:

— Грузин, я вас всё-таки определённо определяю...

Герои

Наутро, перед баней, мы устроили пятиминутку на спортплощадке. Дабы поджарить бледные затылки, бритые головы явили солнечным укусам. Начфиз, направляясь в свою каптёрку, остановился, оглядел нас умными глазами, одобрил:

— Гигиенично, опять же наглядное пособие по френологии. Голенища как выправили?

— Секрет фирмы, — отставил на каблук ножку Рыжий, — оборонная технология, товарищ старший лейтенант.

— Ну-ну, — физрук двинулся дальше. — Учтите, Че-Ка уже в курсе.

— Ну что, воины, выходной спланируем? — поднял я вопрос.

— Сегодня воскресенье — это раз, — Рыжий загнул палец. — К кашевару родня самаркандская приедет — это два. Минимум пятёрку сшибём — это три.

— Пятёрка — это пузырь рома и пятьдесят копеек сдачи, — уточнил практичный Покойник.

— Я к Анке пойду, чёрт с ней. Возьму тушёнки и ещё чего-нибудь... — Телеграфист принялся нервно протирать очки.

— Нет, родной, — это уже я занервничал. — Мы понимаем, ради дружбы ты на многое готов, но мы такой жертвы не принимаем. Закуска будет — начпрод неделю за мной бегаёт, просит слёзно мышей и сусликов изобразить для склада. Выдаст аванс, никуда не денется.

— На склад бочковую сельдь завезли для офицера, — пустил слюну Рыжий.

— Ты что? — Телеграфист покрутил у виска пальцем. — Селёдку с ромом. Опять Грузику за сульгином бегать?

Выпучив похмельные глазки, подкатил Алик:

— Снова ваши фокусы? Че-Ка уже в политотдел ходил, интересовался. От безделья беситесь, вашу мать!..

— Ну да, — Рыжий начал приплясывать, — конечно же, от безделья, и главный лодырь — Минченков. На почту — Минченков, фотки по ночам печатать — Минченков, оркестр идиотский тянуть — опять Мин-

ченков. Вы, товарищ капитан, мне, как Карлсону, пропеллер в жопу вставьте, может, я ещё чего успею...

— Молчать! Оборзели в суль. Грузин, Шеф зовёт, бегом к штабу.

Заложив руки за спину, Шеф прогуливался у КП. Внимательно рассмотрев меня, зажёл весёлые искорки в глазах:

— Вчера, кроме этого, — указал на мою панаму, — что-нибудь ещё учудили?

— Никак нет, товарищ майор.

— Особист приходил, интересовался, что это за группировка такая лысая объявилась. Ладно, в пятницу из штаба армии едут. Траву подкрасить, наглядную агитацию подновить. Возьми в помощь пацанов из учебки, я распорядился. И ещё: у нас все герои погнили, — Шеф повернул в Аллею боевой славы, — займись.

— А баня, товарищ майор? Завшивею в эту жару.

— Помоешься в офицерском душе, я предупредил.

«Вот тебе и выходной!» — я с отвращением оглядел расставленных по бетонным столбикам гипсовых героев.

Примчался Рыжий:

— Грузик, в баню построение.

— Без меня, я вон этими уродами должен заняться.

— Не переживай, поварёнка я уже обработал, — Рыжий показал лиловую пятёрку. — Сегодня Шах заступает, банкет устроим.

У хозяйственников я позаимствовал тачку, забрал мешок гипса и, задействовав двух салаг, приступил к перемещению полководцев в клуб, выстраивая их по стеночке.

Войдя со света в полутёмный коридор, Алик, невольно потянувшись щепотью ко лбу, шарахнулся к противоположной стене:

— Ты что, охренел? Погост здесь устроил!

— Приказ начальника политотдела...

— Я те дам приказ! Он что, распорядился в клубе их красить?

— А куда ещё мне их девать? Может, на командный пункт?

— Волоки в киношку.

— А ежели дождь пойдёт?

— Хуже им не делается, и так на прокажённых похожи.

Пришлось перетаскивать бюсты под любимый наш абрикос, расставлять по скамьям — изысканная получилась инсталляция.

Резко континентальный климат вызвал существенные изменения в облике народных любимцев: у некоторых отсутствовали отдельные анатомические фрагменты, у большинства пострадала бижутерия. Ку-

тузов потерял один эполет и второй глаз. Обнажая жуткие язвы, старая краска пошла пузырями...

Вооружившись сапожным ножом, я стал вырезать дефектные места, кромсая подгнившие уши и носы. Покончив с аутопсией и замесив гипсовое тесто, приступил к органопластике. Начал с Чапаева. С легендарным комдивом проблем не возникло, подремонтировав папаху, я прилепил рубাকে недостающий ус и принялся за Будённого.

Посвежевшая после бани троица заявила, когда я, высунув от усердия язык, вырезал на груди у Семёна Михалыча Звезду Героя из гипсовой нашлёпки. Телеграфист оглядел пантеон:

— Форменный лепрозорий. Ну что, Грузик, справляешься?

— Вашими молитвами.

Покойник ткнул пальцем Суворову в пектус:

— Что я вижу! Неужто могоендовид?

— Господь с тобой, это Андрея Первозванного, я в библиотеку бегал смотреть. Просто два луча отвалились.

Рыжий оглядел уже восстановленных:

— Да, Грузик, Роден может почивать спокойно: монументалист из тебя, как с моего хрена — пончик. А это что за акроцефал?

— Котовский.

— На фаллический символ смахивает твой Котовский, если уши убрать.

Телеграфист подошёл к соседней скульптуре, сунул палец в зияющую вместо носа дыру:

— Этот сифилитик кто будет?

— Какой номер? — я сверился по бумажке. — Фрунзе это.

— Ущипните меня кто-нибудь! — попросил Покойник. — В некрополе у подножия Памира, под цветущим абрикосом, сумасшедший бритоголовый грузин ковыряет сапожным ножом грудь командарма Первой Конной, а на мне чистые кальсоны, и в кармане у меня бутылка тёплого рома. Ром я буду закусывать экспериментальной килькой и анзуром. Завтра у меня будет понос, и я отмечу, хохоча, что от анзура у меня голубая моча. Херем на вас! Мама, роди меня обратно...

— Хватит ёрничать, сволочи, лучше помогите разобраться: у этих вот, — я указал на Суворова с Кутузовым, — полные борта побрякушек, и все попорченные. Как мне их восстанавливать?

Телеграфист махнул рукой:

— Ай, Грузик, не бери в голову. Кто из наших командиров в фалеристике разбирается, Стропило? Упрощай, дорогой: лишнее убери — тут крестик, там завитушку, и давай побыстрее, в грудях щемит.

— Ладно, валите. До отбоя управлюсь, красить завтра буду. Славик, давай к воруगे кладовщику, скажи: грузин за сусликов аванс требует. Вырви что сумеешь.

Ближе к вечеру прибыл с ревизией Алик. Покрутился.

— Ничего, сойдёт. За неделю галки засрут, друг от друга хрен кто отличит. А Котовский у тебя на хер с ушами похож...

Ром пришлось закусывать селёдкой. Вдобавок Рыжий выцыганил у Анки кусок льда и вялый лимон, так что мы почти роскошествовали в моей будке. После второй Покойник поинтересовался:

— Грузик, ты когда антропоидов добывать собираешься?

— Завтра к вечеру расставить хочу.

— Может, спутаем постаменты, поглядим, рюхнут или нет?

— Алик, гнида, проверит, — Рыжий принялся за селёдочный хвост, — по косвенным признакам идентифицирует.

Телеграфист дыхнул на стёкла очков и поискал чем протереть:

— Можно после, по ночам, менять их местами — тоже развлечение...

— А Ворошилов у тебя ничего получился, — Рыжий бросил обглоданный костяк в мусорную корзину, — помесь Хрущёва с Муссолини...

Ильич

В конце сентября подул афганец, зарядили дожди. Начавшие оживать после летней дизентерии бойцы, кашляя и размазывая сопли, опять потянулись в санчасть. От непогоды сразу покрылся струпьями красовавшийся у штаба монумент Ильича.

— Срочно займись! — распорядился Шеф.

Соорудив из досок шаткие леса, я приступил к трепанации черепа товарища Ульянова. Сновавшие рядом штабные, завидев скальпированного истукана, пугливо озирались и ускоряли шаг. Бритоголовая троица, наслаждаясь спектаклем, шныряла по кустам. Прохудившийся Ильич оказался по самые уши заполнен дождевой водой. Привязав на верёвочку консервную банку, я оседлал Вождя и принялся вычерпывать стоялую водицу через прорезанную в темени дырку. Озираясь, сзади подкрался Алик:

— Слазь...

— Товарищ капитан, там воды полно...

— Слазь, урод, застрелю. Мне до пенсии три года...

Алик гнался за мной до автобата. Там я спрятался среди раскуроченных грузовиков. Переждав, задами пробрался к фотобудке. Рыжий запер меня и побежал прояснить ситуацию. Вернулся:

— Грузик, давай в штаб, Шеф требует.

— Как там?

— Злой.

— А Алик где?

— В кинопрокат уехал.

В кабинете Шеф курил «Родопи» и хмурил брови:

— Ну?

— ...Так в нём воды полно, товарищ майор...

— Заскучал ты здесь, я вижу. В заду свербит? Дисбата попробовать захотелось? Сходи к кочегару, он тебе расскажет, недавно оттуда. — Шеф раздавил окуроченный в пепельнице. — Че-Ка... тьфу ты, заговариваться начал с вами... особист у командира. До того тебя искал. Дотемна схоронись. После у чечена в караулке возьми фонарь: к шести утра Ленин блеснуть должен, как котовые яйца. Завтра машина пойдёт на Пьянж — на неделю исчезнешь, пока я дело замну. Обновишь там ленокмнату. И чтоб как мышка... больше покрывать не буду. Всё понял?

— До утра не успею, товарищ майор. Воду вычерпать — сколько времени уйдёт?

— Просверли ему в жопе дырку, чтоб стекла! — заорал Шеф. — Пошёл вон...

На моё счастье, дождь перестал. Всю ночь я, латая дыры гипсом, красил идола. На рассвете, закончив, отошёл полюбоваться. Поблёскивая свежей бронзой, страшный, как Фантомас, Ильич с ненавистью глядел на меня.

— Джубедло, — сказал я ему и побежал собираться.

Тревога

Вернулся я через десять дней. Первое, что услышал у проходной, — доносившийся из-за забора громогласный ор Рыжего:

— Бактриан ты! Чего не понял? Верблюды двугорбый, азиатский...

Облапив меня, Рыжий стал выкладывать новости:

— Завтра тревога. Тебе посылка пришла, Рапопорту тоже — форшмак прислали. Ларкин в отпуск едет. Алик с ангиной в госпиталь за-

гремел. Все от твоего Ленина шарахаются — страшный очень. Сегодня банкет устроим... соскучились, Грузик.

Я отправился с докладом к Шефу.

— Прибыл? Завтра тревога. Проверяющие будут. Приготовьте с Минченковым всё.

— Товарищ майор, а с этим как? — я скосил глаза в сторону окна, где, закрывая обзор, торчала бронзовая голова.

— Выполняй приказ, Вера Мухина, чтоб тебе...

У когорты полковых дармоедов были строго расписанные «тревожные» роли: свободных от караула сторожевых отправляли на «передовой рубеж обороны», санчасть эвакуировали в тыл. Музвзвод и обслугу идиот комроты-2 водил в атаку — отражать десант противника. Начхим, установив за клубом воздухонепроницаемую палатку, отлавливал зазевавшихся и загонял в свой маленький освенцим. Начпрод рядом с кухней разбивал зачем-то кухню полевую.

Нам с Рыжим по тревоге предстояло обустроить оперативный пункт наглядной агитации.

Дабы не оплошать, мы заранее выволокли из-за клубной сцены пыльный «тревожный» стенд, привели его в божеский вид и перетасили к штабу. Я заготовил потребное количество боевых листков, оставив пробелы для фотокарточек. Рыжий зарядил вспышку и заправил плёнку в кассеты.

Прибыли увязавшиеся с Анкой на гарнизонные склады Телеграфист и Покойник. Неравнодушная к нашему интеллигенту маркитантка после погрузки автофургона мощным бюстом задвинула кладовщика в каптёрку — выписывать накладные. Пары минут нашим друзьям хватило: Покойник засыпал в голенища килограмм-другой гречки и упрятал в рукав батон колбасы, Телеграфист намотал под шинель связку сосисок.

Вскрыли мою посылку. Очень недурственно: бутылка «КВВК», грелка с чачей, шоколад и сигареты.

— Лукуллов пир, — Телеграфист закидал сосиски в кастрюльку с кипятком. — Грузик, наливай.

Чокнулись кружками.

— С возвращением, Грузик.

— За вас, родные.

— За нас, за нас...

Что-то веселья не получалось...

— Вы что как на поминках?

Покойник оглядел нас грустными глазами:

— Тревожно мне чего-то. Вот ведь как сложилось вдруг: занесло грузина, сибиряка, русака и еврея к чёрту на кулички; хиханьки, хиханьки — и прилепились друг к другу.

— Ну и что же тут худого?

— Грузик,— зачастил Рыжий, — вот тебя неделю не было — и в тоску мы впали. Как собаки грызлись, в рот ноги...

— Я же вернулся...

— Так скоро дембель, — Телеграфист сдёрнул очки, — разъедемся.

— Вот чудак! Что, на разные континенты разбежимся? Страна у нас, слава Богу, одна на всех. Серёжа, ты домой, в Златоглавую, верно? Славка, не верю я, что ты на Смоленщину вернёшься: семь лет в суворовском отбарабанил, ты же к Москве уже прикипевший.

— Точно, Грузик, на истфак попробую.

— Ну а ты, Михайло Василич, тоже ведь не усидишь в Сибири, тесно там тебе будет.

— Да, восстановлюсь на третий курс и буду пробивать перевод в МГУ.

— Что же вы носы повесили? Соберётесь в Москве, а мне до вас два часа лёта. Предчаяние у меня: всё будет как в сказке...

— Слова магистра ласкают слух! — Телеграфист, пряча увлажнившиеся глаза, стал протирать стёкла.

— Долой оппортунизм, да здравствует ГБ! Наливай, Грузик, а я скажу тост, — Рыжий встал в позу:

Близунов отряд отважных
Занимался делом важным,
Дружбы силу познавал
И... ура, три-пшнадцать!
За нас!!!

Диорама

Она была полураздета,
И со двора нескромный вяз
В окно стучался без ответа
Вблизи от нас, вблизи от нас.

Артур Рембо

За год моего отсутствия витрины Тифлисских винных магазинов наполнились стеклотарой с непривычными глазу этикетками: грече-

ские, венгерские, болгарские вина, (это при том, что своих девать было некуда), венгерское же «Бренди» (очень качественное, кстати), юговский «Виньяк», чешская сливянка, польские водки на разный вкус, ликёры, бальзамы, крепкие настойки — у горожан глаза разбегались, да и не только у наших — по всему Союзу разлилось море алкогольное на радость гурманам. Во всю старался кубинский Команданте, снабжая братский советский народ и граждан Соцлагеря наилучшим ромом. Не знаю, чем ему взамен отвечал товарищ Косыгин, но цены на кубинские хмельные напитки удивляли, к примеру — семисотмиллилитровый пузырь тёмного «Havana club» стоил около четырёх рублей: пойло было великолепное — при крепости в сорок градусов, лёгкое, ароматное, с заметным послевкусием табака, дыма и сухофруктов. Дабы максимально нас уважить к тростниковой водке Фидель присовокупил сигары самых лучших сортов, я взял за привычку баловать себя, попыхивая после завтрака изысканной «Romeo y Julieta», в обед сытным «Partagas» и ронял после слюни в ожидании «долгоиграющей» вечерней «La Corona». Помню демонстрацию предпринимательского дара, которой ошеломил меня занимавший низовую должность в плановом отделе нашего треста стажер Додик: ехали мы на объект, я тормознул возле гастронома: — Поскучай минутку, я без сигарет остался. Гляжу — он за мной. Вошли. Я прикупил пару пачек «Гаваны-68», увидел в витрине сигары, спросил полдюжины «Короны», тут Додик лезет в карман, отстёгивает продавщице четвёртой — дайте, мол, две коробки «Ромео с Джульеттой». Уже тронулись дальше, я поинтересовался: — На кой тебе сигары, ты же некурящий? Ответ: «Моя троюродная сестра костюмерша у Сухишвили, в конце недели их ансамбль отправляется на гастроли по Европе. Отдам ей сигары, она передаст их своей сестре, которая живёт в Париже, та отправит их посылкой в Нью-Йорк, брату моему двоюродному. В Бруклине, на чёрном рынке, кубинские сигары идут от десяти гринов за штуку. Сколько он выручит за 50 штук? А теперь представь, какие посылки он нам с женой пришлёт? — с ног до головы оденемся...

Некоторые метаморфозы произошли в житии Персика: во-первых, он перевёлся на вечерний, во-вторых — остался на курсе, в-третьих, в результате утраты кормильца и раздела семейного имущества, досталась ему в безраздельное пользование Подсобка с полной мебелировкой и кухонным инвентарём. Изнурять себя резкими телодвижениями Персик не любил с детства, мало того — любую созидательную деятельность презирал категорически; проповедовал гаер обильно сдобривае-

мый горячительными напитками квиетизм, то есть — лирически-созерцательное отношение к жизни, но подобное прекраснотребование требовало каждодневных расходов... Поначалу люмпенизированный сибарит затеял торговлю книгами с рук. Собственных хватило ненадолго, и чтоб продолжить коммерцию, надо было иметь что продать, а поиски товара требовали тех самых телодвижений, которые он терпеть не мог. Недолго думая гаер организовал в собственном жилище дом свиданий, однако предприятие продержалось буквально несколько дней — дальнейшему его процветанию помешали псы Швейковича: представьте сами — кто станет платить за сомнительное удовольствие быть ошарашенным многоголосым собачим лаем, внезапно разразившимся буквально над головой в самый ответственный момент интимной близости? Поясню: Швейкович соседствовал с Персиком, занимал однушку этажом ниже. Являлся он человеком грубым, нелюдимым, неприятным в общении, и свойственна ему была речь, обильно оснащённая сквернословием. Часто пребывал в пасмурном расположении духа, подозрителен был до предела — за каждым углом мнилса ему недруг, что при связанных с его деятельностью рисках не удивляло. Собственно, именно за способ добычи средств на поддержание живота своего ему и перепало околотитературное прозвище, ибо, подобно герою нетленной саги, он воровал породистых собак, но, в отличие от бравого воина, ворованных барбосов и барбосок он не сбывал на «Птичьем» рынке, а, отслеживая объявления о пропаже, «находил» их, и возвращал за «гарантированное» вознаграждение счастливым хозяевам. Дожидаясь возврата к законным владельцам, похищенные пребывали в узилище, обустроенном воругой на чердаке собственного дома, аккуратно над персиковой Подсобкой, порою в загоне сбивалась стая из полудюжины особей обоого пола...

Дабы не похерить выгодный бизнес, Персик прикинулся маклером, зачистил на «плешку» у Сухого моста, отлавливал граждан, желавших сдать в наём обустроенную квартиру, обещал в течении двух-трёх дней найти выгодных постояльцев, забирал ключи и немедленно же запускал на ночевку в чужое жильё сгоравших от нетерпения прелюбодеев, телефонами которых полнилась его записная книжка. Дела у него как будто бы пошли в гору, но, как говаривал коллега страдфордского барда Джон Узбстер — «Фортуна, настоящая потаскуха: если она и даёт, то помаленьку» — очередной, доверившийся Персику квартировладелец, мужик порывистый и необузданного нрава, наведался в своё жилище в самый неудобный момент, после чего сводник-неудачник был

дважды зверски бит — сперва взбешенным хозяином квартиры, а после чуть не схлопотавшим родимчик любвеобильным квартирисьёмщиком.

Прознав про очередной персиков афронт я заглянул проведать непутёвого надувалу. Пострадавший общался с полудюжиной «Жигулёвского».

— Как ты

— Я в гневе! Подай мне ослиную челюсть!..

— Что думаешь предпринять?

— Кто-то из классиков метко заметил, что пленительные права представительниц прекрасного пола есть услаждение доли смертных, — естественно нас, мужиков имел в виду чувак, упоминая обездоленных. В оправдому я не пойду, ибо общественно-полезным трудом брезгую, и вообще — времена настали порочные, срамословие, произвол и блуд царят, никакого упорядочения половых отношений — дабы охранить себя, драгоценного, от жестокого мира подамся-ка я в чужады.

— Мамочку уже присмотрел?

— Жанетта!

— И что ты в ней нашёл кроме пременопаузы?

— Деньги. Много денег! Кроме того, я преклоняюсь перед её абсолютной, безмятежной, монументальной глупостью, и задница у неё горчая, как поспевший самовар.

— А в постельке ты её пробовал? Не сбежишь, приняухавшись?

— Огонь баба! При телесном контакте орёт так, что с окрестных чердаков голуби разлетаются!..

— Ну-ну. А как с Рафо дела обстоят? Думаешь, без боя отступит?

— Рафо — гондон повапленный, не соперник он мне ничуть, умом не вышел, о чём я её уже оповестил.

— Ну что ж, Бог в помощь, желаю удачи.

Размышляя об очередном персиковом начинании, ощущал я некоторые сомнения в успехе оногo — вдовушка, хоть и не первой свежести, но пока ещё обладала некоторыми приятностями, которые, будучи щедрены обильным доходом, могли существенно скрасить бытие сиротки, тем более, что дамочка по нему сохла, это и слепому было видно, но именно в этой «видности» и скрывалась опасность, ибо некто Рафо — личный водитель гурии, и по совместительству штатный её кобель, никак не смирился бы с потерей хлебного места и обязательно принял бы контрмеры, что вскоре и произошло. В один, отнюдь не прекрасный день, Персика остановили на подходе к обиталищу вдовушки, после чего состоялся стандартный разговор:

— За базар ответишь?

— Я отвечаю за то, что я сказал, но не за то, что до тебя, козла, донесли... — далее побои: дружки местника старательно довели неудавшегося кандидата в примаки до телесного огорчения...

Тем временем Дядя Миша вновь сменил род занятий, на сей раз, поменяв белый халат на мундир лейтенанта милиции, ушёл в Высшую школу МВД преподавать судебную медицину, быстро дослужился до майора, в дополнение к лекционной деятельности возглавил медпункт — школа являлась учреждением закрытого типа, слушатели при полном пансионе пребывали на казарменном положении, и очень скоро его ученики после принятия присяги отправлялись охранять правопорядок практически во все уголки республики...

2. Кукареку

Расходятся диаметрально интересы от точек соприкосновения.

Их нет.

Виктор Цхварадзе

До Боржоми оставалось минут двадцать неспешной езды. Дел на объекте у меня было часа на два. После — обильный обед в гостиничном ресторане, убийственный бефстроганов приготавливали обычно, бутылочка «Карденахи» и глубокий, здоровый сон в уютном люксе — последние несколько дней выдались чрезмерно суматошными...

— «Запруда-три», вызывает «Запруда», — ожила безмолвствовавшая с утра рация.

— Какого чёрта им понадобилось? — притормозил, вырулил на обочину, не заглушая двигатель, потянулся к ненавистой трубке:

— «Запруда-три» слушает...

— Где находитесь, «Запруда-три»? — осведомился главный диспетчер, мужчина скучный и во всех отношениях неприятный.

— На полдороге к Головным...

— «Запруда-три», вам немедленно надлежит явиться в Хашурский горком партии, ко второму секретарю, — распоряжение управляющего.

— А что стряслось, Васо?

— Мне не докладывали. Соблюдайте правила, не засоряйте эфир бытовыми вопросами...

(Прошу отметить, что данелиевский «Мимино» появился в прокате года через два после описываемых событий.)

— Сынок, крепись, Григорич про тебя сказал: «Был бы он рядом, я бы в него плюнул!» — засорила эфир неугомонная тётя Тасо. — Не вырывай микрофон, осёл! — это она уже наехала на Васо.

«Вот тебе и глоток кахетинского... Что же там стряслось, чёрт бы их побрал?!»

Развернув верный «пирожок», я покатил вспять, оставляя за спиной картофель фри, тушенную в сметане телятину и мягкую перину на широченной кровати.

Второй секретарь оказался плешивым, носатым мужиком с оттопыренными ушами, в должности, по-видимому, состоял недавно, ибо не успел ещё обрасти партийным жирком, однако присущую партработникам высшего звена садистически-ироничную манеру общения уже освоил и металлу в писклявый голосок подпускал к месту и не к месту:

— Так-так-так! Значит, это ты будешь знатный рационализатор? Это твоими стараниями мы долгожданную влагу получим раньше срока — осчастливим наших трудящихся круглосуточным водоснабжением? Славно. А с другой стороны — с бедными курочками что будем делать? Им после твоих художеств и проточная водица не в радость...

Глянул я на него пытливо: вроде не бесноватый, а чушь несёт.

— Какими, — говорю, — курочками? Я, если что, строитель, начальник техинспекции известного вам треста, к домашней птице никакого отношения не имею...

— Знаю я, кто ты, — отвечает, — а вот ты сам, похоже, не догадываешься, что аккурат со вчерашнего вечера имеешь самое тесное отношение к птицеводству. Скалу взрывать ты надумал?

— Я...

— Таки грохнули вчера перед закатом?

— Грохнули.

— И как прошло?

— Нормально. Дня через три выборку котлована закончим, колодец бетонировать начнём...

— Прелестно. А скажи-ка мне, рационализатор, ты, когда свой взрыв планировал, не обратил внимания, что вблизи от вашего котлована обширный комплекс разнообразных строений присутствует?

— Это вы про птицеферму? Так туда и будем первую нитку тянуть...

— А на кой хрен теперь эта нитка нужна, если от грохота и сотрясения всего хозяйства куры перепугались и нестись перестали?! Двенадцать тысяч с хвостиком ежедневного убытка, урод!.. — сунул мне под

нос связку бумажек. — Узнаёшь? Тут на каждой странице твоя подпись...

Глянул, узнал — корректировка трассы моего почина, а плюгавый ещё больше распалился:

— Думаешь, раз беспартийный, я тебя и вздрючить не сумею? Да плевал я на административные взыскания, я подожду чуток и, как убыток за сотню косых перевалит, подведу тебя, соколика, под шестьдесят девятую: «Вредительство: действие, направленное на подрыв производственного процесса путём противодействия нормальной работе предприятия народного хозяйства, повлёкшее за собой убытки в особо крупных размерах» — от восьми до пятнадцати с конфискацией...

Тут уже я психанул.

— Выкусишь, — говорю, — так я тебе и дам в прокуратуре дело сострепать, по арбитражным судам весь твой орготдел с УКСом затаскаю за халатность и некомпетентность при принятии хозяйственных решений!

— Ты на кого прёшь, щенок? — совсем уже взбеленился.

— Пошёл в жопу, — говорю, поворачиваюсь и топаю из кабинета и из гадюшника заплесневелого.

На лестнице зампред горисполкома подвернулся, что-то вякнуть пытался, заодно и его обложил. Завёл «пирожок» и вырулил на трассу, благо в сотне метров проходила, а там направо, на серпантин и на запад — за перевалом рация не действовала.

Переночевал в Кутаиси, в привокзальной гостинице — центральная была переполнена. Утром, с подозрением разглядывая в мутном зеркале расчёсы на груди, умылся минералкой — из крана выжать ничего не удалось, завёл «пирожок» и продолжил путь.

К проходной сухумского управления подкатил к полудню. Заехал на деловой двор: Владвас, засунув руки в карманы великанских штанов, торчал на крыльце конторы. Завидев меня, осклабился:

— Ты как раз к обеду, пошли в столовку, знатным омлетом угощу — утром свежие яйца завезли...

— Свинья ты, Владвас, — говорю, — а ещё в друзья набиваешься.

— Да ладно тебе: от Тифлиса и досюда по всем нашим подразделениям только о твоих несущках разговор и идёт. Слышь — слух образовался: Григорич с утра во власть пошёл, тебя отмазывать...

— Хрен он меня отмажет, если эти подлые нестись не начнут. У тебя в Эшерах свободно?

— Гостевой домик занят...

— Блядей небось натащил?

— Почему сразу блядей, душа твоя чёрная? Вполне себе приличная семья из Таганрога. За старшую там какая-то родственница моей тётки. А мой домик пустой, поезжай, отлёживайся. Ежели какие новости нарижутся, пришлю гонца.

Покатил я на Владвасову хату, по дороге прикупил пару пузырей «КВВК», минералки и горького шоколаду. Добравшись, пошёл знакомиться с гостями.

Семья из Таганрога насчитывала около полудюжины особей. Центральным звеном являлся средних лет учитель музыки, который умудрился транспортировать с берегов Меотиды на Черноморское побережье жену с кучей отпрысков, тётку, да ещё и тёткину маму. С ним мы распили литр коньяка, после чего музыкант чуть было не утоп, затеяв заплыв наперегонки с прибоем. Спасали его всем семейством. Толку получилось бы мало, но, на наше счастье, мимо проплывали на рыбацкой лодчонке местные мужики, которые его и выловили. Во время всего действия младший отпрыск утопающего — вертлявый, кучерявый, конопатый мальчонка — наигрывал на скрипке фрейлехс «Семь-сорок».

Одуревший от нервной обстановки, я завалился спать и проспал без просыпу ровно сутки, после чего снова съездил за коньяком.

На четвёртый день моего отшельничества заявился водила Владваса:

— Шеф велел передать: амнистия вышла.

Наспех попрощавшись с музыкальным семейством, я покатил в управление.

Владвас проводил пятиминутку. Растолкав трудяг, я прорвался к его столу:

— Ну?

— Малява пришла: разродились наконец твои куры. Мало того, сам Геннадий Васильевич с хашурскими товарищами побеседовал — Григорич расстарался. Думаю, после беседы этой райкомовцы готовы тебе ботинки вычистить, так что дуй домой. Очухаешься — супермагарыч с тебя, сообщи место и время. Кукареку!..

Диорама

Он чином от ума избавлен.

Пушкин

— Ну-с, господа Чичиковы, как настроение? Должно быть справное — свежее маслице бодрит, сахарок мозговую деятельность стимулирует: второй секретарь — зрак сатанинский (левый глаз сводит нервическим тиком, правый периодически убегает за бровь), в присущей ему казуистической манере открыл Партактив. Первый секретарь, заняв каноническое своё место у спадающей пышными сборками тяжелой портьеры, полуприкрылся ею и, сладко зевнув, задремал (весь город знал — перед сходками принимал обычно четвертушку коньяка, после отсыпался под трёп аппаратчиков).

Я, загодя пробравшись в самый дальний уголок зала, тоже поклёвывал носом, ибо к середине дня успел уже набегаться: спозаранку строил умильные рожи прозванной королевой цемзавода Танюше, выбил на сегодня пятьдесят тонн четырехсотого, после лялся за вагоны на Грузовой, после, уже по телефону, с отгрузочной песчаного карьера, после был звонок из Горкома — требовали руководителя на внеочередную вздрючку. Нодар немедленно ухватился за сиську: — Слушай, мне что-то с утра не по себе, пульс частит, воздуха не хватает. Будь другом, поезжай...

— Иваныч, я-то поеду, мне не в тягость, но они уже позабыли, как ты выглядишь...

— Поезжай, дорогой, поезжай, вдруг меня там прихватит — конфуз образуется...

Поехал, и вполуха слушал сквозь дрёму трепотню Второго. А тот, добавив желчи: — Удивительная вырисовывается картина — Горстат сообщает, что количество распределённых в прошлом месяце по предприятиям талонов на сахар в полтора раза превышает общее число занятых на городских предприятиях тружеников, на масло — в два раза. Что будем делать? Попробуем разобраться и принять меры, или поочередно делегировать к вам в помощь специалистов из ОБХСС? Можете не сомневаться — эти вмиг всё разложат по полочкам, со всеми вытекающими...

В зале царила кладбищенская тишина. Первый всхрипнул за портьерой.

— Кроме того меня беспокоил один, прямо скажем, вопиющий факт, — продолжил после паузы Второй, — тут явно имеет место какой-то подвох: почему Экспериментальный железобетонный отказался от талонов? Что это — саботаж нашей инициативы? Директор здесь? Отзовитесь!

Пришлось высвечивать свою физиономию: — Нодар Иванович нездоров, я за него.

— Опять нездоров? Думаю, в конце концов, нам придётся его навещать, а то получается, что мы не проявляем должного внимания, не интересуемся состоянием здоровья наших руководящих кадров, обидится человек...

Уловив сквозь сон, что обсуждают нашу лавочку, встрепенулся Первый: — Не устану повторять: не вызывает у нас доверия предприятие, на котором главным инженером поставлен беспартийный, мало того, некогда изгнанный из рядов Комсомола товарищ, и, скажем прямо — незрелый возраст этого товарища так же не внушает нам доверия...

Второй: — К сожалению покровительствуют этому, с позволения сказать, товарищу некоторые работники высшего партийного руководства (на Геннадия Васильевича, сволочь, намекал, ибо тот после истории с несущками испытывал ко мне изрядную симпатию), но мы, набравшись терпения ждём, и я уверен — очень скоро дождёмся, когда товарищ главный инженер проявит-таки своё истинное лицо! Так почему предприятие отказалось от талонов? За какие грехи дирекция надумала ущемить право работников завода на справедливое распределение изысканных властью излишков продуктов питания?

— Никакого ущемления нет и в помине. Мы обсудили вопрос на общем собрании, и пришли к выводу, что талоны на продукты, которые и так пребывают в свободной продаже, способны спровоцировать дисбаланс семейного бюджета наших работников, ибо могут ввести в искушение некоторых домохозяек, и те займутся накоплением сверхнормативных запасов масла, сахара, мыла и прочих товаров ежедневного потребления, а дисбаланс семейных затрат незамедлительно скажется на производительности труда.

— Столичные выкрутасы, товарищ Чхатарашвили? Думаю, инициатива похерить таким образом авторитет партийного руководства города от вас исходила? На ваш почерк смахивает!

— Именно что так — инициатива была моя: я лично опросил всех наших работников, и большинство согласилось, что излишний искус приведёт к нежелательным расходам, поэтому из выделенного предприятия лимита мы затребовали талоны только лишь на стиральный порошок, чем несказанно обрадовали женский персонал. Мне непонятно ваше недовольство, ибо мы, хоть и в малой степени, воспрепятствовали бессмысленному разбазариванию продуктов первой необходимости.

Второй аж зубами заскрежетал: — Против политики партии прёшь? Молод ещё нас учить! — Обернулся к своим шавкам, приказал: — Орготдел, немедленно комиссию на Экспериментальный, комплексную, с подключением Комитета народного контроля! За подобными вылазками могут чёрт знает какие нарушения скрываться. И уже мне: — Запомни на всю оставшуюся жизнь — кто не с нами, тот против нас!..

Я вежливо так: — С Экспериментальным закончили? Тогда позвольте мне откланяться — у меня сегодня отгрузка, а за простой вагонов мы отвечаем по всей строгости закона. Да, ещё одно — я сегодня погнал в шею вашего куратора, этот безграмотный сопляк уже командовать на полигоне принаравливался. Коли партия считает необходимым, чтобы на нашем предприятии постоянно присутствовал её наблюдатель, сделайте одолжение, подберите кого-нибудь с хотя бы минимальными инженерными навыками.

Весь обратный путь до завода я прикидывал — не заглянет ли к Иванычу в гости небезызвестный Кондратий, когда молва донесёт до него подробности сегодняшних дебатов...

Эпизод

Новый 1980 год подоспел, и с утраца мы — я и пяток сослуживцев — расслабились в серных банях, в «Пушкинском» номере, под чешское пиво. После поднялись на Мтацминду — присутствовала там под самым чёртовым колесом преуютнейшая харчевня, в которой в любое

время суток подавали алазанского сома с киндзой в винной заливке да под экспортную «Столичную».

Шибко не злоупотребили: новогодний ужин в кругу семьи — это святое, посему, откушав рыбки, восчувствовав рюмочку-другую водочки и усугубив на посошок охлаждённым брютом, пожелали друг дружке ещё сотню новогодних разговлений в будущем и разбежались — большинство к трамвайчику фуникулёра, а мне было сподручнее на «канатке», вот и спустился я на Земель.

Стою напротив кассового зала Аэрофлота (это где нынче гадюшник «Макдональдса» красуется), такси отлавливаю. Гляжу, топает через дорогу соседствующий приятель, бывший физик, а в то время — забросивший учёные штудии и воспылавший нежными чувствами ко всевозможным гадам и амфибиям заведующий серпентарием нашего зоологического сада. Небритый, встрёпанный, с объёмистым портфелем — видно, что с дороги.

— Привет, — говорю. — Откуда такой тверёзый и утомлённый?

— Да из аэропорта, только прилетел...

Тут как раз зелёный огонёк показался, тормознул я тачку.

— Садись, — говорю, — подвезу.

В пути продолжили беседу:

— Так куда летал под самые календы?

— В Баку. Из тамошнего зоопарка по обмену животное привёз.

— И куда дел? Неужто в камеру хранения сдал?

— Да нет, вот оно... — и застёжку на портфеле сбросил.

Не знаю, как он умудрился запихать в баул метрового ящера с диким взором, зубастой багряной пастью и раздвоенным алчущим языком, который, ощутив некоторую свободу, незамедлительно предпринял попытку выбраться на волю и поведать нам про нелёгкую долю пленённой рептилии. Таксист, чернявый, плотненький, с округлым животиком, бросив «Волгу» с работающим мотором и распахнутой дверцей на проезжей части, бежал по проспекту и орал:

— Люди! Спасите, уберите от меня этих сумасшедших!..

На его вопли из ближней ментовской поспешали стражи порядка...

Не разобравшись в ситуации, взъярённая ментура поначалу загнала нас в обезьянник, портфель при этом изъяли и открыли. После стражи порядка, выпихнув нас из клетки, сами втиснулись в неё и заперлись изнутри, а бывший физик гонялся по дежурке за неожиданно резвым ящером. Я взобрался с ногами на единственный в помещении стол и наслаждался зрелищем. В конце концов рептилия вновь оказалась в бауле, мы в клетке, взбудораженные менты допрашивали насилу удер-

живаемого в околотке водилу, дрожмя дрожавшего от пережитого и оттого излагавшего какую-то бессвязицу...

Наконец прибыл отозванный от праздничного стола и оттого люто злой начальник отделения — на наше счастье, старый мой знакомец и собутыльник. Покрыв суетящихся сочным матом, приказал всем заткнуться, а мне предложил внятно изложить суть событий. В процессе моего повествования вещдок, то есть ящера, главный фигурант дважды извлекал на свет Божий, и дважды дежурка пустела — опричники ломились на волю...

Но всё на этом свете имеет начало и конец: разобрались, постановили оштрафовать нас с серпентологом за мелкое хулиганство и компенсировать таксисту моральный и материальный ущерб. Последний денег из моих рук не принял — пришлось передать ему четвертной через посредника — и, всё ещё конвульсивно подёргиваясь, покинул участок, завёл перегнанную к дежурке тачку и тихим ходом укатил во тьму.

Утомлённый дорогой и последующей кутерьмой змеелов, прихватив «животное», улизнул домой, благо проживал через улицу.

Я, отслюнив личному составу ментовской на дюжину кахетинского, поспешил к домашнему очагу — Дедушка Мороз уже стучался в двери горожан...

3. Дачники

«Воспрещается жить на даче сумасшедшим, безумным, страдающим заразными болезнями, престарелым, малолетним и находящимся в строю нижним чинам... Травы не мять, почвы не загрязнять и берёз не ломать». (Антон Чехов, «Дачные правила»)

К середине восьмидесятых неперемный летний отдых в окрестностях Бештау и Большого Седла дочуркам моим опостылел. Все терренкуры были пройдены, во всех возможных сочетаниях опробованы железистые и кислые воды, по лермонтовским местам семейство, сопровождаемое сворой закадычных дворняжек, разгуливало как по собственным, знакомым до последнего кустика, угодыям. Пресыщенные прелестями Пятигорья, дети запросились на родные ландшафты.

Спешно собранный совет дружественных кланов постановил: местечко Сиони, ибо курорт манил чистым гористым воздухом, проточным озером с благоустроенной под нужды купальщиков частью берега,

обильной рыбалкой и буйством окрестной флоры. Порешили арендовать один вместительный дом на всех, в квартирыры определили меня с Длинным.

В первых числах июня мы покатали на рекогносцировку. По прибытии на место автомобиль оставили у отделявшей акваресурс от жилой части поселения дамбы и прогулочным шагом обошли ближний околоток. Привлѣк наше внимание двухэтажный особняк, отличный от прочих широкой террасой, просторными балконами, свежевыкрашенными стенами и ухоженным цветником при обширном надворье. Подозвали подстригавшую клумбу вероятную домовладелицу — благообразную матрону средних лет, и представительный Длинный, вовсю используя замысловатые обороты литературного языка времѣн Первой республики, поведал селянке о наших намерениях.

— Детей у вас много? — в упор спросила хозяйка усадьбы.

— Дети у нас уже взрослые, — уклончиво ответил Длинный и принялся с жаром расписывать, какие это благовоспитанные и во всех отношениях положительные юные дарования; перечисляя славных их предков, упомянул две-три фамилии уважаемых в обществе деятелей науки и культуры — что-что, а искусством плетения гирлянд из лапши гаер владел в совершенстве.

Сговорились: Аснат — так величали хозяйку — согласилась переселиться до конца сезона в отстоявшую от основного строения летнюю поварню, предоставив в наше распоряжение всю остальную недвижимость на тот же срок. Отслюнив хозяйке аванс, мы, посмеиваясь в усы, поспешили к родным пенатам — оповестить будущих дачников об удачном завершении возложенной на нас миссии.

Дабы без дорожных потерь переместиться в арендованные апартаменты, я пригнал с работы автобус. Всего нас насчитывалось двадцать пять душ: пять супружеских пар со своими отпрысками, сынок наших близких друзей — малолетний вредитель Котя, гость из Москвы — недоросль Гоша, и, наконец, четвероногий член сообщества — спаниель Чарлик. Были мы молоды, полны задора, и, хочу отметить — абстинентов и нытиков в компании нашей не наблюдалось.

Автобус остановился у калитки. Аснат вышла встречать постояльцев. Первыми посыпались наземь детишки, построившись колонной, прошли в калитку, замыкающий Котя скорчил слегка ошарашенной хозяйке рожу. Далее, смутив домовладелицу пестротой городских одѣжек, продефилировали дамы, после них — отцы семейств. Последними

сошли суровый в телесном своём изобилии Длинный и его верный Чарлик.

— Вай ме, ещё и собака? — всплеснула руками встречающая.

— Госпожа Аснат, — начал Длинный, — этот пёс воспитан так, что без моей команды и шагу не ступит. Пока я не разрешу, он с места не сдвинется...

Чарлик, примостившийся у ноги хозяина, внимал его монологу, одновременно изучая подлым глазом вверяемую ему территорию. Длинный нагнулся, отстегнул поводок. Чарлик проскользнул в калитку, налётом прошёлся по двору, поднял гревшихся на солнышке ухоженных кур, отловил красавца-петуха, придушил его и уселся, довольный, у ещё подёргивающего лапами тела первой жертвы.

Пышный хвост убиенной птицы заинтересовал Котю. Вредитель подкрался, выдрал переливчатое перо, пристроил его за ухом, издал леденящий душу боевой клич и немедленно вскарабкался на крышу ажурной беседки.

— Вай ме, — повторила Аснат и скрылась во временном своём жилище.

По прошествии недели внешний вид арендованной усадьбы претерпел некоторые изменения (так, наверное, выглядели в старину домовладения, подвергшиеся набегу «потусторонних» горцев): цветник был уничтожен, на фоне озёрной глади полуразвалившаяся беседка напоминала терпящий бедствие корабль. За каждую убиенную Чарликом несушку домохозяйка выставяла счёт в размере двадцати пяти рублей. Хоть сионские куры и давали наваристый бульон, но мы рассудили, что цена непомерна (на рынке уже ощипанная и выпотрошенная деревенская курица стоила в три раза дешевле), посему душегуба посадили на привязь. Смею заверить: ни один представитель популяции *Canis lupus* не сравнится с русским спаниелем в искусстве обертонного вокализа.

Дабы Чарлик постоянно находился в поле нашего зрения, привязали его к фронтальному опорному столбу строения, ко второму столбу по утрам привязывали вредителя Котю, ибо последний был уличён в попытке поджога убежища домовладелицы, причём сама Аснат находилась в это время внутри. В пиротехнической акции принимал участие и младший сынишка Длинного. Второй поджигатель был передан под гласный надзор дамской половины, спички изъяты из свободного обращения, количество используемых коробков строго учитывалось.

Столичный Гоша страдал пристрастием к декламации. В любое время дня можно было видеть его перед фронтоном дома, где из перевёрнутой верх дном лохани оратор устроил себе подиум. Приняв классическую ленинскую стойку: правая рука, правая нога вперёд, шея по-жирафьи вытянута, — Гоша неожиданным для недоросля густым баритоном травил нескончаемые байки московских подворотен. Обладавший музыкальными способностями Чарлик наловчился подстраивать свои рулады под ритмические паузы декламатора. Периодически к дуэту присоединялся вредитель Котя:

— Я что, тоже собака — целый день на привязи сидеть?

Аснат после неудавшегося поджога демонстративно повязала лоб чёрным платком, так и ходила до самого нашего отъезда.

Как нам отдыхалось? Да чудесно! По пятницам пополняли запасы продовольствия и спиртного. По субботам творили грандиозное винопитие с обустройством ритуального огнища и поднесением даров щедрым богам. В воскресные дни мы релаксировали: лёгкая опохмелка, рыбалка, приготовление ухи, повторная опохмелка, исследование дальних берегов водохранилища с использованием позаимствованных с причала гребной станции плавсредств, распитие «чарки первооткрывателя» на тех берегах и прочие невинные шалости.

Да, забыл поведать: пытливые наши детишки, сориентировавшись на местности, определили, что имеется возможность существенно сократить путь до озера — препятствием служила глухая тыловая ограда усадьбы. Часть забора была немедленно демонтирована, и образовавшийся лаз предоставил нам возможность беспрепятственного проникновения на зады гребной школы.

На следующий год образовавшееся сообщество дачников вновь проголосовало за отдых в Сиони, единственное — арендовать апартаменты пришлось на значительном удалении от первого нашего пристанища...

Диорама

Переполох

Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся, поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок. — Андропов Ю.В.

10 ноября 1982 года «дорогой» наш Леонид Ильич отбыл на заседание к гостеприимному Петру Ионычу. Покорителя Целины сменил у кормила бдительный Юрий Владимирович, который сразу же заявил, что вплоть до самого дня его воцарения страна прозябала в условиях беспредельной коррупции и беспримерного разгильдяйства, после чего распорядился незамедлительно приступить к беспощадному искоренению указанных пороков. Тёртая-перетёртая страна новацию приняла со скепсисом — слыхали, мол, и видали, но искоренение вдруг действительно бесцеремонно вторглось в устоявшийся наш быт, правда как-то однобоко вторглось, не совсем убедительно, ибо носило характер явной избирательности. К примеру — карательные меры не коснулись промышленности, строительства, сельского хозяйства, потребкооперации, службы быта, то есть — отраслей, где давно и прочно обосновались «серые» схемы хозяйствования, зато гончие псы правосудия мёртвой хваткой вцепились в торговый мир, причём особо свирепствовала Лубянка именно на просторах столичной торговли (следственные действия по торговому ведомству проводило исключительно КГБ) — по-видимому, имела место унаследованная генсеком от деда ювелира неприязнь к московским лабазникам.

Торгашей потрясли изрядно — только по Москве было возбуждено более сотни дел: топорщили «Внешпосылторг» с сетью столь полюбившихся денежному люду «Берёзок», арестовали, и даже для острастки прочих приговорили к «вышке» директора знаменитого на всю страну «Елисеевского», до полутора тысяч подследственных были признаны виновными в различного рода махинациях и пополнили нестройные ряды обитателей исправительных учреждений.

Одновременно с травлей торгошай набирала обороты так называемая «борьба с прогулами», которая вылилась в откровенный фарс — милиция в рабочее время осуществляла рейды по кинотеатрам и пивнушкам, отловленных прогульчиков наказывали рублём, понижением в должности, общественным порицанием — увольнять не получалось, ибо суровый КЗоТ (8) стоял на страже прав трудящихся. Вплоть до безвременной кончины генсека хаос усугублял калейдоскоп программных «Экономических экспериментов», от обилия которых у хозяйственников голова шла кругом...

В непростые эти времена Персик, пребывая, как и весь честной народ, в смущённом состоянии духа, обстоятельно, аж на три этажа за-

лил соседские квартиры. Пострадавшие потребовали возмещения, пришлось залезать в долги, и очень скоро явился к заемщику дисконтер от местных авторитетов, который после недолгих дебатов милостиво согласился принять опустошенную до голых стен — мебель была давно продана и пропита — Подсобку в счёт покрытия векселей. Дабы найти хоть какую-нибудь крышу над головой Персик вымолил месячную отсрочку. Сроки поджимали, рассчитывать на эмитуру от щедрот общест-венности не приходилось, опять же — надо было чем-то напитывать организм, ибо бегать на Черепашье озеро за акридами было не с руки, да и дикого мёда в пределах досягаемости не наблюдалось, оставался единственный, последний выход — выгодная женитьба. В описываемый период Персик для усмирения молодой плоти прелюбодействовал с некой телефонисткой околотошного узла связи, намерения которой окольцевать любовника категорически пресекал, ссылаясь на староре-жимный закон, воспрещавший служительницам почтово-телеграфных ведомств пребывать в замужестве. Казалось бы, обстоятельства сложи-лись так, что следовало похерить табу и поддаться поползновениям подруги, но, взвесив плюсы и минусы, гаер отверг наиболее доступную кандидатуру, посчитав препятствием мизерную зарплату зазнобы и от-сутствие у неё обособленной жилплощади. Ну что ж, — размыслил Персик, как говорится, чтобы с барышней слюбиться, за девкой воло-чись, будем искать: в поход, и пусть похоть станет поводирыём моим!.. Изыскания, не успев начаться, неожиданно удачно завершились в сте-нах родного Иняза — наткнулся-таки Персик на наследницу состоя-тельного дедушки-педиатра, только-только вступившую во владение уютной квартиркой в Старом городе, и моментально до смерти втре-скавшуюся в подъехавшего к ней на коротком ходу вечного студента. Тут же подвернулась вечеринка, на которую влюблённые были званы, в пьяной суматохе случилось сумбурное соитие, наутро бывшая девица предложила, не откладывая в долгий ящик, оформить отношения.

— Быстро только куры бегают, — резонно возразил Персик, — казывай хоромы!

В тот же день имели место смотрины апартаментов: — Дас ис фан-тастиш! — невольюно вырвалось у жениха, облизнувшегоса на пестревш-ие корешками ходовых изданий книжные шкафы и набитую фарфо-ром антикварную «горку», — кантата си-бемоль, едрёнть!!!

Счастливая невеста подключила семейные связи и через трое суток парочка обзавелась вожделенным свидетельством о заключении закон-

ного брака, а ближайшим воскресным днём молодожен уже успешно торговал на книжной «плешке» дореволюционным Мережковским и раритетным изданием Брюсова: — Где меня можно найти? По выходным — здесь, а по будням в таверне Адмирал Бенбоу, — влюблённый в романтические писания Стивенсона так окрестил гаер популярный духан «У Прожектора» (Прожектором за апоплексическую физиономию острословы окрестили буфетчика одного заведения).

Мы двумя перстами крестимся

На территории Грузии издавна существовал приход, канонически подчиненный Русской Древлеправославной Церкви (Новозыбковской архиепископии). Основной центр древлеправославия в Грузии находился в селе Григолети Ланчхутского района, близ города Поти. В течение 10 лет (от 70-ых до 80-ых) в этом селении священнодействовал священник Феодор Гончаров. — Русская вера (Всемирный союз староверов)

Когда в 1878 году Батум был отвоёван у османов, дюжина раскольников с женами и детишками стронулась с беспокойной Кавказской линии и в поисках годного для поселения места ушла к Чёрному морю. Здесь, в двенадцати верстах от портового Поти, высмотрели они стесненную с Запада береговинной мелководной бухты, а с востока подпираемую торфяниками древнего Палеостомы (9) песчаную полосу, по которой тянулся торговый тракт к Батуму, на ней, при дороге и поставили просторные дощатые хаты. Пришлые оказались умелыми огородниками — задоблив сыпучую основу озёрным илом пустили в рост дивные огурцы, помидоры, морковку, редис — место проезжее, прибыльная торговля наладилась... А спустя сто лет, примелькался приятный уголок вездесущим нефтяникам, и надумали они отстроить себе в сосновой роще, что следовала берегу морскому, ведомственный дом отдыха. Согласовали с Москвой, министерство поддержало на ура: запрос на землеотвод, проектное задание, изыскательские работы, сам проект — порешили строить с размахом, на полтысячи отдыхающих, из чешских комплектующих, по первой категории — предварилочка тянулась долго, до самой «андроповщины», но всему на этом свете бывает конец, настало, наконец, время вбить в песок первый разметочный кол, и я слинял от «борьбы с прогулами», от опостылевших циркуляров по

«экономическому экспериментированию» в древнюю Колхиду, руководить строительством.

Приступили. Только покончили с оградой, а территория под обустройство была выделена солидная, явился ко мне молодец из местных — лет сорока, голубоглазый, русоволосый, костистый, жилистый: — Начальник, тебе охранники не нужны?

— Да мы сами и охраняем, здесь ведь и живём.

— А ночью кто сторожит? Али не спите? Коли возьмёте нас с братом, мы присмотрим посменно, ни одна мышь к вам без спросу не проскочит. Нам и зарплаты не надо, за так присмотрим.

— Ты это брось! У меня подобные фокусы не канают. А скажи — какой резон вам с братом задаром ответственность на себя принимать?

— Староверы мы, двумя перстами крестимся.

— Ну и что с того?

— Говорят, вас, нехристей, новый царь дрессирует шибко, так оно или нет?

— Не то, чтобы очень, но чуток прижимает.

— Вот и у нас свой Андропов есть — отцом Феодором зовётся: табак запрещает, вино запрещает, — попробуй послушаться. А у тебя территория закрытая — посторонним вход запрещён! Понял теперь?

Смех меня разобрал, отсмеялся, спрашиваю: — Так вы что, квасить здесь собираетесь? Какой же тогда из вас караул?

— А ты погляди недельку-другую, может, всё-таки придёмся?

Взял я братьев. Поставил у ворот ячейку под караулку, зарплату положил. Приступили. Гляжу — справляются отменно, иногда поочередно один исчезает на ночь. Какое-то время прошло Николай ко мне с вопросом: — Домой, к семье, когда думаешь?

— На днях махну, а что?

— Скажи, когда соберёшься.

— Как автокран из управления подгонят, поставлю на монтаж и мотаю на пару дней.

Дождлся я крановщика с краном, наутро проинструктировал прораба и собирался уже двигаться в Тифлис, смотрю — Николай топаёт, в руках плетёнка: — За сидением пристрой, чтоб с окна обдувало...

Заглянул — судачки, ореховым листом переложенные, кефаль «пестроглазая», окунь-красноперка.

— Это откуда? — спрашиваю, — браконьёрствуешь?

Николай зубы скалит: — Мы староверы, над нами Бог судья, а не прокурор. Лодочка у нас на задах припрятана, вот и ходим в озеро по ночам — в эту ночь брат ходил, так что, Михалыч, пока ты здесь в начальниках будешь кантоваться об рыбке свежей не печалься, мы эту заботу на себя принимаем...

Строили два полных года. Чтобы описать в подробностях этот период богатого на события бытия моего — отдельная повесть требуется, представьте: безлюдный пока ещё курорт, по достоинствам не уступает знаменитой Пицунде — песчаный пляж, ласковое лазурное море, девственная роща, благодатный климат, закрытая территория, коттеджи класса «люкс»: чехи поставляли ячейки с финишной отделкой, мебельровкой, сантехникой, водогрейными и отопительными котлами, электропроводкой, осветительными приборами, кухонным оборудованием, и, внимание — с оконными занавесями и чайной посудой! Ключи от смонтированных апартаментов находились у меня (бригада оттягивалась в отдельном модуле-общежитии, которое по удобствам ничем не уступало гостевым домикам), нетрудно догадаться, что круглый год осаждали нас гости: близкие и далёкие друзья, товарищи и родственники друзей, сослуживцы из аппарата с семьями, районное руководство. Чего стоил один только набег съёмочной группы нашей киностудии: режиссёр, ассистенты режиссёра, сценарист, композитор, оператор, звукооператор, техники, осветители, костюмерши, гримерши и черт знает кто ещё, это, не считая актёров от «светил» и до массовки — абсолютно все, как и положено богемному люду, ёрники и пьяницы. Работяги мои одурели, глядя на выкрутасы киношников — ночами публика эта веселилась напропалую, а в дневное время разъезжала по окрестным сёлам, снимая семисерийный (!) телефильм романтического толка с вкраплениями фольклорных мотивов.

Осознав, что строительный процесс находится под угрозой срыва, я загнал творческую группу в дальний угол территории — присутствовала там дюжина завершённых коттеджей, устроил для них отдельный въезд и оградил загон от стройплощадки временным забором...

Уже завершилась «андроповщина», уже второй сезон принимал я званых и незваных халявщиков, а загадычного Дядю Мишу, по которому скучал отчаянно, заманить в Григолетти никак не получалось, ибо неугомонный трудоголик вдобавок к основной службе присовокупил лекции в школе КГБ, мало того, как судмедэксперта его постоянно до-

могались то угрозыск, то городская криминалка — в абсолютной запарке пребывал любезный друг. Но вот, наконец — погожим июльским вечером, всполошив дремавшее на заборе вороньё, разнёсся по роще громозвучный глас: «Михалыч, я приехал!», и предстал предо мною Дядя Миша в чудном наряде: широкополая соломенная шляпа чаевода, хлопчатобумажная роба цвета детского поноса и босоножки телячьей кожи.

— Где это тебя так вырядили? — поинтересовался я.

— В Батуми — у вечерников экзамены принимал, после попросил подобрать в цейнгаузе что-нибудь прогулочное, вот и приглядел костюм пожарника, как у тёзки моего, гусекрада.

— А милицейскую форму куда дел?

— Там оставил, мне в понедельник возвращаться, переэкзаменовщиков принимать.

С дороги внутренности гостя требовали вина, и мы отправились в славный город Потти. Подвёз нас выклянчивший у меня колёса для поездки к семейству бригадир наш из местных.

В ресторане потийского морвокзала бытовала в те времена чудная традиция — посетителей рассаживали на опоясывающем здании балконе, после насыщения «пестроглазой» кефалью, подавали им лёгкую закуску и в меру охлажденное розовое «Абрау Дюрсо». К одиннадцати ночи кухня и буфет закрывались, но перед закрытием гостям, желающим продолжить застолье, официант вместе со счётом подавал требуемое количество шипучего нектара, и любезно раскланивался.

С моря тянул прохладный, отдававший йодом ветерок, ленивая волна играла со сваями причала, играло «Абрау» в бокалах — время остановилось, прислушиваясь к неспешной нашей беседе. Я ненароком глянул на часы: — Однако! Четвёртый час, Мишаня, нам выбираться пора...

Вышли на площадь — ни души, город спал беспробудным сном.

— Сколько пёхом до твоего хозяйства? — поинтересовался Дядя Миша.

— Двенадцать вёрст.

— Не дойдём, пошли в ментовскую.

Дежуривший у телефона молоденький лейтенант оторопел, завидев в дверях мощного полупожарника: — В чём дело, гражданин? — Пригледелся, — Вай ме, дядя Миша, какими судьбами?

Мишаня обнял лейтёху, расцеловались: — А ты возмужал, красавчик, как служиться?

— Всё хорошо, семьёй обзавёлся, если бы не дежурство, сейчас же ко мне отправились бы, пропустили бы по стаканчику...

— Мы с другом уже напропускались, — представил меня, — и, видишь, задержались чуток. Выручай с колёсами, а то город как вымер, ни одной тачки не найти.

— Наши все на свадьбе — Хинкала помните? В моей группе был — женился. Ничего, сей час что-нибудь придумаю. Покрутил диск телефона, — Привет, Бесо, слушай, у тебя там кто-нибудь с колёсами есть? Надо друзей подвести. Нету? Тогда давай дежурную. Жду.

Через пару минут к околотку подкатил сверкающий багряними боками пожарный автомобиль, из кабины выглянул парнишка в каске: — Кого здесь в Григолетти отвозить? Полезайте.

— Не зря мне робу подарили, — заметил Дядя Миша, — к месту пришлась. Поехали...

В дороге водила травил душераздирающие истории из служебной практики, развернувшись у нашей проходной и ссадив нас, дал пронзительный прощальный сигнал.

Светало. В полусотне метров от берега, на водной глади, искрившейся в первых лучах восходящего солнца, покоился ладный эйкосорос (10), гребцы рассаживались по скамьям, распрявился в поисках верховика четырехугольный парус, на полотнище отливал золотом абрис круторогого овна. На носовом настиле ладьи покуривал трубку широкоплечий бородач, углядев нас поднял в приветствии руку, — приплывший за золотым руном из Иолка Тим Северин, переждав ночь в нашей бухте, готовился ко входу в устье полноводного Фазиса, дабы проследовать вслед за Ясоном к древней Эйе. Завороженные наблюдали мы, как на наших глазах оживал древний мир... За моей спиной послышался скрип ведрной дужки, я обернулся — Николай с ведром в руке, в сопровождении заспанных староверов вертел по сторонам головой: — Михалыч, где горит?..

-----

8. КЗоТ — Кодекс законов о труде.

9. Палеостом (Палеостоми) — реликтовое озеро на берегу Чёрного моря, близ устья р. Риони.

10. Эйкосорос (εἰκόσσορος) — быстроходное, двадцативёсельное гребное судно Эгеиды гомеровской эпохи.

4. Пятница, не тринадцатое

Мы время полоскали водкой...

Михаил Ляшенко

Сколько человечков может вместить при максимальном уплотнении спальная комната хрущёвской «трёшки» (меблировка — приставленный торцом к оконному простенку массивный письменный стол, венский стул перед ним и три стандартных топчана вдоль стен)? — два десятка душ обоего пола, и ещё останется проход от двери к окну. А как-то, во время одной из пятничных посиделок был установлен абсолютный рекорд — «Клуб» вместил аж двадцать пять жаждущих общения, и не только общения, меломанов...

За окном нюнил ноябрьский водогон. Пётр Ильич, поочередно выдвигая ящики стола, выставял на столешницу стаканы. Дим-Дим осуществлял общий надзор. Я держал кассу.

В прихожей тренькнул звонок, появился обстоятельный доктор Тоша, выложил на стол пятерку, сообщил радостную весть: — У Фриппа новый состав — сессионных лабухов набрал, уже гастролируют, значит, скоро альбомом осчастливят...

Пришёл Миша-ксерокс с носатой блондинкой: — Сообщаю: свежую рокэнциклопедию подвезли. С понедельника запущу в тираж, для своих по двадцатке, для фраеров по полтиннику...

Следом явился неунывающий Персик: — Чуваки, в торговую сеть чешскую сливянку выбросили — слеза девственницы в брачную ночь!

Пришли четырёхглазый Павлик с Деликатным мозгоправом. Павлик брякнул дежурную глупость, Деликатный вяло улыбнулся, уселся у дверей, ибо не терпел табачного дыма.

Ввалилась Клеопатра, она же мадам Верёвкина: — Юношам моё почтение. Павлик, у тебя встал наконец? Шучу, шучу. Кассир, спинтрии(11) принимаем?..

Пришёл Джон с Махат-горы, без денег, но со своей бутылкой вина; молча забрался на топчан, затаился в самом тёмном углу.

Подтянулись остальные: громогласный пустомеля Барабан, тихоня Кадровый Юрик, предупредительный Цырлих-манирлих, Девственный Никита, Начальствующий — по-видимому, прямо со службы, левая бровь всё ещё топорщилась скобой.

Пришёл Средний брат с набором свежих анекдотов, уже в дверях приступил: — Значит так: — Одесса, гастроном, заходит Рабинович: — Скажите, у вас мясо есть? — Мяса у нас нет, — отвечает продавец, — но я дам вам хороший совет... — Мне не нужен совет, — обижается Рабинович, — мне нужно мясо! — Если вам нужно мясо, то поезжайте в Аргентину, это страна мяса. А у нас страна советов...

Поржали. Клеопатра пустила умиленную слезу, свела ладошки: — Мусик, я тебя вот такусеньким помню...

— И я тебя такусенькую помню, — отозвался Средний брат, — сама маленькая, а задница прямо как сейчас... а что, бухла ещё нет, не ходили?.. У меня времени в обрез — афишу надо на завтра малевать. Кстати, фильм клёвый — «Площадь Сан-Бабила», Карло Лидзани, о заранцах неофашистах...

Мусик прервался, — заявила троица залётных, косящих под хиповых герлух гризеток: две в теле, третья тощенькая. Им уступили места в партере, поближе к столу. Клеопатра насторожилась, принялась придирчиво рассматривать, девицы чинились, жеманничали.

Вновь отворилась дверь, оставшееся пространство сразу заполнил бессмысленной суетой компактный Пи-пи. Дим-Дим загнал невротика на поднадзорное место у подоконника.

Пришёл известный сиськохват Стройтрест, скинул пиджак, ослабил узел галстука, потеснив Павлика, подсел к девицам.

В дверь с трудом протиснулся Француз в обнимку с двухвёдерной бутылью. В наполовину заполненной ёмкости возмущённо пенилось пиво. За гаером на подстраховке следовала Газетчица.

— Ёрш, — объяснил Француз, — пехтурой пёрли, потому так вспенилось...

— А где водка, если ёрш? — Не поверил Дим-Дим.

— Внутри, не буду же отдельно тащить...

— Ну-с, кто с Петрушей в гастроном? — Дим-Дим вспомнил о регламенте.

Вызвался Цырлих-манирлих: — Что брать будем?

— Неуместный вопрос, — обиделся Дим-Дим, — что пьют в кафкианскую ночь? — указал на окно (по стеклу барабанил упругий косохлёт), — естественно, водку!

— Сегодня в гостях дамы. — Напомнил Пётр Ильич.

— Дамы водку пьют, — пискнула тощенькая, — с соком...

— Ясно, — резюмировал Дим-Дим, — водку и сок. Апельсиновый подойдёт?

— Ну и пару пузырей сливянки, — предложил я, — на пробу. У Персика губа не дура, ошибаться не умеет...

Первую пропустили под Клейтона-Томаса: «Thank you baby, thank you beeebu...» — стенал гаер. У начальствующего разгладилась хроническая скоба: — Петя, у меня заявление, — перекрыл гвалт натренированным на министерских пятиминутках голосом. Пётр Ильич убавил звук, все обратились в слух.

— Отдам мой «Dual», с запасной иглой, за полторы...

Я насторожился — вертушка свежая, в руках аккуратиста, коим являлся наш чиновник, считай, новая: — Как насчёт рассрочки?

— Сговоримся.

— Сделку надо обмыть! — Пётр Ильич сорвал колпачки с пары поллитровок.

Дверь отворилась. Зашёл неизвестный мне, да, по-видимому, и прочим присутствующим мужчина с плаксивым лицом, на котором явно читалась склонность к лёгкому умопомешательству, выпил два стакана водки подряд и забился в угол второго топчана.

После третьей заговорили разом, каждый о своём:

— Куда ему до Фриппа? Фрипп — король полиритмии, он его в карман посадит. Петруша, поставь «Lizard», душа требует...

— Нопфлер гитарист приличный, но ему перчика не хватает, нудноват...

— Клэптон? Да ну его, слюнявого...

— Бейкер, Хайсман, Палмер — это верхушка! Остальные перед нами — приготовишки...

— А Бруфорд, а Бонем? Скажешь тоже...

— Завинул убойный альбом запустил...

— А-а, без Пасториуса «Рипот» — детский сад...

— Всё плохое кино делится на индийское, арабское и фильмы киностудии имени Довженко...

— Клапана притирает ювелирно, движок как новый тянет...

— На рожу без слёз не глянешь, а задница — нераспустившийся бутон...

— Как говаривал старина Конфуций — карма, она блядь переменчивая...

— В его писанине раздражает щеголеватость слога!

— Тогда читай Воннегута...

— Ага, известная спортсменка — чёрный пояс по Камасутре...

— Это когда пиво ещё делали из солода, а не из Таблицы Менделеева...

— Штатники совсем офигели — второразрядного актёришку на второй срок избрали...

— В Чите стопятьдесятчетвёртая Тушка грохнулась. В прессе, конечно, ни гу-гу, но, прикинь — жертв нет, ни одного жмурика...

— Ты послушай, какая басовая линия, прямиком в мозжечок колотит...

— По всей видимости, талант и большой пьяница...

— Так вот, доложу я тебе, друг любезный, Аксёнов твой — хрен моржовый...

У Девственного взыграла душа, что вылилось в крайне немзыкальное исполнение расхожего шлягера «Hotel California». Вокализ успеха не возымел, и солиста, уплотнив публику, пересадили на другой топчан, напротив Клеопатры. Страдалец прилип алчущим взором к мощным ляжкам мадам, и затих.

— Петя, — встроилось в музыкальную паузу мелодичное сопрано из-за двери, — Боря опять в уборной заснул.

Похрапывающего Пи-пи занесли, уложили к стенке, позади залётных.

К десяти слиняла Клеопатра, мол — потехе час-другой, а делу — время: **труженицы без мамкиного присмотра** простаивают.

Пробудился Пи-пи, блеснул знанием латыни, пропищав: «Simila Similibus...», оттопырив мизинец принял стопарик и вновь погрузился в сон, обняв пышный зад ближней девицы.

В двенадцатом часу, потеряв надежду на романтическое продолжение вечера, засобирались залётные. Стройтрест вознамерился было их проводить, но, — дождь усилился, водки было ещё вдоволь, и в ответ на кокетливое: «Ну что вы, зачем же беспокоиться...» — упорствовать не стал, после чего девицы чередою коротких, но обстоятельных выражений послали его, а вместе с ним и всех нас в строго определённое место и удалились. Лишённый мягкой подушки Пи-пи вновь продрал глаза и проблеял козлетоном: «Официанту воткнули в жопу вил-

ку, на том закончилось последнее танго!..» Пётр Ильич в четвёртый раз предложил на посошок...

Расставались под меланхоличную Спирогиру. Ангельский голосок Барбары Гаскин толкнул Персика в объятия старика Еврипида: — Из царских уст или из уст безвестных одна и та ж звучит различно речь... ебись оно всё конём!!!

Вечер удался...

-----
(11) спинтрия (лат. *spintria*, также бордельная марка) — небольшой серебряный или бронзовый монетовидный жетон с изображением сексуальных действий или символов, применялся как расчётное средство в публичных домах древнего Рима.

5. Вынь да положи...

Гвозди б делать из таких людей...

Н. Тихонов

Ширакская степь — обширная безводная плоская возвышенность, расположенная в Тифлисской губернии между Иорой и Алазанью. В зимнее время служит пастбищем для горцев Дагестана. Местами имеются источники нефти. В северной части Ш. степи, в 29 верстах от Сигнаха, находятся Царские колодцы, штаб-квартиры тверского драгунского полка — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Царь Кахетии Теймураз Багратион за заслуги в войнах против персов даровал «не знающим страха» тушинам (горцы востока Грузии) право на выпас скота в Шираки. Право это оспорили соседствующие лезгины, что привело к взаимным набегам. Междоусобица прекратилась с приходом в 1874 году на квартиры в Царских колодцах (С 1921 года — Красные колодцы) Тверского драгунского полка.

В 1860 году в Ширакской степи были обнаружены залежи нефти. В 1883 году нефтеносные участки арендовал прусский подданный Вальтер Сименс (компания «Сименс и Гальске»). В начале XX века скважины Сименса перекупило Нефтепромышленное общество Ротшильдов, управлять промыслом новые хозяева пригласили моего деда (отца матушки). После пришел 17 год, Гражданская, — по Закавказью «гуляли» банды разорителей самого разного окраса и рода-племени, неразбери-

ха царила ужасающая, — дед, человек справедливый до истовости, организовал команду усмирителей, и, возглавив первый в уезде Отряд особого назначения, принялся, с присущей ему обстоятельностью планомерно вырезать бандитов любого окраса. Когда его каратели отправлялись на зачистки, по степи стон шел — Хирсели идёт...

Упомянул я деда-маузериста по той причине, что преемственность, она на роду написана: предок мой в начале века скважины обустроивал в Шираки, и я, продолжатель, занялся тем же делом и на том же месте семьдесят лет спустя...

Грузия — удивительная страна: на крошечном пространстве — воброй за пару часов облетит — Господь собрал все, какие только существуют, ландшафты земные: один из примеров — спускаешься, любуясь пестроцветным разнолесьем, с Гомбор (12), следуешь сафьянному берегу белопенной Иори, у самой плоскости огибаешь скалистую, встопорщенную изумрудными елями горбатую гриву, и открывается глазу пустынная степь от подножья и до горизонта: ковыль, перекасти-поле, разбегающиеся в стороны линии электропередач, да унылый, колкий суховей. Отсюда, соорудив заборник, тянули мы водовод к будущей буровой, на месте обустроивали площадку — разбивали фундаменты для домиков вахты, налаживали трансформатор (отводку от ближней линии уже подвели), монтировали сборные складские «арки»... Я, только-только вернувшийся с короткой побывки, шерстил за дурость личный состав — кругом аспиды резвились, и, несмотря на категорический мой запрет, трудяги, улучшив момент, нет-нет да и перешибали хребет какой-нибудь зазевавшейся гюрзихе, и, дабы погордиться удалью молодецкой, перевешивали жертву через воздушку «нефтянки», вот и подрулил к площадке одновременно со мной уазик с синим крестом на двери, вылез из него весёлый дяденька, пересчитал убиенных змеюк, написал нашей конторе штраф по пяти с четвертью тысяч рубликов за особь, и сообщил, что его служба местных гадов лелеет и пестует, чуть ли не по именам различает, периодически на дойку забирает, и после выпускает обратно на выпас, а мы — вредители, нанесли государству сообразный указанной в квитанции сумме ущерб и на первый случай убыток сей покроем, а буде повторы случатся, руководитель (на меня, паразит, намекал) и под статью может подпасть... Прервал мой ор трезвон «нефтянки» — секретарша генерального названивала: — Николаич по тебе соскучился: мигом за руль и чтобы через пару-тройку часов был в приёмной!

— Так я только что прикатил, оглядеться ещё не успел!...

— Кого ебёт чужое горе? — поинтересовалась милашка, и трубка дала отбой...

— Что у вас? — Николаич оторвался от разложенных на столешнице документов, потёр набрякшие подглазья.

— Штраф у нас от Ветнадзора, за змеюк, на двадцать тысяч с хвостиком...

— Угу. Передай своим вандалам — вычтем из квартальной. А сам собирайся в дорогу: ты у меня, почитай, уже весь Союз объездил, а вот в зауральских степях, по-моему, ещё не бывал. Не интересно поглядеть места, где Пугачев казаков будоражил?

— Нет, — отрезал я, — мне «семьдесят шестую» добывать надо...

— Добьёшь ещё, — я же не в ссылку тебя отправляю, всего-то на пару деньков, и назад: съездишь в О...вск, добудешь мне семисоттонный пресс — тамошний «Прессмаш» производит — и завершай себе объект, кто ж тебе мешает?

— А почему именно я должен этот пресс добывать? Чем УПТК со своим добывальным аппаратом занято?

— УПТК не справилось.

— Надо же. А верхи? — могущественный Нефтепром? Мы же не бесхозные, в конце-то концов...

— Представь себе, и министерство забуксовало — этот самый «Прессмаш» хоть и не номерной — минстанкопромский, но на оборонку завязан, на сторону и гайки не отпустит...

— Так и чёрт с ним, с неприступным, — у белорусов выцыганим: мне в Оршу смотаться, раз плюнуть, а на «Красном борце» с оркестром встретят...

— Не подходит: у «Красного борца» пресса штамповочные, а мне нужен монтажно-запрессовочный, гидравлический, и нужен он мне в наш «профилакторий», причём, срочно. Ты когда там бывал, видал машину в трубном цеху? — на станине выбито: «Цинцинати-1924». Так вот, ветеран этот трофейный уже на ладан дышит, рассыплется — трубный остановится. Издохнет трубный — буровые встанут... Как думаешь, что нас всех в таком случае ждёт?

— Николаич, ежели сам всесильный Миннефтепром не может на какой-то там «Прессмаш» надавить, я что смогу? Такие вопросы в верхах решаются...

— А у тебя есть уникальное свойство — ежели тебя как следует прищемить, ты всегда выход найдёшь, мало того — больших начальников зашивать здорово умеешь. Ещё: ты наши возможности не хуже ме-

ня знаешь, предлагай самый дефицит. Может ТАКРАФом(13) соблазняется — кроме нефтяников пока что никто в стране не получал, а у меня новенький пневмоколёсный двадцатипятитонник в ангаре скучает, понадобиться — и гусеничный устрою. Может на вахту-общежитие позарятся — прямо из Острavy поставку сделаю (14), в любой комплектации... В общем — иди, оформляй командировку, и завтра же с утра в аэропорт.

— Завтра не поеду.

— Это почему же?

— А что я там без дела болтаться буду — где это видано, охмурять замордованных производственников в рабочие дни? Улечу я во вторник — двадцать девятого, в среду проникну на предприятие, приняюхаюсь, четверг-пятница — праздники, плюс два канонических выходных, вот и набирается у меня целых четыре дня для подрывной деятельности...

— Стратегически мыслишь, аферюга, — за это и цену, действуй!..

Антиалкогольную кампанию в народе по незнанию окрестили «Горбачёвской», хотя истинным её зачинателем являлся «ювелир» Андропов, ещё в мае восемьдесят второго направивший Брежневу докладную записку о необходимости «усиления борьбы с пьянством». В ноябре того же года уже сам, оказавшийся у руля, Юрий Владимирович объявил: «Рабочее время — работе!» и усилил борьбу со всем вообще, и борьба эта длилась 463 дня подряд, после чего ошалевший народ, справив поминки по борцу, получил тринадцатимесячный передых под бюрократом Устиновичем. Покамест сегменты моментально разросшегося аппарата развлекались, забрасывая друг дружку невразумительными циркулярами, в верхах шла породившая Горби битва титанов, последний же, встав у кормила, возопил: «Перестройка!», и незамедлительно сочинил детищу своему ещё и дочку, назвал новорожденную — «Антиалкогольная программа», после чего закрепил её карательные права и обязанности указом Президиума В.С.

Страна подседа на одеколон и спиртосодержащие суррогаты, за одним исключением — богоспасаемая Грузия как предавалась винопитию до того, так и продолжила: в ресторанах и ресторанчиках подавали без ограничения, винные магазины торговали, крестьяне давили гроздь и беспрепятственно гнали чачу: «Древняя народная традиция» — так объяснил рассвирепевшему после визита в Закавказье куратору программы Егорушке Лигачёву пробравшийся к тому времени в Политбюро шалунишка Шеварднадзе.

— Да у вас там даже не «полусухой» закон, как в Молдавии, а сплошная гулянка! — Не унимался воинствующий трезвенник, на что Амбросиевич резонно заметил, что даже в безалкогольной державе где-то должен присутствовать резервный оазис — мало ли кого и когда понадобится задабривать, буде волнения на почве изнурительной трезвости возникнут...

Удивлял «Аэрофлот» с наплевательским отношением к антиалкогольному произволу властей — Америка тогда ещё не изобрела Всемирную Террористическую Угрозу, в самолёты пассажиров пускали без унижительного шмона, мало того — руководство аэровокзалов не препятствовало перевозке гражданами фактически запрещённых крепких напитков.

Известно, что скорость молвы превышает скорость звука, прослышав про грузинское Эльдorado, в древний наш город со всех концов обездоленной державы потянулись покалеченные лосьоном «Огуречный» челноки. Дошло до того, что дирекция соседствующей с моим околотком турбазы — весьма комфортабельной и вместительной, надо сказать — под натиском волны новоявленных контрабандистов принялась спешно закупать кровати и расставлять их поначалу в актовом зале, после в коридорах, а в пиковые дни и в абсолютно неприспособленных для ночлега помещениях — обширном гараже, зимней оранжерее, и, даже, страшно подумать — в заброшенном до того и спешно приведённом в божеский вид подвальном бомбоубежище.

Блаженствовали виноделы — спрос на бутилированную чачу, крепкие Лимонную и Ромовую настойки, Зубровку, Охотничью, дешёвые коньяки превзошёл разливные мощности столичных производителей, пришлось подключать регионалов.

Абсолютный бедлам творился на родной моей Караульной — на наше несчастье первый этаж завершающего улицу углового дома занимал специализированный магазин, и прибывавшие на турбазу алкотуристы, погрузившись в предоставляемые экскурсионные автобусы, требовали у водителей незамедлительно везти их к ближайшему винному лабазу, результат — с утра и до поздней ночи (осчастливленные лабазники моментально перешли на ненормированный рабочий день) местные автовладельцы, и я в их числе, бранились с водителями Икарусов и Лазов, ибо туристическим подвижным составом намертво перекрывались въезды-выезды наших дворов...

В понедельник я с заднего крыльца проник на склад полюбившейся гостям города лавочки. Грузчики, сообразно заказам торгового зала, комплектовали горячительным картонную тару. Оторвав от дела брига-

дира, заказал на вечер «командировочную» коробку: — Стандарт: пятьдесят на пятьдесят? — переспросил запыхавшийся бутлегер.

— Нет, вина не надо, только крепкое: Зубровка с коньяком.

— Коньяк дорогой, или попроще?

— «Варцихе» сойдёт...

— Будет сделано. Только приходи попозже, к десяти, раньше не поспею — видишь, какой у меня бардак?..

В отличие от времени нынешнего, до середины восьмидесятых в стране работало несчетное, известное одному лишь Госстату, число предприятий — от малых, и до гигантов индустрии, функционированию которых сопутствовало нескончаемое «броуновское» перемещение служилого люда: экспедиторы, консультанты, «выбивалы», проверяющие, приёмщики, поспешавшие с докладами в верха подотчётные, приглашенные «на ковёр» руководители — вкупе с изыскательскими партиями всех мастей, строителями, гастролирующими творческими «бригадами», туристами, отбывающими на соревнования спортсменами, отпускниками и прочими празднующими скопище это составляло нескончаемый пассажиропоток — один только «Аэрофлот» перевёз в 1976 году более ста миллионов граждан, отсюда и молчаливые, суровые очереди не имевших заветной «брони» неудачников в кассах аэровокзалов, особенно в сезон летних отпусков. Меня очереди не пугали, ибо являлся я обладателем волшебного квитка: талон из серого картона, красная полоса через всё поле, надпись в левом углу «К удостоверению № 476», и лаконичный текст: **«В соответствии с распоряжением министра путей сообщения за №... предъявителю предоставляется право беспрепятственного внеочередного проезда всеми видами сухопутного, воздушного и водного транспорта на территории СССР»**. Подарил мне волшебную ксиву не улыбочивый мужчина с бешеными раскосыми глазами после совместного вахического возлияния на корпоративной вечеринке, завершившей трехдневную сходку руководящего состава низовых подразделений Миннефтепрома в Ивано-Франковске. Прибыв к родным Пенатам, я незамедлительно выписал себе удостоверение №476, вклеил в него картонку, и после, аж до самого развала страны, разъезжал и летал по её необъятным просторам именно что «беспрепятственно и вне всякой очереди».

Во вторник, с утра, проигнорировав городские аэрокассы, покатил я напрямик в аэропорт, загнал свою «восьмёрку» в отстойник, взвалил

на плечо короб с алкоголем, прошествовал в зал аэровокзала, после стандартной манипуляции с волшебной ксивой №476 приобрёл билет в нужном направлении и вскоре, имея впереди два с половиной часа полёта, устроившись в кресле резвой сто тридцать четвёртой Тушки, перелистывал «походный» томик Вийона.

В справочной замусоренного зала ожидания уфимского аэропорта очаровательная башкирка, показав в доброжелательной улыбке тридцать два золотых зуба, радостно сообщила, что из-за пыльной бури вылет в О...вск откладывается на сутки. Пока раздумывал — стоит ли ехать в город, или снять берлогу здесь же (здание гостиницы располагалось по правую руку от аэровокзала), объявили посадку. Чертыхаясь, доволком тяжеленную поклажу до самолёта — наземными средствами передвижения авиапассажиры в Уфе не баловали — дожидаясь посадки, разглядывал «лайнера» — двадцать четвёртый АН, судя по степени обветшалости, покинувший сборочный ангар Антоновского завода ещё во времена Карибского Кризиса. Сомневался, что взлетит. Когда взлетели, не верил, что долетит. Летели низко, погода была безоблачная, прильнув к иллюминатору вознамерился ознакомиться с ландшафтом. Оказалось, что любоваться нечем: куда доставал глаз — однообразная, без следов геологических разломов, покрытая разноцветными квадратиками посевов равнина, и так все полтора часа. Наконец долетели, и на удивление мягко приземлились.

Аэровокзал — абсолютная копия уфимского, только вылизан до блеска: по всему зданию сновали деловитые бабки в синих халатах и надраивали стерильные полы. Жара стояла удушающая, хотелось есть, прошел в ресторан, уселся за столик, огляделся — посетителей хватало, но никто ничего не заказывал, только пили чай и жевали что-то из своих пакетов. Подошла официантка, сообщила, что обед закончился, кухня закрыта и подкрепиться можно в буфете на другом конце зала. Перебрался в буфет. Весь ассортимент выставлен в витрине: заветренные бутерброды с чёрной икрой, салат из огурцов и черешня... Злой ташусь на стоянку такси. «Волга» попалась неказистая, однако стрелка спидометра исправно держалась у цифры 90. До города 30 вёрст. По пути приметил ещё два гражданских аэропорта. Таксист улыбочивый и говорливый, на мой вопрос о причине подобного насыщения окрестностей Аэрофлотом, пояснил, что в области множество малых поселений и их обитатели, постоянно перемещаются по служебным и житейским надобностям, отсюда обилие местных авиалиний, ибо путных дорог в степи нет. Периодически нас прихватывал песчаным завитком суховей.

Я с непривычки жмурил глаза, водила, не снижая скорости, бодро дул по шоссе.

Город встретил новостройками — разбегающиеся по степи многоэтажки окружали его сплошным кольцом. Миновали бетонный пояс, и открылась нам тихая, извилистая, застроенная радующими глаз нарядными домиками улочка с мохнатыми козами, щиплющими раннюю травку по обочинам. Скоро архаичная планировка перетекла в спрямлённые кварталы «хрущёвок», далее — с десятков зданий в стиле сталинского ампира, и, наконец, на перекрёстке — свечой высотка гостиницы. Расплатившись с таксистом вхожу: холл устлан коврами, витражи рассыпают по стенам яркие солнечные «зайчики», стрелки настенных часов показывают половину одиннадцатого — у стойки очередь из дюжины претендентов на вселение, встаю в хвост и слежу за продвижением, продвижения нет — очередь топчется на месте. За конторкой троица прелестниц: табличка «Администратор» — сухощавая, стервозная, играя каждой жилкой, священнодействует с паспортами, бланками, каламбурирует с притихшими аки барашки очередниками — предельно вежлива, но общение ведёт на грани срыва. Стоит какому нетерпеливцу выразить неудовольствие, вытягивает брови ниточкой, беспомощно разводит руками, после прячет лицо в ладонях. Тотчас с обеих сторон, под углом к табличке, выдвигаются оскаленные физиономии кассирши и дежурной, облаивают провинившегося. Ошеломлённый недотёпа пытается прибегнуть к защите томящейся администраторши, но та мгновенно преобразуется и выбрасывает ему навстречу челюсти, наполненные обидными словесами. Приём отточен до совершенства, за полтора часа моего ожидания повторился дважды, оба раза возмутители спокойствия были повержены и бежали с поля боя. Отстояв своё, я твёрдо усвоил: без «брони» пускают только до утра, свободных одноместных нет, кому не нравится, может ночевать в сквере, благо таковой присутствует напротив... Молча подаю паспорт и командировочное, без слов заполняю два одинаковых бланка, плачу, получаю квитанцию и топаю к лифту. В ноль часов пятнадцать минут добираюсь до номера, за окном начинается смеркаться. Вхожу. В клетушке две кровати. На той, что у окна, возлежит лысый азиат, издаёт клекот и бульканье. Спит без одеяла и в носках. От носков исходят волны густых миазмов. Газет по видимому не читает, с Антиалкогольной программой не знаком и перед сном, судя по второй, самостоятельной пахучей волне, налегал на плодоягодное. Отчаянно хочется спать, но понимаю, что уснуть при таком соседстве не поучится, идти некуда — час ночи, наконец-то стемнело. Извлёкаю из короба бутылку коньяка, кладу в наплечную сумку, спус-

каюсь в вестибюль. У конторки мнётся одинокий страдалец. Сажусь в кресло, жду. Наконец терпиле выдали квиток, — счастливый поскакал к лифту. Администраторша глянула на меня, повела бровью влево. Дежурная, отреагировав, поинтересовалась — какого рожна мне надо и почему не занимаю отведённого койкоместа? Проигнорировал дежурную, подключилась кассирша. Наплевал и на неё. Администраторша вторично повела бровью, боковые, прихватив по сигаретке, ушли вглубь проёма. Встаю, подхожу, извлекаю бутылету и, перегнувшись через конторку, выставляю подношение на стол.

— Это взятка, — цедит стерва сквозь зубы.

— Господь с вами, сударыня, где вы видите деньги? Это просто знак внимания.

— Давайте вашу квитанцию, максимум трое суток, больше никак не могу... Выписывается, подсчитывается, выдаётся новая бумажка. Возвратившаяся после перекура кассирша принимает денежку, дежурная вручает ключ. Иду к лифту, наказчицы скалятся вслед — глаза усталые, злые. Прокрадываюсь в бывший свой номер, забираю короб, поднимаюсь этажом выше, в результате — чистенький полулюкс с ванной комнатой и никаких хмельных степняков. Торопко принимаю душ и валюсь в кроватку, на хрусткую простыньку. За окном занимается ласковое утро. Пожелав себе сладкого сна, смыкаю веки. Стук в дверь, входит коридорная бабушка: — Чай пить будете?..

Заводское здание впечатлило: приземистое, кирпичной кладки, проёмы первого этажа затемнены. От торца до торца минут десять пешего ходу. Посредине — проходная с турникетом. За стеклом — вахтёр с цепким взглядом. Просовываю в форточку командировочную.

— Повремените, — звонит по внутреннему, шевелит губами, ждёт, через пару минут кладёт трубку, — на вас разнарядка не поступала, в пропуске отказано, — возвращает бланк.

В таких случаях надо брать на голос — начинаю с басов, постепенно перехожу на верхний регистр: — Вы что, охренели? Я две тыщи вёрст отмахал, что, впустую? Сей момент вызывайте кого из техотдела!..

— Обождите на улице. — Потянулся к телефону.

Выхожу, останавливаюсь у газона, курю, жду. Вскоре появляется верзила моих лет: — Это ты незванный грузин?

Завожу его за куст сирени, достаю из наплечной обёрнутую пергаментом бутылку. Гаер по сезону обряжён в рубашку с коротким рука-

вом, польские джинсы «Одра» в обтяжку — я так и не понял, куда он пристроил подношение, но пузырь исчез: — Что надо?

— В администрацию надо.

— К кому?

— В отдел сбыта.

— Нет у нас такого отдела — предприятие закрытое, каждое изделие в производство закладывается под конкретного потребителя...

— Тогда веди в Плановый. Начальник нормальный мужик?

— Во-первых, не мужик, а баба. Во-вторых, мы её Скорпионихой кличем.

— А что, мужиков в отделе нет?

— Почему же нет, есть — её заместитель, Штерн.

— Вот к нему и веди.

— Давай командировочное, обожди здесь чуток...

Штерн на абстинента не походил, поэтому я предложил не тратить на разговор служебное время, а устроить вечерние посиделки у меня в номере.

— Ты где остановился? — поинтересовался давешний гаер.

— В Факеле.

— Лады, — перемигнулся со Штерном, — к семи будем.

По пути, в овощном, прикупил лимоны, в Гастрономе бабаевский шоколад, в гостиничном буфете удалось собрать сносный закусон: к приходу гостей сервировал приличный холостяцкий ужин.

Гаер представился Ильдаром, Штерн — Семёном. Предъявил им короб, мужиков аж в пот бросило: — У нас по талонам, литр на рыло в месяц, — простонал Ильдар.

— Так давайте навёрстывать, — предложил я, разливая по стаканам коньяк, — бокалов не нашлось, не обессудьте...

Щуплый Семён алкал по шкиперски, Ильдар тоже не отставал — первый пузырь мы съели минут за пять. Закусив, взялись за второй: — Ты суть дела-то огласи, — предложил Ильдар, — а то после третьей и забудем, зачем сошлись...

Я изложил. Семён покрутил пальцем у виска: — Я в жизни двоих грузин знал, в армии сдружился, — оба с приветом были, но ты совсем ненормальный — на закрытое предприятие припёрся за номерным изделием. В этом году у нас в плане семисотников девять единиц. Два уже ушли в Иран, два в Египет. Один на днях уйдёт в Монголию, один в

Югославию. Остальные до конца года в Нижний Тагил, на «Уралвагон-завод» (15) — чуешь?

— Слушай, — вмешался Ильдар, — давай сведём его с Сашком, тот такой же чудной и до коньяка охочий, может и снюхаются.

— Сашок это кто? — задал я резонный вопрос.

— Замгенерала наш, — объяснил Ильдар, — производство полностью на нём. Мужик он увлекающийся: ежели его раззадорить, — может и в азарт впасть...

— Ты рыбалку л-любишь? — язык у Семёна уже чуток заплетался.

— Нет, жалко время на ерунду тратить.

— Придётся полюбить на пару дней: завтра нам всей администрацией на демонстрацию переться — Первомай, ничего не попишешь, а после собираемся на выходные слинять на «Запивушку» — это дачка наша заводская, на Яике... Яик, это река Урал, его Катька-блудница после пугачёвской гулянки переименовала. Сашок — заядлый рыбак, естественно, под его началом едем, и тебя с твоей роскошной коробкой прихватим, там вас и сосватаем, а дальше — сам знаешь: сумеешь с нашим предводителем сдружиться, он для тебя горы перевернёт...

Медведь представлен в русских сказках сильным и справедливым, простодушным и щедрым, таким и оказался Сашок. Трое суток утомлённый рабочими буднями «заядлый рыбак», не прикасаясь к удилицу, отсыпался, глушил со мной коньяк, с бодуна зазывал на долгие прогулки в тянувшуюся вдоль берега Урала лесополосу: Сашок был убеждён, что лучше всего похмеляют чистый воздух и речной простор. В общем — сдружились. Как засобирались назад, вынес вердикт: — Пятнадцатого я зван на ковёр в министерство. Подъезжай в Москву, там и решим вопрос... Слушай, если на станине, сбоку, раковина будет небольшая, сойдёт? — Египтяне, подлые, упёрлись: «Некондиция, некондиция...» — пришлось новый конер отливать, изделие перемонтировать, а этот так и завис...

— Да хоть две, о чём речь — мы не египтяне, нам пресс для дела нужен, любоваться на него некогда будет...

В Первопрестольной я обычно останавливался в «Будапеште»: во-первых, в номерах меня принимали как родного, во-вторых, мне по нутру венгерская кухня и черешневая «Палинка» (к токайскому-десертному я также неравнодушен), в-третьих — местоположение: до любого «ключевого» места в столице рукой подать.

Сашок квартировал у дочери в Чертаново, созвонились вечером: — Накрывай завтра поляну, будем с начальником Управления кузнечно-прессового машиностроения разговоры разговаривать.

— Время?

— Часов в семь.

— Знаешь, где Ленин в девятнадцатом году на пленуме Центросовета выступал?

— Не знаю...

— Петровские линии дом два, буду ждать у входа.

Назавтра к шести спустился в ресторан, нашёл плоскостопого Гену, забил столик, велел через час подать закуски и охлаждённую «Палинку», а дальше подстраиваться под причуды гостей.

Управленец — моложавый, ухоженный очкарик, был дружелюбен, немногословен, с удовольствием выпивал и закусывал, мы с Сашком не отставали, налегали на гусиную печёнку и жаркое «по трансильвански». Заморив червячка, перешли к делу: — Значит так, — Сашок глотнул токайского, — план по семисотым считай у меня в кармане, тагильчанам сборку в июле завершаю. Беру обязательство изготовить сверхплановый для Миннефтепрома, — лишняя сотня косых нам к месту придётся: сам знаешь — реконструкцию литейного затеваем, а это дурные траты, из вас же на капремонт вытягивать, что зубы самому себе дёргать.

Очкарик подумал с минуту, на меня глянул: — От нефтяников серьёзная бумага будет?

— Наисерьёзнейшая, завтра же займусь.

— Без визы Бальмонта (16) не сработает. Сумеешь устроить?

— Попробую звонок с Миусской площади (17) организовать — с месяц как старая боевая подруга в аппарате Бакланова (18) приземлилась.

— Тогда, думаю, выгорит, — нам нефтяникам услужить тоже в масть, мало ли какой выгодой может обернуться. Готовьте бумаги.

Сговор мы обмыли шампанским — в тот год мадьярскую шипучку завозили в страну эшелонами. После, на посошок, заглянули в Арагви: Сашку вспомнилось божественное послевкусие грузинского коньяка...

Спустя неделю я вновь засобирался в Н...ск — Сашок вызывал договор оформлять. Прихватив алкогольный короб, на сей раз двинулся через Баку, — надумал побаловать ударный отряд прессмашевцев каспийской икоркой. Естественно, вечеряли в Факеле, под коньячок. Сашок велел назавтра явиться на предприятие, забрать рыбу договора и

счёт на предоплату: — Я на стоимость транспортные накинул — доставим тебе пресс автопоездом в лучшем виде, и отдельно счёт на шефмонтаж — командирую Ильдара с его молодцами, пуск и наладку обеспечат, заодно по столице вашей прошвырнутся — а то они всё по границам шастают, а Грузия где и не знают.

— Присылай, я их в заботливые руки сдам, ни в одной загранице так не встретят. Ты мне вот что скажи — чем нам на вашу заботу отвечать? Учти, у нас в закромах много чего стоящего найдётся, к примеру...

— Да погоди ты с закромами: когда что нужно — Москву заботим, чай не беспризорные. Ты, если сможешь, организуй мне две путёвки куда-нибудь к вам: на пенсию скоро, а на море так и не побывал, всё вкалываю как подневольный, жена разводом грозит, если летом в отпуск не съездим...

— Ну-с, выбил таки? — Николаич просматривал договор.

— Выбил.

— Даже шефмонтаж? Ну ты и нахал, однако. И во что помимо платежа нам это влетает?

— В две путёвки на море, на август месяц.

— Ладно, кончай дурака валять...

— Повторяю: две путёвки — для самого и его супруги.

— И всё?

— Всё.

Николаич нажал кнопку селектора: — Занозу ко мне, живо! И мне: — Куда он желает — Пицунда? Гагра?

— Батум.

— С ума сойти, пиши ФИО — кому путёвки.

Появилась носатая Заноза. Николаич протянул ей листок: — Две путёвки на август в Махинджаур (19), в Четвёртое управление, категория — «люкс»! Чтoб завтра у меня на столе лежали. Гостей по приезду встречать с фанфарами, прикрепить на всё время отдыха автомобиль, предупредить батумских, чтoб опекали по высшему разряду...

— И третью путёвку мне, — добавил я, — три года без отпуска, за последний месяц столько коньяка выглохтил, что печень в паштет превратилась, путёвку мне в Железноводск, иначе уволюсь!

— Тебе в сентябре, — задрал бровь Николаич, — семьдесят шестую добывать надо, — Вышкомонтаж уже копытом бьёт: заканчивай и катись...

12. Гомборы — горный хребет на востоке Грузии.
13. ТАКРАФ (ТАКРАФ) — самоходное крановое оборудование производства Германской Демократической Республики.
14. «...прямо из Остравы» — Острава (Чехия) производила комфортабельные сборные административные и жилые модульные комплексы «под ключ», поступали в СССР по линии СЭВ.
15. Уралвагонзавод — корпорация, занимавшаяся разработкой и производством военной техники. Головное предприятие — завод «Уралвагонзавод», располагалось в Нижнем Тагиле.
16. Борис Бальмонт — министр (1981-1986) станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.
17. Миусская площадь — располагалось Министерство общего машиностроения СССР (разработка и производство оборудования для космоса и ракетно-ядерного вооружения).
18. Бакланов Олег Дмитриевич — министр (1983-1988) общего машиностроения.
19. Махинджаур — курорт под Батуми.

6. Осеменитель

Секса у нас нет, и мы категорически против этого! — Людмила Иванова. «Комитет советских женщин»

Исходил сентябрь. После недавних, сдобренных обильными возлияниями, уральских изысканий душа моя, как говаривал сочный Лесков — «была уязвлена и все кишки попутались в утробе», отсюда образовалась настоятельная необходимость незамедлительно прибегнуть к профилактическим мероприятиям, короче — утомлённый мой организм рвался на воды. Николаич обещание исполнил, предоставил долгожданный отпуск и путёвку в вожделенный Железноводск, но, с прицепом: — Передовика нашего, знатного бурильщика за тобой закрепляю — вместе отправитесь, присмотри за ним.

— Он что, ущербный, чего за ним присматривать?

— Зачем же ущербный? Ладный парень...

— С русским языком плохо?

— Не думаю: он из Красных колодцев, а там разве что уличные собаки по-русски не болтают.

— Тогда в чём проблема?

— Да стеснительный он, похоже, и, кажется, за пределы республики по сей день не выезжал...

— Степной найденыш? На буровой вскормлен и возвращён?

— Найденыш или нет, не знаю — присматривай за ним, и точка! Созвонись с УРБ, чтоб подвезли парнишку в Аэропорт в день отъезда. Путёвки у Занозы, можешь забирать...

«Парнишка» оказался крепок телом, как ещё не обстриженный Самсон, но не в пример библейскому герою глупцом не выглядел, смотрелся скорее субъектом дотошливым — распахнутые в полубезумном изумлении глаза тому свидетельствовали — да и задористым. Лет тридцати, продубленный степным солнцем до гнедого окраса, что вызывающе контрастировало с выгоревшей буланой гривой, кипенно-белым прикусом, и улыбочивыми бесстыдно жадными губами: — Гоги, — представился бурильщик, смял железными пальцами мою ладонь, извлёк из дорожной сумки «Триумфальную арку» Ремарка, уселся на диванчик и погрузился в чтение.

Перелёт занял полчаса: минут пять ушло «впустую» — маневрирование меж «стреноженными», ожидавшимися своей очереди серебрястыми лайнерами, рулёт на взлётную полосу, добор силёнок, наконец — взлёт, набор высоты, ТУшка легла на курс и сразу в иллюминаторе объявился седой Казбек, понизу теснились морщинистые, иззубренные, белоголовые горы, но — ощущение стремительного полёта длилось недолго, заложило уши, началось снижение: минута-другая, под крылом уже лётное поле, толчок, рыкнула обратная тяга — сели.

В зале ожидания светящаяся надпись: «Добро пожаловать в Минеральные воды» и под ней гигантский назидательный транспарант: «Вместо водки все излишки относите на сберкнижки!»

На выходе вереница такси. Конопатый, разбитной мужичок вещал нараспев: — Железноводск, два места, трёндель с носа, отъезжаем... В пути предупредил: — В курортную зону нам въезд запрещён, санаторских высажу у Колоннады, а там пешочком минут пять ходу.

Оживлённый обычно городок против ожидания выглядел скучным и блеклым: напоминаю — стоял 1986 год, советский народ не на живот а на смерть сражался с ухватившим его цепкими когтями хмельным змием, и в местах курортных борьба принимала почти что инквизиторский размах — не было видно даже привычных глазу мобильных «бочек» с разлитым пивом.

У Колоннады, на автобусной остановке красовался стенд с очередным наставлением: «Граждане! При получении от контролёра квитанции о штрафе следите, чтобы сумма штрафа была вписана в корешок штрафной книжки!»

— Что, отец, — спросил я у скучавшего под плакатом чистильщика обуви, — Железноводск трезвым городом сделался?

Ассириец скосил на меня изучающий глаз, цыкнул по жигански далёким плевком: — Для фраеров — трезвый, а фартовый мужик всегда найдёт к кому обратиться.

— Понятно. И где тебя искать, если что?

— Здесь! С рассвета и до полуночи без выходных и перерыва на обед.

Пока я базарил с бутлегером, Гоги внимательно рассматривал табунки следовавших на водопой курортниц, при этом сделался у него мерцающий взгляд похитителя огня.

— А ты, я погляжу, охоч до дамских прелестей.

— Профессия способствует — месяцами в обнимку с вертлюгом (20) существую...

— Так отлучаешься же с точки иногда.

— Ты в нашем «городе» бывал? Четыре улицы и три переулка — все доступные скважины давно и неоднократно пробурены.

— В таком случае — вот тебе огород, пользуйся.

— Мээ, — проблеял Гоги козлом и плотоядно ухмыльнулся...

Изрядно набегавшись: — из приёмной в администрацию, оформляться; из администрации в лечебный корпус — записываться к врачу; обратно в приёмную — знакомиться с правилами поведения и визирировать ознакомление, после в столовую — прикрепляться, и немедленно же ужинать — заполучили, наконец, ключ от каморки на две койки с умывальником. Тем временем завечерело. Я, утомлённый суетой, завалился с книгой на кровать — прихватил из дома томик Ивлина Во, давно лелеял перечитать «Мерзкую плоть». Сверху, сквозь потолок, просочились первые аккорды «Верооки»: — О, танцы: тактильный контакт — мой конёк! — Объявил Гоги, — Bajonett auf! (21) — Глянул в зеркало, пригладил вихры, и кошачьим шагом скользнул за дверь. К одиннадцати часам музыка смолкла, в коридоре поскрипывал паркет — отдыхающие расходились по норкам. Гоги запаздывал. Явился бурильщик часа через полтора — умиротворённый, в кудрях хвоинки, штаны на коленках измазаны травяным соком. На мой вопросительный взгляд ответил двустихием: — Дама приятная во всех отношениях, истошно вопила при телесных сношениях! И добавил: — На весь лес вопила...

Спал я плохо — жёсткое ложе давило на рёбра, проснулся спозаранку, глянул на напарника — тот, сберегая счастливую улыбку, сопел

в подушку — умылся, растираясь полотенцем, встал к окну, оглядеться. Наше обиталище замыкало череду составлявших Курортную зону разновысоких корпусов — отмостка здания упиралась в подлесок, который скоро сменялся чащобой, тянувшейся до одиноко нависавшей над желтеющими уже кронами скалистой Змейки и дальше, по окоему. В лес вела натоптанная тропинка, по ней скорым шагом продвигалась гусём пятёрка отдыхающих, замыкающий поминутно оглядывался, топорщил пушистые усы и пучил глаза. Заинтригованный, я спешно оделся, сбежал во двор, зашел за угол корпуса и ступил на таинственную тропку.

Шагал долго, больше часа, на полпути разминулся с поспешавшими навстречу давешними ходоками, — мужики, уже обремененные непрозрачными пакетами, из коих доносилось мелодичное позвякивание стеклотары, поочередно глянули на чужака (не примелькался ещё) диким глазом... Наконец стежка завершилась просекой, а та привела к казистой избушке, которая, как и следовало ожидать, оказалась приятным пищевкусовым заведением, в предбаннике которого, несмотря на ранний час, уже парили возбуждавшие волчье вожделение ароматы. Зарок мой соблудности на время отдыха строгий оздоровительный режим незамедлительно дал существенную трещину, и уже через пару минут я хлебал наваристые щи с индюшатиной из шершавого глиняного горшочка, мало того, усугубил потребление явно недietetического блюда парой полбутылок «Жигулёвского», благо — пиво, не в пример дням сегодняшним, тогда ещё варили из солода. Ущёдрённая чаевыми пригожая, улыбчивая официантка рассыпалась в благодарностях, просила заглядывать почаще. На сетования мои, что перспектива топать после насыщения полтора часа через глушь лесную отбивает желание принять визиты в регулярную практику, всплеснула руками: — Да кто же заставляет? Сию минуту вызову извозчика, через четверть часа здесь будет... И действительно — обратилась к телефонному аппарату, набрала номер, и вскоре с тыльной стороны к избушке подкатил жигулёнок с услужливым шофером, который по накатанной грунтовке прямоком доставил меня восвояси. Получив за услугу пятерик, водила вручил мне картонку с телефонным номером: — Мы с братьями двадцать четыре часа в сутки на извозе: я буду занят, другой отзовётся...

Что касалось вверенного под мою опеку передовика производства, так я его почти и не видел: все двадцать два дня пребывания нашего на водах Гоги наповал шармировал попадавших в поле его зрения представительниц прекрасной половины рода человеческого, отбирал из их числа наиболее пригожих и сговорчивых, и незамедлительно пе-

реходил к «тактильному контакту». Уже на третий день его похаживали санитарки из процедурной, разыскивая гаера, справлялись: — Осменителя нашего не видали?

Разазартившийся бурильщик сделался ненасытен: отправляемся в грязелечебницу, на входе очередной шедевр прикладной графики: «Больные! Сохраняйте бодрое спокойное настроение — это способствует правильному лечению!», за плакатом справная зеленоглазая дивчина готовится аппликацию на двоих. Глянув на моего «подопечного», представшего перед ней во всём своём первородном великолепии, взрыднула: — Знать бы, где таких мужиков делают...

— Восточная Грузия, Ширакская степь, местечко Красные колодцы, — отпрапортовал Гоги, — а вы в котором часу сменяетесь?..

По корпусу пошли перетолки: «В трёхсот пятой бешеный голодный грузин обитает!»

Встретившийся мне главврач, мужчина обычно стеснительный и деликатный, ухватил меня за пуговицу и, брызгая слюной, попытался утешить: — Ваш друг ветрен и беспутен до невозможности! Я обычно противлюсь крайним мерам, но, боюсь, придётся к ним прибегнуть!

— А в чем, позвольте поинтересоваться, заключаются ваши «крайние меры»?

— При подобных нарушениях мы обязаны сообщать о проступках отдыхающего по месту его работы, причём — в письменном виде!

— Ну что ж, буде вы осуществите подобную акцию, по возвращении к родным Пенатам триумф нашему Луцию (22) гарантирован...

Вакация подходила к завершению, Гоги, про запас, удвоил старания: — Слушай, — усовестил я старателя, — на седьмой день даже Всевышний выходной себе устроил, передохни, надорвёшься!

— Михалыч, мне через недельку к вертлюгу становиться, какие ещё выходные?

Наша лечащая, дама ухоженная и весьма соблазнительная, измеряя мне при очередном визите кровяное давление: — Нецадный человек ваш товарищ — почитай весь курятник покрыл, боюсь, как бы от перенапряжения язва у него не открылась...

Уловив в её речении еле заметную нотку зависти, я поспешил разыскать полового гангстера: — Слушай, вот ты всё по молодкам бегаешь, а зрелая, пикантная особа по тебе откровенно сохнет.

— Ты о ком?

— О врачихе нашей.

— Михалыч, она мне в матери годится!

— Эх ты, тоже мне — герой-любовник, ни черта в деликатесах не разбираешься.

Гоги приподнял отбеленную степным солнышком бровь, задумался. Назавтра явился с вопросом — где раздобыть приличную выпивку.

— Что, половая жизнь утомила? Решил расслабиться?

— Докторша на пикник позвала, на Железную, это где?

— Гора, мимо которой мы на водопой топаем, там много укромных уголков. Поздравляю, завершишь свою сексуальную одиссею изысканным десертом — это тебе не лупеток с грязелечебницы удовлетворять. А насчёт спиртного — интеллигентную даму необходимо раззадоривать изысканными напитками: с шампанским в лес переться — глупо, нужен качественный коньяк. Помнишь, в день приезда я у Колоннады с чистильщиком разговорился? Дуй к нему, спроси бутылку «Дербента-КВ» — это дагестанский, марочный, не хуже нашего, и смело в бой, не опозоришься...

В предпоследний день октября предстояло нам расставание с гостеприимной здравницей. Днём раньше Гоги затеял заключительный обход новоприобретенных подруг. Я озаботился формальностями: ворчливица, обладавшая при обманчивой внешности добродушнейшим характером администраторша, подписывая обходной лист, уронила слезинку: — Какие люди уезжают! Неужели и её? — мелькнула догадка, — многостаночник чёртов! Завершив выписку, отправился в «Курортную библиотеку», сдавать «Люди, годы, жизнь»: двадцать дней блаженного безделья побаловали возможностью перечитать раннего Бунина и освежить в памяти прозу Эренбурга, правда, библиотекарь — анемичный юноша с сумасшедшими глазами — слегка подпортил удовольствие, категорически отказавшись выдавать на руки больше двух экземпляров хранения за раз, пришлось через день-другой челночить с книжками на другой конец городка в переполненном обычно автобусе. Покончив с библиотекой, покатил в Пятигорск — стародавний приятель-букинист обещал раздобыть воспоминания Савинкова. Вожделенную книжку, как водится — обмыли, так что возвратился я ко всё той же Колоннаде только к ночи. Был ведьмин час — ярко светила луна, догорало бабье лето, ронял шафрановую листву сбежавший по склону Железной сызмальства знакомый до последнего деревца лес. Неспешным шагом прогулялся я до пока ещё нашего обиталища, поднялся на этаж, минуя холл с горланившим телевизором, приблизился к нашей келье — из-за

запертой двери доносился разноголосый девичий щебет, перемежаемый бархатистым тенорком бурильщика.

— Эй, ненасытный, — позвал я, — кто там у тебя?

— Сестры во христе...

— На групповуху потянуло напоследок?

— Бог с тобой, Михалыч, — запротестовал гаер, отпирая замок, — вновь прибывшим инструктаж провожу, чтоб по незнанию нарушений санаторного режима остерегались...

Из комнаты выпорхнула троица смешливых девиц, замыкающая чмокнула Гоги в щёку: — Жаль, что поздно состыковались, держи адресок, может свидимся когда...

— Ну что, на сегодня приём закончен? — Поинтересовался я, — тогда давай по койкам, завтра вставать с рассветом...

Дверь приоткрылась, в щелку просунула озорную мордашку давно прибившаяся к санаторию, прозванная Кудряшкой всеобщая подруга: — Этот дикий кавказский зверь ещё здесь?

— Заходи, — вострепнулся Гоги, — пообщаемся на посошок!

Я стянул с кровати плед, ушел в холл, протиснулся сквозь ряды телезрителей к самому дальнему креслу, устроил себе уютный кокон и провалился в сладкое предсонье. Москва транслировала праздничный концерт ко дню рождения комсомола. Сквозь дрему слышалось: «А я бегу, бегу, бегу...» — с телеэкрана маэстро Паулс наяривал на аккордеоне, Валерик в белоснежном одеянии метался по сцене...

Проснулся я от глухого стука швабры — санаторная бабушка отмывала затоптанный паркет. Светало. Громко переговариваясь, к простенку между окном и телевизором подобрались две деловитые тётки в белых халатах, прикрепили лист ватмана с объявлением:

СЕГОДНЯ, 30.10.86., В 17 — 00, В АКТОВОМ ЗАЛЕ САНАТОРИЯ ИМЕНИ КИРОВА СОСТОИТСЯ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ, МЕД-ПЕРСОНАЛА И ОТДЫХАЮЩИХ. ПОВЕСТКА ДНЯ — ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ С.Ш.А. РОНАЛЬДУ РЕЙГАНУ О НЕДОПУСТИМОСТИ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ПРОГРАММЫ СОИ. ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА. ГЛ. ВРАЧ... СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА...

-----
(20) *Вертлюг — элемент буровой установки.*

(21) *Vajonett auf (нем.) — примкнуть штык.*

(22) *Луций — беспутный, охочий до плотских утех герой романа Апулея «Золотой осёл».*

Ретроспекция

Рейкьявик. 12.10.86. Ковбой купил Комбайнера: Меченный вышел из-за «закрытых дверей» с отвисшей челюстью и остекленелым взором — по-видимому, сребреников страж мировой демократии не пожалел...

Эпизод

Двадцать восьмого мая 1987 года, ближе к ночи, осатаневший от трёхсуточного заточения в чреве раскалённого жарким степным солнцем, в дым пьяного купейного вагона, я ступил на заплёванный перрон Казанского вокзала. Каланчёвка пребывала в непривычном безлюдье, что настораживало — даже бичи и «попутчицы» куда-то сгнули. Озираясь, пробрался к будке городского телефона, закинул двушку в щёлочку, набрал номер Рыжего:

— Привет, боец-перестарок, с Днём погранца тебя...

— Грузик, в рот ноги! Ты откуда взялся? С Рустом прилетел?

— С каким ещё рустом? — спрашиваю. — Ты што, с утраца принять успел? Не наш вроде праздник — наш ещё в апреле отмечали...

— Какой, к хренам, праздник? Бери тачку, поспешай сюда, я тут водки набрал, сижу, думаю: за здоровье державы употребить или за упокой?..

Повесил я осторожно трубочку, выбрался из будки, гляжу — огонёк зелёный. Тормознул таксомотор, уселся. Водила воровато так через плечо глянул, врезал по газам. Я ему: — Отец, — говорю, — чего это в Москве делается, а? Вы что это все замалахолили, а?..

Он всем телом ко мне — аж руль вывернул, чуть в столб не влетели:

— Так ты пойми, он же, блядь, прям у Василия Блаженного сел, разъети его нерусскую мать!..

— Кто, — говорю, — сел, батя?

— Так Руст, нехристь, кто же ещё? Нет, ты пойми, мне, блядь, за державу обидно!..

— Ладно, — говорю, — товарищ, ты нервы успокой, меня в целости на Ленинский доставь, будет тебе за героизм рваный сверх счётчика...

Двадцать восьмого мая 1987 года восемнадцатилетний западногерманский лётчик-любитель Матиас Руст на спортивном самолёте Cessna прилетел в Москву и приземлился на Ордынке. Выбравшись из кабины

самолёта, Руст начал раздавать автографы. Когда подросли милиционеры и потребовали документы, он заявил, что прибыл в столицу СССР с миссией доброй воли.

Нарушителя поместили в Лефортовскую тюрьму. Советский суд приговорил Руста к четырём годам исправительной колонии, но через четырнадцать месяцев его выпустили за образцовое поведение.

На родине он сел во второй раз: изнасиловал больничную медсестру, угрожая ей ножом.

Отбыв наказание, торговал обувью, отдавая заработанные деньги детскому дому.

В 1997 году Руст обратился в индуизм и женился на дочери богатого бомбейского чаоторговца.

Поскольку Руст добрался аж до Красной площади, да ещё в День пограничника, то со своих постов незамедлительно полетели министр обороны маршал Сергей Соколов и руководители ПВО страны...

В тот вечер мы с Рыжим нажрались вусмерть — как отставным пэ-взошникам, за державу было до слёз обидно. Однако успокаивали себя тем, что «вот теперь-то омаразмевшие старички наши проснутся и наконец-то порядок в бардаке этом наведут»!

Не проснулись...

Сергей Калабухин

Коломна

КАРЬЕРА МАРКА ЖАБСКОГО

В каждом человеке Природа
всходит либо злаками,
либо сорной травой.

Ф.Бэкон

В конце пятидесятых годов двадцатого века в уважаемой в Коломне семье Жабских родился ребёнок. Мальчика назвали Марком. Стален Иосифович Жабский был убеждённым коммунистом, доктором исторических наук, профессором Коломенского педагогического института, где преподавал студентам историю КПСС и научный коммунизм. Он имел огромное влияние в Горкоме партии и Горсовете. Его жена, Инна

Марковна Жабская, возглавляла Гороно Коломны. Марк был поздним и к тому же единственным ребёнком, и поэтому родители смотрели на него сквозь розовые очки, прощая и оправдывая все его шалости. В результате мальчик рос в ложном убеждении собственной исключительности. В школе он неожиданно столкнулся с реальностью: одноклассники издевались над его неказистой внешностью и тупостью, девочки либо презирали, либо вообще не замечали. Учителя с трудом терпели ленивого, нерадивого ученика, но из уважения к его родителям вместо двоек ставили тройки. Четвёрок, а тем более пятёрок у Марка до девятого класса вообще не было. Контраст между любовью родителей и презрением одноклассников превратил Марка Жабского в мрачного, нелюбимого и мстительного карлика. Нет, он не был уродом — просто, как говорится, ростом не вышел.

— Ничего, — утешала сына Инна Марковна. — Гигантов тела всегда хватало, а вот гигантов мысли во все времена был дефицит. Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин и Наполеон Бонапарт тоже не отличались высоким ростом, а кто с ними может сравниться?

То, что Марк вырастет в гиганта мысли, для Жабских и их отпрыска было аксиомой. Поэтому, когда Марк окончил восьмой класс, у его родителей не было никаких сомнений в том, что он должен продолжить образование и перейти в девятый. Сам Марк учёбу, а тем более школу, ненавидел. Но какая у него была альтернатива? Техникум или ПТУ? Стать простым рабочим на одном из коломенских заводов? Сыну Сталена Жабского пойти работать на станке или класть кирпичи на стройке? Ни сам Марк, ни его родители ничего подобного категорически не хотели. Но тут папа впервые в подробностях рассмотрел аттестат сына о восьмилетнем образовании. Столбик однообразных «удовлетворительно» привёл его в ярость.

— Что это такое? — вопил Жабский-старший, размахивая «корочкой». — И это мой сын? А ты куда смотрела? Мать, называется! Как ты можешь руководить городским отделом народного образования, если твой собственный сын в лучшей школе Коломны не может подняться выше тройки?

Буря бушевала долго и закончилась сердечными каплями и мокрым полотенцем на голове обессиленного отца. Однако её следствием стало прозрение Марка. Он был ленив, но не глуп, а потому отчётливо понял, что ещё два года протянуть на троечках вполне сможет, но вот что делать потом? Безработных в СССР нет, а бездельники получают рабочие специальности, как говорится, в местах не столь отдалённых, а соот-

ветственно и не столь комфортных, как родной город. Оставался один путь — поступать по окончании школы в коломенский пединститут, под крылышко к папе. Однако с тройками в аттестате это было нереально, даже если Марк сдаст все вступительные экзамены на одни пятёрки. Жабский-старший сообщил сыну средний проходной балл в институт и тем самым задал ориентир, к которому тот должен стремиться. Мать тоже пообещала провести по своей линии соответствующие беседы с учителями в школе Марка. Но основное, всё же, Жабский-младший должен сделать сам.

И чудо произошло: Марк закончил школу почти без троек и поступил на исторический факультет коломенского пединститута. Как он там учился, абсолютно не важно. Единственным его достижением в этот период является женитьба на Сонечке Мицкевич, студентке с филологического факультета, дочке директора коломенской канатной фабрики. Это не был брак по любви — всё решили родители жениха и невесты, связанные давней дружбой. В ЗАГСе молодые смотрелись комично: макушка низенького толстенького жениха едва доставала до острого подбородка тощей и плоской невесты. По окончании института Жабского-младшего и его жену, разумеется, направили на работу в одну из школ Коломны, а не заслали по распределению к чёрту на Кулички в какое-нибудь село.

Но оказалось, что Марк Жабский не только не любит учиться сам, но и не может учить других. В отличие от его жены, с упоением погрузившейся в работу. С трудом отработав три положенных по закону года, Марк подал заявление об уходе, а директор школы не стал его удерживать. Папа вновь подсуетился и устроил сына в местный Краеведческий музей, располагавшийся в то время в бывшей церкви Архангела Михаила.

Эта церковь была построена примерно в середине XIV века и находится буквально через дорогу от кремлёвской стены. К XVI веку сложился комплекс из двух храмов: Чуда Архангела Михаила в Хонех и Собора Архистратига Михаила. В 1828-1833 годах на средства коломенских купцов Романа, Авксентия и Якова Колесниковых и братьев Вавилы и Василия Константиновых церковь капитально перестроили. В холодной части храма был освящён главный престол в честь Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, в трапезной — престолы в честь Казанской иконы Божией Матери и Трёх Святителей, а также мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

В 1906 году на средства церковного старосты и благотворителя Иоанна Постникова в трапезной был устроен придел преподобного Сера-

фима Саровского. Так, к началу XX века сложился комплекс пятипрестольного храма. Три престола: центральный — собора сил Архистратига Михаила — и два боковых: Казанской иконы Божией Матери и Трёх святителей — находились в летнем храме. Ещё два занимали тёплую трапезную: преподобного Серафима Саровского и мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Это был самый большой храм в Коломне.

В 1930-е годы церковь закрыли. В здании сначала размещался склад, потом контора. В 1936 году его передали Краеведческому музею. И теперь, в начале лета 1983 года, в это огромное древнее здание, робко ступая по белокаменному полу, вошёл младший научный сотрудник Марк Жабский.

Директор музея был уже не молод, часто и подолгу болел, и Марк вскоре официально стал его заместителем. Это была явная синекура, хоть и мало оплачиваемая. Но выбирать не приходилось.

Коломна — древний русский город, имеющий большую и славную историю, в нём сохранилось около пятидесяти церквей и часовен, четыре монастыря, остатки кремля, в одной из башен которого по преданию провела последние свои дни Марина Мнишек. Но в советские времена Коломну не стали включать в Золотое Кольцо. Здесь находились важные оборонные предприятия, а потому город был закрыт для туристов и тем более иностранцев. Так что посетителей в музее было мало, работники сами справлялись с любыми неожиданностями, и Марк от нечего делать стал почитать на рабочем месте книжки, благо городская библиотека имени Ивана Лажечникова находилась в пяти минутах неспешной ходьбы от места его работы.

Директор музея, когда появлялся на работе после очередного больничного, с головой окунался в какие-то исследования и постоянно возился с различными документами, неустанно пополняя созданный им архив фактов, легенд и мифов из истории Коломны и её окрестностей. Материалами его снабжали даже студенты филологического факультета коломенского пединститута. Они разъезжали по окрестным деревням и сёлам, записывая у местных старожилов частушки, сказки, были и небылицы. Старик часто встречался и подолгу беседовал с краеведами и местными художниками, стараясь убедить последних больше рисовать исчезающие под новостройками пейзажи и Старую Коломну. На Марка он не обращал никакого внимания, не пытаясь привлечь того к своим делам и не спрашивая с него отчёта. По-видимому, не хотел тратить время и здоровье. Обоих сложившееся положение вполне устраивало.

Но вот наступил год, в котором случилось сразу несколько событий, кардинально изменивших жизнь и судьбу Марка Жабского. В январе у него родилась дочь Снежана. В феврале во время очередного приступа болезни умер директор музея, и Марка назначили на его место. В марте Генеральным секретарём ЦК КПСС стал Михаил Горбачёв, в результате чего, не выдержав новых веяний, в октябре внезапно скончался от инфаркта Стален Иосифович Жабский, и безутешную Инну Марковну, переставшую уделять работе должное внимание и усердие, вскоре с почётом отправили на пенсию.

Так закончилась беззаботная жизнь Марка Жабского. На работе на него свалились всяческие квартальные отчёты и планы, дрязги и проблемы работников, отопление, освещение, сохранность экспонатов, школьные экскурсии и прочие организационные дела. Не привыкший к какой-либо ответственности Марк растерялся. А дома его ждали заматанная жена, плач ребёнка, запах мокрых пелёнок и подгоревшего молока. Инна Марковна из статной властной женщины без возраста превратилась в слезливую неопрятную старуху не от мира сего, живущую воспоминаниями. Проблемы росли, как снежный ком, а Марку никогда до сих пор не приходилось преодолевать какие-либо трудности. Даже от службы в армии он был освобождён по причине плоскостопия. И вот тут-то, когда Марка охватила паника, его и поймали в свои сети «утешители».

О религии выросший в семье убеждённых коммунистов Марк Жабский знал только то, что успел прочесть в «Справочнике атеиста». Но в зарубежных фильмах он видел, как отчаявшиеся люди приходят в церковь и находят там утешение и поддержку. И Марк решил. Опыт оказался неудачным. В церкви было людно и душно. Не было никаких укромных исповедален, знакомых Марку по фильмам. Поп стоял прямо посреди церкви, и к нему выстроилась длинная очередь желающих исповедаться. Всё происходило явно, на глазах у всех. Ни о какой тайне исповеди в таких условиях и речи быть не могло. Да и об утешении тоже. Конвейер!

Марк выскочил из церкви, его душили слёзы обиды на всё и всех. И здесь его ожидания обманули!

— Что, сынок, не понравилось тут?

Рядом стояла и сочувственно смотрела на Марка маленькая тощая старушка, одетая во всё чёрное, как монашка.

— Да, не в тот храм ты пришёл, — продолжила она. — Тебе бы надо с нашим отцом Серафимом встретиться...

— Зачем это?

— Вот он — истинный утешитель горя людского, не то, что здешний. У отца Серафима для каждого страждущего и время, и слова найдутся. И службы он ведёт на обычном языке, каждое слово понятно и прямо в душу ложится.

Так Марк Жабский попал в секту неообновленцев. Собирались в каком-то старом бревенчатом доме на окраине Коломны. Комната была явно мала для подобных сборищ. И когда речь зашла о том, что пора бы Марку совершить обряд крещения, тот предложил отцу Серафиму совершить это действие в Краеведческом музее. Вернее, в бывшей церкви Архангела Михаила, отданной советскими властями под музей. Место это было намоленное, хоть и осквернено ныне. Но всё же музей — это не склад и, тем более, не конюшня!

Каким-то образом властям стало известно о сборищах сектантов в помещении Краеведческого музея. В память о Сталене Иосифовиче Жабском скандал замяли, но Марка выгнали с работы и больше нигде не хотели принимать. Под «нигде» следует понимать библиотеки, музеи, дворцы и дома культуры, школы и институты. Двери отделов кадров заводов и фабрик были открыты для всех, но Марк Жабский ничего не умел и не хотел делать своими короткими пухлыми, как у ребёнка, руками. Он никогда в жизни не поднимал ничего тяжелее авторучки. Всесильного папы рядом больше не было, а мать, узнав о позоре сына, слегла с инсультом и через несколько дней воссоединилась с мужем в общей могиле.

Так как скандал замяли, уволялся Марк Жабский «по собственному желанию». Отработал положенный по закону срок, сдал дела новому директору и освободил кабинет от личных вещей. А через пару недель один из краеведов по привычке пришёл в музей, чтобы поработать с архивом. И тут выяснилось, что все папки исчезли! Новый директор только разводил руками — он принимал вещи по описи, архив же ни в каких официальных бумагах не числился. Доказать вину Марка было невозможно, а сам он, конечно, признаваться в краже не собирался.

Безуспешно помыкавшись в поисках непыльной работы, Жабский ещё больше озлобился на весь белый свет. Особенную ненависть у него теперь вызывали коммунисты и советская власть. И он обратился за помощью к их естественному, как ему казалось, врагу — Русской православной церкви. Марк покаялся, заново крестился и начал работать ночным сторожем в Тихвинском соборе. Первое время ему было на новой работе не по себе и даже страшно, вспоминался жуткий Вий из повести Гоголя. Но вскоре Марк привык к одиночеству, потрескиванию

свечного огня перед иконами и душному запаху ладана. Чтение книг нагоняло на него сон, и тогда Марк попробовал писать сам. Начал он со стихов, так как поиск рифм и математический подсчёт слогов в строках прогоняли сонливость и ускоряли время. Долгие ранние ночи теперь пролетали незаметно.

Однако городские газеты почему-то не желали печатать на своих страницах поэтические шедевры Марка Жабского. «Это поганые коммунаки мстят мне!» — решил он и послал свои стихи в московские журналы. Но и те отделались вежливо-издевательскими отписками в стиле «пиши ещё». Между тем семья Жабских стремительно нищала. Заработок Марка был чисто символическим, зарплата жены-учительницы не могла покрыть всех расходов — дочь Снежана росла, и ей постоянно требовались новая обувь и одежда.

И тогда Марк перешёл на прозу. То, что он считал мстью городу, вдруг стало источником дохода. В коломенских газетах появились статьи некоего нового краеведа по имени Роман Всеславный об истории и тайнах Коломны. Вскоре обнаружилось, что Марк Жабский и Роман Всеславный — один человек. Вновь всплыла и стала активно муссироваться история пропавшего из Краеведческого музея архива, но доказать ничего было нельзя, тем более, что были ещё живы и оставались во власти друзья и соратники Сталена Жабского, жёстко пресекавшие любые «инсинуации» в адрес его сына. Гонорары несколько облегчили материальное положение Жабских, но кардинально ничего не изменили. Сонечке пришлось подрабатывать репетитором.

Развал СССР и запрет КПСС привели к резкому взлёту влияния Русской православной церкви. Государственная поддержка на самом высоком уровне и массы уверовавших и воцерковленных ощутимо повысили церковные доходы. Марку предложили «на общественных началах» возглавить отдел церковного краеведения и беллетристики в новой православной газете «Благо». Тот, подумав, согласился. Правда, оказалось, что других сотрудников в этом отделе нет, и вряд ли они в ближайшее время появятся. Марку пришлось самому под разными псевдонимами заполнять свой раздел газеты материалами. Это отнимало массу времени и сил. Пришлось уйти из сторожей и довольствоваться одними гонорарами. Зато Марк обзавёлся новым социальным статусом и вскоре получил ещё более важный бонус — заказ на написание статей и книг о коломенских православных храмах и монастырях. Причём, ему даже не надо было искать материалы — церковные архивы сами предоставили их в необходимых объёмах. Этот лакомый кусок не только материально обеспечил на несколько лет семью Жабских, но и имел

важные последствия как для самого Марка, так и для Коломны — Роман Всеславный стал обязательным гостем всех культурных мероприятий города. Без тени сомнения он всегда садился в первом ряду, предназначенном для VIP-персон. Сначала ни у кого не хватило духа согнать наглеца с престижного места, а потом уже подобное поведение Марка стало восприниматься как должное. Роман Всеславный стал активно выступать на всех городских мероприятиях, и вскоре его представляли публике не иначе как «известного коломенского историка, литератора и краеведа».

На одном из таких мероприятий и произошло знакомство Романа Всеславного с Эдгаром Мыльниковым. Как это ни удивительно, но обычно нелюдимый Марк быстро сошёлся и даже, можно сказать, подружился с Эдгаром. У них были общая любовь (графомания) и общая беда — их «нетленки» не желали печатать толстые московские журналы. Кстати, вскоре выяснилось, что подобная проблема в полный рост стоит и перед многими другими коломенскими поэтами и прозаиками. В ходе нескольких жарких дискуссий были выделены две основные причины подобного положения: субъективная и объективная. Первую — собственное литературное бессилие — Марк с Эдгаром отвергли сразу, хоть и не исключили её для прочих коломенских литераторов. А вот вторая стояла перед ними несокрушимой стеной.

Ещё в советские времена главные редакторы «толстяков» нашли выход, чтобы без очереди проталкивать свои рукописи в печать. Они использовали знаменитый принцип «ты — мне, я — тебе». То бишь, «журнал А» публиковал стихи главного редактора «журнала Б», а «журнал Б» в свою очередь печатал повесть главного редактора «журнала А». А так как главными редакторами советских «толстяков» были, как правило, знаменитые писатели, то в выигрыше оказались все: и авторы, и читатели.

Но сейчас, когда ликвидированы всяческие ограничения, в том числе и нравственные, главные редакторы без малейшего стеснения печатают свои «нетленки» как в собственных журналах, так и во всех прочих, продолжая активно использовать принцип «ты — мне, я — тебе». Более того, к редакционному начальству присоединились и подчинённые, а также их друзья, фавориты и протеже. О качестве публикуемых текстов при такой системе говорить вообще смешно! Развеялись дымом репутации и тиражи. Кому интересно годами читать одних и тех же авторов, тексты которых, к тому же, дублируются в различных журналах?

И всё же авторитет «толстяков» пока был достаточно высок, и не было ни одного провинциального автора, не мечтающего попасть на их

страницы. Но пробиться в этот отныне почти замкнутый на себя «кружок» стало неимоверно трудно! Один из способов для человека со стороны — создать свой журнал и включиться в «систему». Мыльников и Жабский, конечно, быстро нашли этот выход. Дело было за малым — претворить его в жизнь. Однако начальник управления по культуре Коломны отвергла идею создания городского альманаха сразу: «В Коломне нет прозаиков, а поэты и так издают свои книжки».

— Что ж, придётся действовать своими силами, — сказал Мыльников Жабскому. — Надо поскорее определиться с авторами и спонсорами.

Марк скептически кивнул. Он не привык, да и не был способен к решительным действиям. Эдгар же был лёгок на подъём, и вскоре первый сборник альманаха «Коломенское слово» был составлен, и что самое невероятное — найдены спонсоры! Разумеется, вёрстку и издание альманаха было решено доверить редакции московского «толстяка», тем более, что журнал «Москва» имел и собственное издательство с одноимённым названием. Так одновременно убивалось несколько зайцев: обеспечивалось высокое качество печати, завязывались необходимые связи, и новый провинциальный альманах сразу же выходил на столичный уровень.

Расчёт себя оправдал. Конечно, в альманах пришлось включить рассказ главного редактора журнала «Москва», но зато и рассказ Мыльникова в ответ был, наконец, опубликован в толстом московском журнале.

— Не переживай, — утешал Эдгар Марка. — Вот выпустим второй номер альманаха и протолкнём твою подборку стихов в московский журнал.

Но шло время, выходили номера коломенского ежегодника, уже со второго номера всё же взятого под крыло городской Администрацией вместе с его Главным редактором Эдгаром Мыльниковым, а стихи Романа Всеславного по-прежнему отвергались редакциями московских «толстяков» и печатались только в «Коломенском слове». Зато Эдгар Мыльников заматерел и даже немного поверил в собственный литературный гений. Его рассказы стали регулярно печатать московские журналы. Конечно, с текстами предварительно серьёзно работали редакторы и корректоры, но на то она и Москва!

Мыльников, ставший штатным работником управления по культуре, начал приглашать в Коломну московских писателей и художников, устраивать им творческие вечера, а вот коломенские литераторы перестали его интересоваться. Он сделал Марка своим заместителем в редакции

альманаха и свалил на него всю работу с местными поэтами и прозаиками. Пользуясь тем, что никто — ни Администрация Коломны, ни спонсоры — не проверяет, как расходуются деньги, данные на подготовку и издание альманаха «Коломенское слово», Мыльников в том же московском издательстве выпустил несколько небольших книжечек со своими рассказами и повестями и вступил в Союз писателей России.

А Жабского, конечно, душили злоба и зависть. И он отводил душу, «редактируя» стихи и прозу коломенцев, желающих опубликоваться в городском альманахе. Из подборок присланных стихов он отбирал самые слабые. Если же таковых не находилось, Марк доводил форму чужого стихотворения до формального канонического совершенства, одновременно вытравливая из содержания авторские мысли и чувства, в результате чего получалась холодная пустышка, никак не трогающая читателя. Собственно, и стихи самого Марка были таковыми, но лишь потому, что у их автора не было ни оригинальных мыслей, ни чувств, которые тот мог бы вложить в свои тексты. Наглядное же доказательство того, что ему, Марку, недоступно то, что легко получается у других поэтов, ещё больше разжигало злобу и зависть Жабского.

С прозой было чуть сложнее, но и тут Марк находил способы испохабить чужой текст так, чтобы тот не возвышался над уровнем рассказов Мыльникова, делая тем самым главного редактора коломенского ежегодника ещё более обязанным и зависимым от него. Кроме того, Мыльникову теперь приходилось и своим авторитетом поддерживать тот редакторский беспредел, что устроил Жабский коломенским прозаикам и поэтам.

Мало кто из коломенских литераторов пытался протестовать против столь наглой и убийственной «редакторской правки», а если таковой смельчак находился, перед ним ставился простой выбор: либо его текст будет напечатан в альманахе в отредактированном виде, либо автор может обращаться в другие журналы. И вскоре все смирились с подобным положением дел.

Вскоре и у Романа Всеславного появились спонсоры, и местное издательство выпустило несколько тоненьких сборников его стихотворений. Марк получил, наконец, и презентации, и поздравления, и награды. Но хотя с помощью Эдгара Мыльникова он и вступил в Союз писателей России, московские «толстяки» остались для него недоступной мечтой. Хотя несколько стишков Романа Всеславного Мыльникову удалось-таки пристроить в пару московских газет, за что пришлось сделать ответную любезность в коломенском альманахе их главным редакторам.

И вот сейчас ежегодник «Коломенское слово» уверенно подходил к «совершеннолетию». За восемнадцать лет его существования Марк Жабский достиг нескольких целей: во-первых, он показал собственную значимость в глазах окружающих и тем самым стал для них непререкаемым авторитетом в области поэзии и прозы; во-вторых, Эдгар Мыльников и Роман Всеславный были признаны в культурных кругах города и района ведущими писателями Коломны; в-третьих, Роман Всеславный стал для Эдгара Мыльникова незаменимым другом и помощником, а все возможные конкуренты были заранее отсечены или дискредитированы. Никто в Коломне не осмеливался оспаривать мнение Мыльникова или Всеславного, когда те кого-либо из местных литераторов хвалили или ругали, и уж тем более было немислимым критиковать тексты самих «ведущих писателей»!

Но если Эдгар Мыльников всё же в глубине души знал истинную цену своим литературным успехам, то Марк Жабский всерьёз уверовал в собственный поэтический гений. А раз он, то бишь — Роман Всеславный, является величиной №1 в поэтической иерархии Коломны, то почему его семья в материальном плане еле сводит концы с концами? Искренне возмущённый подобным положением дел, Марк написал письмо в Администрацию города, в котором поставил вопрос ребром: почему лучший поэт Коломны влачит нищенское существование? Ведь это унижительно не только для самого Романа Всеславного, но и для одного из старейших городов России! Уже сейчас признанный гений поэзии, а в будущем наверняка классик российской литературы вынужден буквально каждодневно тратить время и силы на добывание хлеба насущного вместо того, чтобы творить нетленку. В конце своего длинного и весьма эмоционального письма Марк Жабский категорически потребовал, чтобы Администрация Коломны немедленно назначила ему соответствующее ежемесячное денежное содержание за счёт городского бюджета.

Конечно, в любое другое время власти города в лучшем случае просто проигнорировали бы подобную наглость, но тут вмешались в дело два важных фактора. Во-первых, письмо Романа Всеславного завизировал лично митрополит Крутицкий и Коломенский, попросивший Администрацию Коломны отнестись со вниманием к человеку, столь много сделавшего и делающего для прославления Церкви и города на ниве краеведения. Во-вторых, через несколько месяцев должны будут состояться очередные выборы депутатов городской думы. Никто в Администрации не хотел в такой момент ссориться с Церковью в лице ми-

трополита и тем самым потерять поддержку соответствующего и весь-ма многочисленного электората.

— У кого какие будут предложения? — мрачно задал вопрос мэр, срочно собрав на закрытое совещание начальников управлений и отделов Администрации.

— А мы-то тут причём? — послышался в ответ общий возмущённый ропот. — Пусть управление по культуре думает, это по их части.

— С какой это стати? — взвилась Ольга Петровна Маркова, начальник управления по культуре. — Из нашего бюджета и так немалый кусок вырван на издание ежегодника «Коломенское слово» и зарплату его Главного редактора. Давайте вызовем сюда Эдгара Ивановича, и пусть он решает: либо мы сократим затраты на альманах, уменьшив его объём и тираж, либо Мыльников и Жабский поделят между собой ставку Главного редактора. Других денег у нашего отдела нет!

— Нет, — отрицательно покачал головой Иван Петрович Шуйский. — Альманах и Мыльникова, пока я мэр, трогать не разрешаю. Ищите другой вариант.

— Но, Иван Петрович, это просто неслыханно! — возмущённо всплеснула руками Маркова. — Нигде в России не платят зарплату писателям только потому, что они — писатели. Такого даже при советской власти не было! Этот Всеславный-Жабский за свои статьи и книги получает гонорары. За что ему ещё зарплату платить?

— Ольга Петровна, — откинулся на спинку кресла мэр. — Мы все тут прекрасно знаем, что этого поганца Жабского город содержать не обязан. И если бы не просьба митрополита, мы бы сейчас тут не сидели и не ломали головы в поисках решения. Давайте не будем терять время на эмоции и неконструктивные высказывания.

— А ведь в словах Ольги есть рациональное зерно, — неожиданно сказал Михаил Иосифович Миркин, начальник управления по экономике.

— Вот как? — удивился Шуйский. — И какое же?

— Как в подобной ситуации поступали при советской власти? — усмехнулся Миркин. — Взять хотя бы спортсменов — официально все они числились где-нибудь рабочими или офицерами, хотя ничем, кроме спорта, не занимались!

— Вот! — с удовлетворением обвёл всех присутствующих взглядом мэр. — Наконец-то конструктивное предложение. И так, господа и дамы, у кого какие на данный момент вакансии имеются?

Общая тишина была ему ответом.

— Мне что, в кадры звонить? — вновь нахмурился мэ́р, и все с укором посмотрели на Маркову.

— Так ведь никакого толку от этого Жабского на работе не будет! — с отчаянием воскликнула та.

— От советских спортсменов на местах, где они официально числились работниками и получали зарплату, тоже никакого толку не было, — твёрдо ответил Шуйский.

— Так ведь и вреда не было! — парировала Маркова. — А этот негодяй, Жабский, помните, что в Краеведческом музее наворотил?

— Ну, пока он там числился в замах, вреда от него не было, — буркнул Миркин.

— У кого из твоих зама сейчас нет? — спросил мэ́р Маркову.

— У всех есть, — уныло ответила та. — Вот разве только в клубе посёлка имени Кирова...

— Ну, вот! — с облегчением улыбнулся мэ́р.

— Но там только полставки свободно...

— Тем лучше! — развёл руками Шуйский. — Мы тогда сразу несколько зайцев уьём: и на просьбу митрополита положительно отреагируем, и гадёнышу этому, Жабскому, не столь уж большой кусок кинем, и работе клуба не повредим, раз там нормальный зам имеется. Пусть только выборы спокойно пройдут, а потом мы эту синекуру прикроем, найдём способ — никакой митрополит не придерётся...

Вот так Марк Жабский вновь стал государственным чиновником и отныне присутствовал на всех городских мероприятиях в качестве штатного сотрудника управления по культуре Коломны, вполне законно занимая место среди VIP-персон. Его мнением по различным вопросам в областях истории, литературы и краеведения стали интересоваться представители культурной богемы города и репортёры местных СМИ. Он выступал на коломенском телевидении, читал лекции школьникам и жёстко «критиковал» и «редактировал», не утруждая себя какой-либо аргументацией, теперь не только чужие рукописи, отобранные им или Мыльниковым для публикации в альманахе «Коломенское слово», но и авторские сборники коломенских поэтов, которые те собирались напечатать за свой счёт в местном издательстве. И то, что никто не пытался оспаривать слова и поступки Романа Всеславного и, тем более, критиковать его собственные тексты, окончательно утвердило его в собственной исключительности и гениальности. И что самое удивительное и печальное, в исключительность и гениальность Романа Всеславного вскоре стали верить и окружающие! Давно прошли выборы мэра и депутатов городской Думы, но о лишении Марка Жабского синекуры в

управлении по культуре Коломны никто даже не заикается, хотя тот в клубе посёлка имени Кирова появляется только на официальных мероприятиях и в дни выдачи зарплаты.

В Коломне ходят слухи, что Марк написал ещё одно письмо в Администрацию и сейчас собирает подписи коломенских литераторов в поддержку его нового требования: присвоить имя Романа Всеславного одной из библиотек города. В различных литературных тусовках имена тех, кто поставил свою подпись под заявлением Жабского, разнятся. А вот имени того храбреца, кто посмел твёрдо отказать, пока нигде не слышно...

МЕЧТА И СЛУЧАЙ

В детстве я мечтал о гитаре.

— Что же это за мечта? — удивится современный мальчишка. — Другое дело...

Впрочем, я не знаю, о чём мечтают современные дети. Ведь мечты сильно зависят от времени на дворе, возраста человека и окружающей его обстановки. К тому же они бывают разные. Есть мечты глобальные, практически недостижимые. И есть локальные, бытовые. Да и случай в их осуществлении играет весьма значимую роль.

Например, когда мир узнал о подвиге Юрия Гагарина, мечтой миллионов людей по всему миру стал полёт в космос. Но осуществить это смогли лишь единицы, и всех первых космонавтов мы тогда знали по именам. Говорят, что некоторые из тех ребят, кто был вместе с Гагариным в первом отряде космонавтов, так и не увидели Землю из космоса. Случай не представился. А сейчас космонавт — обычная профессия! Все уже и следить-то перестали, кто там полетел на МКС и зачем. Даже космические туристы появились. Время на дворе изменилось, и то, что когда-то было недостижимой мечтой, стало обыденностью.

Ну а девушки всегда мечтали о принце на белом коне. Правда, сейчас коня заменил «бентли», владелец которого совсем не обязательно должен быть непременно принцем. У многих ли сбылась эта извечная девичья мечта? В большинстве случаев глобальные мечты мальчишек и девчонок так и остаются несбыточными детскими грёзами.

Но есть мечты вполне реальные, достижимые, бытовые. В советском фильме «Курьер» главный герой, парень лет семнадцати, подходит к своему другу и спрашивает, есть ли у того мечта?

— Да, — ответил друг. — Я мечтаю о тёплом зимнем пальто.

— Как это? — удивился парень.

— Скоро зима, — сказал друг. — А у меня — только лёгкая курточка. Денег на тёплые пальто у родителей нет. Значит, опять мне придётся мёрзнуть всю зиму.

Парень снял с себя новенькое пальто и отдал другу.

— На, носи. И мечтай о чём-нибудь возвышенном.

И таких вот людей, мечтающих о самых простых вещах, всегда и везде было очень много. Собственно, каждый из нас имел или имеет подобные мечты. И я вот в детстве мечтал о гитаре. В смысле — хотел научиться играть и петь под неё собственные песни. Откуда взялась такая мечта у провинциального мальчишки из обыкновенной рабочей семьи?

Подмосковная Коломна в шестидесятых годах прошлого века представляла собою конгломерат квазидеревень. Каждый район — это отдельный мир со своим населением, где почти все друг друга знают. Да, в это время уже начали строить четырёх— и даже пятиэтажки, переселяя в них людей из рабочих бараков и частных домов. И всё же квартиры в этих «хрущобах» были в большинстве своём коммунальными. Мало какая семья жила в отдельной. И в каждом дворе, конечно, существовала своя мальчишеская банда, бдительно следящая за соблюдением чисто деревенских порядков. Мы тоже смотрели в оба, чтобы ни один чужак не мог безнаказанно пройти по нашим улицам и, уж тем более, поговорить с нашими девочками.

Иногда мы делали набеги на соседний, не застроенный пока панельными или кирпичными многоэтажками «частный сектор», воруя в садах яблоки и груши. А сектор этот был ох как не прост! В Москве существовала знаменитая Марьино роща, в Ленинграде — Лиговка, а у нас в Коломне — Репинка, и наша новенькая многоэтажка стояла на самой границе этого бандитского гнезда. Но кто же из пацанов может проигнорировать вызывающе брошенное «А слабо...?». И мы лезли в репинские сады за вкуснейшими (после успешно пережитого страха!) яблоками и грушами.

В домах, окружавших наш двор, жили в основном работники колхозных заводов. Это был рабочий район. Все жили одинаково бедно. Телевизоры — и те были далеко не у всех. У моей бабушки, жившей на другом конце города, стоял на комодке тяжёлый ящик с малюсеньким экранчиком. Чтобы можно было более-менее нормально что-то увидеть, перед экраном висела огромная стеклянная линза, наполненная водой. Изображение, конечно, было не очень, да и интересных для

меня передач почти не было, поэтому телевидению я предпочитал кино.

А кинотеатры нам в то время заменяла кинопередвижка. Когда она приезжала, со всех окрестных домов сходились люди, и прямо на торце нашего четырёхэтажного дома, построенного из белого силикатного кирпича, возникал волшебный экран. Фильмы были, конечно, чёрно-белые. Только совсем недавно я с большим удивлением увидел по телевизору их в цветном варианте. Нет, их никто не раскрашивал. Просто цветная плёнка в те времена была очень дорогой, и поэтому гораздо дешевле для государства было снять с цветного оригинала фильма необходимое количество чёрно-белых копий и разослать во все концы Советского Союза. Так что миллионы советских людей с огромным удовольствием смотрели чёрно-белое кино и считали, что другого не бывает.

Кинопередвижка приезжала, обычно, по выходным. Её ждали, и весть о том, что приехало новое кино, мгновенно облетала окрестные дома. Кто-то приходил со своей табуреткой, но в основном зрители стояли весь сеанс. Это было, конечно, неудобно, и вскоре во дворе нашего дома построили деревянную эстраду и поставили несколько рядов длинных скамеек перед ней. Смотреть фильмы стало гораздо удобнее, но сидячих мест всё равно никогда на всех не хватало.

И вот на экране этой эстрады я впервые увидел рояль и даже целый оркестр необыкновенных инструментов. До этого я знал только гитару и гармонию. Под гармошку пели и плясали все свадьбы нашего двора. А примитивная семиструнная гитара была у одного из наших ребят. Именно, семиструнная, о шестиструнных никто тогда даже не слышал. Летом почти каждый вечер мы собирались тесной компанией на скамейках у эстрады и пели под эту гитару песни, которые теперь называют дворовыми, хотя большинство из них были уголовно-тюремными романсами или балладами — влияние близкой Репинки.

Я жутко завидовал владельцу той гитары, который разрешал нам её немного подержать и побренчать по струнам, пока он сам закуривал папиросу, украденную кем-нибудь из нас у отца, или найденный на улице и бережно сохранённый для него сигаретный «бычок». Тогда вот и родилась моя мечта, и я поделился ею с мамой.

Однако, гитары на прилавках коломенских магазинов появлялись крайне редко и были очень дорогими, а вот полубаян кто-то из знакомых как раз продавал по дешёвке. И мне купили этот красивый, сверкающий хромовой отделкой и лаком тяжеленный для моих пока ещё детских рук инструмент. Я был страшно разочарован, и мама утешала

меня тем, что баян пригодится мне в жизни гораздо больше, чем гитара.

— Научишься, потом будешь играть на свадьбах — всё верный приработок, — говорила она. — А гитара — баловство одно.

И пошёл я в музыкальную школу. Думал: «Чёрт с ним, с баяном. Главное — научиться играть. А потом как-нибудь и на гитару переберусь». Но не тут-то было! Вместо разучивания нужных мне песен, в школе заставляли пикивать гаммы и упражнения. Да ещё начались эти совершенно ненужные, как мне казалось, уроки сольфеджио. Недели проходят, а я занимаюсь какой-то, на мой взгляд, ерундой! А на гитаре-то достаточно выучить всего четыре «блатных» аккорда, и пой любую песню. Но на все мои возмущения мама отвечала, что деньги за баян отданы немалые, и, хочешь — не хочешь, надо их отрабатывать, пусть даже учёба и кажется мне каторгой.

Может быть, со временем, я бы и полюбил баян. Для учителя уже была кое-как разучена мелодия песни «Во поле берёза стояла», а для себя я начал подбирать «По тундре, по железной дороге», как вдруг конец моим мучениям положил несчастный случай. В одной из дворовых драк я повредил кисть правой руки. В кости запястья, сразу за указательным пальцем, образовалась трещина. Врач наложил гипс, и на этом мои упражнения с баяном закончились. С тех самых пор указательный палец моей правой руки несколько потерял подвижность, что поставило на мне крест как на музыканте.

Но через несколько лет, став студентом московского института, я всё же научился играть на гитаре и даже что-то там пел в тесной компании себе подобных. В общежитии у многих имелись гитары, правда, уже шестиструнные. Вот уж когда я отвёл душу! Каждый вечер брал в руки гитару и разучивал новые аккорды, переборы, песни. У меня была заветная записная книжка с текстами песен и значками гитарных аккордов над строчками. Металлические струны в то время были жёсткими и часто рвались. Кончики пальцев на руках у меня поначалу болели нестерпимо, игра на гитаре превратилась в пытку. Но это была сладостная пытка, ведь боль сопровождалась удовольствием от чувства, что у меня всё получается, что моя детская мечта осуществляется. Вскоре кожа на кончиках пальцев загубела. Это были мои первые в жизни трудовые мозоли. Конечно, позднее будут и кровавые на ладонях от лопаты: пришлось перекидать не один кубометр бетона на строительстве дороги во время студенческой практики.

В семидесятые, в самый разгар так называемого «брежневского застоя», в нашу жизнь вдруг массово ворвались телевизоры и магнито-

фоны. Причём, нормальные телевизоры, с большим экраном, пусть и чёрно-белым. И это был не импорт, а наши советские телевизоры и магнитофоны, разнообразных размеров и моделей, изготовленные на заводах СССР. Огромные гробы плёночных магнитофонов, дорогих и редких, сменили вполне компактные модели. А вскоре уже многие ребята гордо фланировали по улицам с лёгкими кассетниками в руках. Вместо стационарных ламповых радиол в домах появились транзисторные проигрыватели и переносные радиоприёмники. Строились кинотеатры, развивалось телевидение, выпускались сотни новых пластинок и книг, регулярно выходили десятки журналов.

Жизнь людей менялась просто стремительно. Так что, мне всегда было странно слышать презрительные реплики о каком-то «застое». На моих глазах во времена Брежнева у нас в стране свершилась просто небывалая техническая революция в бытовой технике, повлекшая за собой и культурную! Причём, повторяюсь, это была наша, советская техника, а не импорт, как сейчас. Какой же это застой? И я отлично понимаю ностальгическую тоску моих ровесников по тем временам. Потому что для миллионов советских граждан духовное развитие было важнее материального. Интересная книга, занимательный фильм или новая запись концерта авторской песни разыскивались с большим усердием, чем кусок мяса или колбасы. Журналы издавались миллионными тиражами и зачитывались до дыр. Авторская песня зазвучала по всей стране, начались регулярные слёты исполнителей и любителей. Сколько новых песен мы тогда услышали, сколько знаменитых ныне имён узнали: Окуджава, Высоцкий, Визбор, Галич, Никитин.

Но сейчас мне хочется вспомнить Михаила Анчарова, сразу и бесповоротно ставшего одним из моих кумиров, как только я услышал его песни. Это был замечательный человек, обладавший многими талантами: художник, поэт, прозаик, сценарист. Свою первую песню на стихи Александра Грина Михаил Анчаров написал в далёком тридцать седьмом году, когда ему было всего четырнадцать лет. Когда началась война с немцами, он добровольцем ушёл на фронт, служил в полковой разведке и в знаменитом СМЕРШе. Там, на войне, Михаил Анчаров начал писать песни на собственные стихи. После окончания войны, он вернулся в Москву и часто пел свои песни под семиструнную гитару в кругу друзей и знакомых. Булат Окуджава, между прочим, начал писать песни и исполнять их на пятнадцать лет позже Михаила Анчарова. Владимир Высоцкий прямо называл Анчарова своим учителем. Собственно, все наши тогдашние барды учились у Анчарова, подражали ему, но только Высоцкий откровенно признался в этом.

В конце семидесятых в студенческой общаге я просто балдел от песен Анчарова, Высоцкого, Галича, Кима. Я знал многие из них наизусть, подбирал на гитаре, пел в компании друзей. Это были совершенно иные песни, не те, что мы с пацанами когда-то пели во дворе.

По телевидению шли телеспектакли и фильмы, созданные по сценариям Михаила Анчарова. И в этих фильмах звучали песни на его стихи. Анчаров, кроме всего прочего, создал первый советский телесериал. Он назывался «День за днём», и в нём показывали будни нескольких семей, живущих в одном доме, в коммунальной квартире, их радости и проблемы. День за днём. Потом был сериал «В одном микрорайоне». И смотрелось это всё с неослабевающим интересом! Я сам вырос в коммуналке и завидовал персонажам этих сериалов, их отношениям, взаимовыручке. С такими соседями я мог бы прожить всю жизнь, от них не хотелось уезжать в отдельную квартиру.

В одном из фильмов прозвучала песня на стихи Михаила Анчарова «Стою на полустаночке», и её тут же запела вся страна. А я пел другие:

Мы ломали бетон
И кричали стихи,
И скрывали
Боль от ушибов.
Мы прощали со стоном
Чужие грехи,
А себе не прощали
Ошибок...

Всего каких-то десять — пятнадцать лет отделило Михаила Анчарова от магнитофонной эры, давшей широкую известность и популярность его ученикам и последователям. Когда появились магнитофоны, Анчаров уже заканчивал писать песни, перейдя на прозу, поэтому записей авторского исполнения осталось очень мало. Но всё же фирма "Мелодия" нашла старые магнитофонные плёнки любительских записей, отобрала наиболее хорошо сохранившиеся фонограммы песен Михаила Анчарова и выпустила единственную авторскую грампластинку. У меня этот диск есть, и где-то лежат старые плёнки, которые уже, к сожалению, не на чем слушать. Вот так вот распорядилась судьба: появление магнитофонов сделало знаменитыми на всю страну учеников Анчарова, а имя родоначальника авторской песни осталось широкой публике практически неизвестным. Как много зависит в нашей жизни от таких вот случайностей, предугадать которые невозможно.

Зато... Ох уж это «зато»! Всегда, ведь, хочется сказать: пусть то не сбылось, зато вот это случилось! Да, имя Анчарова-барда не столь широко известно. Зато он написал несколько замечательных книг, популярности которых могут позавидовать авторы многих нынешних бестселлеров и дамских романов. Остались прекрасные фильмы и телесериалы. Да и его песни продолжают жить, по крайней мере — в памяти тех, кто их хоть раз услышал. А слава... Мне б хоть частичку тех талантов и той славы, что были у Михаила Анчарова! Остаётся только мечтать...

Кстати, о мечте: что же в итоге? Более-менее бренчать на гитаре я научился. И даже пару красивых переборов изобразить могу. Музыкальный слух у меня есть, а вот голоса нет. В смысле — тихий он. Конечно, сейчас это не проблема — мы давно живём в мире микрофонов и электронных усилителей. Однако, петь чужие песни я больше не хочу — лучше, чем у автора, у меня всё равно не получится, — а свои писать так и не научился: не дано мне поэтического таланта, не говоря уж о композиторском. Многих нынешних «бардов» подобные «мелочи» ничуть не смущают, и они даже имеют немалое количество поклонников, но я предпочитаю ностальгически вспоминать о своей детской мечте, чем мучить слушателей. Так что мечта моя детская, увы, сбылась не полностью. Но и такой результат всё же лучше, чем вообще ничего. Иногда, когда у меня что-нибудь не получается, и настроение ни к чёрту, я ловлю себя на том, что машинально напеваю слова некогда знаменитой песни Михаила Анчарова:

День проходит без следа —
Кап-кап.
Ночь проходит. Не беда —
Кап-кап.
Между пальцами года
Просочились — вот беда.
Между пальцами года —
Кап-кап.

За эти просочившиеся между пальцами года в моей жизни было много и других бытовых мечт. Какие-то из них осуществились, большинство же так и остались грёзами. И это прекрасно! Потому что жизнь без какой-либо мечты — это не жизнь, а бессмысленное существование. Я понял главное: надо бороться за осуществление своей мечты, а

не просто грезить, уповая на случай. Ведь случай может как помочь, так и помешать.

СТИХИ

Людмила Ефлеева

г.Иваново

***

Рассвело. И за окном
Птица в яркий свет попала.
Мысли только об одном:
Жить сто лет, и будет мало.

Выйду: комната тесна,
Солнце искры разметало.
Чудо — ранняя весна.
Жить сто лет, и будет мало.

А мороз дерет до слез,
Всё бодрится, как бывало,
Дым над крышею белёс...
Жить сто лет, и будет мало.

***

Из рассветных мелочей
Между стен посерединке
Пляшут в солнечном луче
Невесомые пылинки.

Настежь окна отворю,
Отодвинув тюль на леске,
Чтобы выпутать зарю
Из паучьей занавески.

* * *

Серебряной реки текучесть вод,
Стеснительное солнышко в июне,
Внезапно птица резвая вспорхнет,
Мелькнув крылом с оттенками латуни,
Разбудит радость, дремлющую втуне,
Продолжив свой стремительный полет.

Вокруг цветы — узоры по канве.
Не нарушая жизненного смысла,
Слегка притронусь пальцами к траве,
Где паутина липкая повисла,
Где прячется стрекозка-коромысло,
Запутав мне все мысли в голове.

ОСЕНЬ

Отзвенела листва,
птичья песня последняя спета,
отгордившись огнем,
запестрели кострища золой,
Старый дворник из парка
выметает отчаянно лето,
воробьиною стаю спугнув
торопливой метлой.

Отплясала-отпела давно
дождевая чечетка
под июльского грома
размеренно-гулкий набат.
Нынче осень во всем
проступает до мелочи четко,
развернув на полнеба
болезненно-блеклый закат.

Вот и я заскучала
по жгучей жаре запыленной,
на листок наступая,
как будто на солнечный блик,

Лишь сосна с высоты
машет веткою вечнозеленой,
предлагая нежданного счастья
единственный миг.

***

Бело от выпавшего снега,
И тени четкие легли,
Летят березы прямо в небо,
Не отрываясь от земли.

И солнце на снегу играет
Холодным отблеском огня,
И сердце в небо улетает,
Не отрываясь от меня.

РОМАНС

В саду сирень цвела,
чуть припоздняясь, вне срока,
Лиловый свет блуждал
по листьям и стволам.
Мне было хорошо,
Мне было одиноко,
Как только может быть
поэтам и орлам.

В сиреновой тиши
летел к Вам издалёка
Стук сердца моего
неслышным гимном Вам,
И воспаряла
мысль крылатая высоко,
Туда, где места нет
обыденным словам.

Струилась благодать,
как песнь из уст пророка,

Наперекор земным
и суетным делам...
Последняя любовь
от самого истока
Несет в себе печаль
с улыбкой пополам.

В саду сирень цвела,
чуть припоздняясь, вне срока,
Лиловый свет блуждал
по листьям и стволам.
Мне было хорошо,
Мне было одиноко,
Как только может быть
поэтам и орлам.

***

Гомонило с утра птичье вече,
Постепенно теряя накал,
Белый день в фиолетовый вечер
Как-то призрачно перетекал.

Но когда угадаешь, помедля,
Перехода размытую грань,
Перехватит словесная петля
До удушья сухую гортань.

***

Сумерки — время фантазий и лени.
Дальние горы на небо наклеены.
Вышка ТВ, словно острое шило.
Нить реки люрексом темень расшила.
Лунный экран — страж небесный на смене —
Посеребрил водостоков колени...
Молча смотрю на творенье Господне,
Завтра пойму, как прекрасно сегодня.

***

— Снега сошли.
— Да что ты?! Все ли?
— За редким исключением — все.
Сугробы тучные осели,
Как неудачное безе.
— Смотри, смотри — вот это фокус:
Один на целую версту,
Теплом ошеломлённый крокус
Расцвёл, шифруя пустоту.

***

Ноутбук, бокал с вином...
Как рассеянный художник,
Пятна света за окном
Заштриховывает дождик.

Занавески зыбкий шелк,
Тихой музыки фактура,
Диссонансом — шелк да шелк —
Вклинилась клавиатура.

Взглядом за рукой скользя —
Буквы, точки, многоточья...
Виртуальные друзья
Разговаривают молча.

ЕЖИК

Туман.
Тишина.
Ни дорог, ни дорожек...
Ну как тут не сбиться с прямого пути?
Ни зги не видать, слышен выдох мой:
«Е-ж-и-и-к!
Я тоже хочу свою лошадь найти.»

***

Друг не друг, а мёрзнешь от испуга —
Росстань с одиночеством тусит,
Держишься за пуговицу друга,
А она на ниточке висит.

Одеянье ветхое скитальца
Латками чужими обросло,
Глянeshь — только пуговица в пальцах,
А владельца ветром унесло.

Дмитрий Учитель

Днепр, Украина

ПЕРЕКРЁСТОК (2003)

Попеременно загораясь и погасая,
Так и застряли на душном перекрёстке
Разговора:

Ни уйти,
Ни остаться.

Оба — светофоры.
Но свет — у каждого свой...

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ (2008)

Товарищи по несчастью,
Неведомые друг другу:

Лифт с выжженной кнопкой вызова
И телефонная будка
С оторванной трубкой...

Если случайно встретятся
На краю общего сна —

Даже не поздороваются...

Ждут,
Что придёт человек
И вернёт им
Дар речи
И веру в свой волос.

И втайне хотят
Стать людьми.

Думают:
Люди говорят, что хотят,
Идут, куда вздумается —
Завидная судьба!

А людям снятся
Другой лифт
И другая телефонная будка.

Снами не меняются.
Жизнями тоже.

КОТ (2004)

Когда он выползает из окошка
подвального и пробегает по
тысячеглазой улице, а после,
клубком свернувшись на коробке,
спит,
напоминая обликом
ребёнка,
себя не узнающего во сне,
кому из смертных
в голову придёт,
что перед ним
кудесник и сновидец,
в чьём терпком взгляде
вьёт гнездо луна

НАСТОЛЬНАЯ ЛАМПА (2008-2024)

На глади письменного стола
неприкаянно застыла
настольная лампа —
несбывшийся лебедь.

Она вытягивает шею к потолку —
ищет,
откуда слышится
знакомый голос ночи.

А устанет светить —
положит голову под крыло.

Уснёт.

Лампа!
Ты всё знаешь
про белый свет.

Хочешься обменяться
с лебедем
обличьем и судьбой?

Отвернувшись, молчит.

ПРИБОЙ (2003-2024)

Вещая
Власть
Моря,
Говорящего
Навзрыд
И взахлёб
От лица волн,
Слитых
В одно ожидание.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Окно подсознания распахнуто ветром без спросу.
Над памятью облако четырёхмерного зренья.
Глаза углового двора глубоки и раскосы.

Выносят под яблоню столик с линиялой клеёнкой,
И гости привычно жужжат над сливовым вареньем,

И кто-то, забытый среди незабудок с книжонкой,
Взахлёб тараторит с соседским котом за оградой:
"Ты будешь всегда? Обещаешь? Всегда. Правда-правда?"
И кот благодушно кивает — конечно! Конечно.
И лето, и стол, и мопед, и прабабкины блюда...

...Ребёнок-народ, как же лето твоё скоротечно!

Страна, не прощаясь, уходит, боясь обернуться.

ARS POETICA (2024)

Не будь как штормовой ветер с градом,
крушащий всё на своём пути.

Иначе сам повиснешь над обрывом
с подмытыми корнями.

Помоги озябшему деревцу.
Укутай его мешком.

Сегодня ты спас его.
Завтра оно поможет тебе:
Белый цвет распустится
На сухих ветках.

Пропускай Природу вперёд,
Придерживай ей дверь,
Не закрывайся от неё
Рукавом
Своего маловерия.

Куда бы ты ни ушёл,
Она рядом.

Не даст от молчаться.

УТРО (2003)

Мелководье кулак разжало,
Взбаламутив песок придонный,
Золотыми мальками выстрелив.

Камень, водорослями поросший,
Ноздреватый, пасмурнолицый,
Просыпайся! Тебе навстречу
Поднимается память моря...

ПРИБОЙ (2003-2024)

Вещая
Власть
Моря,
Говорящего
От лица волн,
Слитых
В одно ожидание.

СВОБОДА (2008)

Загадочно свободы вещество,
Где чайные соседствует с отчаяньем..

И тишина впрессована в него,
Как ракушка впрессована в песчаник.

ЗЕРКАЛО НАОБОРОТ (2008-2024)

Оно тянется,
Как садовый шланг,
Крутится,
Как юла,
Складывается и раскладывается,
Как рулетка.

Никогда не запотевают,
Не трескается
И не бьётся.

Его не поставишь
В прихожей,
В ванной,
В спальне.

Оно говорит только правду.

И всё видит без кожи.

СНЕЖНОЕ (2008-2024)

Те, кого забывают забрать из детсада,
становятся
светофорами.

Их уносят на разные улицы,

Забирают человечьи глаза и речь,
Чтобы они ненароком не проговорились.

Вместо речи

У них —

Три тайных знака.

Кому не спится в тихий час —

Тем посылаются

Другие сны —

Их не запомнить,

Они блёкнут

И не раскрываются.

Только помнишь,

Как всё вокруг качалось,

Из стороны в сторону,

Будто вода в аквариуме,

И снег шёл за тобой,

Понимающе кивая.

И казалось,

.

Вот-вот заговорит.

РАССКАЗ

Мира Кузнецова

Балтийск, Калинингр. обл.

БЛИКИ СОЛНЦА НА ТВОЕЙ КОЖЕ

«Голова практически всё время болит. Не хватает характера бороться со своим организмом. Видимо пора заканчивать со сказками врачей, и иллюзиями победы и начинать го-

товиться в путь.

Меня еще терзают обреченностью мгновения отречения, ранят фразы, образы, звуки, ассоциации. Чувство вины и его наличие.

Мне еще трудно обрести мир относительного равновесия, научиться формально оценивать происходящее и перестать заниматься самоанализом. Да и стоит ли?

Может прекращенные ежедневные тренировки, как и оставленные мной однажды репетиции — фаза обретения завершенности асаны под названием «жизнь»? Может», — фраза, написанная карандашом в мамином дневнике, обрывалась незаконченной мыслью и сползшим на нижнюю строчку последним «может».

Дмитрий Львович улыбнулся — утром мама перечтёт, сотрёт ластиком это небрежное «может», поправит вычеркнутые слова и фразы, и переписшет заново или простится с ними навсегда, да и со всем написанным накануне. Сотрёт. Сдует катышки графита и своим аккуратным, ровным почерком впишет что-то иное, заплетая свою мысль в чёткую, идеальную форму. Его мама. Она такая. Всё должно быть доведено до совершенства.

— Серёж? Ты откуда? Почему? Кто сказал, где я? Подожди, я сейчас встану и сделаю чай. Сейчас.

Голос раздался резко и Дмитрий Львович даже сразу не понял кто говорит, потому что голос прозвучал с какой-то юношеской радостной злостью. Мужчина оторвал взгляд от дневника и торопливо его вернул на место. А теперь смотрел, как сухая маленькая ладошка вцепилась в простыню, ища опору. Он резко встал, протягивая свою руку навстречу.

— Нет. Убери. Ты опоздал. Это уже не твой сын и не нужно к нам протягивать руки. — Её губы презрительно скривились на миг, но она тут же вернула себе самообладание и продолжила, чётко расставляя слова. — Он перестал быть твоим. Там на вокзале, пока я тебя ждала. Ты тогда не пришёл. А сейчас зачем?

Она всё-таки встала и выпрямилась, глядя в лицо мужчине. Так и стояла, вскинув подбородок, левой рукой, поддерживая себя под поясницу, а правую, прижимая к низу живота, словно обнимая что-то видимое лишь ей. Дмитрий Львович сделал шаг вперед и тряхнул головой, ничего не понимая.

— Я н...

— Я тебе больше не Яна. Будь добр — Янина Львовна. Присядь. Заварю чай и поговорим. Что-то я озябла. Хочу чаю.

— Лучше я, Янина Львовна, а вы, — Дмитрий выделил голосом это «вы», делая усилие над собой и повторил, закрепляя сказанное, — вы, присядьте. Я принесу чай, и мы поговорим о... вашем сыне.

Мужчина торопливо вышел из комнаты матери, в которую зашёл всего лишь погасить свет.

— Спит? — обернулась на звук шагов женщина, что-то размешивающая в кастрюле.

— Нет. Назвала меня Серёжей каким-то. Сказала, что её сын не его, потому что он не пришёл на какой-то вокзал и ... захотела чаем его напоить. Ничего не понимаю. А ты?

Дмитрий Львович сел на табуретку и с надеждой посмотрел на жену.

— Не бери в голову. У стариков бывает. Может приснилось что-то...

— Оль, ну где старики, а где моя мама. Ей всего... а кстати, сколько ей всего? Лет шестьдесят.

— Ты не знаешь сколько лет матери? Ну ты, Митька, даешь.

Женщина подвинула вторую табуретку, присаживаясь, к столу. Её ладони споро, совершенно автоматически, вытирали друг друга о полотенце, лежащее на коленях, а сама женщина казалось пребывала в полнейшем недоумении.

— Что я даю? Разговоры о женском возрасте ма считает пошлостью и цифры никогда не озвучиваются. Вот ты замужем за мной почти двадцать лет. И Янину Львовну знаешь ещё больше. Сколько лет моей матери? Ну-ка, единственная, любимая, почитаемая невестка ответь! Сколько лет твоей свекрови?

— Понятия не имею, Мить... — женщина, лицо которой утратило уверенность и осуждение, медленно протянула руку и коснулась ладони мужа. — Прости. Реально, не имею понятия.

— Вот. Сделай чай. Я отнесу. Мама что-то говорила про «замёрзла и хочу чаю». А может уже и уснула. Может, правда, что-то приснилось.

— Давай я отнесу. А ты иди руки мой, будем ужинать.

Ольга вошла в комнату, держа в одной руке блюдце с чайной чашкой, а во второй — вазочку с вареньем. Янина любила так — «в присмотр с понюшкой», чтобы ягодка из варенья каталась во рту или пряталась под языком, медленно отдаваясь глоток за глотком чаю.

Янина Львовна ходила по комнате, массируя поясницу и поглаживая живот. «Надо же! Как я в предродовой между схватками», — подумала Оля, ставя чай на стол.

— Мам, я принесла чай, ты хотела.

Янина оглянулась и явно удивилась:

— Оленька? А Серёжа где? Снова сбежал? Груз реальности его снова раздавил? Трус.

— Не видела. А Серёжа это кто? — выпалила мгновенно Ольга.

— Митькин отец. — Янина Львовна вдруг резко остановилась, тут же сцепив руки на груди и встряхнула головой. — Что я несусь? Серёжа? Какой Серёжа?..

Она замерла на миг, поводя глазами по стенам и мебели. Её взгляд остановился на черно-белой фотографии, висящей на стене — мужчина улыбался в камеру, держа на руках мальчишку в белой рубашке. Женщина кивнула чему-то внутри себя и повела рукой на фото.

— Ну, вот. Лёвушка. Митин папа. Он ещё хотел и Митю Львом называть, чтобы он был Львом в кубе. Дед — Лев. Отец — Лев и сын тоже... А, чаю — это правильно, милая. Как ты догадалась, что я чаю хочу?

— Ты же... — Ольга замялась в последний момент, ища замену «сама попросила», нашла и продолжила, — не ужинаешь в это время. А мы собираемся. Вот решила тебе чайку принести. Я пойду? Митя ждёт.

— Спасибо. Иди, конечно, корми...

Ужин уже подходил к концу, когда Ольга не выдержала и сказала, как бы между делом:

— А Серёжа — это Митин отец. А Митя у нас — ты. А на стене папа Лёва и он хотел, чтобы Митю звали Львом, чтобы Митя был Лев в кубе.

Губы Ольги растянулись в улыбке, которая больше была похожа на нарисованную гримасу клоуна, и женщина это почувствовала и прове-

ла рукой по лицу, словно сдирая эту улыбочку и цокнула языком, завершая процесс. И только потом опёрла лицо в сжатый кулак и сказала:

— Лучше бы ей это всё приснилось.

И в этот момент из комнаты мамы раздался громкий стон. Супруги, не сговариваясь, побежали к ней. Женщина стояла, держась за спинку кресла и стонала.

— Мама, что?

— Схватки начались. Вызывай скорую, Серёжа.

Дмитрий Львович замер в ошеломлении, а Ольга подтолкнула его и прошептала, делая ударение на имени:

— Да, Серёжа, скорая здесь необходима. Вызывай!

И сделала шаг к свекрови со словами:

— Время засекала? Интервал какой между схватками?

— Нет. Эта первая.

— Хорошо. Значит сейчас попустит и, даст бог, следующая будет часа через полтора — два. Я, когда Катьку рожала, так было.

— Да? А я первый раз. Ничего не знаю.

— Сейчас, сейчас. Отпустит. Можно уже даже в кресло сесть. Не нужно торопить ребёнка. Пока ещё скорая приедет.

Скорую Дмитрий Львович встретил на улице. Торопливо, суетливо и, стесняясь самого себя, объяснил ситуацию, усталому и внимательно слушающему его человеку. Митя повторялся и никак не мог сказать главного, того что он испугался этой ситуации, и того, что не может придумать название, сказать какую-нибудь пошлость вроде «мне кажется мама сошла с ума» и поэтому говорил и говорил, всё время повторяя:

— Может быть ей что-то приснилось? И завтра уже всё будет нормально? Как всегда?

— Может быть. Пойдёмте. Сны во сне и наяву в её возрасте нормальное дело. Сколько ей, кстати? Вы же сын? У меня в графе возраст почему-то написано «затрудняюсь ответить». — Спросил врач неотложки и вошел в подъезд, оглянулся на номера квартир и пошёл, поднимаясь по лестнице.

— А я и затрудняюсь. Вот верьте, не верьте, но я не знаю точной цифры. Ма не любила этот вопрос, и я её не огорчал.

— А документы посмотреть?

— Документы у неё в рабочем кабинете в столе, а у нас не принято вторгаться в личное пространство. А кабинет — это её пространство.

Её мир. Она там работает, живёт, спит. Сейчас, когда она болеет мы входим к ней чаще. Но я не могу выдвинуть ящик её стола, достать паспорт и посмотреть её возраст. Это не этично. Всё, что не лежит на поверхности в открытом состоянии — это личное.

— Вы не общаетесь? — Врач остановился на лестничной площадке и достал сигареты. — Не возражаете?

— Нет. И если позволите... угостите и меня. Не захватил.

Мужчины закурили, глядя не друг на друга, а в стену напротив, каждый в свою.

— Вы не общаетесь? — повторился вопрос врач.

Дмитрий Львович встrepенулcя и хмыкнул:

— Конечно общаемся. И всё друг о друге знаем. Просто мы общаемся на общей территории: кухня, гостиная, дача. А личные комнаты — это личное. И если мы там, то это очень важно. Разговор тет-а-тет. Решение «секретных проблем» ...— Врач хмыкнул, а Дмитрий тут же пояснил. — «Секретные проблемы» — это что мы будем дарить кому-то из членов семьи. Ей, мне, моей жене, дочерям, родственникам. Сюрприз, понимаете? И это не только про мамину комнату-кабинет. У нас у всех своё пространство. Место для себя.

— У вас большая квартира?

— Да. Мама выкупила квартиру соседей, и мы их объединили: нашу и соседнюю, когда я женился.

— Ясно. Вы не знаете сколько лет вашей матери. Но вы хотя бы предполагаете?

— Долгое время я предполагал, что ей лет тридцать пять... пока мне стало столько.

Врач хмыкнул, достал снова сигареты, молча протянул Дмитрию Львовичу, прикурил и только тогда спросил:

— А сейчас, как вы думаете сколько ей лет?

Митя затянулся, почему-то пристально посмотрел в лицо врача и со слегка вопросительной интонацией сказал:

— Шестьдесят?

— Думаете?

— Предполагаю...

Усталый врач в мятом белом халате пробыл у Янины Львовны с час. Входя в комнату, он оглянулся на Дмитрия Львовича с женой и прикрыл перед ними дверь со словами:

— Роды процесс интимный. Посторонние только мешают. Идите на кухню — кипятите воду.

Митя было сунулся с вопросом про воду и её количестве, но Ольга потянула его за рукав и уже в кухне постучала ему пальцем по лбу:

— Митька, ну Митька! Сядь. Доктор нас отправил пить чай и ждать. Вот и сиди. Пей чай и не накручивай себя. Жди.

— Ну как я могу? Сидеть и пить чай. Как? Я же ничего не понимаю, понимаешь?

— Хорошо. Не можешь пить чай — иди мой посуду. А чай я всё-таки соберу. Врач выйдет, и я с ним попью. И он мне всё расскажет. Я ему и бутербродов сделаю, чтобы точно не отказался. С собой.

И Ольга приступила к исполнению, ловко строгая колбаску и сырок в тонкие пластинки. Потом заварила чай и забрала у мужа полотенце, которым он пытался вытирать посуду.

— Иди. Выпей все же чаю. Тело лучше занимать действием, чтобы не мешало.

— Чему может помешать тело? — хмыкнули в проёме двери, и женщина молча поставила на стол еще одну чашку.

— Тело чаще всего мешает. Мешает думать. Мешает всему, постоянно напоминая о своем существовании. То ему есть хочется, то пить, то выпить, то размножиться, то освободиться от выпитого и съеденного. Тело... что с него возьмёшь. Не желаете ли перекусить, доктор, потому что вопросов много вдруг.

— Простите, но нет. Ехать нужно. А вопросы... Ответы вам придется самим искать. Первое. Я вызвал для Янины Львовны психиатра. На всякий случай. Я, уж простите, психиатрию «прокурил». Пребывал в стадии «первая очень сильная любовь к женщине... со страстями». По ней и зачёт сдавал. Поэтому вердикт пусть лучше специалист вынесет. По мне, так «Серёжа» — может быть бредом, юношеской любовью, персонажем сериала или книги. Кем угодно. Он может быть действительно вашим отцом. Человеческая душа потёмки и порой она избавляется от хранимых всю жизнь тайн, не желая уносить их с собой на перерождение, когда тело гибнет. Как молодёжь говорит: «Не хочет портить карму», — потому что душа вечна, а тел бесхозных много. Вы, Дмитрий Львович, поинтересуйтесь всё же периодом жизни вашей матушки накануне вашего рождения. Без осуждения. Простите, — без всякого перехода вдруг сказал врач, — курить хочется. Может проводите меня до лестничной площадки. Курнём, да я пойду. У меня вызов.

Ольга поставила пепельницу и достала из шкафчика пачку сигарет. Митя прикрыл кухонную дверь и открыл форточку.

— Слажено. Уважаю. — Снова хмыкнул врач и прикурил сигарету. — Это всё следствия. Дело не в них. Это просто итог, а причину нужно

искать. Завтра приедет специалист и подтвердит или опровергнет психиатрию: деменцию, Альцгеймера, шизофрению. Хотя я в последнюю не верю. У шизоидов всё всегда очень правильно и логично, а Янина шутит на тему. Не похоже. А я вам выпишу направление на МРТ. Физиологию отбрасывать не будем. Чего только не бывает — в юности на физкультуре с брусьев упал и головой ударился, а сейчас резко повернул голову и что-то где-то замкнуло. В общем, не паникуйте раньше времени. Может утром проснётся и не вспомнит Серёжу больше.

— А нам-то что делать? — Голос Мити прозвучал резко, с какой-то визгливой истеричностью. Он сам вдруг устыдился этого и тревожно посмотрел на жену.

— Мить, думаю мы подстроимся. Если ты снова — Серёжа, так будь им. А нет, так нет. И не было ничего.

— Правильно. Этого и держитесь. Бутера мне? — Снова, без всего перехода, поинтересовался врач, Ольга кивнула и пошла его провожать. А Дмитрий Львович встал и пошёл к матери.

Она спала, по-детски подложив ладони под щёку, и улыбалась с совершенно незнакомым сыну выражением лица. Митя поправил сползшее одеяло и присел в кресло рядом. Протянул руку и взял уже закрытую тетрадь дневника, пролистывая и ища последнюю страницу, удивляясь множеству пустующих строк. Такого никогда не было. Мама правила ранее написанное, да, но никогда не оставляла освобожденное место пустым. Он как-то спросил её почему, а она улыбнулась, кивнула его вопросу ресницами, одобряя и сказала: «Жизнь не терпит белых пятен, сынок. Только на карте такие могут оставаться, потому что они ещё не изведаны. А жизнь прожита. Со временем можно изменить оценку какому-то событию, но не прожить его нельзя». А теперь в её дневнике появились белые пятна непрожитого.

«Вы, Дмитрий Львович, поинтересуйтесь всё же периодом жизни вашей матушки накануне вашего рождения. Без осуждения», — в мозгу отчетливо прозвучали слова врача. Мужчина встал и отошёл к письменному столу, сел в кресло и решил начать с возраста, поражаясь тому, что действительно не знает сколько маме лет. Аккуратные стопки общих тетрадей лежали на всех полках тумбы, заполняя её целиком. Митя взял одну, вторую, третью и тогда понял, что стопка — десятилетие. Поиски паспорта были тут же забыты. Он нашел нужный год, вынул из стопки и вышел из спальни мамы. На кухне Оля говорила по телефону. Она оглянулась, слушая собеседника и теперь смотрела, не отрывая взгляда от лица мужа. Он присел к столу, налил чаю в две, так и

стоящие на столе чашки, и углубился в чтение. В тетради не было записей карандашом и привычного ему редактирования. Всё было написано шариковой ручкой, отражали сиюминутное настроение. Текст то метался по странице, как вихрь, то буквы стройными рядами, совершенно безэмоционально передавали суть событий. Митя знакомился с мамой, постоянно одёргивая себя за вторжение в её личную жизнь, а то вдруг увещевая совесть и подстёгивая себя оправданием — поисками истинного отца. Рука жены вдруг легла поверх раскрытой страницы и потянула тетрадь на себя. Закрыла и придавила ладонью.

— Спасибо, Тосечка. Я перезвоню тебе завтра. Спокойной...

Ольга встала, не выпуская тетрадь из рук, сунула телефон в карман и отошла к окну. Положила дневник на подоконник, прикурила и снова прижала его к себе. И только теперь сказала:

— Да. Твоего отца звали Сергей. По рождению ты — Дмитрий Сергеевич. А отчество тебе дал дед, когда твоего отца не стало в вашей жизни. Никто ничего о нём не знает. Однажды он не пришёл. Мама до сих пор думает, что он просто струсил и не приехал на вокзал, где они должны были встретиться. Собирался её встретить и познакомить с родителями, а потом, в его родном городе, подать заявление в ЗАГС. Ма приехала с цветами для его матери на вокзал и просидела в ожидании сутки. Ей показалась, что она перепутала день... В общем искать, выяснять не стали. Домой она вернулась полуживая, и твой дед решил, что ненависть к твоему отцу — хорошая опора, чтобы она не потеряла тебя. Так что не было папы Лёвы. На фото случайный мужчина, которого она попросила подержать тебя на руках и сделала фото «для истории». И имени твоего отца она никогда не произносила с тех пор, как вернулась с вокзала и поговорила с твоим дедом. Так что Тосе было достаточно одного вопроса: «Кем был Серёжа в жизни мамы?», чтобы она заговорила.

Оля обернулась и посмотрела на мужа.

— Ты отнеси, положи на место. Не думаю, что она хочет, чтобы это прочли. И вполне может быть, что утром она снова не будет с ним разговаривать. Иди, Митя, иди. Положи на место. Это не хорошо, ковыряться в чужой жизни.

Тетрадь легла на своё место. Дмитрий Львович поправил ровные стопки, закрыл дверцу тумбочки и сел на пол у кровати матери. Мамина ладонь лежала на краю постели, и Митя дотронулся до пальцев. Она ответила, и её иссохшая ладошка забралась в его ладонь, как забира-

ется любимая женщина подмышку к возлюбленному. Мите даже послышался лёгкий вздох удовлетворения, и он вдруг спросил:

— Тебе было трудно?

— Без тебя, Серёжа? Ну, что ты... Трудно было только первые двадцать лет. Потом показалось, что привыкаешь. Знаешь, что меня всегда берегло? Блики солнца на коже... Помнишь, в наше последнее утро, я проснулась от твоих поцелуев на моем лице, руках, груди, животе. Утренний ветерок трепал шторы в окне. А твои шальные поцелуи металась по мне, щекотали и холодили кожу в местах касания влажных губ. Я спросила: «Что ты делаешь?» А ты сказал, что целуешь... блики солнца на моей коже. — Она вздохнула и потёрлась щекой о мужскую ладонь. — Я никогда не передвигала нашу кровать. И ты всегда был со мной. Каждое солнечное утро. — Она улыбнулась и отвернулась лицом к стене. — Я посплю, если не возражаешь...

ЛИЦА СТЕРТЫ, КРАСКИ ТУСКЛЫ...

Тик-так. Тик— так. Так-так... Просыпаюсь, и время, настойчиво раскачивая свои качели, бесцеремонно вламывается в моё дремлющее сознание, вырывая из неласковых объятий сна. А он не отпускает, заставляя запомнить последние кадры: марионетка с моим лицом беспомощно висит над клубящимся туманом. Нити, на которых качается фигурка, рвутся и рвутся со звуком, падающего на спину хлыста. На кукольном личике, ритмично попадающем в луч прожектора, как в чудовищной галерее отражается «покадровка» сменяющихся чувств: гордое показное равнодушие, брезгливое презрение, недоумение, растерянность, боль, страх...

А нити лопаются и лопаются, оставляя кровавые росчерки на запястьях, пока не остается одна — последняя, уходящая вертикально вверх... Там свет, а за его ослепительной стеной — невидимый кукловод. Это он, когда-то трепетно и нежно «привязывал» её к жизни. Привязывал разноцветными нитями и потуже затягивая узлы, рисовал тряпичной кукле большое и яркое сердце, но теперь, натянув и истончив до предела все нити, позволяет им рваться.

Тик-так... Открываю глаза. Серый рассвет, словно туман из сна, ползет в не задернутое шторами окно. Встаю и поеживаюсь от утренней прохлады. Неожиданно холод кажется спасением от все еще умоляющих и перепуганных глаз куклы из сна. И я, зябко вздрагивая всем телом, распахиваю окно. Не помогло. Сон, не отпуская, тащит за собой,

требуя разгадки, или продолжения, но я упрямо стою, вцепившись в подоконник и загоняя холод внутрь себя.

Тик-так. Тик-так.

...Сдаюсь и возвращаюсь во все еще хранящую тепло постель. Часы на стене всё так же мерно стучатся в закрытую дверь вечности и эта размеренная неизменность убаюкивает... и всё начинается вновь: улыбающаяся кукла, поджав губы, вздергивает подбородок, и пытается удержать равновесие, провожая фарфоровыми глазами конец очередного обрывка. А в тумане тает ссутулившаяся спина когда-то любимого человека. Повинуясь моему желанию взгляд марионетки мечется вслед обрывающимся нитям, высматривая знакомые лица: дочь, обнимающая мужа; сын, перебрасывающий за плечо солдатский вещмешок; сотканный из тумана отец, до предела натянувший, связывающую нас с мамой нить; обрывки нитей на запястьях друзей, подруг...

Надо же, я и не почувствовала, когда время порвало то, что нас когда-то связывало.

Так, когда же я стала куклой? Безвольной, привязанной к этой жизни куклой?

Нет, не хочу!

Цепляюсь свободной рукой за тонкую, все также уходящую ввысь, нить, раскачиваюсь и отчаянно рвусь к тем, кого люблю, уменьшая расстояние между нами хоть на пядь. Будто только и ждавший этого порыва Кукловод хохочет и... обрезает призрачную паутинку: «Свободна!»

Лечу вниз, крича и плача ... и падаю прямо в горячие, обнимающие и баюкающие руки.

«Тик-так», — снова заводит свою песню время, но я перестаю вслушиваться в его шаги, ловя звук своего теперь уже не нарисованного сердца.

«Сво-бод-на!»

Страх и боль исчезают бесследно. Свободна. Любовь свободна всегда.

Невозможно порвать то, что у тебя в сердце...

ТОЧКА

Губы твои слились
В тонкий-претонкий штрих,
Ногти в ладонь впились —
Шум за окном притих...
Как пистолетный затвор,
То — шпингалет в тиши:
Понял — пойдет разговор
О глубине души...

Вадим Друзь

Утро было медлительным и тихим. Таким словно оно не выспалось и теперь еще только потягивалось, собираясь на работу, а стрелки будильника кричали: «День! Уже день! Что ты возишься?» А это утро улыбалось и всё равно никуда не торопилось, не спеша потягивая как-то из большой белой чашки, провожая ленивым взглядом кружащуюся стрекозу и любуясь солнечным лучом, утонувшем в капле росы. А еще утро слушало, как Аня сеяла муку, тихо напевая легкий, как осенняя паутина мотив. Утро наслаждалось собой...

А Аня месила тесто. Субботнее утро — самое время для пирогов. Девушка тихонечко подпевала под аккомпанемент, слышной только ей музыки, и улыбалась. Ее руки то сминали в валик тесто, то растягивали его и снова мяли. Девушка похлопала по тесту, отдавая ему остатки муки с рук, и оторвала от стола взгляд. На пороге кухне, привалившись к дверной коробке стоял Витька.

— Привет! — его губы растянулись в улыбке, и он подмигнул.

— Привет. Какими судьбами? — поздоровалась девушка, выдергивая провод наушника из ушей, и продолжила вымешивать тесто.

— Ты не звонишь.

— Да? И давно ты это заметил? — улыбнулась Аня, не поднимая на гостя глаз.

— Ты не звонишь уже три недели, — провозгласил он, словно оглашая приговор.

— Срок! — Она подняла ком теста на уровень груди и с силой шмякнула им по столу.

— А перед этим ты не звонила месяц.

— И что? А перед этим ты не звонил два... или три? Я как-то сбилась, — пожала она плечами, продолжая поднимать и снова бросать тесто об стол.

— Ты не могла бы перестать стучать тестом по столу?

— Не могла бы. Тесто требует любви и внимания, если к нему плохо, то и тесто плохое, — тем не менее Анна отложила тесто в миску и накрыла его полотенцем. Прошла к раковине и ополоснула от муки руки, взяла три больших яблока и села на табурет у окна — так, что же тебя привело в этот утренний час?

— Хотел тебя увидеть, — снова улыбнулся Виктор.

— Бывает. И как увиденное? — тонкая кожура яблока спиралью повисла над миской. Аня не торопясь очистила яблоки и стала их резать. Тишину нарушали только мягкие шлепки кусочков яблок о дно кастрюли.

— Что с тобой? Это же — я! — мужчина оторвался от проема двери, прошел в кухню. Остановился и какое-то время стоял, оперев руки об столешницу и глядя на режущую яблоки девушку. Подвинул к себе стул и сел.

— Я вижу. Ты. Ты пришел. В субботу утром. Ко мне, — медленно, очень спокойно, в такт падающим кусочкам, проговорила она. Подняла глаза и усмехнулась, — и что? Я должна быть в счастье? Так?

Она встала, подошла к плите и поставила на нее кастрюлю. Вернулась к столу и снова достала из-под полотенца тесто и резко шмякнула им об стол.

— Ничего не понимаю. Ань, посмотри на меня, — в голосе действительно звучала смесь удивления, непонимания и раздражения. — И брось ты свое тесто!

Анна подняла будущий пирог повыше и, глядя Виктору в глаза, бросила на стол. Белое мучное облако взвилось над столом и медленно стало оседать на все вокруг.

— Ты, что-то хотел сказать? Говори! Я тебя слушаю.

— Я не могу без тебя.

— Я не могла без тебя.

— А сейчас можешь?

— Научилась.

— Когда? Я что-то пропустил? Кто он?

— Он? — Анна засмеялась. Смех вырвавшийся каким-то надрывным всхлипом, постепенно перерос в истерический хохот. Виктор смотрел в ее хохочущее лицо и не узнавал.

— Он? — повторила вопрос она и посмотрела ему в глаза. Переложила тесто в миску и, накрыв полотенцем, отодвинула ближе к батарее.

— Ты действительно думаешь... он? Что ты что-то пропустил? — она широко улыбнулась и уже спокойно продолжила, — Ты пропустил меня.

— Ань, мы же вместе десять лет. Как это я тебя пропустил? — Виктор встал, делая попытку обойти стол, но пол, усыпанный мукой, стал непреодолимой преградой.

— Десять лет... в течение которых ты трижды женился. Нет? — усмехнулась девушка.

— Ань, ну тебя же все устраивало. Всегда. Ты же никогда даже не просила, чтоб я развелся.

— Я и сейчас не прошу. Сейчас я прошу тебя уйти. Навсегда. Потому, что я могу без тебя жить.

Виктор шагнул к Ане, но ее рука, перепачканная мукой, уперлась ему в грудь.

— Нет. Точка.

Двое стояли замерев, не мигая, глядя друг на друга. Не двигаясь. Не нарушая тишины. Всё дальше уходя друг от друга.

— Хорошо. Если ты так хочешь — точка. Я пошел? — Виктор взял Анину руку в свои и повернув ладонью вверх, склонился над ней и поцеловал, отпуская.

— Иди.

— И кофе не напоишь? — снова поймав ее взгляд, прищурил Витька левый глаз.

— Нет. Кофе будешь дома пить. С очередной женой, — девушка взмахнула рукой «пока-пока». И пошла в сторону прихожей, провожая утреннего гостя.

— А пирог?

— И пирог будешь есть там, — кивнула, вторя словам Аня.

— У неё маникюр, и она пирогов не печет.

— Соболезную. Значит купишь по дороге. Приедешь домой, заварить чай и пригласишь на чай с пирогом. Её.

— Ань...

Женщина распахнула дверь настежь и взмахнула рукой по направлению к выходу.

— До свиданья, дорогой товарищ. Вернее, прощайте. Наша встреча и так затянулась.

— Черт! Ничего не понимаю. Десять лет и псу под яйца!

— А вот тут я с тобой совершенно согласна. Десять лет кобелю под яйца!

Виктор остановился и ударил кулаком по стене. Развернулся и сделал шаг.

— Пожалеешь! Назад попросишься! — оглянулся он в дверях.

— Это вряд ли. Ключ верни! — протянула руку.

Дверной замок наконец-то щелкнул, и Аня вернулась в кухню, вернулась к миске с тестом. Сняла полотенце и потыкала пальцем во вспухшую массу... и заплакала. Она уже не помнила, когда она плакала последний раз. Нет. Помнила. Тогда, когда он женился на своей третьей жене и первой на памяти Ани. Она стояла, спрятавшись за деревом и наблюдала весь этот фарс... Фарс. Для нее фарс. Для той, которую он нес на руках в ЗАГС это была — сказка. Ночь накануне он провел у нее. Даже поспал пару часов. А под утро она проснулась от шума льющейся воды и пошла на звук.

— Ты чего так рано? Тебе куда-то надо ехать?

— Да, солнышко. Надо ехать. Жениться. Ты не переживай. Я тебя люблю. А это просто бизнес. Деньги к деньгам. Папа нашёл хороший вариант, а папе не отказывают.

Она так и стояла в коридоре, пока Витька одевался и уходил. Стояла голая, с брошенной на плечи шалью. Он подошел и щелкнул ее по носу.

— Я скоро вернусь. Свожу ее в Европу и вернусь. Ты жди.

Она не поверила. Стояла и думала, успокаивая себя: «Это шутка такая. Он пошутил». А потом оделась и пошла к Дворцу бракосочетаний, села на скамейку в сквере напротив и стала ждать. И дождалась. Вот тогда она и заплакала. А потом уже нет. Никогда на следующий день пошла к врачу. Никогда пошла в больницу. Никогда сделала аборт. Она не плакала, когда он вернулся через две недели. Не плакала, когда он развелся и спустя полгода женился опять. Она узнала, что он не шутит. «Жены преходяще-уходящие. Ты — вечность». Вечность завтраков в одиночестве. Вечность чтения перед сном до звонка будильника. Вечность отведенных в сторону взглядов от витрин с детскими игрушками и гуляющими с детьми в парках родителями. Вечность «Я заеду через полчаса. Побросай что-нибудь в сумку и не забудь паспорт.» Вечность «Не скучай. На бочок и спать, а я пойду семейный долг отдам. По быстренькому». Но и вечности иногда заканчиваются. Иногда достаточно просто слов, сказанных «Не знаю, как это получилось, но моя беременна.» И не сказанных: «Вить, я тоже...»

Аня встала и пошла в раковине. Сунула лицо под струю холодной воды и постояла так какое-то время. Потом, взяв полотенце в руки, и на ходу утираясь, подошла к окну. Витькина машина все ещё стояла у подъезда. Аня сделала шаг назад, отходя от стекла и прошептала:

— Уезжай. Ну, уезжай же! Ты так ничего не понял.

Ее рука опустилась и погладила округлившийся живот.

— Ничего. Мы же уже большие. Ты скоро родишься, и у нас будет все хорошо. Правда, сын? Я назову тебя Виктор! Как отца. И научу быть мужчиной.

Игорь Бézрук

г. Иваново

Я ВСЕ-ТАКИ В РОССИИ

Ранним утром 198... года Павел Абрамович Веретенников стоял у огромного окна фешенебельной гостиницы и пытливо всматривался в незнакомый пейзаж по ту сторону стекла. Казалось, совсем недавно он, бесперспективный профессор одного из провинциальных российских университетов расстался с родными краями, эмигрировав сначала на Синай, а затем перебравшись в Германию, но прошло пять лет. Пять лет, за которые он заметно преуспел, продолжая заниматься преподавательской деятельностью в одном из тамошних университетов, получая приличную зарплату, позволяющую совершенно не переживать за будущее. Правда, оседлый, без излишней нервозности образ жизни отразился на нем и отрицательно: появилось несколько смущающее брюшко, которое Павлу Абрамовичу с трудом удавалось скрывать в широких, сшитых на заказ, брюках, поддерживаемых узкими лямками модных крестовидных подтяжек; на висках обнаружили первые залысины, он стал тяжело и грузно ходить. Но, несмотря на это, к вящей радости жены и друзей, последние три года чувство оптимизма не покидало, и с расплывшегося лица не сходила так идущая ему обаятельная улыбка. Вот и теперь он улыбался именно такой улыбкой, рассматривая проявляющиеся, как на фотографии, из серого тумана шпили старинных зданий и рвущиеся ввысь коробки новостроек.

В гостиницу они въехали поздно вечером, и в тусклых редко мелькающих отсветах придорожных фонарей он не смог как следует рассмотреть город, поэтому преднамеренно встал пораньше, стараясь как можно больше увидеть и запечатлеть в еще не потерявшей способности памяти.

В течение полугода после приезда в Израиль знакомые с детства картины неотступно преследовали его в беспокойных снах. Одни и те же лица обитали в одних и тех же строениях, говорили одни и те же слова, мечтали об одном и том же, что несколько шокировало Павла Абрамовича, ибо он всегда считал сон выражением мечты, и получалось, будто он мечтал в мечтах. Тем не менее он видел эти сны, а потому еще ясно помнил расположение улиц, кварталов и скверов, одни из которых теперь попадали в поле зрения.

Сказать, что его постоянно тянуло сюда, было бы не совсем верным, но глухая тоска по родине, по местам, где родился и вырос нет-нет, да и накатывала на его не единожды перенесшее инфаркт сердце. Может, оттого он сразу же и согласился посетить Союз в качестве консультанта одной из западных фирм, задумавшей основать в перестроенной стране совместное предприятие.

В университете препятствий не возникло, все формальности быстро утряслись, и, как следствие, Павел Абрамович Веретенников стоял у огромного окна фешенебельной гостиницы, курил дорогую сигарету и пристально вглядывался в сочный туманный рассвет.

Пока он предавался воспоминаниям, бледно-сизая пелена спала, открыв пытливому взору всю низлежащую панораму, какая только может открыться человеку на уровне восьмого этажа. В буйной зелени раскидистых кленов, пышных лип и стройных тополей он искал знакомые силуэты старых построек, чья архитектура своим экзотическим видом привлекала не одного прохожего. Искал и не находил ни одноэтажного приземистого деревянного домика бывшего купца Селиванова с вычурными наличниками, обрамляющими широкие окна и высокие двери, с резными ставнями и высоким фронтоном, «шапку» которого венчал такой же вычурный деревянный конек в виде объемного горланящего петуха, узревшего первые лучи солнца; ни изящного особняка князя Ф., выполненного в стиле модерн, с обтекаемыми, тянутыми и вялыми контурами и линиями, зеленовато-болотными стенами и витражами; с покатым пандусом, ведущим к парапету парадного входа; ни монументальных построек 30-х годов, в ячейках которых «каждый пролетарий постоянно ощущает горячее плечо товарища в преддверии

эры светлого будущего, сплоченно двигаясь к великой намеченной цели».

На месте домика купца Селиванова, устремив ввысь квадратную макушку со множеством разветвленных паутинообразных антенн, громоздился двенадцатиэтажный «скворечник», как называли городские жители подобные постройки. Территорию особняка князя Ф. занимало громадное строение с прямой плоскостью фасада и тонкими ребрами-пилонами, промежутки которых сплошь затянуты зеркальным стеклом, отражающим восходящее солнце. Монументальные коммуналки и вовсе исчезли; теперь здесь местные власти спланировали парк: уложили бетонные плиты, вкопали саженцы и разбросали в строгом порядке длинные неуклюжие лавочки.

Павел Абрамович глубоко огорчился, не увидев милых сердцу строений. Именно они, как казалось, всегда олицетворяли для него маленькую провинциальную родину, с тягой ко всему раздольному и безбрежному. Стало даже жаль, что город потерял свое прежнее лицо, что все больше и больше становился обезличенным, похожим на сотни, тысячи других, выросших в последнее время.

«Неужели и люди совершенно изменились?» — подумал Павел Абрамович и решил, никому ничего не сказав, выйти на улицу.

Из гостиницы он сразу попал в бурный поток спешащей толпы. Влился в один из них, тот, который шел к центру, и мгновенно забылся, почувствовав себя частью целого. Это чувство было знакомо не только из воспоминаний.

Только на площади, где толпа рассеялась, он решил остановиться. И только остановился, как ужас от нелепой мысли, неожиданно возникшей в мозгу, с неистовой силой охватил его.

«Боже! — подумал Павел Абрамович. — Улицы кишат автомобилями, как и там; прохожие несутся неизвестно куда, как и там; в воздухе носится угар заводских печей, как и там; киоски заполнили грудастые фурии, как и там; по телевизору крутят рекламу их продукции; молодежь предпочитает их одежды. Что же осталось нашего-то? Или я не дома?»

Он растерянно стал оглядываться по сторонам, пытаясь найти хоть что-нибудь напоминающее родное, близкое. А ведь раньше и воздух был, он помнит, особенный. Вдохнешь, бывало, полной грудью — дух захватывает, голову кружит, как в хмелю. И люди приветливее были, на их лицах светилось какое-то особенное выражение, но ведь и проблем, наверное, не меньше было. Где же они, эти чистые и светлые люди? Перевелись, что ли?

«Нет, нет, — решил Павел Абрамович, — не перевелись еще богатыри на земле русской!» И увидев галдящее скопление у продовольственного магазина, решительно направился туда, чтобы раз и навсегда разрешить предыдущие сомнения.

Не успел он дойти до гастронома, как стеклянные двери распахнулись, и люди, распахивая друг друга, визжа и чертыхаясь, стали врываться внутрь, стараясь опередить вошедших и воцариться на первых местах у пустующего прилавка.

Услышав шум и галдеж, Павел Абрамович чрезвычайно взбодрился. В его навсегда, казалось, успокоенной душе вдруг вспыхнула какая-то жаркая искра узнавания, и он, стараясь не дать ей потухнуть, устремился за ворвавшимися в гастроном и был быстро прижат к прилавку. Уши сразу забило зудящим жужжанием, которое не прекратилось и в тот момент, как маленький сухопарый старичок в зимней шапке набекрень и в засаленном фартуке поверх древней поношенной фуфайки вкатил за стойку из подсобного помещения на ржавой скрипучей тележке четыре пластмассовых ящика, доверху наваленных говядиной. Толпа единоутробно вздохнула и вытянула свою многоголовую шею в направлении грузчика. Наконец появилась и продавщица — неохватная бабища с пухлыми ярко-красными губами, жующими нечто, и тусклыми, ничего не выражающими глазами. На голове у неё сидел ажурный, до иссиня накрахмаленный чепчик, придающий бледному лицу еще более яркий оттенок.

Несмотря на нетерпеливую толпу, она подождала, пока старичок снимет все с повозки и поставит на маленький табурет поближе к весам. Когда вся процедура закончилась, продавщица томно глянула на нулевую отметину и тут, будто вспомнив о чем-то невзначай, так же неторопливо, как и пришла, переваливаясь с одной ноги на другую, стала удаляться. Стоявшие у весов потоптались на месте, и до Павла Абрамовича донеслось:

— Тут на работу опаздываешь, а ей хоть бы что! Ни стыда, ни совести! Куда только заведующая смотрит? Всех бы перестрелять!

Толпа, подогретая новыми призывами, зажужжала громче, всколыхнулась и неистово загалдела.

Через пять минут продавщица вернулась. Неторопливо подошла к весам, прижимая к груди гири различной величины, и не спеша выложила их по одной на свободное место возле весов.

— Вы продавать будете? — вспыхнули покупатели. — Безобразие!

— Когда надо, тогда и будем, — невозмутимо ответила продавщица и взяла в руки первый кусок мяса.

— Почему? — спросили.

— Почему говядина? — донеслось с середины.

— Теща, сколько стоит?

— Какая я тебе теща! — бросила коротким альтиком продавщица и тут же добавила: — Вон ценник, повылазило? — и сразу, без паузы, самой первой: — Долго еще думать будете? Сколько надо?

Та, ошалелая от напиральной толпы и от предвкушения лакомых кусков, алчным скользким взглядом перебежала в нерешительности от одного ящика к другому, пока, наконец, подстрекаемая сзади недовольно летящими возгласами: «Давай быстрее!» — не остановилась на одном, на кости которого, как показалось ей, висело мякоти поболее:

— Вон! Вон! — тыкала пальцем, вытягиваясь в струнку так, что, казалось, не окажись перед ней преграды, так бы и упала, вся сосредоточенная в едином порыве, сконцентрированном на указательном пальце правой руки. — Нет, нет, не тот, не тот! — испуганно взвизгивала в тот момент, когда равнодушная продавщица пыталась взять первый попавшийся кусок. И, облегченно вздыхая, счастливая, брала чек и сверток с весов, с трудом продираясь сквозь толпу и удаляясь, унося с собой негодующие взгляды задних рядов и тихую надежду середины.

А продавщица недолго оставалась спокойной. Уже несколько раз ей двигали стол с весами, кто-то обозвал неповоротливой, кто-то волынщицей, на что она вспыхнула, разразилась гневными проклятиями и стала швырять на весы всё подряд, без снисходительности, без разбору:

— Нечего выбирать, всё одинаковое! Поди, сама постой, ты что, лучше всех?!

Павел Абрамович, забыв, ради чего сюда зашел, неожиданно разгорячился, стал также выкрикивать в сторону весов:

— Нельзя ли поскорее! По килограмму в руки! — попытался прорваться к раздаточной и даже удачно пробился, цепко ухватился руками за стол и в последний момент выпалил:

— Чего-нибудь для беззубого!

Продавщица ухмыльнулась заговорщически, однако, взяла первое, что попало под руку и, не взглянув даже на весы, но пристально впе-рившись в Павла Абрамовича, произнесла:

— На три сорок.

— Пусть, — для виду посмотрев на градуировку, согласился он и предовольный выбрался наружу, весь сияя. Ему было хорошо и легко.

«Кажется, я ошибался», — еще находясь под впечатлением пережитого, подумал Павел Абрамович.

И захотелось ему еще и еще пообщаться с земляками, сказать им «здравствуйте» — и он сказал; сказать «извините», «разрешите пройти», «простите, пожалуйста, этот автобус идет в...» — но этого он не успел сказать: в автобусе его безжалостно сдавили, стиснули и повезли в неизвестном направлении.

И было душно, потому что он был невысокого роста; и было страшно, ибо он не видел проносящегося мимо пейзажа и не мог ориентироваться; и было стыдно, потому что рядом стояла усталая старушка с набитой авоськой и тихо постанывала всю дорогу, а напротив сидели ничего вокруг не замечающие хихикающие юнцы, рассказывающие друг другу сальные анекдоты; и было обидно, потому что его за две остановки трижды (он подсчитал) обозвали идиотом, дважды наступили на ногу и один раз (хорошо, хоть один) послали на..., потому как он попытался переложить кусок говядины из одной руки в другую.

И все-таки, несмотря на всё происшедшее, Павел Абрамович, вырвавшись, наконец, из автобуса, почувствовал себя безумно счастливым.

«Слава Богу, я все-таки в России!» — подумал он и пошел к стоянке такси, чтобы спокойно добраться до гостиницы.

ЗАЧЕМ МУХА ЛЕТАЕТ?

(постперестроечный рассказ)

Что ни говори, а инженер нынче не тот пошел. Раньше — при Союзе — что, раньше он всё мелкие производственные дела решал, двигал непонятно чего там, передвигал, а сейчас — какие проблемы, какие задачи! Глобальных масштабов! То ли всеобщая приватизация на него так подействовала, то ли массовое предпринимательство (откуда вдруг столько торгашей и предпринимателей в нашей, прежде рабоче-крестьянской стране, объявилось — прятались, что ли?), то ли последний наказ президента о повышении престижа общего машиностроения.

Но, по порядку. Так сказать, «от яйца».

Когда устраивался, я о том и не догадывался. Наобум идти не хотелось. Не понаслышке знаю: поставят там, где никто работать не хочет.

Подхожу к заводу, разминаюсь в нерешительности, пиная острым носком ботинка брошенную кем-то недокуренную сигарету и прикидываю, как бы это прозондировать, где получше.

Тут на мою радость из проходной выскочил старый знакомый по институту тяжеловес Мишка Колесов, который при виде меня вспыхнул

и растянулся в слащавой улыбке. Но я с самым что ни на есть серьезным видом остановил его и начал так:

— Ты, мол, мне «лыбу» сильно не дави, а расскажи-ка лучше, какая тут обстановка, и что почем. Может, мне с дипломом инженера сразу в грузчики пойти или в охранники?

Колесов внимательно выслушал мою тираду и, тяжело хлопнув по плечу, сказал:

— Не дрейфь, Сенька, для инженеров здесь работы — непочатый край.

Он тут же метнулся обратно, и через полчаса в проеме проходной показалась сухощавая фигурка плешивого шатена и представилась мне как зам. начальника цеха по... — я недослышал, ибо остальное он прогундосил скороговоркой, как некоторое секретное сообщение Юстасу в Центр.

— Считаю, что ты уже принят. Нам инженеры нужны. Оформляйся, как положено, если что — звони лично!

Ну и ладно.

Через час, дождавшись, пока будет можно, я вваливаюсь в кабинет зам. директора по кадрам с апробированным багажом знаний и, протягивая ему ярко-алую книжицу, скромно, как и подобает начинающему инженеру, представляюсь:

— Семен Неровный, специалист в области специального машиностроения, программирования и общественно-политических наук.

Абрам Иванович тщательнейшим образом, как показалось мне, пролистал мои бумаги, задумчиво почесал за ухом, посмотрел в окно и неожиданно спросил:

— Зачем муха летает?

Я, в детстве увлекавшийся конструированием воздушных змеев и различных планеров, и то опешил от такого неожиданного тупикового вопроса. Ну, думаю, видно, и впрямь, чтобы стать настоящим инженером специального машиностроения, нужно быть специалистом во всех областях современной науки и техники. Спасибо, помогла студенческая сметка. Даже не моргнув глазом, я выпалил:

— Все договорено, осталось только оформить!

— Зайди к зам. директора по производству, пусть на тебя посмотрит, — после небольшой паузы выдал из себя Абрам Иванович и, чиркнув в моей обходной свои замысловатые каракули, снова уткнулся в окно, давая понять, что разговор наш исчерпан.

«Ну и ну, — подумал я, выходя из его кабинета, — как же это я чуть не оболванился? Сунулся со своим красным дипломом в учрежде-

ние, где даже зам. директора по кадрам решает такие глобальные проблемы! Нет, право, нужно быть последним идиотом, чтобы не устроиться на такое уникальное предприятие!»

У зам. директора по производству загвоздок не было. Он недолго потискал меня в своих жарких любезных объятьях, радуясь пополнению кадров, и быстро отослал к начальнику ОТиЗ. Тот, с таким же улыбочивым выражением лица, размашисто урезал из моего мизерного несуществующего еще оклада пару тысконок, вероятно, себе на выпить и закусить, и быстренько выпроводил за дверь. Ну, да Бог с ним, я не обижался, пусть, думаю, выпьет хороший человек за мою грешную мятущуюся душу, которая к двадцати пяти с гаком так и не удосужилась откликнуться на злободневные вопросы современности, пребывая в предательской эзотерической отстраненности.

В первый день работы (а, надо сказать, он совпал в аккурат с последним днем месяца) Георгий Панфилович, начальник цеха, в который меня определили, подвел к одной из доводочных бабок и сказал:

— План горит, рабочих не хватает, поработай-ка, дружок, месяц-другой доводчиком, а там видно будет. Нам понадобятся опытные, думающие ребята. А ты, я вижу, именно такой.

Так началась моя инженерная карьера.

В течение месяца прямо с утра Георгий Панфилович регулярно навдывался на доводочный участок, здоровался со мной за руку и, видя, что работа руками у меня не сильно-то ладится, сетовал:

— Я же специально тебя инженером в свой цех принимал, чтобы ты здесь полезным стал.

А я ему:

— Полезнее, скорее всего, я был бы там, где бы использовались, наверно, мои знания и мозги, а не руки.

На что начальник цеха ничего не возразил, так как слыл несомненным либералом и отстаивать свою точку зрения долго не мог. Вскоре за этот самый либерализм и отставания по ежемесячному плановому заданию Георгия Панфиловича перевели замом в другой цех, а я автоматически от доводочного стола перебрался за опустевший стол уволившегося недавно инженера-технолога (говорят, в торговлю пошел, где больше платят). Здесь я смог, наконец, вплотную задаться разрешением вопроса, который мучил меня в последний месяц особенно: «Зачем все-таки муха летает?» За доводочной бабкой, надо сказать, такого вопроса не возникало, потому что там, чтобы выкрутить даже 10 000 рэ в месяц надо, как говорится, «пахать от звонка до звонка». Тут же — простор для фантазии и здравого смысла.

В чем же он заключается — здравый смысл?

Об этом, как мне кажется, еще древний римский историк Плиний Секунд Младший говорил так: «Лучше ничем не заниматься, чем заниматься ничем». Хорошо уникам римский сказал! Хорошо-то хорошо, да только раньше, когда была необходимость накапливать знания, я упорно избегал следовать его советам, но, как с жизнью столкнулся, как столкнулся с самыми что ни на есть житейскими проблемами, понял: умный был все-таки этот чертяка, Плиний, и вперед глядел не на двести, — на тысячи лет вперед глядел, земля ему пухом.

Смотрю, скажем, на соседку слева от своего рабочего стола в техбюро: бестолковая такая, а живет согласно того же римского историка: вяжет на работе сыну пуловер. Роскошный, яркий, будто с глянцевой обложки новомодного столичного журнала.

Или вот другая соседка, справа: ресницы густо накрасила, маникюр на полпальца вперед нарастила, а глазки пустые-пустые, бегают туда-сюда, туда-сюда, как будто в справочнике по таблице нужную цифру ищут. Но тоже, если не знает, так догадывается, наверное, про ту, самую безотказную римскую формулу: «Лучше ничем не...»

А начальник техбюро? Обложился макулатурой (в переводе на нетехнический язык), делает вид, будто работает; но я же вижу, вижу я, понимаете, в сосредоточенном взгляде его ту же неистребимую глобальную проблему: «Зачем муха летает?» Как не лезет ему этот вопрос в голову, — он работает. Истинно говорю вам: работает! Но в ООО — «Обществе с ограниченной ответственностью», что при заводе создан халявщиками (ой, нет, что я говорю, — руководством).

ООО при заводе означает: материал государственный, станки — государственные, рабочий — государственный, а денюжки — в свой, личный карман. Заводское малое предприятие называется. А в свободное от домашних забот и кооператива время — вопрос: «Зачем муха летает?»

И надоедливый-то, скажу я вам, вопрос! Как песня дрянная привяжется на язык, и целый день ходишь и ходишь, мычишь и мычишь, а отвязаться не можешь. Прилипла, как пиявка. Начальству ладно, они спят спокойно, у них всё есть, а мне и по ночам стали сниться мухи, и в малосемейке два на два я мух перестал гонять. Смотрю на них и думаю: «Зачем они все-таки заразы этикие летают?» Жена позовет, не услышу; сын захнычет, — мне хоть что! Я занят. Я думаю. Глобальный вопрос решаю, инженерный, можно сказать, над коим все инженерно-технические работники нашего завода... Нет, — бери выше — всей страны ныне бьются!

Или не так?

А вы как думаете: зачем муха летает?

ДВОРНИЧИХА

Дворничиха мне сразу не понравилась. С первого взгляда. Посмотрела на меня так, знаете ли, пристально и недоверчиво, как наш строгий участковый Максимыч на незнакомцев, ошивающихся в нашем многолюдном квартале: из-под нахмуренных бровей. Ага, мол, еще один новоиспеченный загрязнитель наших улиц и лестничных площадок. Переиначено так: вражьего полку прибыло.

Я не стал сосредоточивать свое внимание на её пронизывающем насковзь взгляде, а сразу проскочил в подъезд. Как говорится: бережного Бог бережет. Но даже и спиной, уже в дверях, я чувствовал этот сверлящий и жгущий луч её негодования.

Дальше больше. Она будто знала, когда я буду выходить из дома и как нарочно в эту минуту мела тротуар именно у нашего подъезда и, увидев меня, провожала долгим остановившимся взором до самого угла. Это было подозрительно.

Нормальный дворник (если вам доводилось когда-либо встречать нормального дворника, а не какого-нибудь бывшего горемыку-студента, грезившего создать вечный двигатель) старается, как правило, встать пораньше и сделать свое экологически верное дело еще до выхода жильцов на работу. К семи утра, обычно, наш небольшой дворик начисто выметен, листья собраны в небольшие кучи, из палисадников выбраны пустые пивные банки и обертки «сникерсов» и «марсов».

Почему эта дворничиха мела сор в районе девяти часов? Именно тогда, когда я отправлялся в город искать работу! Наверняка о чем-то догадывалась, что-то тут было не так.

Ладно, решил я, сменю тактику: выйду не в девять утра, как обычно, а чуть раньше. Покручусь несколько часов вокруг какого-нибудь предприятия или базы, пока появится кто-нибудь из отдела кадров, не умру. Но хоть точно проскочу мимо этого назойливого аргуса.

Что же вы думаете? Выскочил в половине восьмого, как можно тише прикрыл за собой входную дверь, оборачиваюсь, глядь, — опять она, метет у моего подъезда! Что за наваждение?

Стараясь не смотреть в её сверлящие глаза, как будто нет её, одни кусты вокруг, клены, безлюдное место, — проскакиваю мимо, едва, правда, не перевернув ведро с мусором.

И вот что еще подозрительнее: другая бы тетка на её месте такой хай подняла, такой гвалт, что вся округа переполошилась. Дескать, ты что, мужик, с утра наклюкался или не опохмелился еще, под ноги совсем не глядишь, разуй глаза, что зенки-то вылупил! Но эта только зыркнула молча и тут же отвела взгляд, будто и не было ничего. А, каково?! Неспроста, думаю всё это, неспроста!

Я тут же несколько вариантов прокрутил в голове. Не мог допустить после стольких случаев, что она обычная, заурядная дворничиха. Нет, тут явно что-то не то. Но, может, она за всеми так наблюдает?

Спросил у Лариски. Ненавязчиво так, между делом. Лариска только плечами пожала: не замечала никогда. Да, собственно, когда ей замечать, если она в половине седьмого бежит сломя голову на свою фабрику, а возвращается, когда дворничихи и след простыл.

— Давно она у вас? — спрашиваю Лариску.

— А бог её знает, — отвечает она, и я предполагаю: недавно. Не иначе, как с моим появлением и назначена сюда.

Я-то у Лариски всего неделю как живу. Познакомились через газету. Моя бывшая меня к тому времени на улицу выставила, а с Лариской сошлись, приглянулся я ей, прилачился. Даже тот факт, что сократили меня на прежнем месте, не смутил её. Живи, сказала, работу найдешь, у нас с этим проблем нет. Однако вот уже третий день брожу, а ничего подходящего никак не подыщу. Может, и тут происки дворничихи? Хотя это я, конечно, перегнул палку-то, перегнул. Прямо всевидящее око какое-то, а не дворничиха.

Но вот взгляд её, — прямо дрожу весь. И наверняка знает, что я у Лариски без прописки живу. Сто процентов стукнет в ЖЭК, — поди потом объясняйся, как, почему и на каком основании. Дом к тому же, как я узнал, бывший фабричный, его только недавно в ЖЭК передали. Выходит, тут все свои, тут каждого дворовая собака сто раз обнюхала. И я для них всех нефабричный, пришлый, чужой. От этого вдвойне тревожней.

Надо бы, думаю, своим стать. Срочно. Тогда и взгляд дворничихи, скорее всего, потеплеет. Сказал Лариске. Та хмыкнула: давно, мол, тебе говорят, сходи на нашу фабрику, не жель слесарем не возьмут? Мужчина серьезный, самостоятельный, не злоупотребляющий. Таких сейчас ценят. «Ценят, да не платят», — подумал я, но на фабрику всё-таки отправился.

И взаправду: сразу взяли. В третий цех, наладчиком. В оборудовании-то я немного смыслю, с фабричным разберусь как-нибудь, не беда начало, зато теперь мимо дворничихи пройду гоголем, с высоко подня-

той головой, знай, мол, наших, фабричных, нечего, дескать, подозре- ния тут всякие разводять!

А что с Лариской без прописки живу, так это времена такие, тут уж мы сами решаем, что к чему, и вам, многоуважаемые работники улицы, до этого не должно быть никакого дела. Метёте себе и метёте, мы уж как-нибудь сами разберемся в своей личной жизни.

САМСЕБЯИЗНУТРИПОЖИРАЮЩИЙ

Конечно же, это был протест, бунт против всех, потому что все лю- ди по сути — людоеды, поедающие друг друга.

Я не хотел быть, как все, не хотел есть себе подобных, поэтому стал есть себя и дал себе имя «Самсебяизнутрипожирающий».

Первым делом я съел собственную печень и нашел, что она ничуть не хуже свиной печени. Даже слаще. Съев собственную печень, пере- стал ощущать депрессию, мир показался мне намного прекрасней и возвышенней, а все людоеды умилительными. Я вдруг увидел в них только хорошее, и это хорошее мне также приглянулось.

Моя соседка, Клара Петровна, женщина одинокая и верящая в пе- реселение душ, постанывая тихо под моим грузным телом, сказала, что мой взгляд как-то мистическим образом просветлел, а увесистые меш- ки под глазами рассосались сами собой.

Я-то знал причину подобной изменчивости, но не стал пока о ней никому говорить, чтобы не навредить человечеству непроверенными и недоказанными пока фактами.

Я, как настоящий исследователь, всё новое испытывал прежде все- го на самом себе.

Следующим заходом я искромсал и переварил свои почки. Их вид, конечно, желал оставлять лучшего, но, как говорится, если взялся за гуж...

Боже, как мне сразу полегчало: перестала ломить спина и прель- щать карьера. Я больше не стремился в завидное кресло начальника отдела и недвусмысленно сказал об этом своему старому сопернику Глухову, попросив его принять мою жертву как знак великой дружбы, возникшей на почве совместного труда. Теперь его отдел по наружной рекламе мог надеяться, что в скором будущем их премия увеличится вдвое.

Потом съел селезенку, правое и левое легкое и прямо просторнее стал внутри. Какие-то новые миры закружили вокруг меня, иные про-

странства пронизали насквозь. Я почувствовал их холодную безразличную неземную пустоту. И первым это заметил наш дворник Яков.

— Ты, — говорит, — Евгений, теперь какой-то не от мира сего человек. Я, поди, шестой десяток на свете живу, а вот и не припомню, чтобы кто-либо шествовал в нашем дворе, задрав эдак маковку. Так токмо в армии нас муштровали: глазки кверху драть, на уровень третьего этажа, почти как у тебя сейчас. Так то армия!

На что в ответ я только тихо улыбался и дефилировал дальше на остановку третьего трамвая, где давно ждала меня Нюра, хрупкая девушка с ангельским лицом, фиалковыми глазами и толстыми икрами.

Сердце я почему-то есть не спешил. То ли мне еще раз хотелось увидеть те фиалковые глаза, то ли по какой иной причине, которая отчего-то всё время от меня ускользала.

Но если я вознамерился стать идеальным существом, то просто обязан был его съесть. Ведь сами знаете, где прежде всего поселяется зло. Не догадываетесь? Значит, ничего вам мудрость народная и не говорит, невежда вы эдакий.

Сердце я съел, не доходя шагов двадцати до остановки.

Когда подошел к милой Нюре, тихо переминающейся от озноба под серым фонарным столбом, то вдруг ощутил, что мне абсолютно безразлично и это кроткое озябшее существо, и её фиалковые глаза (а ведь я когда-то умилялся ими!). Оставили равнодушными и её хрупкие плечи, и мягкие полные губы. Больше не хотелось ни целовать их, ни мять, ни нежно покусывать.

Но как истинный джентльмен, я всё-таки сводил Нюру на фильм с её обожаемым Ван Даммом и на прощание, купив ей сливочного мороженого с орехами, сделал ручкой — «бай-бай» — трамваю, который покати её в Хавронино. В этом глухом районе больше не раздастся моя легкая поступь.

Что вам говорить, что самым трудным оказалось употребить собственные кишки.

Сколько же дерьма накопилось в них за тридцать семь лет моего земного существования! Я давился ими через силу — я упорный, — и с каждой новой порцией в мозгу всплывали воспоминания одни хуже других...

Вот на крыльце школы я разбил фонарик Ирки Селюниной. Спихнул её туго набитый книжками портфель с высокого бетонного парапета. Он бухнулся, как авиационная бомба. Фонарик был внутри. Это второй класс. Мне тогда впервые в жизни в дневник поставили «неуд» по поведению. Красная размашистая запись курсивом, старательно выпол-

ненная нашей первой молоденькой учительницей. (Самое обидное, что я теперь не помню даже причины того скверного поступка.)

А вот седьмой класс. С соседкой по парте мы дежурные. После уроков обязаны убрать наш маленький уютный кабинет английского языка. Но мы оставили на пороге деревянную швабру и ведро, полное воды, и взгромоздились на учительский стол. Я неотрывно гляжу в её томные глаза и без стыда тискаю не по годам налитую девичью грудь. Соседка не противится, ей это нравится. Через полгода она родит от старшеклассника, а я потом всю жизнь буду неотрывно похотливо глядеть в глаза каждой изнаывающей от страсти в моих объятиях девы.

Каждый кусок моей утробы — дерьмо моей собственной жизни. Как много в ней дерьма! И теперь я поглощаю всё это и перевариваю.

Но если бы так! Зачастую для нас собственная жизнь — невнимательно прочитанная и так до конца и не понятая книга. А почему, я вас спрашиваю, мы так невнимательно читаем книгу собственной жизни? Да потому что боимся есть собственное дерьмо. Мы допускаем наличие его у других, с превеликим удовольствием смакуем дерьмо великих и знаменитых, но собственного дерьма не замечаем или не хотим замечать. А если заметили, если унюхали, тут же приперчим, добавим приправочки, соуса какого-нибудь, название коему — оправдание. Вот это нас — человечество — и сгубило: мы всякому собственному дерьму всегда находим оправдание.

Убил, потому что ненавидел сильно. Да и убиенный был говно, нечисть.

Растоптал, потому что сам растоптанный этого хотел. Он просто рожден был стелиться под всех и каждого.

Украл, потому что жизнь хреновая такая. Потому что зарплата маленькая. А платили бы больше!..

Да, горько собственное дерьмо.

И опять же, возвращаясь к оправданию. Ждем, когда представимся на суд Божий. Уж там всё наше дерьмо, как нам кажется, добрый ангел бросит на одну чашу весов, а добро на другую. Опять же: добрый дядя! А сами ух как не хотим копаться в собственном дерьме, а тем более съесть его.

Но я давлюсь принципиально, потому что имя мне: Самсебяизнутрипожирающий. И сожру, раз взялся. Почему бы не сожрать? Быть может, Всевышний меня одного из тысячи выбрал для того, чтобы я созрел, слопал собственное дерьмо и не подавился им. Думаете, так легко это сделать? Попробуйте сами. Слабо? Я съел и, не поверите, очистился. Нет, не по методу Бутейко, не следуя «деткам» Иванова и даже

не по скрижалям Моисея. Я очистился потому, что решился съесть собственное дерьмо, и сразу понизывающие меня пространства расширились. Расширились и просветлели.

Я поглощал остатки самого себя, когда неожиданно меня поразил свет этих новых, открывшихся пространств. Я вдруг ощутил счастье. И захотел, чтобы это счастье длилось вечно. И я знаю, как достичь этого, понял в конце концов: я съем собственные мозги и сольюсь с этим светом, потому что свет этот — это и есть я, моё истинное «Я», неземное, настоящее, которое в нас пытаются найти те, кто любит нас или кто в нас влюблен. Этот свет. Поэтому я ни на минуту не хочу задерживаться в этом мире и начинаю с жаром поглощать свои мозги, ведь я — Самсебяизнутрипожирающий. Я просветленный. Я сам Свет. Вечный и непоторимый!

Евгений Савченко

Ростов-на-Дону

БЕЗ МАСОК

Она пришла раньше и заняла столик у окна. Вскоре появился и он. Заметил её, улыбнулся радостно, махнул рукой и через минуту разместился напротив. Заказали кофе, мороженое и немного коньяку.

— У меня всё завертелось, — поделился он. — Прямо отсюда в аэропорт. Поэтому вот... с вещами.

Он показал на небольшой рюкзачок рядом с собой.

— Всё-таки сбилось у тебя... — раздумчиво произнесла она. — Молодец! Поздравляю. Умеешь добиваться. Ну, поделись, интересно послушать.

— Да, особо делиться нечем. Кастинг был большой. Но в результате выбрали меня. Еду первым помощником главного оператора. Можно сказать, его правой рукой.

— Молодчина... И где съёмки?

— Первые полгода на юге Франции, в Монако. Лазурный берег и всё такое...

— Первые полгода? А что, будут ещё?

— У меня контракт на два года. Но определенно знаю, что следующие четыре месяца в Южной Америке. В Бразилии, по-моему.

— Вон как!... Круто.

— Да что мы всё про меня? Я же приехал узнать, как ты... Как жизнь и вообще...

— Что у меня может быть? Вышла замуж...

— Дети?

— Один. Хочешь фотку?

— Ну, да... Покажи.

Она достала из сумочки card-holder.

— Вот... Три годика.

— Какая замечательная девочка! Но... на тебя совсем не похожа, жаль...

— Мальчик. В папу весь.

Он снова стал пристально разглядывать фото.

— Здорово... Однако... — он выразительно посмотрел на часы.

— О, какие у тебя... Casio? Торопишься?

— Tag Heuer. Машина должна быть с минуты на минуту.

— Понимаю.

Они замолчали. Он смотрел в окно, она — на тающее мороженое...

— А вот и за мной...

Он начал подниматься. Боковым зрением она заметила подъехавший чёрный джип.

— Да? Так скоро?

— Контракт — штука жесткая, всё прописано, опоздания исключаются! — развел он руками. — Ну, я пошёл? Рад был повидаться...

— Я тоже.

Он жестом подозвал официантку, расплатился, подхватил рюкзак и, не оборачиваясь, вышел. Садясь в машину, помахал ей рукой.

Они отъехали.

Когда повернули за угол, он попросил:

— Здесь тормозни, переоденусь.

— Перед входом и переоденешься.

— Там камер понатыкано... Начальство может засечь. Я и так на двадцать минут опоздал, у нас с этим строго.

— Как скажешь.

Машина припарковалась у тротуара. Он достал из рюкзака синюю униформу охранника...

Сев обратно на переднее сиденье уже переодетым, поблагодарил:

— За куртку отдельное спасибо. Я заметил, произвела впечатление...

— Да, ладно. А вообще как? Не зря?

— Вот именно, что зря. Впустую. Замужем она. И у неё всё прекрасно... Муж... ребёнок и остальное в полном ажуре. Ты к самим дверям не подъезжай, тут парконишься. Дойду.

Джип замер в ста метрах от центрального входа в бизнес-центр.

— Ну, я пошел? Спасибо тебе... настоящее!

— Чего там, обращайся.

Он открыл дверцу.

— Спасибо. Пойду.

— Давай! Не кисни.

Он зашагал в сторону входа, машина тронулась с места...

— Стой! — крикнул он.

Джип затормозил.

— Что?

— Часы! Чуть с ними не ушёл... Вот шухер был бы на работе...

... Она глядела вслед, пока машина не свернула за угол. Потом отодвинула вазочку с совсем раскисшим мороженым, одним глотком допила коньяк и пошла к выходу.

На улице рядом с дверью стояла урна в виде пингвина с раскрытым клювом. Она достала из сумочки card-holder и вынула из него цветную фотку мальчика. В солнечном свете блеснул глянец обложки модного журнала.

Она опустила картинку в мусор, и скорым шагом направилась к автобусной остановке — начал накрапывать мелкий дождь, а зонта у неё не было.

«СЛЕДИТЕ ЗА НОВОСТЯМИ!..»

— ...И последнее, ребята, что хочу вам сказать... — говоривший чуть наклонился вперед. Перед выпускниками Мурманского Нахимовского военно-морского училища выступал капитан первого ранга, командир атомного подводного ракетноносца «Брест» Виталий Авдеевич Скотаренко. — Поступив в училище ещё совсем мальчишками... если не ошибаюсь... пятого класса, вы уже тогда практически выбрали свою жизненную дорогу. Сейчас вы на пороге другого выбора — специальности в военно-морском флоте страны... И я буду рад, если кто-то из вас предпочтет... судьбу офицера подводного флота страны, который, как, думаю, вам известно, входит в триаду ядерных сил сдерживания нашей Родины...

Но я хочу подчеркнуть, где бы вы впоследствии ни служили, в надводном или подводном флоте, вы должны до последней... последней... усвоить, корабль — это маленький мир, в котором вы будете по долгу службы жить... и правила её безопасности, а значит и вашей личной, всецело зависят от полной компетентности, от командира до трюмного, сознательности и самодисциплины всех, без исключения, членов экипажа, ну, и исполнительности личного состава. И чем раньше, и чем глубже вы это усвоите, тем, уверяю вас, как действующий командир, успешнее будет ваша служба и служба вверенных вам людей.

Ещё раз поздравляю вас с окончанием училища и желаю вам всем поступить в выбранные учебные заведения для дальнейшего прохождения обучения.

В зале раздались нестройные аплодисменты, каперану преподнесли яркий букет из роз, и, сопровождаемый заместителем начальника училища, он направился в ожидавший его автомобиль.

— Старшина, заскочим ненадолго в штаб и домой. — приказал он водителю.

Лодка готовилась к учениям с подводными пусками, но хорошо было узнать о них поподробнее, особенно об уровне наблюдателей на такого рода мероприятиях.

Каперану повезло — приятель-штабист оказался на месте.

— А, Авдеич, заходи. — приятель, тоже капитан первого ранга, поднялся из-за стола. — А к нам каким ветром? Вроде не зван...

— Сквознячком учений. Подводные пуски, знаешь, не каждый год. Кто из соглядатаев ожидается?

— Авдеич, братское сердце, да откуда ж мне ведать? То, как там... решится.

— Да, брось! Тебе всё ведомо. По крайней мере, то, что мне нужно. Ну, так...

— Разве слухи пересказать...

— Давай слухи.

— Ну, командующий...

— Это само собой. Ещё кто? Что тянешь? Знаешь ведь!

— Говорю же, слухи.

— Ну?..

— Ну и...

— Главный?

— Должен быть и он, по идее...

— Что, Верховный?

— Я тебе этого не говорил.

— Ясненько... Вот оно как. Ладно, и на том спасибо. Ну, бывай, братское сердце, домой пора.

— Конверт получишь, всё узнаешь! — успокоил приятель.

— Что надо, я уже знаю.

— А ну-ка, прикрой дверь... Сядь. Короче, следующее. По регламенту, по легенде то есть, по нам нанесен удар. Средства раннего оповещения пуски засекали. Но это дела противоракетчиков. За нами — ответный удар. Чем быстрее среагируем, тем шансы выше, ну, что об этом... Поэтому всё по секундомеру. Сигнал тревоги придет, когда будешь в надводном положении.

— Ну, это и ежу понятно. Чтоб от и до.

— Разумеется, хотят на всё посмотреть, как погружаетесь, как стреляете... Так что, будь готов.

— Всегда готов...

— Вот и славненько. Свободен. Удачи тебе, Авдеич!

На обратном пути Виталий Авдеевич обдумывал услышанное. В принципе, ничего нового. Всё давно регламентировано, просчитано... Для каждого члена экипажа пошагово прописаны действия. И тем не менее...

А что тем не менее? Подводные стрельбы по наземной цели. Цель та же — полигон «Кура» на Камчатке. Это были вторые в его и крейсера биографиях. Первые прошли успешно. Но после того два экипажа поменялось. Из тех ветеранов едва ли десятка три наберется... Но экипаж обучен, это не одна учебная тревога показала. Оценки «отлично» и лишь одна «хорошо». Мандраж от уровня наблюдателей. Точнее, другого. К своим привыкли, к этому — нет. К этому не привыкнешь.

На подъезде к Гаджиево распорядился:

— На сегодня, пожалуй, всё. Завтра давай пораньше, к половине седьмого. Начнём готовиться...

— Есть.

— Старшина, у тебя девушка есть?

— Женат, товарищ каперан...

— Значит, жене подаришь. Я о цветах. Моя не любит таких алых. Ей по душе мягкие цвета...

Старший мичман ракетного подводного крейсера стратегического назначения Михаил Шихорин вернулся домой в десятом часу вечера. В прихожей его встретила супруга.

— Миша, уже волноваться начали...

— С чего? За двадцать лет пора бы привыкнуть!

— За двадцать пять, на всякий случай. Случилось что?

— Поход через неделю с пусками. Задержали. Зато завтра выходной.

— А это кстати, между прочим. Мой руки, я разогрею.

Михаил зашел в ванную.

— А кстати к чему? — уточнил он, аккуратно намыливая ладони.

— Папа, не пугай меня такими вопросами!... — донесся до него голос дочери.

— Веруня, а что пугающего в моём вопросе? — добродушно улыбнулся Михаил, усаживаясь за стол. — По-моему, самый безобидный вопрос, нет? Поужинаете со мной?

— Мы с мамой так поздно не едим. Но чаю выпьем.

Михаил с удовольствием поглощал макароны по-флотски, блюдо, которое не приедалось ему в принципе, а когда к макаронам подавался салат из огурцов, помидоров, обильного количества мелко нарезанного зеленого лука, петрушки и укропа, окропленный душистым маслом. Густо пахнущее жареными семечками подсолнечное масло было изюминкой этого салата. Никто в семье с таким маслом салаты не ел, предпочитая дезодорированное без запаха, а Михаил просто обожал. «У закрытых территорий есть свои преимущества!» — не без удовольствия говаривал он. — На «открытых» такое чудо только на юге можно купить, в других местах почти не достать.»

— Макароны ещё есть. Добавочку? — предложила жена.

— Всё, Надюша. Насытился. А салатик, с вашего позволения добыю. Вы ж не претендуете?

— Не претендуем.

С салатом было покончено и уже втроем они принялись чаёвничать.

— А поздно так... это из-за гостей? Из-за гостя то есть? — спросила жена.

— Это какого же?

— Да хватит тебе, папа, тайны парижского двора тут разыгрывать! — ехидно засмеялась дочь. — Всё все в городе знают...

— А я вот, представь себе, нет.

— Миша, кума из Североморска звонила. В городе люки на улицах заваривали и у них по крыше штатские ходили, чердаки проверяли, замки меняли.

— Ленка уже доложила? А что ты хотела, они же напротив штаба живут.

— Вот ты и проговорился. Можешь дальше не рассказывать.

— Не буду. Тем более, в отличие от вас, я ничего не знаю. Учение, как учение. Ну, с пусками. Я в таких уже участвовал. Ещё вопросы?

— На эту тему нет вопросов. А на другую, папа, есть.

— Давай на другую.

— Папа, два месяца осталось...

— Всего-то?

— Вот именно, всего-то. Пора и о подарках поговорить...

— Вижу, вы уже всё обсудили, поэтому слушаю...

— У тебя же служба... Мы с мамой стараемся тебя по максимуму разгрузить... И вот к чему мы пришли.

— Да, к чему?

— Ну, тебе известно, родители Игоря дарят нам квартиру...

— Помню, были такие разговоры, но что-то не получалось...

— Не забивай себе голову. Были, да сплыли. Всё уже точно — дарят.

Двухкомнатную в новостройке.

— Поздравляю. Рад за вас. Мы с матерью эту десять лет ждали.

— Так вот... Мы с Игорем берем на себя ремонт. Понятно, пока косметический. Обои, полы... Ну, а вам с мамой, получается, мебель. Согласись, это логично.

— Да, железная логика! — засмеялся мичман.

— Папа, ну, давай серьезно...

— Весь во внимании. Вы не тяните, я устал, как собака, излагайте.

— Миша, — вступила в дело жена. — Расклад, в общих чертах, такой. В идеале — это прихожая, кухня, гостиная и спальня. Понятно, мы не олигархи. Поэтому из этого надо выбрать то, что нужнее в первую очередь и на что у нас деньги будут. Что скажешь?

— Что вы скажете? Вера, тебе как?

— Ну... Конечно, спальный гарнитур обязательно. Гостиная... Ну, телевизор, кресла... то, да сё. Гостей пригласить... Не в спальню же?

— Понятно. Загибаем второй палец. Дальше.

— Прихожая подождет, это ясно, хотя осень придёт, дожди... Куртку, пальто повесить... Обувь... Или кухня? А в ней как без мебели? Не на полу же! А ванная? В ней тоже... Ну, по минимуму хотя бы. Ну, вот как бы так.

— Уже не так понятно. Ну, да, ладно. Надя, а подлей-ка горяченького... Ясное дело, хватало б на всё, разговору бы не было — купили и

живите. Поэтому приходится исходить из возможного. Жизнь на одной мебели не заканчивается. Про то, как мы с мамой обходились, тоже не стану. Обходились и обходились... Почему вы нас должны повторять? Тогда получится, зря мы жили... Ой, спасибо, Надюша. Уу... вкусный! Я что предлагаю... Можно сейчас взять самое-самое, но зато приличное, а можно по-другому, купить попроще, но по максимуму. Где-то между ними золотая середина. Как вам такая схема?

Жена и дочь озадаченно переглянулись.

— Ну, да, пожалуй...

Мичман улыбнулся.

— Непонятно? Согласен, конкретика нужна. Завтра проедемся по мебельным салонам, у вас же имеются на примете? Прикинем, что и как, и окончательно определимся. Что скажете, мои родные?

— Скажем, что согласны! — почти хором ответили дочь и жена. — Только салоны в Мурманске. У нас только один более-менее...

— С Мурманска и начнем. Наш оставим напоследок. Он может и не понадобится.

Ровно так и вышло. С некоторым напрягом ресурсов хватало на весьма приличный набор со стенкой для гостиной и, по словам дочери, шикарней спальней гарнитур. Вопрос повис над мебелью для кухни. Под их площадь идеально подходил один, но по деньгам тяжеловат, откровенно признался мичман. А покупать сборную солянку не хотелось. На кухне треть жизни проходит, авторитетно заявила дочь, она должна радовать глаз и быть функциональной. Мичман обещал подумать. По остальной мебели отложили на потом, по возвращении из похода.

За ужином было решено выпить шампанского и признать поездку удавшейся.

— Я знала, папуля, что у нас получится... — радовалась раскрасневшаяся дочь. — А когда ты надумаешь насчет кухни?

— Двух-трех дней мне хватит. До похода нас уже не отпустят, я тебе позвоню. Оставлю деньги на задаток. Если решится, а я надеюсь, что решится, отдашь задаток, по приходу рассчитаемся.

Рано утром, когда уходил, в прихожую в халате вышла жена.

— Перекусишь? Я мигом. Чайник уже включила.

— Там позавтракаю. Ложись.

На подготовку к походу отвели пять дней. Для старшего мичмана всё это было рутинной. И даже сообщение о телевизионном репортаже по одному из центральных каналов в момент отхода не вызвало, ровным счетом, никаких эмоций. Уже несколько лет он относился к службе

механистически, как робот, зная наизусть всё, до последней мелочи, но позволяя при этом себе вольности, вполне допустимые, по мнению человека, отдавшего флоту четверть века.

Ступая на борт крейсера он становился отстранённым и замкнутым, общался только по служебной необходимости, делая исключение лишь для троих сослуживцев, с ними когда-то начинал службу подводника. У одного из них был довольно состоятельный тесть, который изредка ссужал небольшими суммами приятелей зятя под его поручительство. В этом и состоял расчёт Михаила. Приятель занимался подготовкой торпедно-ракетного комплекса крейсера, подолгу отсутствовал, переговорить с ним никак не получалось.

Через три дня позвонила Вера.

— Папуля, ну, что?

— Не готов ещё...

— Из салона звонили, спрашивали, берём — не берём? Я так переживаю, продадут...

— Ну, что я могу? Через два дня точно скажу.

Дочка отключилась. Михаил чувствовал, что начинает нервничать. «Старею...» — мелькнуло в голове.

На следующее утро, когда Михаил с несколькими матросами занимался приемкой продовольствия, Вера позвонила снова:

— Папа, я быстро...

— Вера, я очень занят! Я же сказал, завтра сам позвоню.

— Папа, мы с мамой...

— Секунду... Старшина! Займитесь учётом, я отойду на три минуты... Что вы с мамой?

— Решили не грузить тебя. Ну её, эту кухню. Получится, купим, а продадут... Другую купим... потом, как-нибудь. Мы ж не олигархи какие!

У Михаила кольнуло в сердце.

— Не олигархи. Но кухню купим. Сейчас. Сегодня же отнесите задаток. Завтра вечером скажу остальное. Всё. Извини.

— Ты лучший папуля на свете!

Отход был намечен на 6-00. Телевизионным съёмкам раннее время не препятствовало — полярный день давал достаточно света. Процедура заняла минут двадцать. Командир дал короткое интервью, в котором подчеркнул обученность и слаженность экипажа, готового выполнить любую боевую задачу командования.

Атомный подводный крейсер стратегического назначения отошел от причала...

Михаил заступил в суточный наряд на камбуз. С приятелем удалось поговорить около четырех пополудни. Он сам нашёл Михаила.

— Передали, искал меня, Мишаня?

— Да, Толик, дело есть.

И Михаил откровенно поделился ситуацией с подарком на свадьбу. Сказал и про кухню.

— Не знаю, может нервы сдали, но сказал, чтобы отнесли задаток, не посоветовавшись с тобой. Но это мои проблемы. А в банк идти и времени не было, и кредит только дней десять назад погасил...

— Ну, задаток, думаю, вернуть должны. Разве проценты какие снимут.

— Не получится занять?

— На сколько нужно?

— За полгода отдам.

— Решим, Мишаня. Успокой девчат. Купишь им кухню.

— Ну, Толян, что называется, выручил, так выручил. Если что, в долгу не останусь.

— Сочтемся. Ну, я пошел к своим сигарам.

— Спасибо! А что слышно там? Долго нам колбаситься?

Анатолий пожал плечами.

— Ясно одно — сигнал поступит в надводном положении. Тут ходят разговоры, что и по морским целям тоже работать будем.

— Понятно, смотреть, так по полной... А... на флагмане?

— А где ж ему быть? На «Кузнецове»...

Анатолий ушел к носовому отсеку.

Если не начнется, часов шесть-семь позвоню, решил Михаил, позже — связи может не быть.

По правилам, использовать мобильную связь позволялось только с личного разрешения командира, поэтому гаджеты всех членов экипажа должны быть сданы и храниться в сейфе у капитана. Однако, на этот пункт морского порядка смотрели снисходительно, телефоны не изымали, и, если ты не на глазах у начальства, мог вполне себе пообщаться...

В пять не началось, и в начале шестого Михаил с ведром мусора направился в ходовую рубку, чтобы выбросить его за борт и заодно позвонить домой с хорошими новостями.

Открыл люк и высыпал мусор. Морские красоты он уже давно перестал замечать, хотя посмотреть было на что: оранжево-красное солн-

це скользило по горизонту, его блики чуть подсвечивали этим цветом темно-синие воды, делая их таинственными и опасными. При том, что была вторая половина июля, встречный ветер нес прохладу и никакой жары и близко не ощущалось.

Михаил намеревался поговорить при открытом люке, но передумал — шум воды по бортам лодки мог помешать, поэтому опустился по трапу на три ступеньки вниз.

Дочка ответила сразу.

— Папа, слушаем...

...Сигнал боевой тревоги, хотя и ожидаемый всем экипажем, прозвучал всё равно неожиданно. Командир намеревавшийся отпить крепкого огненного чаю вприкуску, оставил дымящийся стакан.

— По местам стоять! К погружению. Надстройку и мостик к погружению приготовить! — прозвучала его команда.

Центральный пост в свою очередь отдал соответствующую команду по кораблю:

— По местам стоять, к погружению. Командирам отсеков доложить о наличии личного состава.

На центральный пост стали поступать рапорты командиров отсеков.

— Ну, как вы там?

— Мы нормально, ты как?

— Идём помалу. Скоро из зоны связи можем выйти, поэтому сразу обрадую — кухня наша. Задаток отнесли?

— Нет...

— В чём дело?! Я же сказал!

— Чтобы тебя не подвести. Мама так решила.

— Ну и зря, передай маме. Сегодня уже поздно, хотя бы позвоните... Вернусь, будем забирать.

— Ты золото, папуля!

— Я не гордый, я согласен и на серебро. Так что такие дела.

— Ну, а это... уже?

— Какие вы скорые... Нет, но ждем, чутьё подсказывает, что скоро...

— Ну, успехов.

— Да, меня бог миловал, я на камбузе... Такая благодать! Никто не трогает. А вообще смотрите «Сегодня» по НТВ в двадцать один. Должны репортаж показать.

Произнося последние слова, старший мичман почувствовал, что корабль чуть вздрогнул, а опытное ухо подводника уловило смену тона фонового гула силовых установок.

...Один за другим приходили рапорты командиров отсеков. Наконец донеслось:

— Отсутствует один.

— Кто?

— Старший мичман Шихонин.

Скотаренко на секунду задумался.

— Это старый морской волк. Спит где-нибудь. Ну и хрен с ним. Будем погружаться.

— Товарищ командир, а ограждение рубки и прочие «закоулки» осмотреть? — обратился к Скотаренко второй помощник.

— Зачем?

— Положено, согласно...

— Я знаю, согласно чего! Послушайте, капитан третьего ранга, если вы забыли, то я напомню, что это вы у меня стажируетесь, а не я у вас. И действия командира не обсуждаются, особенно в момент боевой тревоги, когда выполняется ответственное задание. Или у вас на Тихоокеанском флоте не так?

— Точно так. Я просто подумал... да, тревога, но все-таки учебная, а тут человек живой...

— Да, живой... Спит где-то. А что учебная, забудьте — на нашу страну совершена ракетная атака. И чем быстрее по противнику будет нанесен ответный удар, тем больше жизней граждан страны будет спасено. И не одна, а тысячи. Десятки, а может, и сотни тысяч. Всё. Слушай мою команду, всем вниз! Погружаюсь!

Михаил понял, что отдана команда на погружение, и она принята к исполнению.

— Всё хорошо, мои родные, я побежал. Следите за новостями!

— Обязательно, папочка.

Михаил отшвырнул ведро и почти скатился вниз. Входной люк был задраен наглухо. Как и положено. Вокруг хлюпала забортная вода... Михаил отчаянно заколотил по крышке люка ногами, осознавая при этом всю бессмысленность своих действий... Дана команда «по местам стоять», у люка быть никого не может.

Он бросился обратно к трапу и устремился вверх... Открыл люк. Всё в красно-оранжевых бликах, холодное Баренцево море было со-

всем рядом и бесстрастно поглощало лодку... По мере погружения за-
полнялась и ходовая рубка.

Михаил выбрался наверх. Сверкнула мысль: «Прыгнуть!». Он сде-
лал шаг и отшатнулся: «Вода шесть градусов... Закрытая акватория...
Не найдут». Вернулся в рубку. Неподалёку плавало ведро...

Михаил нащупал карман с телефоном, аккуратно застегнул на нём
пуговицу. И следом, так же аккуратно и спокойно верхнюю куртки. Раз-
гладил воротник. Морские уставы написаны кровью. Чьей-то. Но чем
моя хуже? Поднял руки и задраил люк...

...Достигнув глубины сорок семь метров, лодка полным ходом дви-
галась к заданной точке пуска...

На капитанском мостике тяжелого авианесущего крейсера «Адми-
рал флота Советского Союза Кузнецов» с морскими биноклями стояли
руководители, контролёры и наблюдатели учений. Неподалёку кружил
пятнистый вертолёт с красными звёздами. Находившийся в центре на-
блюдающих Верховный главнокомандующий, навёл на него бинокль.
На борту легко прочитывались такие же красные буквы: « Military TV
company».

— Ваш? — он указал биноклем на вертолёт.

Стоявший справа от него главком флота кивнул:

— Так точно, наш. Протокольная съёмка и прочее.

Верховный снова навёл бинокль в сторону горизонта.

— Что со временем?

— До заданной точки пуска три-четыре минуты ходу.

Спустя минуту к ним подошёл руководитель учений, командующий
Северным флотом.

— Товарищ Верховный главнокомандующий, подводный крейсер
стратегического назначения «Брест» на месте. Прикажете дать коман-
ду на залп?

— Молодцы... На две-три минуты раньше... Хвалю. От меня все рас-
поряжения вы уже получили. Здесь вы командуете.

— Есть!

Вскоре поверхность моря вдали вспучилась плотным облаком во-
ды, пара и дыма. Из него, полыхая огненным хвостом, в небо устреми-
лась ракета. Через секунды за ней вылетела вторая, потом третья и
четвёртая. Вскоре все четыре исчезли из виду, оставив за собой размы-
тые белые полосы...

Верховный главнокомандующий направился к трапу.

— Предлагаю попить чаю. Результаты пуска в пределах получаса?

— Так точно. Примерно так.

Через двадцать восемь минут из полигона доложили: все наземные цели поражены.

— Поздравляю! Убедительно и весомо. Пусть, кому следует, имеет ввиду. — Верховный встал, вышел из-за стола и каждому из присутствующих пожал руку. — От моего имени объявите благодарность командиру крейсера «Брест». Мне известно, завтра запланированы торпедные пуски по морским целям. С удовольствием поприсутствовал бы, но увы... Уверен, экипаж крейсера и здесь окажется на высоте. А сейчас разрешите откланяться.

На своём вертолете, расквартированном на «Адмирале Кузнецове» на время учений, Верховный главнокомандующий отбыл на берег.

Результаты пуска поступили на «Брест» с ГКП¹ спустя семь минут, как о них было доложено Верховному главнокомандующему.

— Благодарность тебе лично, Виталий Авдеевич, и экипажу. — довольным голосом говорил командующий флотом. — Экипаж отметишь сам. Сказано буквально: молодцы. Отдельно Верховный отметил опережающий норматив выход на точку. Умеешь учить и воспитывать! Надеюсь, завтрашние стрельбы будут такими же.

— Служим России!

По внутрилодочной связи Скотаренко от имени Верховного главнокомандования и от себя лично поздравил экипаж с успешными пусками и приказал готовиться к всплытию.

— Подышим воздухом и готовимся к пускам по морским целям.

Вызвал обоих помощников.

— Всё в норме. Нас хвалят. Командование довольно. Отдельно подчеркнули, что Верховный отметил наш досрочный выход на место пуска. Так-то. Поэтому вот что... — он повернулся к первому помощнику. — распорядись выдать на ужин граммов по сто красного сверх нормы. Экипаж заслужил.

— Будет исполнено. Разрешите идти?

— Ступай. А с вами поработаем над отработкой всплытия. Вас же стажироваться направили с прицелом на командирский мостик, так ведь?

— Так точно. Вроде бы...

— Да вы расслабьтесь... У вас получится. Диплом с отличием, характеристики с предыдущего места службы тоже отличные. Знаниями

---

¹ ГКП — главный командный пункт

обладаете, а умение и опыт командования, дело наживное. Можете мне поверить. Готовы?

— Так точно, готов.

— Внимание, экипаж! Всплываю! Приказы будет отдавать второй помощник под моим личным наблюдением. Начинайте!...

... Чайник щёлкнул.

— Мама, без пяти девять. Давай на нормальном экране посмотрим? Чего на этот пялиться?

— Да давай, я разве против? — согласилась Надежда, не отрываясь от плиты. — Дожарю сырники и приду.

— Тогда и чай там. Я пошла.

Вера положила парочку сырников на тарелку, зажала подмышкой баночку малинового джема и с дымящейся кружкой направилась в гостиную, где у них стоял плазменный телевизор с 65-дюймовой диагональю, отцовской подарок на 8 Марта.

Репортаж об учениях на Северном флоте шел вторым в ленте новостей. Замелькали кадры Мурманска и здания штаба... Крупным планом показали Верховного главнокомандующего вооруженными силами страны на встрече с командующим и старшими офицерами флота. Затем на несколько секунд дали полюбоваться застывшими сопками в сизом тумане, от них камера опустилась на водную гладь бухты с замершим у причала «Брестом»... Далее спокойное, уверенное лицо командира крейсера, говорившего о готовности экипажа к выполнению поставленных задач, о скором возвращении моряков к своим семьям.

— Нуу... — разочарованно протянула Вера. — Папку не показали...

— Ты же видишь, никого из экипажа близко не показали. У рубки только фигуры маячили. — тоном знатока ответила мать.

В заключение телезрителям продемонстрировали сами пуски ракет, четыре рваных белых следа на небе, а на мостике флагмана флота «Адмирал Кузнецов» Верховного главнокомандующего. Невысокий главнокомандующий стоял чуть впереди, в окружении других наблюдателей, и разглядывал через бинокль голубоватую даль у горизонта...

— И фф-фсё? — разочарованно протянула дочь. — А где же новости, стесняюсь спросить?

— Это и есть новости! — невольно рассмеялась Надежда. — Всё, что нам надо, мы узнали: они отпулялись успешно, где-то на Камчатке поразили цели. Пара-тройка дней и едем за кухней...

— Тогда переключай канал, семнадцать минут, как наше кино началось...

Скотаренко с невольным удовлетворением отмечал чёткость действий помощника, как будто тот всю жизнь только и занимался всплытием лодок.

Для всплытия на перископную глубину отдал приказ о создании пятиградусного кормового дифферента, при среднем ходе лодки. С выходом на перископную глубину уменьшил ход до малого, а дифферент отвёл практически к нулю.

После подъёма перископа быстро осмотрел воздух и горизонт.

— Чисто! Лично смотреть будете?

— Продолжай. Кому тут быть... Закрытая зона.

Для перехода в надводное положение по команде был создан малый дифферент на корму, на половине перископной глубины воздухом высокого давления продули среднюю группу цистерн главного балласта, после чего закрыли их кингстоны.

По глубинометру и перископу помощник убедился, что кормовая и носовая надстройки находятся над поверхностью воды. Всплытие состоялось в штатном режиме.

— Порядок. Можно открывать верхний люк.

— Молодец! Хвалю. Открывай.

Второй помощник отдраил крышку, откинул её и сделал шаг в сторону, соблюдая неотъемлемое право командира выходить первым.

Скотаренко стал подниматься. Первое, что он увидел в рубке, это было ведро с надписью белой краской «камбуз», полное забортной воды. Чуть дальше, у стенки рубки лежало на боку тело старшего мичмана Шихонина...

...Командующий Северным флотом только что закончил совещание со штабистами по итогам первого дня учений. Всё шло штатно, особенно вдохновляла высокая оценка Верховным главнокомандующим залпового пуска ракет из подводного положения.

Адмирал расстегнул китель, не спеша, достал из сейфа початую склянку Hennessy двадцатилетней выдержки, подаренную ему капитаном французского авианосца, в бытность гостившего с дружественным визитом в Мурманске.

В дверь постучали. Командующий налил на донышко пузатого бокала, чуть подержал у носа, наслаждаясь ароматом, и одним глотком выпил.

— Войдите!

Вошедший дежурный офицер доложил, что поступила важная информация с «Бреста»... Адмирал вопросительно посмотрел на него.

— После всплытия на борту нашли двухсотый.

— Что значит нашли? Его что, подбросили?

— Никак нет. Член экипажа старший мичман Шихонин. Контрактник.

— Странная история. Профессионал. Ну-ка, соедините меня со Скотаренко.

Через две минуты командующий услышал в трубке глухой голос командира подводного крейсера.

— Скотаренко. Здравия желаю.

— Виталий Авдеич, это после моего поздравления ты на ночь глядя решил развлечь меня двухсотым?

— Какое тут веселье... Разбираемся.

— Как могло такое быть с контрактником?

— Сами гадаем. По боевой тревоге он ходовой рубке был. Значит услышал, когда погружение пошло.

— Но тебе же докладывали по отсекам?..

— Докладывали.

— И не доложили, что одного нет?

— Доложили.

— Так в чем дело? Посмотрел по сусекам перед тем, как?..

— Нет. Никак нет. Хотел, как лучше.

— А получилось, как всегда, это хочешь сказать?

— Если бы смотрел, на точку в норматив не уложились бы...

Адмирал открыл дверцу сейфа и прямо из горлышка сделал два глотка.

— Может того... Он сам?.. Записку или что-то подобное при нём нашли?

— Телефон. Записки не было.

— Телефон? А почему он с телефоном был?!

— Да...

— Понятно. Ко всему ещё и телефон. К бабке не ходи, он по телефону трындел... Потому и тревогу прощёлкал. Следователи прокуратуры на раз-два установят.

— Дойдёт до этого?

— А как думаешь? У тебя двухсотый!

— Я понимаю. К чему готовиться?

— Прокурорская проверка однозначно, наша, военная. Тут всё под контролем. Но ты разбирайся. Досконально выясни, почему он сидел в

ходовой рубке. По-другому, его бы там не заперли. Что до тебя... Отстрелялся на отлично. Отмечен Верховным, не каждому, знаешь, так улыбаются. Ты на хорошем счету. Сам достойный командир... и ещё воспитаешь таких для флота. Да, не без недочётов. Но у кого их нет? А эта небоевая потеря... Увы, нам ли не знать, что они случаются. И далеко нередко. Лодка, повторяю, боевое задание выполнила. Завтра не подведи.

— Всё в лучшем виде будет. Вы меня знаете.

— Да, знаю. Рапорт после стрельб представишь. Всё.

...В субботу, в первых числах сентября в дверь Шихониных позвонили. Надежда посмотрела в глазок и увидела морского офицера. Открыла дверь.

— Здравствуйте, а Миши нет...

— Я знаю. Вас кажется Надей зовут?

Надежда кивнула.

— Простите, глупость сморозила. Никак не могу привыкнуть...

— Я понимаю. Я, собственно, к вам...

— Да-да, пожалуйста, проходите.

Офицер вошёл в прихожую.

— Собственно... Я извиниться пришел, ну, и соболезнования...

— Извиниться? За что?

— Я служил... и был на «Бресте» тогда. Вторым помощником капитана. Когда стали поступать рапорты по отсекам о наличии... и выяснилось, одного нет, вашего мужа то есть, командир рукой махнул, мол, опытный моряк, спит где-то... Это грубейшее... преступное нарушение. Запрещено погружаться, пока не будет выяснено, про каждого члена экипажа...

— Ну, так, а вы тут при чем?

— А я напомнил командиру, но не настоял. А должен был!

— Как рассказывал Миша, если Скотаренко решение принял, переубедить его невозможно.

— Я знаю... И всё же...

— Не думаю, что он бы послушал вас. И что теперь?..

— Да, теперь ничего. Разве, что я рапорт написал. После того случая много думал и понял, что не могу командовать кораблём, когда жизнь членов его экипажа ценится меньше задач, которые они выполняют. Рапорт долго не подписывали, считали, что из меня выйдет хороший... Но я-то знал, что нет...

— А...

— Что?

— ... а почему он не вышел? Там же дверь или люк есть?

— Есть.

— Тогда почему?..

— В те минуты Михаил думал о вас и дочери. Выйди он в море, жизнь в такой воде продлилась бы... на час... от силы — полтора, он крепкий был, если бы за это время его не обнаружили... а обнаружить шанс был меньше ничтожного — акватория на время учений была полностью закрыта... Ну, вертолётыв могли военные пролетать... Он бы всё равно... Но тело не нашли бы — пропал без вести. Вы и так с волокитой столкнулись, при оформлении... а тогда бы такая канитель началась! Пропал без вести — это не погиб! Значит и выплат по причине гибели могло не быть или бы пришлось ждать и долго по кабинетам ходить. Но дело даже не в них, как таковых... Это было бы едва ли не спасением для некоторых...

— Даже так?

— Увы...

— И вы думаете, что Миша...

— Уверен! Старший мичман Шихонин достаточно знал нашу систему... поэтому и задраил люк. Чтобы гарантированно... нашли и вопросов не возникло.

Офицер ушёл. Надежда вернулась на кухню. За стеной у соседей звучала музыка. Она прислушалась... Высоцкий:

«... Пел ветер песню грубую — и вдруг

Раздался голос: «Человек за бортом!»

И сразу — «Полный назад! Стоп, машина!

Живо! Спасти и согреть!...»

Военная прокуратура провела тщательную проверку и установила ряд нарушений, о немедленном устранении которых было представлено требование командующему Северным флотом.

Однако, каким-то образом случилась утечка и событие выплеснулось в паблик. Одна небольшая московская газета опубликовала хлесткую статью об успешных учениях на Северном флоте со странной небоевой потерей. Поднялся шум, который, не без усилий, но постепенно удалось замять. Правда, реагировать всё-таки пришлось. В ноябре капитана первого ранга Скотаренко В. А. по-тихому отправили в отставку.

Справедливость была восстановлена?

Судите сами.

ХОРОРОР

Салтанат Рахимбекова

Астана

НЕ БУДИ ЛИХА...

Темной ночью обычно вершатся самые страшные дела... Девицы в горницах устраивают различные гадания, и даже в их смехе слышится страх. А как иначе, если в зеркале в любой момент может показаться чудовище. Так думают все, предвкушая страх, зная, что находятся в безопасности. Но порой, даже невинный человек не может рассчитывать на безопасность. Страшные силы подстерегают каждого казальсь бы в самый неподходящий момент.

Наш герой, некто Потемкин Илья Николаевич, вернулся со службы в далекую губернию, где бывал еще совсем отроком. Получив в наследство имение дядюшки, он не спешил сюда приехать, словно чувствовал, что ждет его там нечто странное. Пожалуй даже он не представлял и вовсе не был готов к таким событиям. Итак, все по порядку.

Граф Потемкин ехал ранним утром в карете, любуясь широкими полями, прилегавшими к имению. Работавшие на полях крестьяне не спешили кланяться барину, ему даже показалось, будто в их взгляде сквозила злоба. Совсем обнищал народ после войны, подумал он, прикинув, какой урон нанес Наполеон экономике страны. Теперь еще не скоро подыдемся, думал он, вспоминая, как раньше было все с шиком да вдоволь. Нотариус заверял его, что поместье процветает, что было редкостью после войны. Возможно, поместье спаслось, оттого что находится в глуши и французы не дошли до него, подумал Потемкин. Решив отогнать тяжелые думы, он велел остановить карету недалеко от кладбища. Он решил навестить могилу дядюшки. Поручив извозчику отправляться в имение и прислать к нему фамильную карету с приказчиком, граф открыл калитку кладбища. Скрип калитки вовсе не насторожил его. Сняв китель, Потемкин прошелся по рядам могил, решив, что это крестьянское кладбище. Однако его внимание привлек большой крест, к которому он и направился. Он находился не так близко, графу пришлось сделать не один поворот, чтобы дойти до него. За последним поворотом он услышал голоса людей и облегченно вздохнул. Место хоть

и было кладбищем, солнечный день словно смягчил обстановку, сделав графа еще более беспечным. Подойдя к торгующим за самодельными прилавками крестьянам, Потемкин поинтересовался как жизнь, да что нового. Казалось, все здесь было как и прежде. Все также говорили про мельницу, которая не работает вот уже который год. Людям приходилось привозить муку издалека. Сетуя на войну, Потемкин пообещал заняться мельницей и отремонтировать ее. Он разглядывал различные кулоны, образы и цветы, коими были заставлены лавки крестьян. Все они были приветливы, и графу стало хорошо. Чтобы никого не обидеть, он купил у каждого за гроши несколько иконок, крестиков да цветов. Цветы он решил отнести на могилку дядюшке, а крестики и иконки подарить прислуге. Хоть какой-то гостинец, подумал он, сетуя, что не подумал купить подходящего материала и табаку в городе. Но и так не с пустыми руками приеду, думал он, направляясь к могилке с высоким крестом. Как он и думал, это и была могила дядюшки. Совсем как в жизни он был прост, и решил был захороненным на крестьянском кладбище. Эта мысль расстрогала графа. Он рассматривал округу, запах земли кружил уставшую голову, и граф не заметил как задремал.

Немного погодя граф вздрогнул от холодного прикосновения. Открыв глаза, он увидел дядюшку. Вскочив, граф по-настоящему перепугался. Тем временем покойник как-то странно смотрел на него. Еще раз похлопав его по плечу, дядюшка сел рядом.

— Вот и помер я, — сказал он.

— Но позвольте, как же так? — растерялся граф.

— Гордым был, презрел даже смерть, а она вон как со мной, — продолжал дядюшка, — а ты на меня не сердчай. Не сердись и верни все мертвецам.

— Что вернуть? — не понял граф и тут же почувствовал веяние свежего ветерка.

Оглянувшись, он никого не увидел. Померещилось, подумал он, направляясь к выходу. Он шел той же тропой, подумав, что прилично задремал, раз уж ушли те самые торговцы-крестьяне. Выйдя из кладбища, граф увидел подъехавшую карету. Возле нее стоял пожилой приказчик Матвей Семенович Кузьмин, знавший барина еще ребенком. Несказанно образовавшись приезде барина, приказчик кланялся, с некоторой тревогой глядя на него.

— Ну, как живете? — спросил барин, — крестьяне работают на полях, как я погляжу.

— Понемногу, — поклонился Кузьмин, — с приездом, ваша милость. Имение опустело после смерти вашего дядюшки, и уж как мы все обра-

зовались, получив ваше письмо! Девки всю неделю не спали, все чистили полы, ковры да казаны. В имении все начищено до последнего казанка! Вот как!

— Это хорошо. А скажи мне, братец, кто те крестьяне, что торгуют здесь всяким разным? Не похожи на тех, что на полях. Те то в работе, одежда исхудала, а эти одеты чисто, справно.

Приказчик вдруг побледнел и схватился за сердце. Пошатнувшись, он бы и упал, если бы не граф. Поддерживая его, граф усадил приказчика на траву.

— Плохо тебе, — сказал граф, — ладно, если ты и прикрываешь кого, ругать не буду. Пусть себе торгуют.

— Вы их здесь видели? — почти шепотом спросил приказчик.

— Как тебя. И даже разговаривал. Народ жалуется, что мельница все еще не работает. Это как же?

— Как же, барин, мельница наша вот уже пять лет как работает, — прошептал приказчик, — и на кладбище никто не торгует.

— Тогда кого я встретил? — барин вытащил из кармана недавние покупки, — вот это купил у них.

— Темное дело. Надо ехать в деревню к ведунье. Вот только никто не хочет связываться с ней. Говаривают, будто плату она берет непосильную.

— Это сколько же?

— В рабство к себе забирает души, — прошептал приказчик, — а кому захочется такой участи? Но сейчас-то что делать? Говорят, ее мертвецы слушают.

Граф Потемкин вспомнил труды иноземных философов, среди которых были и те, кто писал о потустороннем мире. Все это он считал чужью и велел привезти ведунью в поместье. На что приказчик возразил, сказав, что это все равно что привести беду в дом.

Подумав, граф решил не пугать челядь с первых дней, повелев править к деревне ведуньи. Вскоре он предстал перед ее ветхой избой на краю деревни.

Она вышла во дворик и предусмотрительно протянула руку.

— Дальше нельзя, — властно сказала она, — нет вам ходу на мой двор. Проклятие несете, причем самое свежее и от самих мертвецов.

— Что ты мелешь, старая карга! — не удержался приказчик. — А ты не ведаешь, что земля эта принадлежит барину.

— Твой барин стоит одной ногой в могиле, — усмехнулась она. — Уж не поэтому ли ты привез его сюда с дальней дороги? Вам довелось говорить с мертвецами и потревожить их!

Ее зловецкий тон вселял такой страх, что видавший виды граф испуганно посмотрел на приказчика. Тем временем старуха подошла к изгороди и схватила его за руку. Она прикрыла глаза и кивнула.

— Да. Вижу их всех до одного, — сказала она, — но даже я не стану вступать с ними в схватку. Мертвецов не победить, ваша светлость.

— Каких еще мертвецов? — спросил побледневший граф.

— Тех самых, о которых предупредил вас покойник, — она строго взглянула на него, — или вы позабыли слова своего покойного дядюшки? Вам предписано вернуть все то, что сейчас находится при вас. То, что куплено у мертвецов лихом обернется для всей округи!

— Да, он говорил мне будто во сне, чтобы я вернул что-то. Но я не понял, что именно, — растерялся граф. — Да и какие еще мертвецы?

— Те самые, у которых вы покупали кресты да образа, — она ткнула в его карман. — Я их чую.

— То были люди, — возразил граф.

— То были уже не люди, — сказала она, — каждая их вещь дает им право прийти к вам в любое время. А сейчас уже почти ночь.

И тут граф заметил как резко потемнело небо, став ночным. Он удивился такой перемене, решив, что в этом есть что-то неладное. Тем временем старуха заметила это.

— Чему дивишься? — язвительно спросила она. — Уж не этой ли ночи?

— Но ведь был день, — возразил граф.

— Что вы, ваша милость, ведь насилу отыскал вас в темноте. Хорошо что свечи в фонарях осветили путь, — сказал приказчик.

— Мертвецы днем не появляются, — сказала старуха, — но они создали для вас видимость дня. Это они могут. Вы что же, не помните как доехали сюда?

И тут граф припомнил, что выехал на самом деле с утра, в дороге задремал. Он вспомнил, как останавливался на постоялом дворе и после двинулся дальше. Да, если подсчитать, сейчас должна быть ночь.

— Что же делать? — вырвалось у него.

— Вам остается лишь бежать, — сказала она. — Правда, за ваши покупки расплатятся крестьяне. Душами расплатятся!

— Не погуби, батюшка! — приказчик бросился в ноги графу.

— Не сбеги, — сказал граф. — Как мне найти их?

— Сами вас найдут, дай срок, — ответила она. — Одному вам не устоять, а потому возьми меня с собой. Коль не побоишься, не трону.

— Что попросишь взамен? — спросил граф.

— Прикажи, барин, избу мне справить. Эта совсем прохудилась, — попросила она. — Да скажи своему приказчику не трястись от страха. Я чую страх, и он мешает мне почуять иное, понимаешь?

Граф кивнул. Посадив старуху в карету, он приказал вести в имение.

По дороге старуха рассказала каким лютым по нраву хозяином был покойный барин. Как он изводил крестьян и даже велел похоронить себя рядом с ними. Она открыла, что вокруг покойника похоронены его жертвы. Граф припомнил, что продавшие ему товар мертвецы стояли рядом с могилами, и не удивился, узнав, что каждый восстал из могилы, чтобы узреть и покарать потомка покойного графа.

Тем временем старуха рассказывала о мертвецах, сетуя, что необычны они еще и тем, что встают из могил.

— Как же это? — удивлялся граф. — Кто же их откапывает?

— Сами встают, — говорила она, — прокляты они древним злом, что зародилось в горах иноземных.

— И что за проклятие? — не удержался приказчик.

— В этих краях никто еще не слышал о живых мертвецах. Но там, откуда они родом, их называют вампирами, — сказала она. — Помогите нам Господь выжить хотя бы неделю. Они отдали вам свои вещи, вы приняли их и, тем самым разрешили прийти к себе.

Граф вспомнил, что уже слышал о вампирах от кузена, Романа Романовича Потемкина, у которого был необычный друг Иванов. Они говорили, что вампиры боятся креста и образов. На что старуха лишь усмехнулась.

— А вы всмотритесь в покупки-то, — сказала она, сняв фонарь со свечой с угла кареты.

Граф достал покупки из кармана и невольно содрогнулся. То были больше не кресты и образа, а какие-то странные символы и рисунки.

— Все подделали, — заметила старуха. — Продали колдовские штучки. Их используют в колдовстве с незапамятных времен. Их надо вернуть.

— Что, каждому покойнику? — спросил граф. — Я даже не помню что у кого покупал.

— Ведьмовские штучки сами потянутся к хозяину, — ответила она, — вам надо всего лишь найти хозяев и уцелеть. А потому, если у вас есть кого позвать на помощь, самое время это сделать.

— Кого же? — задумался граф.

— Не так уж часто встречаются потомки волхвов, — сказала старуха. — Но в вашей жизни был такой. Я видела его совсем мальчонкой,

когда вы играли вместе. Он приезжал с вашим кузеном, примерно ваших лет.

— С Романом? — спросил граф. — Ведь только с ним приезжал всегда некто Иванов. Ты о нем говоришь?

— Позови, а я угадаю в нем волхва сразу, — сказала она.

Они быстро доехали до поместья.

При виде старухи вся челядь отпросилась домой в деревню. Граф не стал удерживать их, оставив при себе приказчика.

Наспех написав письмо Потемкину Роману Романовичу, он попросил посодействовать и привезти с собой Иванова Ивана Николаевича.

Отправив вестового, граф немного повеселел. Тем временем старуха, пугая приказчика, который не переставал креститься, стала посыпать порошок со своего мешочка у дверей и окон, наглухо заперев ставни. Она приказала не открывать их ни при каких обстоятельствах.

Ночью они все никак не могли заснуть, слыша различные голоса, то жалостливые, то ужасные. Граф решил выпить настойки старухи и уснул крепким сном.

Он проснулся поздним утром, увидев у своей кровати перепуганного приказчика.

— Лучше бы я тоже выпил той настойки! — воскликнул тот. — Слышали бы вы их!

— А где старуха?

— Кушать готовить пошла. Кухарка ведь тоже убежала в деревню, — махнул рукой приказчик. — А ну как потравит она нас?

— Как будто есть выбор, — фыркнул граф. — Не думаю. Ей ведь не хочется остаться один на один с вампирами.

— И то верно. Кто к ней будет потом за отварами бегать? — слегка улыбнулся приказчик. — Народ наш темный. Как хворь какая, так к ней бегут, а когда здоровы, избегают как зачумленную. Одним словом, темнота.

— Когда же Роман приедет? — граф не решился открыть окно. — Пойди посмотри, не едет ли кто.

Через некоторое время пришла старуха. Накрыв на стол, она прислушалась. Граф и приказчик с надеждой посмотрели на нее.

— Он въехал в ваши земли, — кивнула она, — потомок волхвов совсем скоро появится здесь, и тогда наши силы сравняются.

— Иванов уже здесь? — спросил граф.

— Я чую его, — кивнула она. — Не пройдет и часа, как он будет здесь. В отличие от нас, его они не тронут.

— Это еще почему? — спросил приказчик.

— Даже они не захотят проклятия волхвов. Не завидна будет участь того, кто прольет их кровь. Уж поверьте, есть то, чего боятся мертвецы. Но они могут обратить его!

Вскоре граф встречал кузена и его друга в поместье. Иванов со знанием дела огляделся, рассмотрел пыль на пороге и у окна и кивнул. Поговорив с бабкой, он велел приказчику растопить камин.

— Вы не закрыли дымоход, — сказал он. — Странно, что они не пролезли оттуда.

— Я и там посыпала, — сказала старуха. — Да только временно все это. А больше у меня нет.

Роман Романович впервые был напуган всерьез. Он всю дорогу слушал рассказы об упырях и вампирах, думая, что это всего лишь сказки. Было понятно, что совсем скоро им придется столкнуться с невероятным злом, древним и могучим. Нелюди, вампиры, пожирающие плоть и пьющие кровь, пугали его. Иванов Иван Николаевич напротив, не выглядел испуганным. Он со знанием дела доставал из торбы какие-то книги, о существовании которых Потемкин не имел понятия. Разглядывая необычные символы, они понимали, что Иванов знает свое дело. И пока они наблюдали за Ивановым, к поместью приближалась необычная повозка. Увидев ее из окна, старуха стала наспех чертить знаки по углам да у входа. Иванов взял бинокль и всмотрелся вдаль. День выдался жарким и было странно видеть на повозке закутанных в черные плащи людей, чьи лица скрывались за повязками.

— Это они? — спросил Роман Романович. — Они что, и днем ездят?

— Сегодня такой день, когда солнце скроется на час, — отвечал Иванов, будет затмение, господа. А в период затмения их сила безгранична. Даже эта пыль не удержит их!

— И что же делать? — спросил граф.

— Совсем скоро солнце скроется и нам всем придется испытать себя, — сказал Иванов, — Вам надобно проявить меткость и целиться исключительно в голову.

Он роздал мушкеты с серебрянными пулями и приказал рассредоточиться по комнатам. Роман Романович предпочел остаться с кузеном, оставшись в его покоях. Старуха осталась с Ивановым, попросив приказчика быть рядом. Они затаились, в ожидании первого удара. Тем временем солнечный диск стал медленно закатываться в черную полосу, и вскоре на дворе наступила темнота без месяца и звезд. Повозка с шумом въехала на просторный двор.

***

В самых романтических произведениях, коими до поздней ночи зачитывалась Елизавета Андреевна, были различные сцены такого головокружительного романа, который, как она думала, никогда не случится в реальности. Елизавета Андреевна перебрала в уме всех соседей, их дочерей и сынов и не нашла ни одного романтического момента. У всех была всепожирающая обыденность, о которой уж точно не напишут стихи. Сначала она вспомнила о своих родителях, о матери, которой довелось выйти замуж совсем в юном возрасте за отставного офицера в годах. И о чем думали ее родители, недоумевала барышня, понимая, что отец вовсе не прочь и ее выдать таким образом за какого-нибудь старика. Конечно, Елизавета Андреевна, как и всякий человек нового поколения, горячо отстаивала свое право на счастье, то самое, которое отец называл пустой блажью. На самом деле ей было над чем призадуматься и вообще волноваться. Листая модный роман, она думала вовсе о другом. В последнее время все ее мысли занимала угроза отца выдать ее замуж. Узнав за кого ее хотят засватать, она и вовсе поникла. Избранником Андрея Михайловича стал отставной офицер, вернувшийся после ранения в свое имение. Елизавета Андреевна пару раз видела его в гостях, этакого угрюмого, вечно всем недовольного мужчину, взгляд которого не вызывал ничего романтического. Конечно, она не обошла и тот факт, сороколетний офицер был вдвое старше нее. Ей даже было жаль стать его супругой, эта мысль вообще была абсурдной.

Итак, решившись, Елизавета Андреевна поздней ночью тайно выехала к соседу. По дороге она репетировала речь, надумав отговорить его от женитьбы. Она уже придумала пылкую историю, решившись сказать о так называемом вымышленном возлюбленном. Выбрав себе в спутники верного слугу, Елизавета Андреевна совсем скоро очутилась во дворе соседнего имения. Она понимала, что слуги разболтают, но ей уже было все равно. Отставной офицер, Павел Семенович Бельский принял ее сразу же. Он демонстративно посмотрел на часы, хмурился, выслушивая ее сбивчивый рассказ о большой любви. Они стояли у камина в гостиной, Елизавета Андреевна уже была близка к обмороку, решив добить его абсолютным враньем насчет своего положения. Заявив, что ждет ребенка, она испытывающе посмотрела на него.

— Откажитесь от этой затеи, прошу вас! — восклицала она, — мы любим друг друга и вовсе не намерены разлучаться. Неужели вы хотите такую супругу?!

— Мы? — переспросил он. — А вы можете сказать о ком идет речь? От кого вы ждете ребенка?

— Это вовсе не ваше дело, — покраснела она.

— А может, вы все это придумали? — предположил он.

Она хотела возразить, но он тут же привел массу доводов, убедив ее в обратном. Елизавета Андреевна понимала, что ее ложь сшита белыми нитками. Отчаявшись, она пролепетала, что вовсе не любит его, на что он попросту умехнулся да только. И вот тут она почувствовала дикую опасность, осознав, что находится всецело в его власти. Двери были заперты, а слуг и вовсе не было видно. Пятясь к двери, она решила поскорее откланяться. Он опередил ее и закрыл дверь на ключ. На ее вопросительный взгляд ответил, что не станет рисковать ею в такое позднее время и лично доставит ее утром.

— Да вы что! Батюшка не должен узнать, что я была здесь, — запаниковала она, — тем более ночью!

— Ну, вы ведь моя невеста. Что же в этом такого? Ваш батюшка только лишь поторопится со свадьбой. Я скажу ему, чтобы не ругал вас.

— А вы все рассчитали! — она с упреком взглянула на него.

— На ваш приезд уж точно не рассчитывал. И как только вы умудрились доехать до имения ночью! — он осуждающе покачал головой.

— Но я не выйду за вас! — воскликнула она. — Я вас никогда не полюблю! И буду несчастна как маменька!

— Вас проводят в покои, — он открыл дверь и распорядился проводить ее в покои.

Елизавета Андреевна возмущенно смотрела как он поднимается к себе на этаж, оставив ее с незнакомыми служанками внизу. Те провели ее в барские покои, которые, видимо, предназначались гостям. Елизавета Андреевна устала от пережитого, но ей было не до сна. Она вспоминала их беседу и еще раз пришла к выводу, что он уж точно ей не подходит. Перебирая в уме соседских наследников, не нашла ни одного путевого.

Утром она проснулась позже обычного, с ужасом понимая, что проспала почти до обеда. Наспех приведя себя в порядок, она пригласила локоны и выскочила из покоев. И тут совершилось то, о чем она не думала вообще. Войдя в гостиную, она увидела там Павла Семеновича и своих родителей. Мать с жалостью посмотрела на нее, тогда как отец, грозно сдвинув брови, лишь покачал головой. Заявив, что о скандальном побеге из дома известно всем слугам и совсем скоро узнает и вся округа, отец наказа остаться у жениха до свадьбы. Тон его был непрекаемым, Елизавета Андреевна расплакавшись выбежала из гостиной. Она побежала в недавние покои, понимая, что надо было хотя бы уго-

ворить отца забрать ее. Но было поздно. Не дав ей времени опомниться, родители отъехали, забрав с собой ее карету. Елизавета Андреевна проплакала весь день, понимая, что ее попросту отдали чужаку. Поздним вечером к ней зашел Павел Семенович, поинтересовался, не нужно ли чего. Она попросилась домой, но он лишь развел руками, сославшись на решение ее отца. Сообщив, что свадьба будет через месяц, он как-то странно посмотрел на нее. Елизавета Андреевна впервые оказалась поздним вечером в покоях с женщиной. И ей и думать не хотелось, что он и есть ее будущий супруг. Наверное, все это отразилось в ее взгляде, так как он понимающе кивнул. Заметив ее недоуменный взгляд, он подошел к ней ближе.

— Вы ведь и не хотите думать о предстоящей свадьбе, о семейной жизни вообще? — он внимательно смотрел на нее.

— У меня нет выбора, — она развела руками.

— Выбор есть всегда, но у вас его действительно нет, — задумался он. — Как жаль, да? Жаль, что все так происходит. Но вам надо быть стойкой. Скажу одно, я не ошибся в вас, хоть и видел мельком. Прощайте, сударыня.

— Спокойной ночи, — она поспешила запереть дверь.

Елизавета Андреевна прокручивала этот странный диалог, ничего не понимая, она еще долго сидела перед камином, вспоминая прошлое.

Утром Елизавета Андреевна проснулась от холода. Оглядевшись, она увидела потухший камин и чуть не упала с кресла. Как оказалось, она так и уснула перед камином. Поспешно накинув шаль, она вышла из покоев и тут же затаив дыхание, прижалась к стене. Она услышала голоса мужчин, было понятно, что говорили какие-то господа. Она прошмыгнула в людскую, затаившись за дверью. Из причитаний слуг она поняла, что хозяин убит этой ночью. Елизавета Андреевна накинула висящую на вешалке шубейку и выпорхнула из дома. Обогнув дом, она увидела во дворе несколько обозов. Вдруг из дома вышли какие-то дамы, они прошли к обозам и сели внутрь. Елизавета и сама не поняла, как оказалась возле них. Умоляя забрать ее с собой, она шепотом просила, оглядываясь на парадный вход. Одна из дам внимательно посмотрела на нее и вдруг открыла дверцу. Затавив ее в обоз, дама велела кучеру ехать. Так Елизавета Андреевна выехала из имения. Они ехали долго, было слышно, что за ними едут еще обозы. Елизавета прислушивалась к голосам дам, но ничего не могла разобрать. Прикинувшись прислужгой, она лишь улыбалась. Приехав в город, дамы остановились у respectable салона. Елизавета Андреевна часто слышала о таких салонах, но понятия не имела где они находятся. Она

вспомнила разговоры теток, говоривших, что в такие салоны ходят лишь мужчины. Дама пригласила ее внутрь и завела в какой-то кабинет. Елизавета с удивлением рассматривала салон, удивляясь роскоши и уюту. В кабинете она не сразу заметила тихого бледного барина, который сидел за своим столом. Дама шумно зашла за ней и громко заговорила, рассказывая детали убийства Бельского. Елизавета Андреевна потупила взор, понимая, что сейчас надо попытаться остаться здесь. Идти ей было некуда. Барин подошел ближе и с некоторым интересом взглянул на нее.

— А это еще кто? — спросил он. — Вы что, украли служанку?

— Сама напросилась, — живо отвечала дама, — может, провинилась в чем. Уж очень взгляд был отчаянный. А ты знаешь, я к отчаянным питаю слабость.

— Сбежать решила? — он подошел вплотную к Елизавете и посмотрел в глаза.

— Что вы, ваше благородие, — затараторила Елизавета, — только лишь найти работу в городе. Может, в вашем салоне?

— Вот видишь, она смышлена, — уверяла дама.

— Сам разберусь. Иди отдыхать, вечером работы много, — он проводил ее и закрыл дверь.

— Так я тоже пойду? — с надеждой спросила Елизавета.

— Руки у тебя больно гладкие, дома работала?

— Да.

— Надо говорить «бродие». Слуги не умеют выговаривать «благородие». Тем более в такой глухомани. Говори, откуда пожаловала и кем являешься на самом деле.

— Хорошо. Я невеста Бельского.

— И зовут вас Елизавета Андреевна? — улыбнулся он. — В рубашке родились, не иначе.

— Да. Отчего он умер?

— Ваш покойный жених был настолько прозорлив, что успел составить завещание, по которому вы, моя дорогая, обладаете всеми его рудниками. Впрочем, из-за них его и убили. Теперь убийцы сбились с ног разыскивая наследницу, которой так удачно удалось покинуть имение Бельского.

— Я поеду к родителям!

— Там вас точно уже ждут.

— Но чего им надо?! — возмутилась она.

— Серебра и золота, коих в ваших шахтах достаточно. Бельский поставил металл на монетный двор его величества. Вы даже не пред-

ставляете какой это капитал! И теперь на вас объявлена охота. А вы решили укрыться в салоне, куда приходят именно те самые охотники на вас.

— Что же делать? — отчаялась она. — Может, мне все им отдать по доброй воле?

— Вы бы разочаровали своего жениха, моя дорогая. Именно он не желал отдавать им ни одного рудника.

— Вы выдадите меня?

— Я приглашу следователя из жандармерии, если позволите. Ему я доверяю, все же он мой родной брат. Его зовут Яков Андреевич Лапшин. А меня зовут Павел Андреевич.

Сказав это, барин позвонил в колокольчик и велел проводить ее в покои для гостей. Елизавета Андреевна дождалась следователя, который прибыл незамедлительно. Все это время она не понимала, что делали с самого утра дамы салона в имении Бельского. Похоже, они не были убийцами, но все же были там неспроста. Вскоре ее пригласили в кабинет, где она увидела двух похожих во всем друг на друга братьев. Братья-близнецы отличались лишь гардеробом. Высокого роста, кареглазые шатены строго смотрели на нее. Ей больше понравился следователь, так как одежда на нем была строго покроя.

— А вот и моя гостья, — сказал Павел, — надеюсь, вы поладите, и она тебе не надоест. Вы, милочка, будете жить у моего брата. У него каменный дом, весьма уютный. Да и человек он несемейный. Поселитесь под видом нашей дальней кухни.

— А почему не у тебя? — спросил следователь. — Здесь ее точно искать не будут. Сюда приходят не за тем.

— У богатых клиентов подозрительная охрана. Иной раз все комнаты обойдут. А вдруг наткнутся, что тогда делать? А в твой дом никто точно не залезет. Давай спросим у нашей так называемой кухни, — он вопросительно посмотрел на нее.

— Я бы осталась здесь, — вырвалось у нее, — здесь, по крайней мере, есть дамы.

— Резонно. Но вам нечего бояться Якова. Он ведь живет на работе, а дома практически не бывает. Будете сами хозяйничать.

— Но здесь все такие добрые, — стояла на своем Елизавета, — я успела подружиться с некоторыми дамами.

— Это они пока добрые. Не делай такого лица, Яков. Это тебе не притон. Это приличное заведение, где учат играть на музыкальных инструментах и читают стихи поэты.

— Твои дамы, дорогой брат, работают ищейками, если ты не забыл, — поморщился Яков, — и порой они прибегают к пыткам. Я заберу ее отсюда, ты прав, ей здесь не место.

— Но я могу хотя бы приходить к ним? — спросила она.

— Нет, — ответил Яков и открыл дверь.

Они вышли на улицу и сели в карету, которая направилась в самое сердце города. Елизавета смотрела по сторонам, понимая, что именно в этом городе начинается ее новая жизнь. Яков привез ее к себе в дом и проводил в покои на втором этаже. Говорил он скупно, но выделил горничную в услужение. Ее покои и в самом деле были для дам. На ее немой вопрос, Яков пояснил, что ранее здесь проживала его сестра, которая уже давно вышла замуж и покинула отчий дом. Родители у них умерли, и два брата жили в разных измерениях. Пока один ловил преступников, второй занимался сомнительным ремеслом. Так думала Елизавета, радуясь, что уехала со следователем. Тем временем горничная рассказывала ей о последних новостях города, спрашивая, не родня ли она хозяину. Узнав, что кухня, она тут же стала рассказывать о барине, который сутками напролет пропадал на работе. Жандармерия как раз находилась недалеко от дома, и Яков обычно обедал дома. Елизавета составила меню, передав его кухарке. Осмотрев небольшой дом, она остановилась перед окном, глядя на знакомый силуэт дамы. Да, это определенно была одна из дам салона. Елизавета накинула на себя шубку и выбежала из дома к ограде. Дама проворно села в коляску, но Елизавета успела сесть следом за ней. Коляска тронулась в глубь города. Молодая дама была рассержена и плохо скрывала свое недовольство.

— Вам вовсе незачем было садиться в мою карету без дозволения, — сказала она.

— Что вы делали возле дома?

— Прогуливалась.

— Вы ведь из того самого салона, — сказала Елизавета. — Мы сейчас едем туда?

— Да, — нехотя призналась дама, — но вам следует остаться. Давайте я вас отвезу назад.

— Нет-нет, мне скучно дома, и я не прочь вернуться. А вечером вернусь обратно.

— Скука и есть настоящая роскошь, — пробормотала дама. — Не каждый позволит, знаете ли.

Они въехали во двор салона и вошли внутрь. Павел вышел навстречу и был крайне взволнован. Он раздраженно взглянул на Елизавету и махнул рукой.

— Ее зачем привезла? — спросил он у дамы.

— Сама села. Быть может, будет нам полезна?

— Полезна в чем? — спросила Елизавета. — Я ведь ничего не умею. У меня нет талантов.

— Кроме как создавать проблемы. Я спрятал вас в самом защищенном доме, а вы тут же бежали из него в карете первой встречной! — воскликнул Павел.

— Быть может, она сгодится, — настаивала дама. — Невинность еще никто не отменял. А в нашем деле именно это играет не последнюю роль.

— Хочешь бросить ее на растерзание оборотням? — рассердился он. — Мы не можем рисковать наследницей рудников и шахт.

— О чем она говорит? — не поняла Елизавета.

— Где вы, по-вашему, находитесь? — сорвался Павел. — Что это за дом?

— Я уже не маленькая, — обиделась Елизавета, — и я знаю какие это салоны. Это ведь салон.

— Музыкальный салон, — Павел махнул рукой. — Только в этом салоне чаще всего умирают дамы. Ее привезли час назад, — он посмотрел на даму.

— Она жива? — дама подбежала к двери, но Павел остановил ее.

— С ней кудесник, — сказал он. — Он просил не мешать.

— Она выживет? — с надеждой спросила дама.

— Будем молиться, — мрачно ответил он.

— Кто-то умирает? — спросила Елизавета.

Дама расплакалась и села на софу перед камином. Павел протянул ей платок и мрачно посмотрел на них.

— Как это случилось? — сквозь слезы спросила дама.

— Вампиры, — ответил он. — Она подобралась слишком близко. Но ей удалось привезти с собой слугу тамошнего помещика Потемкина, и он поведал поистине жуткую историю. Жанна вывезла его незаметно, была ранена, так что повозкой правил он. Лошади не подвели, довезли до салона. Судя по рассказу слуги, Потемкин остался в премилом обществе вампиров и остается лишь молиться, чтобы они не высушили его до нашего приезда. Вам необходимо выехать немедленно.

— Пусть она поедет с нами, — дама умоляюще взглянула на него. — Невинность дурманит любую нечисть.

— На живца? — усмехнулся он. — Это необычные вампиры. Они в один миг превратили ночь в день в сознании людей. Они преподнесли ему свои дары, и он их принял. Ты хоть представляешь, с кем вам придется столкнуться? Она не поможет вам. А барина вывезти надобно. И лучше живого и невредимого.

— А если они его уже того?

— Не станут. Он сейчас как приманка для вас. А вот вы и есть настоящие жертвы. Если, конечно, не победите их.

Елизавета слушала их и не верила. Ей казалось, что они попросту разыгрывают спектакль. Но дама так плакала, а Павел был так строг, что она с ужасом понимала отчаянное положение.

— В этом салоне дамы позволяют себя застрелить, ударить ножом, а иной раз и повесить. — Павел повернулся к ней. — Это совсем не то, о чем вы подумали. А сейчас идите, нечего вам здесь делать. Кучер доставит вас обратно к брату.

Вошедшая дама строго взглянула на нее и вывела из кабинета. Елизавета посмотрела по сторонам, понимая, что ее ведут через черный вход. Дама объяснила, что за парадным часто следят. Елизавета проходила мимо обычных комнаток прислуги, двери которых были приоткрыты. Они видела в комнатках тех самых дам из салона. Обычно шикарные дамы в своих комнатках были естественными. Они сидели перед зеркалом, перед камином, стояли у окна. Елизавета прошла мимо комнаток и вышла на улицу. Вскоре карета салона привезла ее обратно в дом следователя, где она встретила его прямо в гостиной. Не успел он возмутиться ее отсутствием, как она рассказала о последних новостях.

— Ваш брат, кем он на самом деле работает? — спросила она. — Почему у него столько женщин и столько тайн?

— Вам вовсе не следует знать подробности, — отрезал он. — Всего даже я не знаю.

— Кто их режет, колет, вешает? — не отставала она.

— Самые влиятельные в мире убийцы, — вырвалось у него. — Когда их не достать, к ним подсылают ловкую даму. И ей не всегда везет. Повезет лишь в том случае, если она вспомнит то, чему ее учили, и ловко повернется, чтобы нож не пришелся по почкам или печени. Любые раны залечиваются, и уж поверьте, у дам салона достаточно шрамов.

— Какой ужас! — вскричала Елизавета.

— Вас не интересует как умер ваш жених?

— Он мне вовсе не был женихом! И умер он внезапно. Даже расследования не было.

— Вам удалось быстро исчезнуть, не так ли? Умно. Имение было таким огромным, что вы и не заметили у него гостей из города. Видимо, он принял вас в своем крыле. Известно, для гостей у него отведен самый верхний этаж. И да, расследование никому не интересно. Ясно, что его убили. Дело темное. Наша задача сохранить вашу жизнь, ведь на вас объявлена охота. А вы так беспечно разъезжаете по городу!

— Они поедут к вампирам? — она словно прослушала его. — Да что они могут поделать против них?

— В салоне есть кудесник. Ему под силу вытащить помещика и лишить власти вампиров на некоторое время. Но они привезут его в город, а за ним явятся они. И вот тогда мы должны быть стойкими.

Елизавета кивнула, понимая, что ее ждут небывалые события, в которых не писалось ни в одном романе.

***

Павел проводил повозку, глядя из окна как она превращается в маленькую точку. Пять дам и кудесник выехали к имению Потемкина, чтобы сразиться с нечистью. Павел вдруг подумал, что если они дрогнут, то вернутся уже вампирами. На этот случай у него был план. Пригласив из столицы самих волхвов, он без утайки рассказал им о предстоящем деле. И пока Павел готовился к неизбежному, повозка приближалась ко двору графа Потемкина.

В самой отдаленной части темного леса, куда никто еще не доходил, восстают живые мертвецы. Людям туда путь заказан, ибо есть на земле ужасное зло, творимое в бездне темного леса. То самое зло сокрыто от смертных, и, увидев его лишь единожды, смертный обретет бессмертие в самом ужасном представлении. Злой рок, что навис над знатным родом Потемкиных, уже предопределил час испытаний, бросив последнего из рода в гущу живых мертвецов. О, как содрогнулась его душа в час испытаний! Как дрогнуло сердце смертного от воя вокруг! Граф Потемкин, отважный воин и отчаянный кавалергард, именно сейчас понял насколько тщетно защищаться, если над тобой нависла смертельная опасность.

Граф почувствовал всей своей сущностью присутствие зла, содрогнувшись от необъяснимого ужаса. Он видел людей, которых знал с самого детства. Но в то же время, он подозревал их. Его подозрения ширились настолько стремительно, что окружающие от одного его взгляда уже стали чутя свою темную сущность. Да, так все и было. И графу

Потемкину не почудилось. Вокруг него, в древнем имени, находились как люди так и вампиры. Он знал их всех и оттого рука не поднималась на нелюдей. И в то же время ужас настолько обуял его, что не мог он предупредить находившихся рядом Иванова и брата своего. Иван Николаевич читал во взгляде хозяина дома первобытный страх, который пожаром перенесся всем обитателям поместья. Кое-то был уверен, что не доживет до утра, не увидит света и уже думал, как славно погибнуть, защищая отпрыска славного рода. Иван Николаевич Иванов безошибочно отличал вампира от человека, чему удивлялся безмерно. Видно и вправду говорили, что он потомок волхвов, думал он, стараясь припомнить еще кое-что. Сейчас, когда жизнь висела на волоске, припоминалась любая мелочь.

***

Всегда находится нечто, что удерживает от решительного шага. Наш герой, граф Потемкин, был убежден, что видит упырей, с ужасом думая, что и ему предстоит стать таким же. Как только во двор имения заехала телега с людьми в плащах, чьи головы были покрыты широкими капюшонами, вампиры дали о себе знать. Обращенные и жаждущие свежей крови, они обступали графа и его друзей, но будто не решались напасть. Граф лишь сейчас увидел истинное лицо старухи, которая до сих пор словно играла им, а приказчик видоизменился так, что на него было страшно смотреть. Одним словом, все, кто проживал в этой проклятой местности и сейчас окружали его, были вампирами. Проклятие четко впечаталось на их челе, делая лица безобразными и оттого страшными. Граф недоумевал, как мог вообще не разглядеть их доньше. А еще он подумал о приезжих в телеге, которые вовсе не спешили войти.

Достав из кармана колдовские штучки, граф вытянул руки и с ужасом глядел, как они разлетаются по гостиной к своим хозяевам. Старуха говорила о фамильяре, и он понял, что она еще и ведьма. Они обступили людей со всех сторон, сорвав свои маски. Граф посмотрел на кузена и на Иванова, которые стояли с ним спиной к спине, вытянув руки с крестами. Он подумал, что кресты не пугают вампиров. Ему показалось, что через миг те вообще набросятся на них. И вот, когда вампиры подошли на шаг ближе и им оставалось лишь вытянуть руки, чтобы добраться до них, вся гостиная залилась ослепительным светом. Все они, и люди и вампиры, зажмурились, не в силах взглянуть на это чудо. Тем временем граф чувствовал, что его кто-то выводит из гостиной. Руки были нежны и тонки, и он подумал, что сам ангел спустился

за ним. Решившись следовать за ним, он с закрытыми глазами шел к выходу. Лишь во дворе они смогли открыть глаза, все еще привыкая к яркому свету. На небе не было солнца, но, казалось, будто то солнце спустилось на двор имения, заливая его беспощадным светом. Граф Потемкин увидел рядом кузена и Иванова, которых вели какие-то дамы в черных вуалях. По их усталым и перепуганным лицам, он понял, что то были люди. В телеге сидел худощавый мужчина, который торопил их.

— Быстрее, мои силы на исходе! — воскликнул он. — Вам следует немедленно забраться на телегу, и мы выедем из проклятого места!

Они все запрыгнули на телегу и выехали из имения. На ходу на них накинули плащи, покрыв голову капюшонами. Как только телега выехала со двора, свет стал меркнуть, утопая во тьме. Мужчина на телеге передал вожжи даме и без чувств упал на самое дно. Лошади неслись в бешеном темпе, а телега грохотала так, что была готова развалиться. Граф оглянулся назад и увиденное заставило его содрогнуться. За ними, вытянув костлявые руки, словно ангелы смерти, летели вампиры. В том, что это они граф и не сомневался. Он видел кровавые клыки, озлобленные глаза и хищные когти. Дамы в телеге вскрикнули и накрыли графа с его спутниками. Подлетев к телеге, вампир скинул капюшон одной из дам и взвыл от досады. Было件нятно, что он хотел заполучить графа. Вцепившись в локоны той дамы, он выкинул ее из телеги, протягивая руки уже за следующей жертвой.

— Гони, не останавливай! — крикнула другая дама постарше. — Не то сгинем здесь все!

Лошади неслись и неслись, проезжая мимо темного леса. Проклятое место, подумал граф, вспомнив, что именно так говаривал дядюшка. Тогда он не сказал ему, что именно в этом лесу, в самой черной его сердцевине, зародилось древнее зло, похоронив себя там и восставая с наступлением тьмы. Граф с изумлением наблюдал, как бесстрашный Иванов ухватился за старуху-вампиришу и скрутил ее на телеге. Она извивалась, стараясь укусить их, а заметив графа Потемкина, торжествующе закричала, указав на него перстом. Иванов связал ее руки, привязал к телеге и выкинул на землю. Она волочилась за телегой, которая стремительно неслась вперед. Второй вампир схватил Потемкина, но какая-то дама отважно отрубила его руки саблей. Взвыв, вампир отстал от них. Потемкин хотел поблагодарить даму, но она лишь толкнула его вглубь телеги.

— Они показала на вас, — закричала она, — нам бы лишь выехать за пределы этого леса!

И действительно, как только телега выехала за пределы леса, вампиры отступили. Словно не было им доступа в земли, где хоть и царил мрак, но все же земля принадлежала святой церкви. Очнувшийся кудесник внимательно осмотрел графа и его спутников. Сказав, что следов укуса нет, он посмотрел вниз, где по земле волочилась полуживая старуха.

— Зачем ее взяли с собой? — спросил он. — Она убьет всякого, кто к ней приблизится. Я должен ее обезглавить.

— Я хочу изучить ее, — сказал Иванов, — доселе такого не видал.

— Глупец! Это будет последнее, что вы увидите! — воскликнул кудесник, — как защитник города я не стану ввозить ее туда. Мы уьем ее здесь.

Остановив телегу, кудесник подошел к старухе, которая скрючилась на земле. Одним взмахом сабли он отрубил ее голову, с клыка которой капал яд. Закопав ее, он поджег тело и долго смотрел на огонь.

— Они вернуться, — сказал он. — Найдут как выбраться и добраться до города.

— Но отчего они преследуют именно меня?! — воскликнул граф.

— Вас или вашего кузена, им не важно. Они хотят получить знатного вампира в свой круг и после сделать из его имения свое гнездо. К тому же вы вхожи в высшее общество, а вампиры амбициозны. Эти не станут ждать и уповать на удачу, они будут бить точно в цель. Боюсь, не вы один в их списке. Как бы в городе уже не было знатных вампиров, пьющих кровь своих крепостных.

***

Павел слушал подробный отчет путешественников, рассматривая братьев Потемкиных. Он сомневался и раздумывал, не укушены ли прибывшие гости. Взглянув на Иванова, он невольно вздрогнул. Не каждому дано выдержать взгляд волхва, подумал Павел и перевел взгляд на своего кудесника. Отдав частичку своей души, кудесник вытащил спутников из проклятого места и сейчас тихо сидел в кресле, пытаясь восстановиться.

— Нужен новый кудесник, — сказал он. — Я не в силах справиться со всем этим.

— Орден должен выбрать нового? — спросил Павел.

— Ордену не стоит доверять. Как бы там уже не появился вампир. О, я ощутил их силу и величие! — выдохнул кудесник, — нам нужен он.

Он указал на Иванова и всем стало ясно кто будет следующим. Иванов кивнул, словно давно ждал этого назначения. Павел напомнил о

праве кудесника и его обязанностях. Также, он понимал, что Иванов пусть и сильнее, но не так опытен. Его любознательность станет нашей погубелью, подумал Лапшин, решив повременить. Он посоветовал работать им впаре и на этом завершил беседу. Склонившись над картой города, он раздумывал в каких салонах могут быть богатые вампиры. И пока он так думал, роскошная карета остановилась у самого порога музыкального салона Лапшина.

Сейчас хозяин салона ждал особых гостей. Он был уверен, что за путниками явятся и причем быстро. Заслышав упряжку лошадей во дворе, они все подошли к окнам. Скрываясь за шторами, пытались разглядеть приезжих. Лапшин не сомневался, что это были приезжие и вовсе не из города, так как он узнал герб на дверце кареты. То был герб известного дворянского рода, корни которого вели во дворец. Павел не дрогнул, шагая навстречу гостям. Его природная бледность лишь усилилась, сделав черты лица еще тоньше.

Мороз на улице лишь крепчал, но Лапшин Павел Андреевич так топорился, что вышел без шубы. Он прошел к карете и застыл в ожидании. Когда открылась дверца, он удивленно взглянул на вышедшего молодого человека. То, что это был вампир он даже не скрывал. Его тонкие длинные ногти были красного цвета, будто он недавно потрошил жертву, а горящий взгляд не сулил ничего хорошего. Пристально взглянув на Павла, он слегка кивнул.

— Мы договаривались о мире, Алексей Константинович, — напомнил Лапшин.

— В черте этого города, — заметил вампир, — а ваши дамы осмелели настолько, что привезли в город того, за кем охотится мое племя. Вырвали его, используя колдовство. Дьявольская охота не закончилась благодаря им. И сейчас этот факт рушит нашу договоренность. Если конечно...

— Если конечно что?

— Если вы не отдадите ваших гостей. Они ведь здесь.

— Но зачем он вам? Вы и так достаточно знатны.

— Это правда. Но я не являюсь племянником светлейшего.

— У них дальнейшее родство. Граф и в глаза не видел светлейшего.

— Что вовсе не помешает ему поехать и познакомиться с дядюшкой, не так ли? Ну неужели вы рискнете вашими дамами, этим удивительным салоном и вообще всем городом ради рода Потемкиных? вспомните своего брата. Подумайте, стоит им уехать со мной, и никаких бед не будет.

— А не то?

— Ох, до чего вы скучны. Вы и сами прекрасно знаете, что случится.

— Вы не из этого города, — напомнил Лапшин.

— Но кто мне помешает превратить его в гнездо? Хорошая мысль, не так ли?

— Земля освещена святой церковью, — заметил Лапшин.

— Да, но с тех пор здесь было сколько пороков и убийств! Я чую их сладкий запах. И жертвы тех убийств прокляли город в смертном хрипе. А вы ведь знаете, что это снимает любую святую, так сказать, защиту. Выдайте, милостивый государь, и я не трону город. Слово даю.

— Но что вам мешает захватить город?

—хлопотно. Да и потом, забавно встречать за городом любопытных горожан. У вас ведь бывали пропавшие.

— Я вам никого не выдам, — твердо сказал Павел.

— Глупо, — усмехнулся вампир. — Дружеский совет: не надейтесь на своего нового знакомого волхва. Он ведь и не заметил, что носит в себе фамильяр ведьмы, которой удалось восстать.

— Ее сожгли.

— Верно. Но она подобно восходу солнца оживает. И когда войдет в силу, ваш человек станет нашим оружием.

— Зачем вы мне это говорите?

— Когда-то вы спасли мне жизнь. И теперь мы в расчете. Берегитесь волхва, мой друг. Займитесь им, пока старуха не пришла в себя.

Поклонившись, вампир сел в карету и уехал. Лапшин зашел в дом, чувствуя странный холод внутри себя. Пригласив к себе кудесника, он рассказал ему все. Кудесник вспомнил, как Иванов хотел оставить жизнь старухе. Пригласив к себе Иванова, они рассматривали его со всех сторон.

— Что ищете? — не удержался Иванов.

— Ведьма оставила свой фамильяр, его и ищем, — кудесник светил свечой, рассматривая шею Иванова. — Только не дергайтесь, иначе он пройдет в самое ваше сердце. Ничего не припоминаете? Возможно, она дала вам поддержать милую зверушку?

— Нет.

— Что же это? Крыса или мышь, а может, пчела? — гадал Павел.

***

Пока Лапшин со своим кудесником искали фамильяр ведьмы, молодой вампир сошел с кареты и оглядел двор своего поместья. К нему по-

дошел приказчик и доложил о захваченной пленнице. Он заверил, что ее никто и пальцем не тронул, заметив вожденный взгляд хозяина.

Алексей Константинович Волконский был из древнего рода князей Волконских, не так давно переехавший с дальних владений империи. В своем поместье он жил тихо и спокойно, выходя на охоту исключительно в соседние имения или к городу. Соседи вокруг удивлялись, как в имении молодого Волконского все сыты и довольны. К холопам он относился снисходительно, забавляясь их преданностью. И никто в имении не знал, кем на самом деле является хозяин. Он любил стряпню местной кухарки, отчего то запомнив вкус яств. Не брезговал отужинать у соседей, уделяя особое внимание мясным блюдам. Устраивал охоты и балы, был добрым соседом и благородным вампиром. Вот отчего в свое время Лапшин спас его от охотников на вампиров, предупредив заранее. Но одного Павел не знал. Не знал он, как жестоко расправился с теми охотниками Алексей Волконский у самого города.

И вот теперь перед жестоким и благородным вампиром стояла истине непростая задача. На самом деле, ему была безразлична судьба графа Потемкина. Встретившись со старейшинами, он был направлен ими к Лапшину. Ему до смерти надоело чувствовать себя марионеткой в руках старейшин. С годами его стала раздражать эта зависимость, и он все чаще стал задумываться над этой проблемой. Сейчас он жалел, что не направил охотников к ним. Но слишком слабы были люди! Узнай старейшины о таком подлом выпаде, его дни были бы сочтены. А пока он был им полезен. Но не об этом думал он сейчас. Все его мысли занимала находившаяся на верхнем этаже девица, одна из дам музыкального салона. Поднявшись к ней на этаж, граф нашел ее в гостиной. Она испуганно вскрикнула и отошла к окну. Ужас в ее глазах вызывал досаду и сожаление.

— Итак, мадам, вас не тронули, — подумав, сказал он, — более того, вас накормили и проявили гостеприимство. Так отчего же вы дрожите?

— Почему вас не пугает дневной свет? — испуганно спросила она.

— Раздражает, — нехотя признался он. — Может потому, что я наполовину человек и ничто человеческое мне не чуждо.

— Вы знаете Лапшина и наш салон. Я видела вас там и не раз. Вы отвезете меня в город?

— Боюсь, вам придется погостить в моем имении, в котором мне одному скучно. А вы так чисты и невинны, что я буду рад вашему обществу. Как вы уцелели помните?

Она покачала головой, подумав, что потеряла сознание. Он рассказал о чудесном спасении, когда вовремя прибыл и буквально вырвал ее из лап вампиров. Она не верила ему, думая какую же игру он затеял.

Алексей Волконский, наверное, впервые в своей жизни пожалел, что стал вампиром. Глядя на нее, он словно видел ее чистую душу, содрогнувшуюся от его мерзкого вида. Да, пороки читались во взгляде, улыбке, в жестах. И он уже не знал, что ждет в будущем. Одно было ясно, в этот раз ему придется лишь ради нее встать на сторону людей. Она молила его отвезти в город, со страхом оглядываясь на окна мрачного поместья. И он не выдержал. Велев заложить карету, он отправился с ней в город и вскоре вновь прибыл к музыкальному салону.

К ним навстречу вышел Лапшин, с подозрением взглянув на вампира, он выслушал Жанну, которая рассказала ему о чудесном спасении. Осмотрев ее, отправил в салон, оставшись с Волконским у кареты.

— Итак, вы решились, — сказал Павел.

— Видимо, мне придется быть с вами, — нехотя ответил вампир.

— Голодны?

— Не откажусь отужинать.

— Чудно, — Лапшин пригласил его в салон, чем вызвал небольшой переполох.

Конечно, дамы салона знали Волконского, и даже где-то верили ему. Но после недавних событий всякая вера исчезла, уступив место страху. Лапшин пригласил его в гостиную за стол, внимательно наблюдая за гостем. Он представлял реакцию старейшин вампиров на такое предательство. Теперь салон будет под ударом, подумал он, зная, что все равно удара не миновать. Пока граф Потемкин и князь Волконский в салоне, не будет покоя всему городу. Вот о чем думал Павел, зная, что вампир читает его мысли.

— Сошлите нас, — предложил Волконский, — я могу забрать графа с собой в путешествие.

— В один конец, да? — мрачно спросил Павел. — Вы отдадите его старейшинам.

— Да, черт возьми, чтобы они не тронули город и салон.

— С каких пор вас заботит салон?! — возмутился Павел.

— Вам, вероятно, известно, что ничто человеческое мне не чуждо. Наверное, я единственный вампир, который ест пищу и пьет чай. И это не последнее, на что я способен, к чему стремлюсь. А в вашем салоне живет та, которую я привез в целости. С нее и волос не упал.

— Жанна?

— Только не пугайте ее этой новостью и не пытайтесь меня шантажировать.

— Дамам салона приходилось умирать страшной смертью, — подумав, ответил Павел, — вы даже не представляете, как быстро они прощались с жизнью. А некоторые даже не догадались что смерть рядом. Их убил яд. В нашей профессии всякое случается. И вы это знаете.

— С ней такого не случится.

— Нет никаких гарантий.

— Она и есть ваша гарантия того, что я с вами, — нехотя признал Волконский.

— Черт вас возьми, — протянул Лапшин, — это плохая пьеса, и вам в ней роли нет.

— Но я здесь. С вами, против своей воли и против касты.

Лапшин промолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию. Он подумал, что эти двое уже обречены, так как не может быть будущего у вампира с человеком. Это казалось ему немыслимым.

— Рано или поздно вы сожрете ее, — бросил он, — позабыв обо всех светлых чувствах, если они, конечно, у вас есть. Вы ведь уже не человек. А главное, вы испробовали человека. Думаете, она это поймет? Неужели вы рассчитываете на взаимность? Да кто вы такой?!

— С годами приходит дальновидность. Я не желаю стать такими как старейшины. Не желаю даже этой вечной молодости.

— Иными словами, вы желаете умереть, — понял Лапшин, — защищая ее?

— Вы ведь устроите это?

— Конечно, устрою. Можете не сомневаться. И кстати, моему кудеснику понадобится кровь проклятого. Вы как раз подходите. Как вы скажете ей?

— Она не должна знать. Вы гарантируете мне, господин Лапшин, обеспечить ее и не подвергать опасностям. Это моя цена.

Павел кивнул и позвонил в колокольчик. Слуги внесли блюда, с опаской поглядывая, стали расставлять и подавать приборы. Волконский смотрел на Павла, читая в его глазах свой приговор. Конечно, он его использует. Быть может, это и есть плата за все те убийства, которые были на его счету. Волконский знал, что Жанна рано или поздно все узнает. Он протянул папку с бумагами.

— Что это? — спросил Лапшин.

— Завещание на ее имя. Все мои капиталы и поместье будут принадлежать ей после моей смерти.

— Этот документ можно оспорить, — заявил Лапшин. — Такое делается везде. Неужели вы ее не пощадите?

— Это чистое имение. Там нет моих жертв.

— Я слышал. Но ведь ваши старейшины заявят свои права.

— Вы можете продать имение. Они не пойдут против людей.

— Для такого скорого процесса одного документа недостаточно. И вы это понимаете. Иными словами, вы хотите заключить брак. Ведь только так она унаследует всё и сразу. И сможет немедленно продать поместье. И вам ее, как я понял, не жаль.

— Любовь эгоистична. Но я ей сохраню жизнь, чего вы точно гарантировать не сможете.

— Хорошо, — подумав, согласился Павел. — Только не передумайте.

***

Как быстро решается судьба человека, в одночасье меняя все планы. Так думал Лапшин, направляясь в покои Жанны. Ему предстояло обсудить не больше не меньше, ее будущее, то самое, за которое сейчас он не дал бы и гроша. Он вдруг подумал, что Жанне фатально не везет во всем. И в то же время, ей удалось однажды уйти от вампиров, а во второй раз ее спас сам вампир. Это ли не везение, размышлял Лапшин, постучав в двери покоев.

Жанна открыла дверь, встретив его с арбалетом в руках. Нисколько не удивившись, Павел подумал, что первая стрела явно предназначена князю Волконскому. Сообщив ей о предложении князя, Лапшин убедил Жанну согласиться на брак.

— Он уже не жилец, — говорил он, — и вы, моя дорогая, в скором времени станете вдовой с солидным состоянием рода Волконских.

— У нас могут быть дети, — она даже вздрогнула при этой мысли.

— Такой ребенок стал бы идеальным оружием в наших руках. Вам решать, моя дорогая, — грустно улыбнулся Павел. — Однако князь, проявив благородство, после венчания оставит вас в салоне. Вам просто необходимо появиться с ним на балу, чтобы все познакомилась с супругой князя.

— Меня убьют старейшины? — спокойно спросила она.

— Вас не посмеют убить, моя дорогая. Ведь никто не будет знать, в положении вы или нет. А ваш ребенок заинтересует и их тоже. Однако вам решать.

— На каком балу?

— Естественно, на том самом, где будут и вампиры, и господа. Вы ведь бывали на таких балах.

— И даже видела труп служанки, — мрачно сказала она, — и я не хотела бы попасть еще раз на такой бал.

— Он вас защитит. Он влюблен и дорожит вами, моя дорогая. И как вам удалось вот так сразу влюбить в себя одного из самых опасных вампиров?! Но теперь он наш.

— Он умрет? Я хочу, чтобы он умер. И чем скорее, тем лучше.

— Дамы не желают смерти поклонникам. Но ваш случай действительно исключение, — заметил Павел, — он ищет смерти. Посмотрим, найдет ли. А может, вы состаритесь рядом с молодым супругом? Вас он не бросит, будет преследовать пока не женится. Нам лучше сразу согласиться. Не то умыкнет ночью и поминай как звали.

Договорившись о встрече, Павел ушел к себе в покои. Он размышлял о будущем, не понимая отчего князь ищет смерти. И пока господин Лапшин готовился к венчанию князя с Жанной, в охотничьем домике, что стоял на окраине города у самого темного леса, собрались старейшины вампиров. Они, наверное, впервые за триста лет вызвали на совет главу уездного города, решив начать переговоры.

***

Глава уездного города, некто Стряпчий Николай Николаевич, был ужасно перепуган несколько лет назад при первой встрече со старейшинами, которые предстали перед ним тогда в нелицеприятном свете. Ему, как человеку молодого поколения, удалось быстро пробиться наверх, устроить карьеру. И все благодаря тем самым старейшинам, на кровавые дела которых он предпочитал закрывать глаза. Он даже где-то был рад иметь при себе таких союзников, прибегая к их услугам и навсегда убирая со своего пути некоторых особ. Но всегда приходится расплачиваться. И вот сейчас он трясся от одного вида старейшин вампиров, которые уже изучили его детально и привыкли видеть таким.

Они встретились в охотничьем домике главы уезда, при котором находился лишь один сторож. Поздоровавшись, Стряпчий испуганно взглянул на главного старейшину, вечная молодость которого пленяла взгляд. Но было в его красоте нечто пугающее. Его пронзительный взгляд казалось, способен сжечь все на своем пути. Шесть старейшин прибыло с ним и все они были грозны.

— В твоём городе есть салон некоего господина Лапшина, — сказал старейшина. — У него есть тот, кто нам нужен.

— Это необычный салон, — нахмурился Стряпчий. — Это, позволите сказать, почти что цитадель, которую штурмом не взять. А длительную осаду не поймут сами горожане. Да и потом, услугами салона пользуются влиятельные горожане. Даже я бываю там.

— Нам нужен не салон, а человек, которого там прячут. Или люди еще не поняли, что не стоит будить лихо? — вампир подошел к главе города и тот явственно почувствовал холод.

— Почему они его прячут? Вы ведь знаете, господин Лапшин не слушает. — Стряпчий был близок к обмороку.

— Так вымани его гостя на какой-нибудь бал, — предложил старейшина, — а на балу всякое случается. Ведь ты пригласишь нас.

— Разумеется, — понял Стряпчий, — завтра же отправлю приглашение в салон.

— Господин Потемкин должен быть на балу. Можете самолично пригласить его.

Согласившись, Стряпчий поспешил покинуть домик. Он не оглянувшись, слыша, как старейшина вонзает клыки в кричащего сторожа. Поспешив в карету, Стряпчий пришел в себя лишь в городе. Запугивания вампиров возымели действие, и он решительно взялся за дело. Припомнив брата Лапшина, он решил отправиться с ним в салон.

Бал мертвецов

В самых страшных рассказах не найти того ужаса, что сковывал сердца благородных господ на дьявольском балу. Наверное, впервые на бал съехались с разных концов света господа, в чьих жилах текла благородная кровь вампиров и оборотней, охотников и жертв. Каждый знал свое предназначение, видел цель и стремился к ней. Но не каждому было суждено узнать свою гибель. Именно гибель видел в сердце каждого Иванов, будучи волхвом и проклятый этим, он содрогался от ужаса. Его сердце чувствовало боль и страдания господ и слуг, всех тех, кому было уготовано умереть этой ночью под россыпь великолепного салюта. Кареты с именными гербами въезжали через аллею на просторный двор, где их уже ожидали ловкие конюшие. Господа степенно сходили с карет, улыбаясь своим дамам и настороженно поглядывая по сторонам. Любой охотник сказал бы что это несомненно бал мертвецов.

Жанна вышла из кареты под руку с князем Волконским, который уверенно держал молодую супругу, стараясь не выказывать страха. Он

впервые испугался за нее, за то хрупкое веяние счастья, которое было мимолетно, мнимо, но так сладко и по-настоящему.

— Вы их видите? — с испугом выдохнула она.

— Тише, милая, вампиры почувствуют ваш испуг. — улыбнулся он, — И да, я вижу их.

— Ох, мне так страшно, что я даже слышу, как бьется ваше сердце, — проговорила она. — Странно, я думала, что у вампиров сердце не бьется. А ваше стучит.

— Идемте, — взволнованно выдохнул князь и повел ее во дворец Юсуповых.

Конечно хозяин бала и не подозревал о настоящем обличении гостей. Сделав комплимент юной супруге князя Волконского князь Юсупов заметил ревнивый блеск в глазах Волконского. Несомненно, представив молодую супругу в таком великолепном дворце всему свету, Волконский объявил о ее ранге. Все склонялись перед молодой парой, желая всего наилучшего. Жанна так увлеклась, что на какой-то миг позабыла о его вампирской стороне. Даже за столом князь Волконский с аппетитом трапезничал, сдержанно поддерживал беседу с Потемкиным, посадив его рядом. И тут Жанна стала замечать бесстыдные, жаждущие крови взгляды вампиров. Она словно слышала какой-то голос и от всего этого у нее закружилась голова. Она и не заметила, как уже кружилась в вихре вальса, и князь уверенно вел ее к зимнему саду. Они незаметно исчезли, скрывшись среди пышных цветов.

— Зачем мы оставили Потемкина? — спросила Жанна. — Не вы ли в ответе за него?

— На этом балу мертвецов и жертв он сам должен постоять за себя, — ответил князь. — Сейчас меня беспокоит другое. Как вы могли услышать мое сердце? Вы его даже сейчас слышите?

Жанна прислушалась и подошла ближе. С опаской взглянув на князя, она кивнула.

— Почему вы спрашиваете? — нахмурилась она. — Неужели это сейчас так важно?

— Дело в том, что вот уже долгие столетия его действительно никто не слышал. Вы, я думаю, даже не слышали об одном проклятии вампиров. Конечно, вам о нем никто бы не рассказал. Спустя столетия люди попросту позабыли о нем, сочиняя всякого рода байки.

— А между тем? Вы расскажете мне о проклятии?

— Вы вправе знать. Когда-то ведьма прокляла вампиров и наделила возлюбленную услышать сердце, что бьется так слабо, что кажется мертвым. Сердце вампира оживает лишь при возлюбленной, и лишь ей

под силу услышать его стук. Скажите, Жанна, неужели вы влюблены в такое чудовище как я?

Охнув, она побледнела и кивнула. Он помрачнел и обнял ее, пытаясь оградить от всяческих бед.

— Бедная девочка, — вздохнул он. — Я и не надеялся.

— Я будто слышу ваш голос.

— А это уже с вами играет какая-то ведьма на балу, — помрачнел он. — И если она разгадает ваши чувства, у них будет лишний козырь. Мой вам совет: не слушайте голос. Он не мой.

— Мы должны быть рядом с Потемкиным, — напомнила она.

— Разве с ним не волхв? Как странно, — вампир пристально смотрел на нее, — вы не поддаетесь чарам. По крайней мере моим. Вы слышите биение полумертвого сердца, стук которого уже никто давно не слышал. Даже я. Кто же вы, Жанна?

— О чем вы? Разве не вы рассказали легенду о сердце и проклятии ведьмы?

— Этим легендам за сотни лет. Они идут с начала времен. И не факт, что достоверны. Мы ведь не можем верить любой сказке, верно? Тут другое. Возможно вы и сами не знаете. Но я думаю, вы, как и Иванов являетесь потомком волхвов.

— Быть не может!

— Это легко проверить. Вампиры не укусят волхва. Стоит вам выйти к ним в круг. Но если я прав, и вы волхв, на вас объявят охоту.

— Нам пора.

Они вышли из сада под сотни взглядов, самых разных и Жанна читала каждый из них без страха. Лишь после бала Лапшин узнает о ней как о волхве и поспешит спрятать в недрах города. А пока они вернулись в салон, где их ждал Лапшин. Устроившись за столом в гостиной, Жанна, князь Волконский, граф Потемкин и Иванов стали рассказывать о вечере. Лапшин иногда перебивал вопросами и с каждым разом мрачнел.

— Итак, вампиры вышли на графа Потемкина и пока что лишь пригласили его к себе домой на чай, — уточнил он. — Граф, надеюсь вы ничего в дар не принимали?

— Нет. Ваши люди проверили мои карманы и карету.

— Подстраховаться не помешает.

— Что ждет Жанну? — спросил князь. — Если вы не сможете ее защитить, я сам увезу ее.

— Вас тут же хватят, — заметил Лапшин. — Мы спрячем ее в городе. В его самом опасном месте. Том самом, где убивают буквально за

каждым углом. У меня есть каменный домик и припасы. Вы даже можете уединиться с супругой, князь. В конце концов вы венчаны, и она не против. Заворожили девицу, а?

— А кто с ней будет пока меня нет?

— Она сможет постоять за себя. Княгиня Волконская лихо справляется с арбалетом. И уж точно убьет одного вампира. А уж если в ней течет кровь волхвов, то она и вовсе недосягаема.

— Они захотят обратить ее, — напомнил князь.

— Удивительно, что вы этого не захотели. И не тянет? — Лапшин пристально посмотрел на него.

— Такие вопросы неуместны.

— А вы проверьте. Ведь если она волхв, то вам попросту не укусить, — Лапшин хлопнул его по плечу.

— А ведь и правда, вы ведь можете проверить, — подхватил Иванов.

— Не стану, — отказался князь, — я просто не смогу с ней так поступить. Ведь я достаточно силен, чтобы обратить волхва, но после, ее кровь сожжет мои вены. Обратить волхва грозит скорой гибелью вампиру.

Чудовище поганого леса

В самом сердце поганого леса, который в простонародье называют лесом пропащих душ, находится желтая трясина, необычный цвет которой притягивает всякого путника. И стоит несчастному наклониться, дабы узреть свое отражение в огромном пузыре, последнее что он увидит будет страх в его же глазах. Дикий ужас читал в своих глазах граф Нежелский, когда с любопытства наклонился к одному из множества пузырей, которые лопались, забирая жизнь и засасывая человека. Чувствуя холод внутри себя, он уже простился с жизнью, понимая, что ничто его не спасет...

Прошла неделя как пропал единственный из рода Нежелских и местные сыщики в поисках сбились с ног. Было выдвинуто много разных версий. Кто-то из слуг вспомнил, что граф выехал из имения с ларцом золота, другие говаривали будто он похитил дочь мельника, а еще утверждали будто бес попутал его и забрал в поганый лес. Версий было много, и каждая казалась правдоподобной. Сыщик Илья Николаевич Петровский вел следствие, тщательно опрашивая каждого крестьянина. Наконец, он решил переключиться на господ-соседей и направил свою карету к ближайшему имению князя Волконского.

Князь Волконский, известный своей щедростью и добротой на всю округу, был в имении. Он с неприязнью глянул в окно и велел проводить Петровского в гостиную. Сейчас ему не хотелось видиться с людьми, но ничего не поделаться, придется. Ему даже стало смешно от мысли что люди влияют на его настроение. Пройдя в гостиную, граф встретил гостя и предложил остаться погостить до утра. Петровский был рад и согласился, с некой тревогой поглядывая как в окна сыплет снег. Начинаясь вьюга, которая вскоре пустилась в пляс, засыпая все вокруг. Белая пелена закрыла дорогу, оставив путника в имении вампира. Князь Волконский распорядился накрыть на стол и устроился с сыщиком у камина. Уютная обстановка расслабляла, но Петровский чувствовал смутную тревогу, не понимая отчего именно. Даже улыбка князя пугала его и он решил списать это на усталость.

— Что привело столичного сыщика в нашу глухомань? — спросил князь. — Все соседи говорят о вас.

— Не имел чести побывать у ваших соседей, — отвечал сыщик.

— Болтливые слуги уже давно доложились хозяевам. Как проходит следствие? Все мы обеспокоены пропажей графа. Он был молод и беспечен.

— Был? Он что, умер уже?

— Так говорят, — князь развел руками. — Нам остается лишь догадываться. И что-то говорит мне, что мы его больше не увидим.

— У вас холодно, — сыщик огляделся по сторонам. — Почему в комнате так мало свечей?

— Ленивые слуги, а я слишком добр, чтобы подстегнуть их.

— Да, я наслышан от ваших же крестьян о вашей доброте и щедрости, — улыбнулся сыщик, — но давайте поговорим о несчастном графе. Как вы думаете, отчего он вдруг пропал? Не пустился ли в бега, задолжав кредиторам?

— Его часто видели за карточным столом. Вот не удивлюсь, — князь на самом деле поразился внезапной догадке сыщике.

— Говорят, он играл всегда в одной компании. Все эти местные помещики, не считая вас, князь, скупы и алчны. Может, его убили из-за долга.

— Всё может быть.

Вся эта беседа стала порядком надоедать князю, в то время как сыщик видел по его пронизательному взгляду нечто новое. Он догадывался, что именно князь знает, где граф, и решил перейти к атаке.

— Говорят, вы недавно венчались, — сказал Петровский. — Ваша избранница из города и вовсе не является одной из дочерей ваших соседей.

— Это так. Она сейчас в нашем городском особняке.

— Говорят, княгиню видели много раз на охоте с арбалетом в руках. А еще говорят, что вы безумно влюблены в нее, милостивый государь.

— Вы говорите так, будто подозреваете меня в чем-то.

— Граф Нежелский бывал у вас в гостях. Он молод и хорош собой. А это весомый аргумент. В моей практике, уж не в обиду будет сказано, бывали убийства на почве ревности. И как-то странно совпал отъезд княгини Волконской с пропажей графа Нежелского. Не находите?

— Простое совпадение. Лучше скажите, когда вы организуете поиски? Быть может, он выехал в порт и необходимо осматривать корабли? — беспечно спросил князь.

Петровский пристально взглянул на князя, заметив, что до сих пор робел прямо взглянуть ему в глаза. Было в его взгляде что-то звериное, пугающее, хоть и улыбался князь довольно мило, прикрывая глаза длинными ресницами. Сыщик сообщил, что пока планирует начать поиски в окрестностях, памятуя тот факт, что графа не видели на уездной заставе.

— Стало быть, он никуда не уехал, — говорил сыщик. — После дела Салтычихи, сами понимаете, мы должны быть крайне внимательны к местному дворянству.

— Не любите московское дворянство? — усмехнулся князь. — Да, шумное дело было. И нелицеприятное. Столичные вельможи до сих пор нос воротят от нашего уезда, хоть и расположены мы не в столичном круге. Стало быть, будете тревожить соседей да осматривать их амбары?

— Ваш амбар я уже осмотрел. Ваши слуги любезно открыли и конюшни, и амбары, и даже собственные избы. Но я думаю, что он не в имении. Сдается мне, ваши соседи имеют охотничьи домики в Темном лесу. Говорят, местные крестьяне боятся и носа сунуть в чащу леса.

— Говорят, там живет леший, — отвечал князь. — Но вы ведь не верите в сказки.

— Я проезжал мимо Темного леса. Жуткое зрелище. Многовековые дубы зловеще тянут ветки прямо на дорогу, норовя зацепиться за карету. Как вы ездите мимо него?

— Мы привыкли к лесу и для нас он обычен, поверьте. Стало быть, вам понадобятся люди для поиска. Я не могу неволить своих крепостных. Сами понимаете, народ суеверный, пугливый.

— Ваш сосед, граф Троекуров, любезно согласился выделить мне крестьян да крепостных для поиска. Завтра думаю начать.

— Если эта выюга не прекратится, — глаза князя загадочно блеснули. — А сейчас вас проводят в покои. Отдохните. С утра, будем надеяться, появятся и хорошие вести.

Поблагодарив князя, Петровский направился вслед за расторопным слугой в покои. По пути он примечал роскошный интерьер поместья, любясь древними статуями. Ему стало интересно, с какого века пращурсы князя собирали все эти статуи. Было похоже, что некоторые из них иноземные. Решив спросить об этом князя утром, сыщик закрылся в поках.

Князь Волконский был в ярости. Он с трудом сдерживался и лишь подлокотник кресла рассыпался от его силы. Стряхнув руку, князь велел слугам заменить кресло и отошел к окну. Его поразила догадливость сыщика, на первый взгляд показавшегося спокойным и даже туповатым. Теперь же было понятно, что Петровский намерен обыскать все вокруг вплоть до глубин Темного леса. И даже суеверный страх крестьян его не остановит. А ведь именно в самом сердце Темного леса была вотчина вампиров. Там хоронились они от дневного света, вставая из недр черной земли каждую ночь. Взглянув в окно, князь вздрогнул. По двору полз человек, быстро направляясь к его окну. То был один из вампиров. Добравшись до окна третьего этажа, он постучал и князь открыл ему. Впервые за долгие годы вампиры решили нанести ему визит. И этот на вид дряхлый старик пришел к нему с предупреждением.

— Зачем вы здесь? — возмутился князь. — Вы распугаете всех слуг. Да к тому же в именин гостит сыщик.

— Сделай так, чтобы графа Нежельского перестали искать, — отвечал вампир, — если они дойдут до трясины, людским жертвам не будет предела. С некоторых пор он стал неуправляет как и его трясина.

— Стало быть, граф утонул в трясине, — уточнил князь. — И вы позволили ему утопить благородного! Неужели нельзя было заменить его кем-нибудь? Зачем вы отправили туда именно Нежельского!

— Змей балуется пузырями, засасывая туда любого. А граф был слишком любопытен.

— Ваш змей непредсказуем. Быть может граф все еще жив, и он высасывает из него кровь словно паук, — князя передернуло от этой картины. — Надо было убить змееныша, когда он был еще мал.

— Он нашей крови и нашей касты, — напомнил вампир.

— Он отделился от нас, выбрав себе поганый лес. И теперь вампиры благородного Темного леса под угрозой.

— Помни о своей жене, князь. Она в городе, но даже до нее змей доберется. Стоит ему приказать, и ты знаешь, что он сделает.

— Так он еще слушается вас?

— Ты как будто не слышишь угроз.

— Вам ее не достать. Она в надежном месте, и вовсе не в моем особняке.

— Хитер. Но будь осторожнее. Ты ведь не хочешь, чтобы змей пустился к твоим колодцам. Как объяснишь мор крестьян? Раскроешься и тебе конец. Люди сожгут тебя на костре, а прежде отрубят голову. Бойся его.

— Когда-то в Венеции вы мне говорили такое. Сколько же веков прошло! Вы думаете я привязан к людям? — усмехнулся граф.

— Так помогите нам! Ты нашей касты и ты тоже вампир.

— Только я не восстаю из недр земли, — заметил князь, — живу жизнью смертного, питаюсь их явствами, пью вино.

— И кровь ты тоже пьешь! Я помню твои тайные погребки! Ты погубил не одну душу, на твоем счету миллионы!

— Это правда. В моих погребках нашли последний приют многие убийцы, висельники и жестокие твари. А вы не можете совладать с ним. И когда он превратился в змея! — воскликнул князь.

— Ты знаешь, мы должны были отдать его трясине. Так было с начала времен. Поганый лес брал податать и нам бы стоило его контролировать. Ведь это твои предки приручили змея и сделали его бесстрашным! А сейчас ты поможешь с этим сыщиком.

Князь Волконский согласился, подумав что пора кончать с чудовищем трясинны. Несмотря на вьюгу, он вышел из дома, направляясь с вампиров в сторону поганого леса. И стоило им ступить в лес, как вьюга тут же пропала. В лесу было тихо и спокойно. Черные деревья с мертвыми ветками цеплялись за одежду, словно хотели остановить страшных путников. Князь знал, что только с ним и будет разговаривать змей. Он решил узнать жив ли граф Нежелский. Полная луна освещала путь князя, за которым шли волки. Князь знал стражей леса и был рад их присутствию. Волки всегда были за него и они не ведали страха.

— Зачем ты прикармливаешь этих оборотней? — взвизгнул старик, — они готовы вцепиться в наши глотки.

— Но не в меня, — заметил князь.

Они дошли до трясины, и князь внимательно всмотрелся в желтую муть. Внезапно из трясины появился человек, гибкий словно змей. Он вышел из трясины и подошел к ним, читая страх на лице старого вампира. Взглянув на князя, змей яростно топнул ногой.

— Зачем ты здесь? — грозно спросил он.

— Верни его, — сказал князь. — Ведь он жив.

— Он уже помешался. И да, он жив. Должен же я питаться. Кого предложишь взамен?

— Тебя самого, — князь указал на огромных волков, что стояли поодаль.

— Ты не скормишь меня им. Помни, твой отец заботился обо мне как о родном сыне.

— Верни графа и мы забудем обо всем. Найдешь себе другую добычу. Совсем скоро я направлю сюда двух убийц, и буду признателен тебе за службу.

— Забирай, — змей показал на трясины, в центре которой торчала лишь голова графа Нежельского. — Не бойся, он почти слепой.

— Так достань мне его! — воскликнул князь. — И прекрати испытывать мое терпение!

Князь наблюдал, как змей направился к центру и выволок графа Нежельского.

Бросив его к ногам князя, змей скрылся в трясины.

Старый вампир подошел к графу и невольно содрогнулся.

— Если он и выживет, то проживет не долго, — сказал он.

— Но для жизни крови в нем достаточно? — спросил граф.

— Достаточно. Кажется, он сошел с ума от боли и страха.

И действительно граф Нежельский бормотал, прижимаясь к ногам князя словно собака. Князь велел отнести его на край Темного леса и оставить в неизвестной сторожке. Вернувшись в имение, князь не сомневался, что Петровский с самого утра найдет графа Нежельского. Князь прошел к себе в кабинет и был неприятно удивлен, увидев у дверей сыщика.

— Откуда вы вернулись? — спросил Петровский. — Вы ночью выходите из имения? Уж не затем ли, чтобы спрятать следы?

— Я ходил на конюшню, — улыбнулся князь. — Породистая кобыла приболела.

— Вам доложили?

— Нет. Но она уже несколько дней была вялой. Вот я и проведаль ее. А вы сразу подзреваете! — покачал головой князь.

— Такое уж наше дело. Вот не удивлюсь, если завтра найду Нельского. Одно интересно, будет ли он вменяем?

— Спокойной ночи, господин Петровский. Завтра нам всем предстоит отправиться на поиски.

Князь прошел к себе, с некоторой опаской заметив тину на сапогах. В это же время сыщик осматривал желтые пятнышки тины на ковре, где стоял князь. Дотронувшись, он резко отдернул руку от холодной слизи. Запах болота витал в воздухе и Петровский с подозрением оглянулся на покои князя.

Князь Волконский был настолько свиреп, что почувствовал неутолимую жажду в крови. Он спустился в подземелье, где были потайные погреба, о которых не знали слуги. Открыв массивную дверь, князь по винтовой леснице спустился ниже. Факел в его руке отбрасывал тень на дверцу комнатки. Войдя в нее, князь подошел к жертве у стены. Старик был прикован цепями, а его одежда превратилась в лохмотья. Увидев князя, он закричал и потерял сознание. Князь набросился на него, чувствуя теплую кровь. Напротив старика был прикован мужчина в богатых одеяниях, который с ужасом наблюдал за страшной картиной. Оставив старика, князь подошел к нему и мужчина послушно подставил шею. Князь утолил жажду, чувствуя как бьется слабый пульс жертвы.

— Лучше бы ты меня убил! — завопил старик. — Лучше бы я сдох тогда, на перекрестке!

— Ты явился на дьявольский перекресток и заключил сделку, — князь вытер платком губы. — Ты кровью заплатил за жизнь сына!

— Убей меня! — взмолился старик.

— Твой сын убил невинных людей, грабил в моих владениях. И сейчас он жив лишь благодаря тебе. Но стоит тебя убить, он займет твое место, но не здесь, а в глубокой трясине.

Вернувшись в покои, князь подошел к окну, заметив желтое око вдали. Он вспомнил змея, и то как он им стал. Дикое превращение сделало его монстром и настоящим оружием ведьмы. Даже после ее смерти чары не спали, продолжая мучать змея, заставляя приносить жертвы, превращая в чудовище. С этим надо было что-то делать. Князь подумал об отъезде сыщика. Он попросту должен уехать немедленно, решил князь, глядя как мерцает вдали око.

Впереди еще было много приключений и князю Волконскому придется не единожды вступить в схватку с вампирами и чудищами, чтобы

сохранить баланс среди живых и мертвых. И пока он думал как отвадить сыщика, к имению приближалась карета княгини Волконской. Но это уже совсем другая история пробуждения древнего зла...

ТЕАТР

Вячеслав Кушнир

г.Инта, респ. Коми

БАННЫЙ ДЕНЬ

комедия в 2-х частях

время действия: наши дни

место действия: город, коттеджный посёлок

действующие лица:

ЕСЕНИЯ, 46 лет. Преподаватель ВУЗа

МАЛЫХ Юрий Михайлович, её муж, 49 лет. Сторож охраны посёлка

КРИСТИНА, её дочь, 23 года. Студентка-выпускница, географ

ДЖЭРИ, её сын, 27 лет. Безработный выпивоха, дважды разведён

МОРДАСОВ Константин Фомич, её отец, 71 год. Пенсионер, кранов-

щик

МОРДАСОВА Клавдия Сергеевна, её мать, 69 лет. Пенсионер, прода-

вец

РАИСА Семёновна Иванова, 46 лет. Владелица салона красоты

ЕВГЕНИЯ Кирилловна Латкина, 47 года. Замужняя домохозяйка

СВЕТЛАНА Александровна Парначёва, 50 лет. Многодетная мать, за-

мужем. Завскладом

ВОРОПАЕВ Николай Семёнович, 34 года. Холост. Чиновник

Часть 1

СЦЕНА 1. Июнь. Двор дома Малых. К калитке идёт Джэри, с перепоя.

ДЖЭРИ. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров. (Пытается открыть калитку.) Нельзя же так закрываться... Сим-сим, откройся, чтоб я сдох. (Обессилив, усаживается на землю.) Теперь никто не пройдёт. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров.

К калитке подходит Воропаев, с деловым портфелем.

ВОРОПАЕВ. Удобно? Вы здесь живёте? Нет, вы же не живёте в этом доме. Освободите, пожалуйста, калитку.

ДЖЭРИ. Тактичности тебе не хватает, мужчина. А поприветствовать? Ё-маё, как же сложен русский язык без мата. Будьте любезны вести себя приветливо.

ВОРОПАЕВ. Как жизнь.

ДЖЭРИ. А что это?

ВОРОПАЕВ. Он ещё и философ. Не марать же руки.

ДЖЭРИ. Сегодня ещё июнь?

ВОРОПАЕВ. Пожалуйста, не заставляйте меня применять силу.

ДЖЭРИ. Я здесь живу.

ВОРОПАЕВ. Нет.

ДЖЭРИ. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров...

ВОРОПАЕВ. Ну, и как зовут хозяйку?

ДЖЭРИ. Мать. Мы — семья. А я её позор. Пёс шелудивый, по кличке Джэри. Она — Есения Конст... Нет, дальше сложно... то есть дед мой, он — Костя.

ВОРОПАЕВ. Да, верно. Я — Николай Семёнович. Прилетел из Сибири, в командировку. Мы, с вашей мамой, коллеги.

ДЖЭРИ. Чем летаем?

ВОРОПАЕВ. Самолётами.

ДЖЭРИ. Я думал: крыльями.

ВОРОПАЕВ. Я не ангел.

ДЖЭРИ. Вижу. Ангел уже проникся бы моим здоровьем. Проход освобождается платно, деньги идут на ремонт калитки.

ВОРОПАЕВ. Ситуация...

ВОРОПАЕВ. Ну, не кричать же мне на весь посёлок. Есению Константинову, пожалуйста, или позовите, или дайте пройти.

ДЖЭРИ. Или-или — оба действия платные, Колян.

ВОРОПАЕВ. Похмелье?

ДЖЭРИ. Сидел бы я с похмелья на сырой земле, хуже — бодун.

ВОРОПАЕВ. Сколько первое «или»?

ДЖЭРИ. Напомни?

ВОРОПАЕВ. Позвать мать.

ДЖЭРИ. Второе?

ВОРОПАЕВ. Освободить проход и я сам позову.

ДЖЭРИ. Нет-нет, я благотво... благотвори... не это... которое. Ну, не подаю я! Сам в крайней нужде. Подвинуться дешевле. Если я пойду сам, там меня сцапают и посадят на цепь, как всякую собаку. А так я тихо, мирно, скрытно удаляюсь в магазин за новой калиткой и никого не стану шелудить.

ВОРОПАЕВ. В вашем магазине продают калитки?

ДЖЭРИ. Были бы деньги.

ВОРОПАЕВ (достаёт из кармана портмоне). Сколько?

ДЖЭРИ. Так мне уже вставать?

ВОРОПАЕВ. Не знаю, может быть, вы по земле передвигаетесь попластунски и подниматься не надо.

ДЖЭРИ. Вставай, подлец. Встаю, встаю. (Поднимаясь, напевает.) «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой, с фашисткой силой тёмною, с проклятою ордой». Это гимн российских алкашей. Своих-то слов о нашей вселенской скорби взять негде, занимаем у классики. Шелудивый, значит, паршивый, а парша заразна, тариф двойной.

ВОРОПАЕВ. Итого?

ДЖЭРИ. Тридцать два рубля.

ВОРОПАЕВ. Не понял?

ДЖЭРИ. Повторять долго.

ВОРОПАЕВ. Что можно купить за тридцать два рубля?

ДЖЭРИ. Калитку. Точнее два пузырька по двести миллилитров настойки перца для внешнего употребления, семьдесят градусов, газетный киоск сегодня работает.

ВОРОПАЕВ. В газетном киоске!?

ДЖЭРИ. Пошли вместе, после первого же глотка, клянусь, всё поймаешь.

ВОРОПАЕВ. Легально?

ДЖЭРИ. Абсолютно, мы — мирные люди.

ВОРОПАЕВ. У меня нет такой мелочи.

ДЖЭРИ. Сдачу гарантии... принесу.

ВОРОПАЕВ. С тысячной?

ДЖЭРИ. Проще с пяти тысячной, правда, чуть больше времени уйдёт на дорогу. Ты спешишь? Я — нет.

ВОРОПАЕВ. Нашёл пятисотенную.

ДЖЭРИ. Ничего, думаю, хватит.

ВОРОПАЕВ. Купите водки, а лучше виски. (Подает купюру.)

ДЖЭРИ (взяв купюру). Водка и виски в наших магазинах — отравы сто процентов, спроси в минздраве. Мы за натуральный образ жизни, окормляемся по аптекам и газетным киоскам. Ну, я двинул. Проход открыт.

ВОРОПАЕВ. Зачем вы пьёте?

ДЖЭРИ. Чтобы жить. А вот зачем живу, уже не скажу, не помню. Спасибо за гуманитар... ну, за гуманизм. Теперь надолго хватит, может, на всю жизнь. Или принести сдачу?

ВОРОПАЕВ. Не стоит. Мама-то дома?

ДЖЭРИ. Не в курсе. Но есть голова. День недели?

ВОРОПАЕВ. Одиннадцатое июня, суббота.

ДЖЭРИ. А год?

ВОРОПАЕВ. Серьёзно?

ДЖЭРИ. Очень.

ВОРОПАЕВ. Шестнадцатый.

ДЖЭРИ. Как быстро летит время. Это сколько же мне лет?

ВОРОПАЕВ. Потом сочтёте.

ДЖЭРИ. Суббота — это святое. Даже я на автопилоте прибыл, но совершив дозаправку в воздухе, развернулся и усвистел восвояси. Семья в сборе, а спроси меня, типа, орёл, ты куда летишь, я ведь честно отвечаю: не в курсе. Сегодня традиционный банный день.

На перекрёсток выходят Мордасов и Мордасова.

ВОРОПАЕВ. Да вы оживаете.

МОРДАСОВА. Игорь? Игорь! А ну, сюда, иди ко мне.

ВОРОПАЕВ. Это вас?

МОРДАСОВА. Мужчина, задержите его!

ДЖЭРИ. О, дед с бабкой, эти до смерти заклюют невинного слабого пенца. Бывай, добрый человек, живи долго и не пей вообще. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров. (Уходит.)

МОРДАСОВА. Игорь, домой! Вернись сейчас же! Трудно было хватать парня?

ВОРОПАЕВ. Я?

МОРДАСОВА. Нет, блин, я.

МОРДАСОВ. Не замай человека, Клавдия. Здравствуйте.

МОРДАСОВА. Куда он пошёл? Что сказал?

Из дому выходит Есения.

ВОРОПАЕВ. Доброго дня.

ЕСЕНИЯ. Что случилось?

МОРДАСОВА. Засела в своей конуре, ничего вокруг не видишь, сына родного опять прохлопала.

МОРДАСОВ. Всё-всё, Клава, не стучи протезами, дорогая нонеча починка.

ВОРОПАЕВ. Есения Константиновна, извините...

МОРДАСОВА. Вот он только что был возле твоей калитки, а домой не пошёл, завернул.

ЕСЕНИЯ. Я не видела. Вы ко мне, молодой человек?

Из дому выходят Евгения, Раиса и Светлана, в руках полиэтиленовые пакеты с банными принадлежностями.

ЕВГЕНИЯ. Тётя Клава, дядя Костя, приветствуем.

МОРДАСОВА. Правильно, подружки ей дорожке сыночка.

ВОРОПАЕВ. Помните меня? Воропаев Николай, из Синегорска.

МОРДАСОВ. Всё-всё, прокурор русской общественности, гуляем отсюда, люди заняты.

ЕСЕНИЯ. Мама, Джэри — взрослый человек.

МОРДАСОВА. Ты чего меня бьёшь, изверг, палач.

МОРДАСОВ. Привет, девчата.

СВЕТЛАНА. Добрый день.

МОРДАСОВ. Я тебя не бью, а слегка подталкиваю на выход. У нас прогулка, а не родительское собрание.

МОРДАСОВА. Нашёл девчат, они уже сами давно бабки, а ума не нажили...

РАИСА. Здравсьте.

МОРДАСОВ. Давай-давай, шевели поршнями.

МОРДАСОВА. И никакой он не Джэри, придумали человеку животную кличку да ещё американскую. Вот чего, спрашивается, в выходной день по баням шастать, нет бы внукам мозги править, детей инспектировать...

МОРДАСОВ. Девки, я вам спинки потру в следующую субботу.

МОРДАСОВА. В следующей жизни.

Мордасов и Мордасова уходят.

ЕВГЕНИЯ. Пока, до новых встреч в эфире, Константин Фомич.

СВЕТЛАНА. А тётя Клава не сдаётся, бьётся за семью, молодец.

РАИСА. Какой симпатичный гражданин...

ЕСЕНИЯ. Идите уже, пар уйдёт же, Малых, небось, рвёт и мечет.

РАИСА. Перебьётся.

ЕВГЕНИЯ (Воропаеву). Меня Женей зовут, если что, я — на колёсах, доставлю в город, куда там надо, с попутным ветерком, а он у меня до утра дует, сквозняк прямо.

ЕСЕНИЯ. Евгения Кирилловна, не занимайте место во дворе.

РАИСА. О, заревновала.

СВЕТЛАНА. Уходим-уходим, уходим...

Из-за дома выходит Малых.

МАЛЫХ. Девки, баня стынет, пиво киснет, нервы сдают, вперёд!

ЕСЕНИЯ. Юра, мужчина ко мне, по работе.

МАЛЫХ. Ну, не по любви же.

ЕВГЕНИЯ. А почему бы нет?

РАИСА. Вот вечно ржёт этот Малых, аж бесит.

СВЕТЛАНА. Хватит трепаться, пошли.

МАЛЫХ. Бесись на своей территории, Иванова, здесь я хозяин. (Передразнивает Евгению.) «А почему бы и нет»... Ой, да кому вы нужны, старушки-посакашки вообще, а моя — в частности. Правда, жена?

ЕСЕНИЯ. Что ты разговоры какие-то дурацкие заводишь...

ВОРОПАЕВ. Есения Константиновна — красавица, очаровательная дама.

МАЛЫХ. Ты, мужик, по работе или как?

ЕСЕНИЯ. Что ты выставился на человека, по работе приехал, сказано же, по работе. Джэри приходил, родители мои видели, до калитки дошёл и обратно куда-то. Пойди в дом, Крестю подгони, нарочно ведь на автобус опаздывает, чтобы на такси ездить.

МАЛЫХ. Нормально, Сеня, не боись. Всё, пошутили, поржали, разошлись, бабоньки, мне же тоже надо грехи скоблить, до вечера, что ли, чесаться. (Уходит в дом.)

ЕВГЕНИЯ. Я — первая на полку. (Уходит за дом.)

РАИСА. Что-то здесь нечисто, чую, а, Сенька?

СВЕТЛАНА. Дура, какое тебе дело, пыли отсюда.

Раиса и Светлана уходят за дом.

ВОРОПАЕВ. Есения Константиновна...

ЕСЕНИЯ. Зачем. Бессовестный, вы же обещали забыть меня и не беспокоить.

ВОРОПАЕВ. Через всю страну ехал...

ЕСЕНИЯ. А не надо было, не надо.

ВОРОПАЕВ. Не могу без вас. И днём, и ночью...

ЕСЕНИЯ. Всё, разговора не будет, уезжайте.

ВОРОПАЕВ. Я в командировке, обратный билет на следующий понедельник.

ЕСЕНИЯ. О нет! Ну, зачем вы, зачем.

ВОРОПАЕВ. Умоляю встретиться, с ума схожу!

ЕСЕНИЯ. Хорошо, звоните не работу.

ВОРОПАЕВ. Ваш муж следит за нами из окна. Вы меня по всем узлам связи в чёрный список занесли, разве нет?

ЕСЕНИЯ. Да. Уходите же.

ВОРОПАЕВ (достаёт из портфеля документы в файле). Вот запрос из нашей мэрии на выпускников вашей Академии, там моя визитная карточка, с адресом в отеле.

ЕСЕНИЯ (взяв документы). Хорошо. Идите.

Из дома выходит Кристина, с рюкзаком.

КРИСТИНА. Не переживай, мама, сегодня на автобус я успеваю.

ЕСЕНИЯ. Всего доброго, Николай Семёнович. (Уходит за дом.)

ВОРОПАЕВ. Девушка, у поста охраны меня ждёт такси, если не возражаете.

КРИСТИНА. Только я терпеть не могу, когда со мной флиртуют, фа-ля-тополя, на коленки таращатся.

ВОРОПАЕВ. Обещаю молчать и глядеть только на дорогу.

КРИСТИНА. Посмотрим. Вперёд?

ВОРОПАЕВ. Запутался, в какую сторону...

КРИСТИНА. Туда. По ходу расскажете, кто вы да что, да зачем. Только без шуры-муры и без рук.

ВОРОПАЕВ. Нет, я лучше помолчу.

Воропаев и Кристина уходят.

СЦЕНА 2. Просторная баня, с печью. Бак для воды, ковши, полок, шайки. Есения, Раиса, Евгения и Светлана моются.

СВЕТЛАНА. А сколько у тебя лошадок?

ЕВГЕНИЯ. Тысяча восемьсот кубиков.

СВЕТЛАНА. У меня тысяча четыреста.

ЕВГЕНИЯ. Сравнила немца с французом, и модель твоя старая.

РАИСА. Если не знать, что они говорят про автомобили, становится жутко, натуральный капец.

ЕВГЕНИЯ. Так вот, подъезжаю к остановке на Коммуне, около мебельного, там автобус только-только народ стал запускать.

РАИСА. Ты сегодня такая молчаливая, Сеня.

ЕВГЕНИЯ. Я что-то зазвонилась, с кем-то трепалась по мобильнику.

РАИСА. Малых сегодня расстарался, накочегарил, что-то я приплыла.

ЕВГЕНИЯ. А по левому ряду, впереди меня, джипяра, сучий потрох, притормозил, типа, ПДД блюдёт, а гололёд же.

ЕСЕНИЯ. Рай, ложись на пол, там пара нет, подыши.

ЕВГЕНИЯ. Ну, я и подумала, чем рисковать с тормозами, проскочу-ка между. Не рассчитала, расцарапала.

СВЕТЛАНА. Или вообще в предбанник выйди, Иванова, слышь? Заодно воды подашь хоть, если сама не вернёшься, бак почти пустой.

ЕВГЕНИЯ. Выметайся, давай, Райка, не хватало нам тут ещё инфаркта.

РАИСА. Ложусь я, ложусь, меня так просто не ухайдакаешь.

СВЕТЛАНА. А я вчера не выдержала, плюнула и пошла — купила шуруповёрт. С утра сегодня все шурупы в доме выкручивала-закручивала, чтоб опробовать, такое блаженство, с ума сойти.

ЕВГЕНИЯ. Сенька, мы здесь, чего в одну точку уставилась?

СВЕТЛАНА. Отстань от человека, может, она лекцию в уме прокручивает.

ЕВГЕНИЯ. Да они у неё все от зубов отлетают за столько лет.

РАИСА. Ой, да за мужчину задумалась, за командировочного. На спор?

ЕВГЕНИЯ. Ты только не маши и ножонками не сучи, лежи, парилка, не дёргайся, береги себя.

РАИСА. Чего ты на меня целый день кидаешься?

СВЕТЛАНА. Девоньки, ша.

РАИСА. А чего она, со всеми нормально, а на меня всё клац да клац!

ЕСЕНИЯ. Гуляли по улицам, в концерт ходили, как маленькие, за ручку, стыдно вспомнить.

СВЕТЛАНА. Вот с тем пацаном, что у забора стоял?

ЕВГЕНИЯ. Сорок пять — баба ягодка опять.

СВЕТЛАНА. Ну, ты молодца, Есения Константиновна!

РАИСА. Сорок пять, как же, — сорок шесть.

СВЕТЛАНА. А ему сколько?

ЕСЕНИЯ. Тридцать четыре.

ЕВГЕНИЯ. Едрёна вошь, Сенька, да ты, оказывается, могёшь!

СВЕТЛАНА. Колись, как оно новое поколение в деле?

ЕВГЕНИЯ. Ой, а-то ты сама не в курсе.

СВЕТЛАНА. Я в курсе сороковника, не ниже.

РАИСА. Вот она, хвалёная супружеская верность.

ЕСЕНИЯ. Не было у нас ничего такого, никакой пошлости.

РАИСА. Вот то, что не было, это и есть пошлость.

ЕВГЕНИЯ. Не хами, Иванова.

РАИСА. Кто! Я? Слова не скажи.

ЕСЕНИЯ. Чисто платонически. Со мной подобное случилось однажды за всю жизнь.

ЕВГЕНИЯ. Да знаем.

СВЕТЛАНА. Потому, Сеня, все в шоке.

ЕСЕНИЯ. Ой, девчата, так совестно. Я ему потом наказала и не напоминать даже о себе. А он вот — наяву нарисовался, при всех! Муж, дети, родители; жуть.

СВЕТЛАНА. Влюбился.

ЕСЕНИЯ. Говорил, что, вроде, жить без меня не хочет.

ЕВГЕНИЯ. Не хочет или не может? Большая разница?

ЕСЕНИЯ. И то, и другое, говорил.

СВЕТЛАНА. В чём разница?

ЕВГЕНИЯ. Если не хочет, значит, у него психическая недостаточность, а если не может — сердечная. И когда же вы стакнулись?

ЕСЕНИЯ. В январе, в Москве, на всероссийском совещании по документоведению.

РАИСА. Есения, какая любовь, он тебя близко, при электрическом освещении разглядывал?

СВЕТЛАНА. Сенька у нас, между прочим, глаже всех.

ЕВГЕНИЯ. Ну, скажем, не всех.

СВЕТЛАНА. На себя, Райка, посмотри.

РАИСА. Сейчас складками станем меряться?

ЕВГЕНИЯ. Я мой возраст никогда не скрывала, но годовых колец на мне нет. А ты, Иванова, ещё раз хамнёшь, непосредственно шайкой по кумполу получишь.

РАИСА. Латкина, блин, хорош меня тыркать!

ЕВГЕНИЯ. Мужики тебя пусть тыркают, а я по-простому шандарахну и — вся любовь.

РАИСА. Шаек на всех хватит!

СВЕТЛАНА. Девочки, не надо собачиться, шайка у нас одна. Тут такое творится, а вы какой-то междусобойчик затеяли. Может, реальная любовь.

РАИСА. Что ты мне выговариваешь, Парначёва, Латкиной скажи.

ЕСЕНИЯ. Трое суток голой романтики, непередаваемо.

СВЕТЛАНА. Трое суток на одних только чувствах... очуметь.

РАИСА. А как же документоведение?

ЕСЕНИЯ. Я в этот раз не выступала, докладывали сплошь практики, а также доктора наук и профессора. Я и не в обиде. Николай Семёнович меня в первый же вечер с пути истинного сбили, так что, мы на совещании практически и не присутствовали.

СВЕТЛАНА. А кем он работает?

ЕВГЕНИЯ. Ой, да был бы мужик мужиком, остальное баба сама делает.

ЕСЕНИЯ. Начальник отдела кадров мэрии Синегорска.

СВЕТЛАНА. Что за Синегорск?

ЕСЕНИЯ. Что-то вроде нашего Заборска, тоже областной центр.

СВЕТЛАНА. Большой человек твой Николай Семёнович.

ЕВГЕНИЯ. Точно ведь, так и общались по имени-отчеству да ещё «на вы», да?

ЕСЕНИЯ. Да, ну, и что?

ЕВГЕНИЯ. Покуда-то «ну и что», а потом, когда произойдёт объединение?

ЕСЕНИЯ. Ничего не произойдёт.

ЕВГЕНИЯ. Ну, нет и нет, но если предположить. Зная тебя, ты же и своему Малыху после ЗАГСА чуть ли не год «выкала». Не въезжаю, как во время полового, извините, романтического акта, можно изображать, что тебе, типа, хорошо, и сквозь, типа, страстные вздохи и стоны, сообщала, мол, уважаемый гражданин из Синегорска, не знаю, как там вашим девочкам в отделе кадров мэрии, но лично мне здесь и сейчас очень даже в жилу и не только. Чего ржёте! А он ей, мол, не извольте беспокоиться, уважаемая Есения Константиновна, в отделе кадров мэ-

рии с девочками всё в порядке, так как это мой участок, а в своём огороде я не гажу.

ЕСЕНИЯ. Я ничего не изображала. Какое-то стихийное бедствие, ураган. Ахнуть не успела, завертело, затянуло в омут, как будто на самом дне очутилась. Сумасбродство какое-то, мандраж, кошмар и трепет, вокруг-то красота-красотища. До сих пор лихорадит, как вспомнишь, от пяточек до макушки. Как на воздушном шаре, помнишь, Жень, когда мы поднялись, а трос лопнул и нас унесло.

ЕВГЕНИЯ. В Париже? Да чего там, я на своей лайбе и покруче зажигала, под двести как притопишь, думаешь, корпус не выдержит, разлетится. Хотя Париж, конечно... это было нечто и без воздушного шара.

СВЕТЛАНА. Так и чего, Сень, делать теперь будешь, только как на духу?

РАИСА. Тоже мне духовник выискалась.

ЕСЕНИЯ. Ничего не буду, всё кончено полгода назад.

СВЕТЛАНА. Полгода — срок, через всё страну мужик к бабе прикатил, небось, и командировку выдумал, а это серьезно.

ЕВГЕНИЯ. Встретятся, поговорят, поспят в гостинице.

СВЕТЛАНА. Спать! Да ты что, от романтики и секса отдохнём на том свете, а здесь надо жить во весь дух, зря, что ли, женщиной рождалась.

РАИСА. Аминь.

ЕСЕНИЯ. Никаких встреч, никаких уговоров. Судьба есть судьба, какая сложилась, уже не мне её менять и даже не детям, а внукам.

РАИСА. Точно. И так столько проблем нажито, заморочек...

ЕВГЕНИЯ. И радостей, и удовольствий.

ЕСЕНИЯ. Двадцать восемь лет совместной жизни, муж в последнее время совсем мутным стал, может быть, и загулял. Дочь — выпускница университета, надо с работой определиться, а она без руля и ветрил, настоящая оторва. Сын — горький пьяница. Пропойца, и сдаётся без просвета впереди. Без образования, без специальности. С двумя брошенными семьями, где, между прочим, трое внуков. Родители на восьмом десятке, лекарства не лечат, а тупо пожирают пенсии.

СВЕТЛАНА. Хорошо ещё ходячие.

РАИСА. Не напоминай, у меня эта байда уже десять лет с матерью тянется.

ЕСЕНИЯ. А я вдруг возьми и сыграй в Джульетту? Это же всё равно, что в рулетку или вообще в ящик.

ЕВГЕНИЯ. Не нагнетай и шашкой не маши, древние мудрецы говорили, не всё в мире так, как видится, просто зреть надо не глазами, а

внутренним зрением души и сердца, со всеми их, так сказать, эротическими проявлениями, типа любви и секса.

СВЕТЛАНА. Лично мне полтос и я Сеньку понимаю.

РАИСА. Вынуждена согласиться с психичкой Латкиной, она правее.

ЕСЕНИЯ. Если бы не вы, мои золотые, не ваша поддержка, не знаю, что со мной было бы и уже давным-давно. Нельзя, никак нельзя всё бросить, отказаться от близких, какими они ни были бы.

СВЕТЛАНА. Всё равно, что предать. Они, конечно, первыми предают жён, матерей, но самой-то становиться предательницей не хочется. Хотя по уму, если провидением предоставляется возможность чего-то значительного, то не просто же так, ни с того, ни с сего упало подарком, манной небесной. Может, это знак, что можно начать новую жизнь, вернее, новый жизненный этап, а раз можно, то, значит, нужно. Нет, Сенька, если ещё не уходишь, то зачем же гасить свет.

РАИСА. Из экономии. Она же хочет, но боится. Наши близкие, наши дома, весь наш мир — это же банальные привычки, не больше. Вопрос лишь в одном, какая привычка дурная, а какая нет.

ЕСЕНИЯ. Ерунда. Что же до моей романтической дури, то это всего лишь психоз, а психоз, как известно, лечится. Или глушится. Поздно дурить. Больно. И совестно, чёрт побери. Нет, Рая, то, что ты говоришь, несерьёзно.

ЕВГЕНИЯ. Серьёзно — это четверых детей родить, как Светка, выкормить, на ноги поставить и в жизнь с приданным выпустить. Уж поверьте мне, бездетной твари.

РАИСА. Зато у тебя есть муж, который на тебя не надышится.

ЕВГЕНИЯ. Ишь, какие углублённые познания в чужой семейной жизни, откуда?

РАИСА. Хорош на сегодня, Женя, моё терпение на выдохе.

СВЕТЛАНА. Светка только с троими сладила, с девчонками, старшенький подлец весь в папашку — какашку, пробы ставить негде, лагерные номера всё заняли. Так что нечего на меня кивать, не памятник. Теперь дома такая тоска, четыре комнаты, хоть в футбол играй сама с собой, я и хожу-брожу, воздух пинаю.

ЕВГЕНИЯ. Внуков же тебе сбагривают.

СВЕТЛАНА. Да не очень-то, только когда у них уже край.

РАИСА. Правильные девки у тебя, Светик, не хотят, чтобы их детки попали под каток деда-рецидивиста, берегут. У тебя же ни одной внучки, все пацаны, кому хочется потом передачи носить да на свидания ездить, как тебе со старшим.

ЕСЕНИЯ. Светкин Ванечка хороший парень, в кукольном кружке занимался, в духовом оркестре, играл, учился без троек, ну, сел на само-свал ночью, не пил же, не курил, прокатился ровно тринадцать метров и получил три года малолетки. Разве за подобное можно гробить судьбу подростка.

СВЕТЛАНА. Не повезло с судьёй, сволочь был редкостный, из наших же, из Зеленоградских.

ЕВГЕНИЯ. Судью того, между прочим, самого осудили за мужеложество.

СВЕТЛАНА. Да ну!?

РАИСА. Сто пудов, доподлинно.

СВЕТЛАНА. Не знала. Жаль, что эту статью отменили, по ней сейчас многих выродков можно было бы на стройки народного хозяйства наладить.

ЕВГЕНИЯ. Ой, да при чём там ориентация, я знала нескольких голубцов, нормальные ребята, отличные подружки и почти не подлецы, лучше многих.

РАИСА. В целом, безобидные, согласна. Но всё равно, жизнь — задница, причём мужская, потому что законы жизни устанавливают мужики, которые, в большинстве своём, сволота поганая, даже замуж выйти не за кого приличной женщине. Вот и судья твой, Свет, типичный мужской гад.

СВЕТЛАНА. В России ещё ничего, пара судей, десяток-другой артистов, не смертельно, а вот как жить в Америке или в той же Европе, не пойму, мужики на мужиках мало, что женятся, они ещё и пацанов усыновляют. Это же голимый Армагеддец.

ЕВГЕНИЯ. Что-то непохоже у них там на конец света.

СВЕТЛАНА. Но на конец-то похоже, а свет погасить Россия не даст.

ЕСЕНИЯ. Потом у Ваньки Светкиного, естественно, пошло-поехало.

РАИСА. Раз попал в мясорубку, выйдешь из неё только фаршем.

СВЕТЛАНА. У нас исторически, каждое народное поколение на фарш пускают.

ЕВГЕНИЯ. У власти зубы от частого употребления стираются, чистое мясо рвать оказывается нечем, а делиться жалко. А так котлетки, тебе, голубцы, другая кулинария.

РАИСА. Гурманы сверху, ох, гурманы. По себе знаю, потому что лично предпочитаю сверху.

ЕСЕНИЯ. Такая исправительно-правовая система. Что-то там меняем в законах, иницилируем, поправляем, редактируем, а толку...

Входит Малых, с двумя вёдрами полными воды.

МАЛЫХ. Водичка пришла. Как всегда, вовремя, нет?

СВЕТЛАНА. Вот хоть бы раз помыться без него. Нарочно не долива-ет, чтоб на голых баб попялиться.

МАЛЫХ. Попялиться — не попятить, не боись, сохранишь свою не-винность, я ж, как презерватив, совершенно безопасный, если, конечно, нарочно не заводить, тут уж, что шевелиться, всё моё было бы, но, к покою и радости законной супруги, Юрий Михайлович Малых есть вер-ный муж, вам ли, её старым подругам, не знать. Сенька, там твои пред-ки твоего потомка где-то выловили и домой пригнали.

ЕСЕНИЯ. Джэри! Ой, я побежала.

МАЛЫХ. Чуть ли тоже не в баню хотели, хорошо ума хватило, что уморить парня можно. (Заливает воду в бак.)

ЕСЕНИЯ. Девчата, сами знаете, не знаю, вернусь ли. В предбаннике с пивом тоже не задерживайтесь, дома обед ждёт. (Уходит.)

РАИСА. Что за дурацкая манера про родного сына матери говорить «твой потомок». Это ты, типа, подчёркиваешь, мол, сын-пьяница — это, типа, Сенино воспитание, а примерная учёная доченька — папенькино, так, что ли, Малых?

МАЛЫХ. Тебе-то, Иванова, какое ваше что до чужой семьи? Разле-глась тут... (Поёт.) «...под окошком, белоснежная вишня».

РАИСА. Не для тебя.

ЕВГЕНИЯ. Милые ругаются, только тешатся?

РАИСА. Чего-чего...

МАЛЫХ. Не только тешутся, ещё и чешутся друг об дружку без по-сторонних глаз. А мы, с Ивановой, на виду, ничего не скрываем, потому как скрывать нечего. Ну, захожу я, Парначёва, когда вы в бане, и что? Вам лучше без воды остаться, что ли? И чего такого у вас есть, чего я в жизни не видел? Не, ну, может, что и было у каждой из вас что-то зав-лекательное лет тридцать назад, так ведь нынеча не то, что давеча.

СВЕТЛАНА. Пошёл прочь, хам.

ЕВГЕНИЯ. А чего ж ты, Малых, и ты, Иванова, на «милых» не взье-лись?

РАИСА и МАЛЫХ (хором). Чего-чего?

ЕВГЕНИЯ. Видала, Свет, они уже хором запели. И не надо мне тут песен и маршей пионерских, думаете, я вас не пропала с утра, когда вы тут на полу миловались?

РАИСА и МАЛЫХ (хором). Чего-чего...

ЕВГЕНИЯ. А ещё и сфоткала в окошко на мобильник. Ой, оглохла я, что ли, не слышу такого дружного хора? Ау? Я тебя, Райка, предупредила, не тронь моё, не-то и своего лишишься. Вот так, Света, мы теперь с тобой обе не просто козы драные, как любит про нас выражаться этот крендель Малых, но ещё и обе рогатые.

МАЛЫХ. С цепи сорвалась?

РАИСА. Латкина!

ЕВГЕНИЯ. Сеньку жалко, она у нас невинная, её я люблю, а-то устроила бы вам при ней публичную порку с элементами аутодафе здесь и сейчас...

МАЛЫХ. Всё, я пошёл, ну, вас.

РАИСА. Стоять, Юрик.

МАЛЫХ. Не командуй, я тут ни одной из вас не муж. (Уходит.)

РАИСА. Кот шkodливый.

СВЕТЛАНА. Что-то я про рога не поняла, Евгения?

ЕВГЕНИЯ. Парначёва, не делай вид, что девочка в розовых солнечных очёчках.

СВЕТЛАНА. Латкина, или договаривай, или я не знаю, что сделаю, сама знаешь, у меня рука складская, тяжёлая.

РАИСА. Да ладно тут всех строить, Света. Можно подумать, что грузчики на твоём складе только стройматериалы переносят с место на место, а тебя забывают. Ага. Попробовали бы они забыть благотельницу, кормилицу. Свою ненаглядную заведующую. Особенно чернявенький, как его, с красивым таким молдавским именем.

ЕВГЕНИЯ. Ион.

СВЕТЛАНА. А тебе до него что? Он твой муж, чтобы ты мне им глаза колола?

ЕВГЕНИЯ. Может, и муж, Света. Откуда нам знать. У свободной бесхозной бабы их столько может быть, что хоть на демонстрацию можно выводить стройными колоннами, прямо перед окнами её парикмахерской.

РАИСА. Ты сама себя вспомни, что творила по молодости. Это ты сейчас выбрала планиду домохозяйки, а раньше и грузчиков имела среди ящиков с гвоздями, и клиентов парикмахерской прямо в кресле, или память отшибло?

СВЕТЛАНА. Потому Женька и ушла в домохозяйки, чтобы стать примерной супругой.

РАИСА. Чьей супругой? Латкина или Малых? Или, может быть, других она когда упускала при удобном случае? Или ты не запускаешь её время от времени на диванчик? Или, может быть, это не она в подсобке

моего салона красоты раз в месяц стрижёт моего единственного мужика-визажиста?

ЕВГЕНИЯ. Завистливая ты.

РАИСА. А не ты ли, Светик, четверть века назад с тем же Малыхом в этой же баньке печку растапливала? Это нам, с Женькой, уже старик достался, а ты с него самый нектар собирала.

СВЕТЛАНА. Хватит!

РАИСА. А чего на меня одну-то стрелки переводить? Все мы между собой одна другой стоим. Кроме Сеньки. Она — да, святая, не подкопаться. И нас это так угнетает, что мы тут хором её уламываем, чтоб соварила приличная женщина. Чтоб такая же, как мы, стала.

ЕВГЕНИЯ. Ну нас-то уже ни в какой бане ни отмыть, ни отпарить, и Есени при всём желании не успеть замараться хоть до гробовой доски из грязи не вылазила бы.

СВЕТЛАНА. К херувиму грязь не пристаёт, а только липнет, даже если он и хер.

ЕВГЕНИЯ. Хо-хо, Парначёва, откуда такой перл? Перевод с молдавского?

СВЕТЛАНА. Грымза.

РАИСА. Нечего истерики закатывать. А сцены ревности и подавно. Нам не по восемнадцать, и даже уже не по сороковнику, жить-то осталось. Наши мужики, даже такие, как есть, и то фыркают, а через год-другой вообще видеть откажутся.

ЕВГЕНИЯ. Ошибаешься, они потом на жён молиться будут.

РАИСА. Да? Да! А кому молиться на меня? Некому. Я одна! Совсем одна! И будет ещё хуже, с каждым годом, с каждым днём.

СВЕТЛАНА. И что ж теперь с мужьями всех лучших подруг шарашиться?

ЕВГЕНИЯ. Ну, моего-то законного никому не охмурить, он из моего ребра сделан.

РАИСА. Законные, подзаконные. Жили себе друг с другом вперемешку, молча, без отношений, а теперь — нате вам, пришилило. Давайте-ка, лучше отставим разборки и оставим всё, как есть. Без проблем, готова отказаться от вашего скарба, чёрт с ними, просто они сами приползли, под рукой друг у друга оказались. А ты, Женька, невротичка, лечиться надо. У неё увели чужого мужа! Вслушайся: чужого, твой-то при тебе. Ладно, увели. И что? А то, что плохо держала. Иди хватка уже не та. Держись за своего Латкина и радуйся, а другим нервы не мотай. Ой, да пошли вы. (Уходит.)

ЕВГЕНИЯ. Я же ещё и виновата.

СВЕТЛАНА. И давно она с моим Парначёвым крутит?

ЕВГЕНИЯ. Не знаю, о чём ты.

СВЕТЛАНА. А ты с Малых?

ЕВГЕНИЯ. Ой, да никто ни с кем не крутит. Кому мы нужны.

СВЕТЛАНА. Мы же всё жизнь подруги, Жень. Теперь не знаю. Перестарался сегодня Малых, перетопил. Жарень. Пошла я. (Уходит.)

ЕВГЕНИЯ. Не жара даже, пекло. (Поёт.) «Степь да степь кругом, путь далёк лежит, в той степи глухой замерзал ямщик». Ой, да идёт оно всё лесом. Всё, я спокойна, сбросила напряжение. Теперь все вместе поплачем, попьём, попоём, опять похнычем. Поплачем, попоём. И всё устаканится, и всё вернётся на круги своя. (Поёт.) «Виновата ли я, виновата ли я, Виновата ли я, что люблю, Виновата ли я, что мой голос дрожал, Когда пела я песню ему...» (Уходит.)

СЦЕНА 3. Городской сквер. Входит Воропаев, за ним вбегает Кристина.

КРИСТИНА. Эй! Постойте, эй!

ВОРОПАЕВ. «Эй»?

КРИСТИНА. Ну, а как мне вас назвать, если вы не представились. За всю дорогу в такси ни слова, обидно, я же девушка.

ВОРОПАЕВ. Слушаю вас?

КРИСТИНА. Вы хорошо знаете мою маму?

ВОРОПАЕВ. Почти нет, шапочное знакомство, я приезжал исключительно по делу.

КРИСТИНА. Ну, не по любви же.

ВОРОПАЕВ. Так же сказал ваш отец.

КРИСТИНА. У меня отцовский юмор.

ВОРОПАЕВ. Разве можно столь пренебрежительно относиться к маме.

КРИСТИНА. Я решила в универ сегодня не ходить.

ВОРОПАЕВ. Не говоря уже о том, что Есения Константиновна роскошная привлекательная женщина. Буду рад услышать о ней от вас.

КРИСТИНА. Своих не сдаём. Очередная консультация перед госэкзаменом мало, что может дать, перед смертью, как говорится, не надышишься. Решила с вами погулять. Нет-нет, не в смысле погулять, а прогуляться. А ведь вы не то подумали, так ведь? Я мужчин на метр под землю вижу. Я так поняла из вашего диалога с таксистом, что вы приезжий, а непосредственно сейчас решили поглазеть на город. Пошли.

ВОРОПАЕВ. Вы не сомневаетесь, что мне нужна компания?

КРИСТИНА. Меня редко интересует мнение мужчины, разве что отца или деда. Вам компания, может, и не нужна, а мне самое то. Если деньги — дефицит, не страшно, за кофейню я заплачу, а остальные выплаты можно опустить, не стесняйтесь,

ВОРОПАЕВ. Вы отлично поняли, что я не существую за счёт женщин.

КРИСТИНА. Не дура.

ВОРОПАЕВ. Не дура.

КРИСТИНА. Порок?

ВОРОПАЕВ. Нет.

КРИСТИНА. Есть ещё претензии, возможно, видимые недостатки, изъяны?

ВОРОПАЕВ. Видимых нет.

КРИСТИНА. На невидимые не надейтесь. Хотя рассчитывать можно, не возражаю. По опыту знаю, не загоняй джина в бутылку, он может и вырваться.

ВОРОПАЕВ. Я не намерен рассчитывать на вас, как на девушку. В отношениях с женщинами я в принципе не бухгалтер, а кадровик.

КРИСТИНА. Ну, закадрить меня ещё сложнее.

ВОРОПАЕВ. Всё же проще купить?

КРИСТИНА. Что! Пошёл ты. (Уходит.)

ВОРОПАЕВ. Да я, собственно, и шёл.

КРИСТИНА (возвращается). Эй! Ладно, прощаю, забыла. Экскурсия начинается?

ВОРОПАЕВ. Договорились. Где мы?

КРИСТИНА. Сквер Мира. Такое несуразное название. Слово «сквер» однокоренное со словом «скверно». Называльщики в нашем городе ещё те. А ещё есть микрорайоны «Хороший», «Уютный». Улёт.

ВОРОПАЕВ. Вы филолог?

КРИСТИНА. Географ. Мечтаю о нескончаемых путешествиях и приключениях на основе максимально возможных знаний о планете Земля. А вы?

ВОРОПАЕВ. А меня зовут Николай Семёнович.

КРИСТИНА. Букв многовато, может, обойдёмся без отчества?

ВОРОПАЕВ. Нет, Кристина.

КРИСТИНА. Судя по тону, деньги есть, то есть на кофейне я сэкономлю. Пойдёмте отсюда, в скверах всегда происходят скверные истории.

ВОРОПАЕВ. Со скверными людьми...

КРИСТИНА. О, я уже поняла, что с вами не заскучаю.

Кристина и Воропаев уходят.

СЦЕНА 4. Гостиная в первом этаже дома Малых с выходом на террасу, где в складном кресле сидит Джэри. В огороде Мордасова рвёт зелень к столу. Мордасов сидит у окна, выходящего во двор, с видом на баню и соседние участки. За углом раздвинутого обеденного стола с откинутой нарядной скатертью сидит Малых, ест.

ДЖЭРИ. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров.

МОРДАСОВ. И смех, и грех. Сидит, такой, сгорбленный, как будто его мировой скорбью придавило, не меньше, на бордюре, в руке деньги. А в шаге, рукой подать — киоск с заветной похмелкой, открыто, товар в наличии, казалось бы, здоровей да радуйся, а у продавщицы сдачи нет с пятисот рублей. Вот тут мы его, с бабкой, и сгребли, взяли тёпленьким. Откуда только она узнаёт, где искать внука. Космос какой-то, никто найти не может, а она его всегда находит, если он, конечно, в посёлке. Бабушкина любовь — вот самая страшная сила для внуков, кто не спрятался, она не виновата, потому что космос.

МАЛЫХ. Она его по запаху определяет.

МОРДАСОВ. Что-то с парнем надо уже делать кардинально, Юрка.

МАЛЫХ. Ой, и кодировали уже, и к знахарям возили к чёрту на кулички.

ДЖЭРИ. Именно, что к чёрту, а надо было к богу.

МАЛЫХ. Ты подумай, он ещё претензии выставляет. В монастырь, что ли? Там работать нужно, кланяться, угождать, иди, если хочешь, только гнуться надо с детства уметь, когда уже взрослый — поздняк метаться, поясница сломается, или поп кадиллом башку пробьёт, чтоб бог непосредственно в мозг добро и любовь направлял, без черепного препятствия.

МОРДАСОВА. Больно нужны мы вашему богу, жили без него сто лет при советской власти и — ничего.

ДЖЭРИ. И — ничего, бабуль, вот именно.

МОРДАСОВА. Хорошо жили, дружно, работали. Замечательная была жизнь.

МАЛЫХ. Мать, ты кому сейчас втираешь про советскую власть, мне, что ли? Я жил при ней, знаю. Была бы власть хорошая, до сих пор в Советском Союзе жили бы да радовались. А мы где живём? Вернее, в чём?

А где Советский Союз? Не надо врать, если ты не телевизор, да ещё бесплатно.

МОРДАСОВ. А ну заткнулись про политику, оба.

ДЖЭРИ. Не живёт человека без Бога ни разу.

МОРДАСОВА. Мы же жили, семьдесят четыре года Советской власти.

ДЖЭРИ. Вы жили без религии, а Бог всегда и везде, и при всём. Если он есть. Но если его нет, тогда смысла нет, а значит, нет и нас. Но мы-то есть, как нам кажется, значит, есть и он.

МОРДАСОВА. А? Слыхали? Мыслит ребёнок, оживает!

МАЛЫХ. Философы, блин, шерочка с машерочкой.

ДЖЭРИ. Если нужен хлеб, не обязательно покупать его в магазине, испеки дома. Так и вера, она не в церкви, она в человеке.

МОРДАСОВА. Раньше нам так и говорили: религия — опиум для народа, мы и не покупали, потому что потребляли, при советской власти наркомании вообще не было. А вера была, прямая, искренняя — в коммунизм.

МОРДАСОВ. Клавдия! Ей-богу, костыль возьму и таких горячих всыплю, сама потом в больнице транквилизаторов запросишь. Цыть, я сказал.

МАЛЫХ. Джэри, тебе двадцать семь лет, трое детей, а всё, как пацан, отведите его за ручку. Ни таланта, ни специальности. Мы, с матерью, вместо него алименты платим, обуваем, одеваем его детей, как будто мы рожали.

МОРДАСОВА. Не только его детей, а своих внуков, так что, не жмись и не считайся.

Из коридора входит Есения.

ЕСЕНИЯ. Ванну помыла, полотенце повесила, Джэри, бельё там же. Ну, зачем ты ешь, Юра, сейчас девочки выйдут из бани и все вместе за стол сядем. Мама, хватит уже зелени на сегодня, если так хочется в земле повозиться, посейте репу, хотела же.

МОРДАСОВА. Зимнюю репу в июле лучше посадить и не спорь.

МАЛЫХ. А людей круглый год, каждый день.

ЕСЕНИЯ. Джэри, иди, воду сам набирай, какую надо. Пап, отсядь от окна, просквозит же.

ДЖЭРИ. Сейчас, мама, с силами соберусь и пойду.

МАЛЫХ. Раньше таких за шкуру и — в баню, всю дурь мигом веничком на полке выпаривало. А теперь такие хиляки пошли, что в ванной и то нужно держать бригаду «скорой помощи».

ДЖЭРИ. Да ладно, ничего в мире не меняется, какие были люди, такие и есть. Выпаривали, как же... разве, что вместе с жизнью.

МАЛЫХ. И что? Жалко, что ли? Зачем такая жизнь, как у тебя?

МОРДАСОВ. Еся, девчонки из бани выходят.

ЕСЕНИЯ. Что-то как-то скоро они сегодня, пойду навстречу. Сынок, иди уже в ванну. Может, помочь?

ДЖЭРИ. Я не инвалид.

ЕСЕНИЯ. Всё, я побежала. Папу потом крикни, чтоб спину потёр. (Уходит.)

ДЖЭРИ. Обойдусь.

МАЛЫХ. У меня респираторы кончились, чтоб с ним в одной закрытой комнате находиться.

ДЖЭРИ. Купи противогаз.

МАЛЫХ. Ты заткнёшься, нет? Провоцируешь на мордобой? Так и скажи, можно даже заявление не писать, на слово поверю и таких людей отвешу, что мыть потом больше некого будет. А будешь разговаривать с отцом в таком тоне, ей-богу, впаяю, чтоб зубы из задницы повывлетали.

ДЖЭРИ. Вот я и говорю, что с тобой разговаривать.

МАЛЫХ. Сегодня все такие говорливые, что хоть из собственного дома беги.

ДЖЭРИ. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров. (Входит с террасы.)

МАЛЫХ. Еле ноги передвигает, смотреть не на что, позорище, а не сын.

ДЖЭРИ. Хватит меня стыдить, на себя оглянись.

МАЛЫХ. Что-что-что?

ДЖЭРИ. Это только мамка не знает, что вы там, сторожа, вытворяете в своих будках на дежурстве. Чем ты лучше меня? Так же квашишь, как я, только с перерывами. С бабами гужеванишь. И по своей рабочей специальности не работаешь.

МАЛЫХ. Ты с кем сейчас разговариваешь, цуцик?

ДЖЭРИ. Дом твой? С какого перепугу? И этом дом, и дедов — оба на мамкина деньги и построены, и содержатся тоже на её зарплату.

МАЛЫХ. На кого бочку катишь, сосунок?

МОРДАСОВ. А ну цыть, оба. Джэри, пошёл.

ДЖЭРИ. Пошёл.

Входит Мордасова.

МОРДАСОВА. Наш дом купила Есения, это верно, но в обмен мы отдали в ваше пользование нашу городскую квартиру, честно заработанную, трёхкомнатную, которой вы все пользуетесь. И мы, с дедушкой, туда в любую минуту готовы вернуться, там у нас друзья, просто сотни прохожих, магазины, радость. Отсюда сто раз семейный бюджет пересчитаешь, чтоб выехать в город, бесплатный транспорт для пенсионеров в прошлом веке остался. И пенсий наших как-нибудь на двух стариков хватит, у других и того меньше. Понял, сопляк? А вы, господа Малыхи, можете забирать ваш долбаный коттедж и селить там, кого угодно, а на сэкономленные на нас деньги на гулямбу можете пустить, Юрий Михайлович.

МАЛЫХ. Хватит меня туркать.

МОРДАСОВА. Игорь, не смей твякать на взрослых, тем более на отца. Иди уже в ванну. А ты, Юрасик, только тронь мальчика, я тебя тут же в правоохранительные органы на опыты сдам.

МАЛЫХ. Вот тёплая компания, всегда я был для вас чужим, одна дочь только относится по-человечески. Как будто мало я для вас сделал. И делаю вот этими вот руками! Тридцать лет на вас пашу: кран потёк — Юрочка, приди, унитаза накрылся — зятёк, спасай, тонем, полы перестелить, крышу перекрыть, в поликлинику отвезти, за лекарствами сгонять, всё — Малых. Да мало ли за тридцать почти что лет чего сделано, не станем считаться. И всегда чужой. Спасибо, конечно, говорите, претензий нет, но даже внуки ближе меня. А ведь это я их родил, вашу радость, я!

ДЖЭРИ. Кристинкой гордишься? Много ты знаешь. Моя жизнь ничуть не позорнее твоей или её, у нас только мамка святая, ничего не знает, или не хочет знать, не знаю. Знания, как говорится, приумножают скорбь, на шиша они сдались, особенно лишние.

МОРДАСОВ. Мать не марай, засранец!

ДЖЭРИ. Не с тобой, бабушка, говорю, и так сил нет, не встревай. Знаешь, отец, что вытворяет твоя ненаглядная дочура с подружками? Отлавливают богатеньких буратин по гостиницам, устраивают им поле чудес за пять копеек и, по ходу, подсыпают снотворное. Потом фотографируются с ними в постели в непотребном виде, а затем вымогают деньги. Или просто грабят, если есть что, куда клиент в срубоне.

МАЛЫХ. Ты, урод, совсем, что ли, сбрендил...

ДЖЭРИ. Проверь её мобильник, там таких фоток завались. Думаешь, откуда я узнал. А потом спроси так задушевно, как это всегда между вами, друг на друга всю жизнь не надышитесь. Я — позор? Да. А она? А

ты? Да я по сравнению с вами чист как агнец божий, потому что гажу только под себя, а вы по всем людям пуляете, и без промаха.

МАЛЫХ (наступает на Джэри). Растопчу, сучёныш...

МОРДАСОВ (прикрыв собою Джэри). Не смей бить убогого, Малых, в полицию сдам!

МОРДАСОВ. Юрий! Стоять!

МАЛЫХ. Стою.

МОРДАСОВ. Джэри, шагом марш мыться.

ДЖЭРИ. Дед, согласись...

МОРДАСОВ. Я всё сказал. Марш!

ДЖЭРИ. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров. (Уходит в ванную.)

МОРДАСОВА. Костя, что Игорёк такого про Кристинку наговорил? Ты знал?

МОРДАСОВ. Откуда! Юр, горячку не пори. И Есе ничего не говори.

МАЛЫХ. А как же, вашу ненаглядную доченьку, как всегда, уберёжём от лишней негативной информации.

МОРДАСОВА. Да она и так у тебя, как Золушка.

МАЛЫХ. Не у меня, а у нас. Будем честными.

МОРДАСОВ. Вы хоть соображаете, о чём сейчас думать надо, идиоты? О Кристине, а не о вас. Юрий, надо провести тщательное дознание, с доказательствами.

МАЛЫХ. Наврал алкаш, он просто завидует.

МОРДАСОВА. Тебе, что ли?

МАЛЫХ. Кристине!

МОРДАСОВА. Ну про неё-то он может и наврал, а вот насчёт тебя чистейшая правда. Или, думаешь, мы с дедом не знаем, про твои фестивали в сторожевой будке? Или про шуры-муры с Сенькиными подружками? Ну, старшенький её, бандит и жулик, сто процентов Парначёвский, а вот которая из троих девчонок твоя, признавайся, вторая или третья, а-то и обе?

МАЛЫХ. Что ты несёшь, мать!?

МОРДАСОВ. Клавдия Сергеевна, не гневи меня.

МОРДАСОВА. А что, Константин Фомич, может я вру?

МОРДАСОВ. Домой! Бегом отсюда марш! И чтоб сюда сегодня ни ногой. Я всё сказал, змеинный язык, дома шипи, сколько влезет, а здесь и сейчас не смей. Вон!

МОРДАСОВА. Только зелень в кухню занесу. Не нервничай, пожалуйста, давление, сердце. Ушла уже, ушла. (Уходит.)

МАЛЫХ. Ох, ты ж мать моя родная... Что творится сегодня с народом. Магнитные бури, что ли. Или испытания какой-нибудь бомбы. Все как с цепи сорвались.

МОРДАСОВ. Тебе в этом году полвека, Юрий Михайлович, а ты никак не помудреешь. Хочешь совет? Когда кого-то свиньёй обзываешь, то сам не хрюкай. Что-то Еська с подружками не торопится, на крыльце что-нибудь бабское мусолят.

МАЛЫХ. Пойду в баню.

Входит Есения.

ЕСЕНИЯ. Девчата не в духе, всем привет передавали.

МАЛЫХ. А обед?

ЕСЕНИЯ. Поехали в ресторан, говорят, давно не были. Повздорили, похоже, между собой, а мне, как всегда, не рассказывают, в чём дело.

МОРДАСОВ. Оберегают, настоящие подруги.

МАЛЫХ. А ты чего не с ними? Тоже поезжай, расслабься. Я — в баню. (Уходит.)

ЕСЕНИЯ. Как чувствовала, не стала заранее стол накрывать. Помоги, пап, стол сложить. Только не напрягайся, просто попрिдерживай.

Есения и Мордасов складывают стол.

МОРДАСОВ. Бабка домой пошла, комнату для Джэри приготовит. Мы внука к себе забираем, окончательно и бесповоротно. Попробуем как-то воздействовать со своей колокольни, по старинке. Надо парня любыми средствами возвращать.

ЕСЕНИЯ. Попробуем, хуже не будет.

МОРДАСОВ. Вроде не дурак, умные книжки всегда читал. Мне ли не знать, всю мою библиотеку в пятьсот томов перелопатил. А там ведь и философские сочинения стояли, не только схемы кранов и строительных конструкций, поэзии одной томов сто томилось. Даже Библию, пострелёныш, откопал, как я её ни прятал. В школе до седьмого класса на пятёрки и четвёрки учился. А толку-то от тех книг, отнести на улицу, посмотреть, что люди разберут, почти всё останется нетронутым. Ни детективов, ни смазливых романов. Да я и сам, если прочитал пяток-другой из собственной библиотеки, и то вряд ли. Некогда было. И, кстати, обошёл. И всё наше поколение вполне обходилось без книжной зауми, тем паче философии. Кино посмотрели, было дело, и в театр ходили, пока телевизор не изобрели. Думаю, Джэри нашего книги раздербали,

нили. Бабка-то права, никакой он не Джэри, Игорем его зовут, так ведь нет, выцепили в какой-то книжонке заграничную кликуху и всё жизнь погоняем.

ЕСЕНИЯ. Книги не виноваты. У нас была одна библиотека, согласись, я не спилась, не опустилась.

МОРДАСОВ. А что, если он душевно ранимей тебя, тоньше? А там такая глыба со страниц лавиной по мозгам.

ЕСЕНИЯ. Джэри хороший мальчик, умный, очень способный.

МОРДАСОВ. Сколько таких многообещающих скисло, заживо сгнило? Море. Куча народу. Куча, слышишь слово: куча, как мусор. Запретить надо всеобщее образование, ни к чему оно человек работающему. Созидать можно и по чертежам, нарисованным избранными, кто по праву рождения или ещё там какому, имеет право на получение знаний. Я старый строитель, чётко знаю, главный инженер должен быть один, прораб один, а рабочих, тех да, должно быть как можно больше. Кирпичи или панели класть образование не нужно, природной смекалки и сноровки более, чем достаточно.

ЕСЕНИЯ. А книги сжечь на площади?

МОРДАСОВ. Не книги, доча, тиражи. Книги пусть себе лежат в хранилищах. А для всеобщего потребления ума оставить Библию, или даже одни Евангелия и хорош.

ЕСЕНИЯ. Пап, не всё однозначно. Неведомо, кто переводил священные письмена и верно ли он это сделал. А потом за дело взялись толкователи, редакторы, комментаторы. А ещё практические умники, которые решают, что нужно прихожанину, что нет.

МОРДАСОВ. Где парня перемкнуло... когда. Не доглядели, не уследили. Да и с тобой, дочь, тоже караул. Давай-ка, Есения Константиновна, вот что. Иди приоденься и догоняй подруг. Хочется ведь с девчонками позажигать, а, честно? Муж не возражает, что вообще редкость. Сегодня ты уже поработала, всех дел за день не переделать, оставь и на потом, чтоб до скончания не бездельничать.

ЕСЕНИЯ. Думаешь?

МОРДАСОВ. Знаю.

ЕСЕНИЯ. А что...

МОРДАСОВ. Давай-давай.

ЕСЕНИЯ. Пойду?

МОРДАСОВ. Смешно, доцент, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой документоведения в Академии госслужбы, уважаемый человек, гордость семьи, непорочная жена, полноценная мать, бабушка, и

спрашивает благословения у бывшего крановщика, семидесятиднoлет-ного олуха.

ЕСЕНИЯ. У замечательного отца, знатного строителя...

МОРДАСОВ. А можешь быть профессором, доктором наук, ректором.

ЕСЕНИЯ. Брось, папа, зачем это.

МОРДАСОВ. Вот, что толку от книжек, что ты начиталась? Такая же клуша, как безграмотная тётка Параша из деревни, Прасковью Андреевну, помнишь? Разве нет? Такая же неприбранная, некрашенная, чухна чухной. Чтобы крутиться по дому уборочным комбайном, нужны эти твои учёные дела? Нет. Всё, дочь, вали в кабак, я сказал. Покуда никого нет, чтоб уши развесить, Еся, ты, по-честному, сама во многом виновата, что в вашей семье происходит. За каждым из нас ходишь, как за дитём, никому не даёшь продыху своей заботой, самостоятельность нашу гробишь. Но не это даже главное. Главное, что всю себя кладёшь на домашнее хозяйство, на общественную работу, и незаметненько так, тихонечко потеряла саму себя. Да-да, если не потеряла, так теряешь. А потерянный человек никому не нужен, его перестают замечать, на него не оборачиваются, его не слышат, и не видят. Правда, твёрдо помнят, что есть тут кто-то где-то рядом, кто безвозмездно горбатится на тебя и вместо тебя, кто накормит, обстирает, приголубит, плечо подставит и всё тому подобное. Нет, Еся, ты должна себя вспомнить, найти и предъявить народу и всей семье, мол, вот она я, и по жизни не просто прогуляться вышла. Чтоб не просто увидели, но вспомнили, что любят и уважают. Я слишком стар, чтоб по пустякам распространяться, прости уж мне мой старческий пафос, но дело обстоит так, доча, и только так. Никто не виноват в человеке, кроме самого человека, правда, человек никому и неподсуден, кроме как самому себе, потому как всё, что не он, то не его. Всё, езжай, гуляй. Эх, не возвращаться бы тебе сюда с недельку, а-то и с месяц.

ЕСЕНИЯ. Папа...

МОРДАСОВ. Ты знаешь, как я люблю зимнюю рыбалку весной. За что? Хотя бы за то, что каждый год меня обязательно уносит на льдине далеко от берега. Пока спасатели доберутся, столько всего успеваешь передумать, переоценить. Мне, дураку, в молодости рыбачить бы, а не сейчас. Ну, всё. Желая тебе оторваться от привычного берега, чтоб было время вспомнить себя. Пойду, надраю спину Джэри, заодно и шею намылю, и мозги вправлю. (Уходит в ванную.)

ЕСЕНИЯ. Ничего себе папочка учит маленькую доченьку. Или углядел что-то, он ведь у нас мудрый филин, пронцательный. Ладно, гу-

лять так гулять. (Поёт.) «А кабачок-чок-чок, загубил-бил-бил, и затмил-мил-мил белый свет». (Уходит.)

СЦЕНА 5. Гостиничный номер. Из ванной, после душа, выходит Воропаев, входит в комнату. Включается торшер, в кресле сидит Кристина.

ВОРОПАЕВ. Вы!?

КРИСТИНА. Целый час не виделись, дай, думаю, навещу, соскучился, небось, гость нашего замечательного города. А мне всё одно делать нечего, почему нет.

ВОРОПАЕВ. Но я запирал дверь...

КРИСТИНА. Нет-нет, взлома не было, дверь была отперта. Запомнили, Николай.

ВОРОПАЕВ. Во-первых, Николай Семёнович.

КРИСТИНА. Предлагаю отметить нашу новую неожиданную, прямо скажем, встречу. Я купила замечательное вино.

ВОРОПАЕВ. Во-вторых, Кристина, я достаточно чётко дал понять, что не нуждаюсь в дамском обществе, тем более в вашем.

КРИСТИНА. Вот-вот, почему «тем более» в моём! Любую девушку такая постановка вопроса заинтригует, интересно же.

ВОРОПАЕВ. Кристина, выйдите.

КРИСТИНА. Я, собственно, за тем и решила навестить вас, чтоб прояснить ваши чувства ко мне. Только откровенно, у вас ко мне любовь?

ВОРОПАЕВ. Покиньте номер или я вынужден пригласить охрану.

КРИСТИНА. Охрану?

ВОРОПАЕВ. Полицию.

КРИСТИНА. Да, это не любовь. Очевидно я заблуждалась на вас счёт и вот, заблудилась. Но не ради блуда, Семёныч, ради чистого чувства. И всё же, в чём фишка, почему не я?

ВОРОПАЕВ. Потому что никто, кроме одно в мире женщины, не может стать моей.

КРИСТИНА. Вон оно что, да вы романтик! Рыцарь печального образа... с охранным поясом невинности под халатом. Под замком на всё время командировки. Поглазеть бы на ту, кто вас захохотал.

ВОРОПАЕВ. Всё, на выход, немедленно.

КРИСТИНА. Не хочется. К тому же, я могу изобразить ваше покушение на изнасилование меня. Но криминал не для интеллигентных людей, верно? Предлагаю компромисс: выпьем по бокалу принесенное вино и разойдёмся.

ВОРОПАЕВ. Нет, совместная выпивка исключена.

КРИСТИНА. Ну, не пить же мне на улице, а домой нести пузырь стрёмно, предки у меня любознательные, начнутся расспросы, а они мне и так надоели.

ВОРОПАЕВ. В последний раз прошу: выйдите.

КРИСТИНА. Вы же всё равно собирались выпить после душа, у вас вон, даже бутылка пива початая.

ВОРОПАЕВ. Прощайте. Точнее, вон. Или вынужден позвонить вашей маме.

КРИСТИНА. Нет-нет, звонок моей маме, страшнее вызова полицейского наряда, а там ведь ещё и мой любимый бешеный папа. Жаль. Придётся распить бутылку где-нибудь в общеаге. Но посетить ванную-то я могу, так сказать, оправиться на дорожку? Общественного санузла в отелях не предусмотрено.

ВОРОПАЕВ. Да, конечно.

КРИСТИНА. У вас есть две-три минуты, чтобы передумать. Я ведь не гордая и зла не помню. (Уходит в ванную.)

ВОРОПАЕВ (пьёт пиво.) Чёртовы девки, откуда вы такие берётесь, нахалки. Что с пивом? Вкус какой-то не тот... Надо же быть такой противоположностью родной матери, Есении Константиновны. Как-то мне душевно... (Падает на кровать без чувств.)

Из ванной выходит Кристина.

КРИСТИНА. Ой, уже! А я думала, под дверью придётся тусить. Так-так, подумать. Не забыть запереться. (Закрывает дверь в номер.) И всё, в постельку, милоч. Без халата, малыш, в чём мать родила. (Снимает с Воропаева халат, укладывает в постель.) Да нет у тебя никакого пояса, чего было ломаться. Ишь ты какой сладкий на вид. Смотри сюда, от какого пирога ты отказался, потому что моя очередь раздеваться. (Раздевается, укладывается в постель с Воропаевым.) Ой, да кто бы тебе его дал. Хотя чёрт меня знает. Вот так, Николай, если женщина хочет, она своё получит, и сдачи не надо. Дурашка. Ты мой. А теперь сэлфи, Колюня! (Фотографирует на смартфон себя с Воропаевым в постели.) Сэлфи — лучший женский подарок для всякого мужчины и даже не пробуйте отвертеться, не выйдет. О, да...

СЦЕНА 6. Вечерний городской сквер. Есения, Светлана, Евгения и Раиса — на скамейке, выпивают.

ЕВГЕНИЯ. Последняя бутылка. Может, ещё организовать пока не очень поздно?

ЕСЕНИЯ. Нет-нет, поздно, всё. На посошок, и я поехала домой, успею на последнюю маршрутку.

СВЕТЛАНА. Возражаю, мы не сделали самого главного, не дозвонились до твоего Воропаева.

ЕСЕНИЯ. Какого Воропаева?

РАИСА. Воропаев Николай Семёнович, начальник отдела кадров Синегорской мэрии.

ЕСЕНИЯ. Откуда вы знаете?

ЕВГЕНИЯ. Я у тебя его визитку из сумочки тиснула, а Райка уже битый час ему названивает.

РАИСА. Не отвечает.

ЕСЕНИЯ. Что вы вытворяете!

СВЕТЛАНА. Сенька, любовь — зараза, её надо или лечить, или искоренять. Это я тебе как дипломированный фельдшер авторитетно заявляю. Любовь подвластна лишь патологоанатому, как говорится, и только вскрытие показывает, что с ней делать.

ЕСЕНИЯ. Что ты несёшь.

ЕВГЕНИЯ. Он пролетел через всю страну, ты весь вечер в кабаке только его и вспоминаешь. Пришла пора вам соединиться в любовном экстазе выяснения отношений.

РАИСА. Короче, Женьк, ты её паси, а мы со Светкой мотнём в гостиницу и выясним, куда он, блин, подевался.

ЕСЕНИЯ. Не смейте!

СВЕТЛАНА. В непорочные метишь на всю жизнь? Не выйдет, не допустим. Айда, Иванова, в отель.

РАИСА (поёт). «Ой да не вечер да не вечер»...

ЕСЕНИЯ. Не прошу!

ЕВГЕНИЯ. Куда ты денешься.

РАИСА и СВЕТЛАНА (на ходу поют). «Мне малым — мало спалось, Ой да во мне привиделось»... (Уходят.)

ЕСЕНИЯ. Нельзя так, я замужняя женщина.

ЕВГЕНИЯ. Я тоже.

ЕСЕНИЯ. Останови их, пожалуйста!

ЕВГЕНИЯ. Да брось, Сенька, мы же пошутили. Девчонки просто за дополнительным пайком пошли в магазин. Разыграть тебя, Малых, как ребёнка, проще пареной репы, на айнц-цвай-драй.

ЕСЕНИЯ. Правда, Женюль?

ЕВГЕНИЯ. Родным Заборском клянусь, догонимся парой-тройкой пузырей и разойдёмся по семейным норам. А через неделю снова банный день и снова семьи. И так всю оставшуюся жизнь. И никуда нам не деться от этого. Я, давай, сгоняю пока в киоск, куплю «антиполицая», чтоб мой особенно не страдал от амбрэ на всю квартиру, заодно позвоню. Маленькая она у нас.

ЕСЕНИЯ. Кто?

ЕВГЕНИЯ. Квартира. Так-то, сама знаешь, полуторка, но формально всё же двухкомнатная. Подождёшь или со мной?

ЕСЕНИЯ. Я так редко бываю одна, некогда поговорить с собственными мыслями, всё больше отбиваюсь от чужих. Обожду вас здесь. Но по скверу прогуляюсь, разомнусь, надоело полировать скамейку. Могу проводить до следующей аллеи. И тебе с мужем поговорить лучше без свидетелей.

ЕВГЕНИЯ. Латкин согласился, вроде, на приёмного ребёнка.

ЕСЕНИЯ. Да ладно! Ура! Поздравляю!

ЕВГЕНИЯ. Ага, я такая счастливая. Бесплодие всё-таки убойное психическое оружие для нормальной бабы вроде меня.

ЕСЕНИЯ. Где будете брать, не в нашем же городе?

ЕВГЕНИЯ. Нет, конечно. Я навела справки, говорят, хорошая тема в Вологде. Вот же судьба-злодейка, Светка влюбилась в бандита, он ей четверых детей сделал, а меня мой разлюбезный дворовый хулиган так пером пописал по пьяне, поэт-песенник хренов, что половину органов хирургам в мусорку пришлось повышвыривать, вместе с детородными делами. Что-то, конечно, осталось и вполне совместимо с жизнью, но так только, для вида. Я хочу быть мамой!

ЕСЕНИЯ. Женечка, миленькая, я как сейчас помню тебя в больнице после того, что Гончаров с тобой сделал.

ЕВГЕНИЯ. Да ладно, когда оно было. Зато, ох, каким трюкам в постели он меня обучил, соловей-разбойник, и натаскивал, доложу я тебе, будь здоров, ни сказать, ни пером описать, а только в натуре показать.

ЕСЕНИЯ. Девчонки все — сороки, на блестящее кидаются, пусть хоть это будет фикса. Да, собственно, вся женская жизнь наша сорочья.

ЕВГЕНИЯ. Теперь бедный мой Латкин, летает и вертится, как в цирке без страховки, страшно, но интересно. Всё понимает, хотя ничего не знает, только догадывается, но ради меня идёт на всё, даже на полёты во сне и наяву под куполом цирка. Ну, ты-то не сорока, ласточка ты наша. Как взяла себе надёжного в начале женского пути, так и держишь, такого, чтоб всегда под рукой и в рабочем состоянии.

ЕСЕНИЯ. У нас в Малых любовь.

ЕВГЕНИЯ. Ой, ты мне-то хоть не ври.

ЕСЕНИЯ. Любовь, в принципе, долго не живёт, в нормальной крепкой семейной жизни она трансформируется в терпение, уважение друг к другу.

ЕВГЕНИЯ. Да уж, чего-чего, а уважения к тебе у Малыха просто вагон. Шпыняет, как хочет, обращается, как с прислугой.

ЕСЕНИЯ. Наше дело, не нравится, смотри в другую сторону. Выходит, лучше иметь прощельгу с фиксой, чем домовитого паренька? По-моему, хоть так, хоть этак, всё одно совместная жизнь не сахар.

ЕВГЕНИЯ. Не надо мне никого, кроме моего Латкина. Сколько лет живём, притом, что подобрал-то он меня, свинью, в отрубях, а как любил, так и любит.

ЕСЕНИЯ. По-моему, с каждым годом всё больше.

ЕВГЕНИЯ. Свезло мне, конечно, сказочно, а сказка наяву — штука сложная, но кому сейчас легко. Может, твой этой Синегорский тоже твой сказочный царевич, а, Сеня?

ЕСЕНИЯ. С нашим-то жизненным опытом на пятом десятке верить в чудеса? Брось, так не бывает. Всё может быть, конечно, но не со мной. Я уже свыклась, смирилась и ничего другого не желаю, и ничего лишнего,. Идём уже, идём.

ЕВГЕНИЯ. Вот уедет Воропаев и будешь локти кусать.

ЕСЕНИЯ. Своих локтей не достану, а Юркиных мне не надо. Дочка будет?

ЕВГЕНИЯ. Стопудово, УЗИ врать не станет.

Есения и Евгения уходят.

СЦЕНА 7. Дом Малых. Прихожая. Входит Кристина, бросает сумку на стул.

КРИСТИНА. Всем привет, я дома. Пошла в кухню, питаться. Мама для меня что-то конкретно оставляла или как все?

Из гостиной выходит Малых.

МАЛЫХ. Был банный день, дочь, полный дом народу, ещё отдельно-го питания захотелось?

КРИСТИНА. Ты чего такой агрессивный. Всё-всё, пап, я ем. (Уходит в кухню.)

МАЛЫХ. Полные закрома полновесного, здорового питания. (Достаёт из сумки Кристина смартфон, просматривает.) Для студенческого мозга лучше всего рыба, возьми в холодтльнике.

КРИСТИНА (из кухни). Так устала сегодня, быстрее бы сдать уже эти госы и отдохнуть на всю катушку.

МАЛЫХ. Дед с бабкой забрали Джэри к себе надолго, может, насовсем.

КРИСТИНА. Слава богу. Дедушка с бабушкой могут его выходить, если Джэри сам смирится и захочет выбраться из своей выгребной ямы. И потом можно будет с ним что-то делать. А-то ведь взрослый человек, трижды отец, а в черепной коробке только мозг и ни одной извилины. А когда бывшие невестки племянников обещали привести, давно их у нас не было, с ними весело. Правда, пап? А где мама? Обычно везде и всюду, а тут пустыня. Ничего, надеюсь, не случилось? Что ты там затих? (Выходит из кухни.) Что ты делаешь? Не смей, это мой телефон, личный!

МАЛЫХ. Лицо знакомое на последних фотках, не могу сообразить, кто.

КРИСТИНА. Папа, отдай!

МАЛЫХ. Вспомнил. Это же мужчина, что сегодня утром к нам приходил, откуда-то из Сибири приехал к матери по работе.

КРИСТИНА. Не твоё дело.

МАЛЫХ. Точно, он же был на такси и повёз тебя в город.

КРИСТИНА. Мы взрослые люди.

МАЛЫХ. Я вижу, и как все взрослые, когда познакомятся, сразу раздеваются и дальше уже общаются голыми, в первый же день знакомства.

КРИСТИНА. У нас любовь с первого взгляда.

МАЛЫХ. Я у матери про него чуток расспросил. Ты знаешь, что он работает в мэрии крупного города, начальником отдела кадров? А все кадровики связаны с ФСБ, знаешь? С такими людьми лучше вообще не знакомиться, не то, что переходить им дорогу. Они, если их зацепить, любого в порошок сотрут, без суда и следствия.

КРИСТИНА. Пап, что ты гонишь...

МАЛЫХ. Гонишь! Это ты отцу такие подзаборные выражения в лицо говоришь?

КРИСТИНА. Ой, да случайно, вырвалось, не сердись.

МАЛЫХ. Подозрительно, говорю, на всех фотках он в полном вырубоне. А ведь тут ещё есть такие же голые мужики в кровати, с тобой, и

все с закрытыми глазами, и все голые, и со всеми любовь с первого взгляда? Нет, ну, хорошо, полюбились там, пошоркались, а потом?

КРИСТИНА. У самого-то выражения...

МАЛЫХ. Я в университетах не обучался, слава богу, мне пятьдесят лет жить на свете с рабочими руками нигде не стыдно, а значит выражаться имею право на собственное усмотрение.

КРИСТИНА. Ну, папа же, перестань, отдай смартфон и разойдёмся, мне ещё заниматься, выспаться надо.

МАЛЫХ. Что ты им в пойло подсыпашь, снотворное или какую наркоту? Надеюсь, они все живы-здоровы и у них был и второй взгляд, и третий?

КРИСТИНА. Да перестань, ей-богу, что вообще за сыр-бор!

МАЛЫХ. А дальше-то как? Ну, вот, например, с сегодняшним твоим любимым мужчиной, из Синегорска. Ты дождёшься, когда он уберётся восвояси или уже утром, в гостинице, прижмёшь компроматом? А если он откажется платить? Ведь ты за деньги же, как я понимаю. Ты же человечиска нищая, без средств к существованию, тебя не кормят, не поят, не одевают, в чёрном теле содержать с самой колыбельки. Ладно тебя посадят в тюрьму. Пусть меня ты не ставишь ни в грош. Но мамочку-то нашу тоже угробят и тогда всё благосостояние семьи, включая дедушку с бабушкой, рухнет. А позору сколько, стыда перед людьми! У тебя что, вообще нет совести?

КРИСТИНА. Так меня же в тюрьму посадят, на кой мне там совесть. Ой, пап, ещё никто не отказывался, платили, как миленькие. А ты не заплатил бы какому-нибудь ребёнку, который принёс бы тебе компромат на тебя? Или ты чист перед неработающими женщинами нашего посёлка, аки исусик, господин охранник? Что, если тебя раскатает какой-нибудь рогатый дяденька с копытами? Ты, конечно, везучий донжуан, но всякому же везению приходит конец.

МАЛЫХ. Ах, так вон оно как, нашла корень зла и стрелочника. Дрянь позорная. Шантажистка. Дешёвка. Ты хуже и позорнее своего вонючего братца. А ведь я тебя в жизни пальцем не трогал, холил, лелеял, срань ты господня, на руках носил, задницу подтирал, сопли твои жевал вместо тебя, а ты вот, во что выросла. Пусть тебя посадят, пусть отомстит один из этих жмуриков, но сначала я с тобой рассчитаюсь за все мои заботы с хлопотами, за все моя чаяния с надеждами, за всё мою отцовскую любовь.

КРИСТИНА. Папочка, я могу всё объяснить. Давай сядем рядом, поговорим ладком, как говорится, придём к консенсусу...

МАЛЫХ. А как же, и объяснишь, и покаешься, и все грехи отработаешь по полной программе. Но это попозже. А сейчас, осторожно, двери закрываются. (Запирает дверь.)

КРИСТИНА. Зачем ты запер дверь?

МАЛЫХ. Следующая станция: морально-нравственное преступление и наказание. (Снимает с вешалки заготовленный ремень.) Знаешь, Крестя, это не просто ремень, доченька, это отцовский ремень. Ты не знаешь, что это такое, я знаю, у меня вся кожа вспыхивает, стоит только вспомнить отцовское воспитание. Этот огонь огнетушителем не потушишь, верь мне.

КРИСТИНА. Не смей, я в суд подам!

МАЛЫХ. Что ты сказала? На родного отца в суд!? Западной пропаганды набралась, мозги отказали? Ну, так ты теперь по полной программе узнаешь, что такое есть обыкновенное русское семейное правосудие. Стоять!

КРИСТИНА. Нет, нет! (Убегает от Малых.)

МАЛЫХ. Да, блин, да. (Гонится за Кристиной, с ремнём.)

Часть 2

СЦЕНА 8. Вечерний городской сквер. Есения сидит на скамейке. Входит Евгения.

ЕСЕНИЯ. Где вы все ходите!

ЕВГЕНИЯ. А девчонок ещё нет? Звонили, что уже вышли. Сень, не поверишь, но всё человеческое мне не чуждо, просто я сбегала на автозаправку и получила удовлетворение ото всех их сервисов.

ЕСЕНИЯ. Бензину, что ли, напилась?

ЕВГЕНИЯ. Ага, и автолом заполировала. В туалет ходила.

ЕСЕНИЯ. Латкину своему позвонить не забыла?

ЕВГЕНИЯ. А ты знаешь не моего Латкина?

ЕСЕНИЯ. Да ну тебя.

ЕВГЕНИЯ. Будешь смеяться, позвонила аж дважды, так вдруг его захотелось.

ЕСЕНИЯ. А что, на автозаправке есть туалет?

ЕВГЕНИЯ. Ну, ты, Мордасова, динозавр. Ещё какой, со всеми удобствами. При желании можно даже прилагательное к презику поиметь.

ЕСЕНИЯ. Так приятно слышать девичью фамилию. Презик — это что?

ЕВГЕНИЯ. Вы что с Малых презервативами никогда не пользовались?

ЕСЕНИЯ. Было, конечно, когда-то.

ЕВГЕНИЯ. И что, выговаривали полностью это длинное неприличное слово?

ЕСЕНИЯ. Понятно. А прилагательное к этому самому, я так понимаю, мужчина?

ЕВГЕНИЯ. Если приятно слышать девичью фамилию, верни её официально.

ЕСЕНИЯ. Юрка с ума сойдёт от раненного самолюбия. Разве что развестись.

ЕВГЕНИЯ. А что, ты от него материально не зависишь, квартира у него есть, может к родителям переехать. Как-то у вас кисло всё, Сенька, последние годы.

Входят Светлана и Раиса, за ними, чуть поодаль, идёт Воропаев.

ЕСЕНИЯ. Всё, я пойду, уже восемь, через полчаса пойдёт последний автобус.

ЕВГЕНИЯ. Возьмёшь такси, до посёлка семь километров. А вот и наши жабы-путешественницы.

СВЕТЛАНА. Ква-ква, мы не одни.

РАИСА. Так крепко уснул мужчина, что какие там звонки, мы в четыре руки его едва растолкали.

ВОРОПАЕВ. Добрый вечер всем. Есения Константиновна...

ЕСЕНИЯ. О, боже... Девчонки, зачем же так поступать.

РАИСА. Да мы его аккуратно взяли, ничего не сломали, шкурку не попортили.

ЕСЕНИЯ. Николай Семёнович, извините моих подруг, мы были в ресторане и вот результат.

СВЕТЛАНА. Сеня-Сеня, ты не на войне, не отмахивайся.

ВОРОПАЕВ. Да что вы, Есения Константиновна, я рад.

ЕСЕНИЯ. Меня простите отдельно, дура, рассказала им о нашем знакомстве. А сейчас мне надо домой, муж ждёт, дети плачут, родители не спят, и последний автобус уходит. Прощайте. (Уходит.)

СВЕТЛАНА. Малых, стой!

РАИСА. Повеселились.

ЕВГЕНИЯ. Вот такая она у нас, Николай Семёнович, а вы думали мы тут только мёд потребляем? Всё, ребята и зверята, у меня тоже муж

есть, банный день очистил меня для него, единственного. Спокойной ночи. (Уходит.)

РАИСА. Незадача.

СВЕТЛАНА. Подняли вас, взбаламутили...

ВОРОПАЕВ (просматривая мобильный телефон). Чувствую себя, как после снотворного, а выспаться не получилось. Всё нормально. Столько звонков на мобильном, со всей страны, вон даже из Узбекистана, из Таджикистана двое звонили. Зато Есению Константиновну ещё раз увидел.

РАИСА. Так между вами что-то есть, если не секрет?

ВОРОПАЕВ. Боюсь, ничего, кроме расстояния между моим Синегорском и вашей областью. Не беспокойтесь, всё нормально. Я посижу тут ещё, свежий воздух мне очень кстати.

РАИСА. А что это вас так сморило, или успокоительного приняли? Очень похоже, мне знакомо, я от одиночества на ночь нередко принимаю.

ВОРОПАЕВ. Как оказался в постели, с чего вдруг уснул, не помню, как отрезало.

РАИСА. Мы со Светланой Александровной, в качестве компенсации за неучтивость Сени, готовы составить компанию гостю нашего славного города.

СВЕТЛАНА. Я не могу, у меня грозный муж. А вот Раиса Семёновна, ваша тёзка по отцу, она у нас одинокая, бессемейная, на работу может не ходить, сама хозяйка салона красоты, вот тут да, без лишних вопросов.

РАИСА. Можно просто Раиса, без отчества. Рая — я.

Из-за кустарника, что за спиной Воропаева, выходит Есения.

СВЕТЛАНА (кивает на Есению). Рая...

ВОРОПАЕВ (не видя Есению). Я настолько разбит физически и душевно, извините. Не беспокойтесь, я люблю одиночество. Правда-правда, мне всегда есть, над чем поразмышлять, подумать наедине с собой.

РАИСА (видит Есению). Ой. Правда? Вот и хорошо, прямо гора с плеч, а-то сегодня у нас был банный день, потом ресторан, такая, знаете ли, тоже усталость вдруг накатила волной, так и хочется плюхнуться уже в постель, как в море.

СВЕТЛАНА. До гостиницы рукой подать, сами же дойдёте?

ВОРОПАЕВ. Дойду-дойду. Всех благ, девушки.

РАИСА. Да какие мы девушки, что вы, когда это было.

ВОРОПАЕВ. Яркие, красивые.

РАИСА. Да что вы, ночью все кошки серы.

СВЕТЛАНА. Кошки — да, а вот коты наоборот, всех цветов радуги, да, Раёк? Пошли уже, ненаглядная.

РАИСА. Да-да, и чем быстрее, тем веселее. До новых встреч, Николай Тёзкович!

СВЕТЛАНА. Берегите себя, молодой человек и будьте счастливы.

Раиса и Светлана уходят.

ВОРОПАЕВ. Спасибо, спасибо, и вам всего самого наилучшего. Ну, и денёк. Странно всё как-то, странно.

ЕСЕНИЯ. Не приезжали бы и всё было бы привычно, без вопросов.

ВОРОПАЕВ. Есения Константиновна!

ЕСЕНИЯ. Здравствуйте.

ВОРОПАЕВ. Милая моя...

ЕСЕНИЯ. С приездом.

ВОРОПАЕВ. Ненаглядная...

ЕСЕНИЯ. На самом деле в командировку?

ВОРОПАЕВ. Да что вы, к вам, конечно. Хотя мечтал не столько к вам, сколько за вами. Куда угодно, где угодно, лишь бы быть с вами, жить.

ЕСЕНИЯ. Если вы меня любите хотя бы в десятой доле, как говорите, немедленно уезжайте. Сегодня же. Я рада видеть вас, Николай Семёнович. С ума по вам не сходила, нет, честно, просто некогда, столько хлопот. Ведь между нами не только тысячи километров и двенадцать лет разницы, между нами моя семья. Чего я ни желала бы, как ни хотела бы, но дети мои, родители без меня не обойдутся. И муж, да-да, и муж тоже. Я виновата, похоже, нельзя было подменять своей заботой их повседневную самостоятельность, но теперь-то что же поделаешь, раз так вышло. У нас, с ними, и так всё непросто, несладко, но мы вместе, мы едины, и всё в доме заиклено на мне, и этого уже не переделать. Не могла вообразить даже, что когда-нибудь встречу настоящего мужчину, удивительного, красивого, молчаливого, сильного — вас, мой рыцарь. Помните наши три дня в Москве, вы вели себя, как рыцарь, жаль ваша дама не настолько прекрасна и совсем не ваша, мне жаль. Уезжайте сегодня же, сейчас же. До Москвы два часа с небольшим езды, ещё час-полтора до аэропорта, вы свободно успеваете на ночной двухчасовой рейс в Синегорск. Конечно, если вам невмоготу и вам по-животному хочется удовлетворить свою страсть, то делайте со мной, что хотите.

Да, я — в вашей власти. Прямо здесь и сейчас. Сделайте нас счастливыми, одарите радостью. Но только после этого я вас возненавижу. Не со зла, не намеренно, но точно знаю — возненавижу. И это так же верно, как то, что я живу на белом свете и помню вас, и никогда не забуду. Пожалуйста, уезжайте.

ВОРОПАЕВ. Я люблю вас.

ЕСЕНИЯ. Пожалуйста...

ВОРОПАЕВ. Вы знаете расписание самолётов в Синегорск?

ЕСЕНИЯ. Со всеми изменениями за полгода, по будним дням и выходным. Наизусть. Станете проверять?

ВОРОПАЕВ. Прощайте. (Уходит.)

ЕСЕНИЯ. Не могу ходить. (Присаживается на скамейку.) Сил нет. Такой дебильный день. Уродский вечер.

Входит Евгения, присаживается рядом.

ЕВГЕНИЯ. Сейчас Латкин мой подъедет, отвезём, куда скажешь.

ЕСЕНИЯ. Отремонтировал машину?

ЕВГЕНИЯ. Да нет, веселее: баба — за порог, мужик — в автолавку. Взял, гадёныш, и купил новую лайбу. Чтобы в Вологду отправиться своим ходом. Не просто новую, минивэйн.

ЕСЕНИЯ. Чего?

ЕВГЕНИЯ. Легковушка типа микроавтобус. Семейный автотранспорт. Чтобы в Доме Малютки ни у кого и малейших сомнений не возникло будто бы наша доченька Маша попала, если и не в хорошие руки, то в хороший автомобиль уж верняк.

Входят Светлана и Раиса.

ЕВГЕНИЯ. Явление последнее: те же и те же. Кто бы сомневался.

РАИСА. Мы своих не бросаем.

СВЕТЛАНА. Правда, сдаём, как пустую тару, когда жажда испепеляет.

РАИСА (поёт). «Месяц свои блёстки По лугам рассыпал. Стройные берёзки, Стройные берёзки Что-то шепчут липам» (Раиса, Евгения, Светлана и Есения подхватывают.) «Травы, травы, травы не успели От росы серебряной согнуться. И такие нежные напевы, ах, Почему-то прямо в сердце льются»...

СЦЕНА 9. Сентябрь. Гостиная в первом этаже дома Малых с выходом на террасу. Джэри пылесосом чистит тканые дорожки и мягкую мебель. Входит Кристина, в форме лейтенанта полиции.

ДЖЕРИ. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров.

КРИСТИНА. Джэри, где мама?

ДЖЭРИ. Кристя, ты во что вырядилась?

КРИСТИНА. Ты-то чего вдруг женскими делами занялся? Вырубай шарманку, я спать буду.

ДЖЭРИ. Мама в огороде, созванивается с закадыками, что-то они сегодня задерживаются. (Выключает пылесос.)

КРИСТИНА. Форму в ателье подогнали, вчера впервые одела и пошла на первое дежурство по отделу.

ДЖЭРИ. Да я за всякое дело хватаюсь, лишь бы чем-то заниматься. Я не в курсе, форма эффектная, но ты-то в ней при чём, в кино, что ли, пригласили?

Входит Мордасова.

МОРДАСОВА. Дед пришёл?

ДЖЭРИ. В бане, веник для меня замачивает как-то по-особенному.

МОРДАСОВА. Соли из пяток Игорька выгонять будем, тебе, может, тоже, надо, можжевеловые дед достал, сами-то не заготовливали на нынешний год.

КРИСТИНА. Джэри — в баню? А состояние здоровья позволяет?

МОРДАСОВА. У деда на себе проверенная методика, личная, он в начале девяностых тоже с пьянкой завязывал, знает, что по чём. Если Игорёк не подкидыш, то по наследству и здоровье поправит, и ни хрена с ним не сделается. О, Еська вернулась, я — на кухню. И хватит уже обзывать брата, он — Игорь, а не Джэри, ферштейн? (Уходит.)

КРИСТИНА. А дед тоже пьянствовал, разве?

ДЖЭРИ. Ничего родные люди друг о друге практически не знают. У многих так, семья одна, крыша на всех единая, а сосуществуем как шпионы, дни рождения и то, хорошо, если вспомним день в день.

КРИСТИНА. Я вторую неделю как на работу вышла, в штабе УВД службу.

ДЖЭРИ. Ты — мент!? Ты же дипломированный географ...

КРИСТИНА. Полицейский, Джэрик, я, полицейский. Извини, Игорёк. Мало, что ты кончишь, главное, что за этим последует.

ДЖЭРИ. Да не слушай ты бабушку, зови, как звала, не парься. Вот это у тебя амплитуда! Методика деда простая, как пять копеек, а работает. Утром о выпивке не думаешь, если, конечно, не приснилось, что выпил. Но это ночью обычно просыпаешься, в ужасе, весь сырой, постельное бельё реально выжимать можно. Дикий страх такой, что сорвался. Потом соображение возвращается с прогулки, иной раз засыпаешь дальше, но чтобы выпить, нет уж, хотелка отказывается. А вот ближе к двенадцати дня — да, начинает цеплять. Но тут бабушка уже на стрёме, кормит обедом так, чтоб ни кубомиллиметрика пустым не оказалась в организме, отваливаюсь от стола и валюсь спать. Борщи в основном, пельмени...

КРИСТИНА. Вот тебе и необразованный дед. Видишь ли, мы по химии учили, что любая еда вырабатывает в организме необходимые ему алкалоиды, соответственно, чем больше ешь, тем плотнее похмеляешься.

ДЖЭРИ. Вот-вот, просыпаюсь, а желания выпить-то, ку-ку, нету. Вечером, конечно, намекает на своё присутствие. Но тут уже семейные ляля-ля у телевизора отвлекают. Но самое главное, чтение. Фэнтези — лучший на свете нарколог, мозги с воображением так загружает, что ни о чём реальном не помнишь. Ну, конечно, уровень литературы должен быть типа Толкиена, да чтоб в правильном переводе. Лев Толстой тоже подходит, самое то.

КРИСТИНА. Спать хочу безумно.

ДЖЭРИ. Извини, у кого чего болит, тот о том и говорит.

КРИСТИНА. Я — к себе.

ДЖЭРИ. Нам по пути, здесь всё пропылесосил, потом, как проснёшься, у себя в комнате приберусь, чтоб тебя не будить. Кристя, хотел сказать, ты меня прости, как заноза в душе сидит. Я тебя летом отцу сдал, со психу, достал он меня. Ну, про то, что с мужиками, которых вы опаивали, а потом шантажировали.

КРИСТИНА. Так это ты... А я-то мозг ломала, откуда дождалась такого привета и что ещё ждать.

ДЖЭРИ. Потому и в менты подалась, за прикрывшкой?

КРИСТИНА. Ты себе представить не можешь, как меня отец тогда ремнём отлупцевал, в лучших традициях средневековья, даже тебе в детстве так не доставалось. Он когда очухался, чуть скорую не вызвал, но сообразил, что может под суд попасть, кинулся к соседу, с Черёмухового переулка, там вся семья врачи.

ДЖЭРИ. Надо же, батя на тебя руку поднял, мир перевернулся. Мне врачей не подгоняли. Виноват, подставил, не хотел.

КРИСТИНА. Уже сентябрь, Джэри, ещё месяца три и окончательно выздоровлю после отцовской порки. Забудь. Ну, а как там твои бывшие жёны после того, как обнаружили, что завязал?

ДЖЭРИ. Ну, тут другая комедия...

Входят Есения и Малых, вносят обеденный стол.

МАЛЫХ. Ты ещё не спишь? А ну, Джэри, смени мать, прими стол.

ЕСЕНИЯ. Не надо суеты, уже принесли, ставим, Юра.

КРИСТИНА. Спать-спать-спать, меня нет. (Уходит.)

МАЛЫХ. Джэри, далеко не уходи, мужики сегодня в баню первыми идём, подружки-поскакушки изволят задерживаться.

ДЖЭРИ. Пылесос хочу на мой этаж поднять, здесь он не понадобится?

ЕСЕНИЯ. Да нет, сынок, после гостей здесь придётся пройти всё поновой.

ДЖЭРИ. Ладно, пошёл. (Уходит.)

ЕСЕНИЯ. Кристя говорила тебе, что собирается переехать в город из-за работы?

МАЛЫХ. У неё там ещё и мужик нарисовался. Он-то её в УВД и устроил, шишка кая-то. По всем параметрам...

ЕСЕНИЯ. Вот по всем параметрам?

МАЛЫХ. Шишка.

ЕСЕНИЯ. Не понимаю, чего смешного. Тебе дочь больше рассказывает.

МАЛЫХ. Сентябрь красивый сей год. Это, слышь, в Чебаркуле, ну, в учебке, когда служил первые полгода до отправки в Германию, так же было. А знаешь ведь, что в ноябре уедешь за границу, и так-то боязно, а тут ещё и природа, как нарочно, подобрана для солдатиков. Красивая, чтоб ностальгия замучила. Берёзки особенно шибали. Идёшь, бывало, в баню...

ЕСЕНИЯ. До неё километра три, а ты каптёром служил, то есть ходил без строя, как вздумается. Завалишься в траву и любишься на берёзы, на русскую природу Урала...

МАЛЫХ. Слово в слово.

ЕСЕНИЯ. Почти тридцать лет слушаю одни и те же армейские рассказы, слово в слово, как будто в твоей жизни больше ничего и никогда не было. Ах, нет, виновата, было, и было, и есть — спортивные телеканалы. Олимпиада за Олимпиадой, гонка за гонкой, матч за матчем, новости за новостями, годами, десятилетиями. А я — приставка к телеви-

зору, робот-уборщица. Ты уже и забыл наверное, в каком месте твоя жена — тягловая скотина, а в каком месте — женщина.

МАЛЫХ. Ты чего разоралась-то?

ЕСЕНИЯ. Я, между прочим, шёпотом разговариваю. Для вора любой шорох — как гром наказания. Сколько времени мы уже не были вместе?

МАЛЫХ. Я — что, бухгалтер, чтобы считать. И чего это ты меня с воров сравниваешь? Ладно, не психуй. Приспичило, так и скажи, пошли в койку хоть сейчас. Слушай, а ты права. Дела, суета все мозги замусорили. Давай, Сенечка, пойдём, сделаем друг другу любовь и секс в одном флаконе.

ЕСЕНИЯ. Я тебе не коврик в прихожей, захотел — на стену повесил, захотел — ноги вытер. Ты украл из меня женщину. Юра, нам надо расстаться.

МАЛЫХ. Чего-чего? Как!? Расстаться? Да на айнц-цвай-драй, фрау-мадам, хоть сегодня. Женщину из неё украли! Тоже мне, святителище. Ты на себя со стороны посмотри, что ты такое есть. Я уйду, только ты-то кому нужна? Коврик, говоришь? Похожа, точно. Потёртый, бесцветный, как в прихожей. Всё, я — в баню, минут через десять пусть дед с сыном подходят, как раз самый пар. Чего расселась? Дел нету? Так я тебе могу список вывесить на стенку, а-то и на лоб повесить. Женщина, блин, украденная. В жизни чужого не брал. Сама профукала, с себя и спрашивай. Привет, буфет. (Уходит через террасу.)

Входит Мордасов.

МОРДАСОВ. Ты здесь?

ЕСЕНИЯ. Малых сказал, чтоб шли в баню.

Входит Мордасова.

МОРДАСОВА. А девки твои что?

ЕСЕНИЯ. У всех мобильники вне зоны, может, едут где, вместе, не знаю.

МОРДАСОВ. Пойду, Джэри позову.

МОРДАСОВА. Игоря!

МОРДАСОВ. Не пыли. Лучше объясни Еське расклад на будущее.

ЕСЕНИЯ. Что вы ещё придумали...

МОРДАСОВА. Я-то с ним согласна. Тем более, что Катерина с детьми настаивает на восстановлении семьи, во что бы то ни стало. Готова даже ехать вместе с нами.

МОРДАСОВ. Еся...

ЕСЕНИЯ. Ехать? Кто? Куда?

МОРДАСОВ. Твоя бабушка Елизавета, моя родная мама, совсем спятила, как в отношении памяти, так и окружающей действительности. Нельзя ей больше оставаться в одиночестве, а вырывать из привычной обстановки тоже опасно, можно убить раньше времени.

МОРДАСОВА. Раньше времени, девяносто с лишком лет человеку — куда уж раньше. Но человек должен жить столько, сколько отмерено, тут я «за».

МОРДАСОВ. Мы с твоей матерью решили ехать в деревню.

ЕСЕНИЯ. Папа, но там же никаких удобств, глухомань, телевизора отродясь не было.

МОРДАСОВ. Не возводи напраслину, телевизоры там были всегда, правда, телевидение время от времени.

МОРДАСОВА. Как это никаких удобств? А природа? Она очень даже удобная. Особенно, если на десятки километров вокруг никакой власти, чтоб запрещать, поучать и нервировать. Отец твой там родился, я — неподалёку, возвращаемся, короче, к истокам. Игорёк, как узнал, испугался с жизнью на тет-а-тет оставаться, сказал, что едет с нами.

МОРДАСОВ. Будет покуда на пасеке, у твоего дяди Лёши Иванцова помощником, а там, глядишь, если всё путём, и сам пасечником заделается.

МОРДАСОВА. Катька уже месяц к Игорьку клинья подбивает, мол, детям отец нужен, а тут мы — в отъезд. Ну, она и говорит, мол, с работой в Заборске всё одно напряжёнка, экология нарушается, медицина вся химическая, детям малым школа покуда не нужна, так что, мол, тоже требую переезда с вами, вроде всей дружной полноценной семьёй.

ЕСЕНИЯ. А Галка со своим ребёнком, случайно, тоже с вами не собралась?

МОРДАСОВА. Галка всегда была фанфаронистая, мужика себе непременно состоятельного ждала. И дождалась, нашла кормильца-спонсора. На прошлой неделе в особняк к нему переехала, в Шереметьевских дворах.

ЕСЕНИЯ. Впервые слышу. Нет, папа, мама, родители дорогие, никому да я сына не пущу, я должна знать, где он, что он, с кем...

МОРДАСОВА. Это не твоё дело, Еська, понятно? Взрослые дети — это не дети, а самостоятельные граждане, вон, спроси у государства, оно тебе объяснит. Ты, между прочим, в Академии госслужбы преподаёшь, должна соображать подоплёку. Ну, и главное, Есения Константиновна, давно тебе хочу сказать. Какой прок от того, что сын почти три

десять лет жил под твоим присмотром, с твоей поддержкой? Во что оно вылилось? В беспробудную пьянку.

ЕСЕНИЯ. Так это в его запое виновата?

МОРДАСОВА. Пока мы с отцом за дело не взялись, от Игорька одно воспоминание по посёлку ходило. Так что, ты меня поняла. Игорь едет с нами, а насчёт своей Катьки с детьми, пусть решает отдельно. Я — на кухне. (Уходит.)

МОРДАСОВ. Не бесись, доча, мать по сути права. Ну, а по форме она в своём репертуаре, всю жизнь продавцом в советской торговле, там все собачились, нормально, мне даже нравится.

ЕСЕНИЯ. Папа, ты что не понимаешь? Я одна остаюсь! Выходит, я никому не нужна? Всю жизнь нужна, а тут нет?

Входит Джэри.

ДЖЭРИ. Дед, не пора в баню?

МОРДАСОВ. Я уже всё высказывал тебе на эту тему, Еся. Тебя все любят, все желают тебе добра. Но только ты, пожалуйста, не носись со своей необходимостью, как с писаной торбой, оставь других в покое. У каждого своя судьба, а не твоя одна на всех. Так не бывает.

ЕСЕНИЯ. Джэри, ты уезжаешь!?

ДЖЭРИ. Мам, я — не Джэри, я — Игорь. Да, уезжаю. И пока не уехал, хочу вернуть долг. В тот день, когда я завязал, к тебе мужчина приезжал откуда-то из Сибири. Я на выпивку цыганил, а у него самая мелкая купюра оказалась только пятисотка. Он мне её и дал. А в киоске сдачи не было. Тут меня дедушка с бабушкой и накрыли. Так я и не потратил. Ты же можешь найти его адрес? Отправь ему, пожалуйста, деньги. Те самые. (Снимает верёвочку с шеи.) Вы меня все спрашивали, что я ношу в мешочке вместо крестика. Купюру я ту ношу, типа талисмана. Но иногда она мне так грудь жжёт, мол, купи выпивку, что лучше бы без неё. (Вынимает купюру, кладёт на стол.) Припиши там, типа я благодарен судьбе за то, что купюра его оказалась неразменная.

МОРДАСОВ. Да уж, по нашей жизни выгоднее не мелочиться. Пойдём, Игорь.

ЕСЕНИЯ. И ты заберёшь с собой в деревню Катерину с детьми?

ДЖЭРИ. Вряд ли. Нет, мам, во мне внутренней убеждённости, что не сорвусь, точнее, уверенности нет. Три месяца трезвости для записного алкаша — не срок. А для детей, случись что, второй разрыв с отцом — перебор. Организму нужно время. И моему сознанию. Нет, не возьму.

МОРДАСОВ. Вон твой папаша из бани выскочил, как ошпаренный, сейчас закатит нам истерику, давай уже, а я пошёл, успокою психа. (Уходит через террасу.)

ЕСЕНИЯ. Сынок...

ДЖЭРИ. Да, мам?

ЕСЕНИЯ. Как ты вообще-то?

ДЖЭРИ. По-разному, что нормально. Непросто, мам. Раньше была одна проблема с утра до вечера, как похмелиться. А сейчас их, этих проблем, столько повыползло со всех сторон. Я стараюсь, решаю, как могу. Не волнуйся обо мне, живи спокойно, вспомни о себе. Будет, как будет, по-другому никак. Я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров... я люблю себя, я здоров. (Уходит.)

ЕСЕНИЯ. Не парься. Да я и не парюсь, не с кем.

Входит Мордасова.

МОРДАСОВА. Сидит она. На кухне, мобильник надрывается, не слышишь, что ли? Я что, одна буду у плиты корячиться? Или это не твоих гостей кормить надо, а моих? Райка звонит Иванова. (Уходит.)

ЕСЕНИЯ. Действительно, чего это я расселась.

СЦЕНА 10. Двор дома Малых. На крыльцо выходит Кристина, присаживается на ступеньку. Из дому выходит Мордасова, с миской, полной каши.

МОРДАСОВА. Проснулась, надо поесть.

КРИСТИНА. Бабушка! Я не хочу кашу.

МОРДАСОВА. Не спорь, суточное дежурство всегда плохо сказывается на организме. В животе, небось, революция?

КРИСТИНА (принимает миску с ложкой). Я не умею есть деревянной ложкой.

МОРДАСОВА. Есть хочешь, научись. Дерево теплее всякой железной дряни, с него всё на порядок вкуснее.

КРИСТИНА (ест). А в животе точно кошмар. Что за тишина такая в доме непонятная?

МОРДАСОВА. Народ должен кормить свой правоохранительный орган, иначе революция будет не в живот, а снаружи. Накрылся наш традиционный банный день медным тазом, вернее, шайкой. Твой папаша разругался с дедом и сыном через пять минут бани и ушёл из дому.

КРИСТИНА. Он всегда ругается, чтобы уйти к мужикам в гараж. Вернётся ночью, пьяный.

МОРДАСОВА. Все знают, никто внимания и не обращает.

КРИСТИНА. Опять задушевные разговоры, одни и те же примеры из личного жизненного опыта, надоело.

МОРДАСОВА. Как мужчина у тебя?

КРИСТИНА. Какая разница, нормальный, лишь бы съехать.

МОРДАСОВА. Ох, сколько девчат на этом себе судьбу переломало.

КРИСТИНА. Ба, уже обсуждали, хватит.

МОРДАСОВА. Дед с Игорьком уже у нас в дом. Пятки отбили, обедом накормили, спят, небось, оба.

КРИСТИНА. А мамкины закадыки ещё в бане?

МОРДАСОВА. Говорю же, накрылась баня шайкой, никто не приехал.

КРИСТИНА. Обалдеть, мамка с ума точно сходит...

МОРДАСОВА. Все прилично отзвонились. Тётя Женя Латкина срочно выехала в Вологду рожать приёмыша. С тётей Светой Парначёвой очередная ходка стряслась. Её муж сегодня утром в рейс вышел и то ли сбил кого-то насмерть, то ли автокатастрофу устроил, толком не вникала.

КРИСТИНА. Он же на маршрутке людей возит!

МОРДАСОВА. Раньше рецидивистов близко к ответственности за людские жизни не подпускали, а сейчас всем всё равно.

КРИСТИНА. А тётя Рая Иванова?

МОРДАСОВА. Та сама заехала, лично, по пути в Москву. Ей, видите ли, перепала горящая путёвка в Самарканд.

КРИСТИНА. Только там её ещё не бывало.

МОРДАСОВА. Как же не бывало, бывало, и неоднократно. Эта путешественница в бархатный сезон на всё согласна, лишь бы подешевле и не дома. Одиночество. Дешевле замуж выйти.

КРИСТИНА. Пыталась же, характер у неё...

Из дома выходит Есения, с большой набитой дамской сумкой через плечо и пальто, перекинутом на руку, направляется через двор к калитке.

КРИСТИНА. Мам?

МОРДАСОВА. Эй, тётянька, куда намылилась такая нарядная, не скавашись?

ЕСЕНИЯ. А вам всем какое дело, если я вам никому не нужна. Раз так, значит, отныне пусть я буду нужна мне.

МОРДАСОВА. Еська, немедленно скажись! Хочешь, чтоб мы с отцом тут от инфарктов повымерли?

ЕСЕНИЯ. Ой, мама, вы не только меня переживёте, у правнуков ещё детей понянчите. В общем, я должна вернуть деньги, причём, срочно. И — вся любовь.

МОРДАСОВА. Вся?

ЕСЕНИЯ. Некогда мне. Да, доченька, с твоим папенькой я развожусь.

КРИСТИНА. Мама...

ЕСЕНИЯ. Навсегда и бесповоротно. Привет, буфет.

КРИСТИНА. Мама, на улице плюс двадцать, зачем тебе тёплое пальто?

ЕСЕНИЯ. На календаре осень, значит, нужна тёплая одежда, вдруг снег (Уходит.)

КРИСТИНА. А с косметикой да в приличном прикиде, маман-то о-го-го! Очуметь. Никогда не видела её такой крутой.

МОРДАСОВА. Зато я припоминаю.

КРИСТИНА. Не могу я есть на коленках, неудобно, пойду за стол. (Уходит в дом.)

МОРДАСОВА. Где там сейчас тёплое пальто нужно? На Северах, да за Уралом? Надеюсь, не в Канаде. Ха, Малых, что-то мне подсказывает, профукал ты обеспеченную старость. Вот тебе и вся любовь. Кристя, я тебе сейчас мяса дам... (Уходит в дом.)

СЦЕНА 11. Синегорск. Обветшавшая автобусная остановка на заброшенной дороге неподалёку от аэропорта, вокруг лес. Есения в пальто и с сумкой высматривает транспорт.

ЕСЕНИЯ (напевает). Автобус, ты где... «Я пришла сюда, бездельница, Всё равно мне, где скучать! На пригорке дремлет мельница. Годы можно здесь молчать. Над засохшей повиликою Мягко плавает пчела; У пруда русалку кликаю,

А русалка умерла. Затянулся ржавой тиной Пруд широкий, обмелел»...

Входит Воропаев.

ВОРОПАЕВ. «Затянулась бурой тиной Гладь старинного пруда Ах, была как Буратино Я когда-то молода». Обожаю эту песню.

ЕСЕНИЯ. «Затянулся ржавой тиной Пруд широкий, обмелел, Над трепещущей осиною Лёгкий месяц заблестел Замечаю всё как новое. Влажно пахнут тополя. Я молчу. Молчу, готовая Снова стать тобой, земля». Вот тот текст, что я произносила, стихи Анны Ахматовой. А то, что вы любите всю свою жизнь, может любить только инфантильное деревянное изделие, не замечающее разницы между поэзией и киношной песенкой. Нет, конечно, я не возражаю, на фоне вашего холёного местного внешнего облика я реально выгляжу, как трёхсотлетняя Тортилла, но, согласитесь, я вас предупреждала о разнице в возрасте, господин Буратино.

ВОРОПАЕВ. А вот такой я вас ещё не знаю. Круто осадили. И поделом. Виноват. Как же я рад вас видеть. Не хотел обидеть, просто образы очень похожи про тину и про пруд, чистой воды ассоциация.

ЕСЕНИЯ. А я не ожидала. Придумывала, как мы встретимся, сочиняла текст. Моё интеллектуальное напряжение оказалось напрасным, не понадобилось.

ВОРОПАЕВ. В Синегорске плюс пять, далеко не ваши плюс двадцать, хорошо, что пальто взяли.

ЕСЕНИЯ. Всё равно зябко.

ВОРОПАЕВ. Можете меня покалечить, убить, но я вас обниму.

ЕСЕНИЯ. Зачем.

ВОРОПАЕВ. Чтобы хотя бы согреть.

ЕСЕНИЯ. Не надо.

ВОРОПАЕВ. Надо, надо.

ЕСЕНИЯ. Буду отбиваться.

ВОРОПАЕВ. Отлично, совсем согреетесь.

ЕСЕНИЯ. Я сильная, сделаю вам больно.

ВОРОПАЕВ. От ваших рук готов принять всё.

ЕСЕНИЯ. А я ногами.

ВОРОПАЕВ. Ваши ноги тоже вы. Прощай, жизнь. Всё, обнимаю. (Обнимает.) Как же я ждал вас... нас, чтоб вместе. Как вы?

ЕСЕНИЯ. Хорошо.

ВОРОПАЕВ. Сейчас будет лучше.

ЕСЕНИЯ. Правда?

ВОРОПАЕВ. Обнять и не поцеловать любимую — святотатство.

ЕСЕНИЯ. Укушу.

ВОРОПАЕВ. Конечно.

Поцелуй.

ЕСЕНИЯ (оторвавшись). Дайте передохнуть...

ВОРОПАЕВ. Я тоже чуть не задохнулся. Невероятно, вы волшебным образом целуетесь! Со мной такого не было.

ЕСЕНИЯ. Правда? Надо же не разучилась. Когда-то я была чемпионкой по поцелуям.

ВОРОПАЕВ. Как?

ЕСЕНИЯ. На время.

ВОРОПАЕВ. И что это был за турнир?

ЕСЕНИЯ. Не помню. Может, ничего и не было. Давным-давно.

ВОРОПАЕВ. Я бродил по Интернету, искал ваши фото, так хотел любоваться на вас тогдашнюю, в молодости.

ЕСЕНИЯ. А сейкашная не устраивает? С синими губами и со сморщенным лицом. Что поделать, прохладная штука Сибирь, опять же возраст. И ведь так здесь со мной будет всегда. Теперь объясните, в какой стороне аэропорт.

ВОРОПАЕВ. Не понял?

ЕСЕНИЯ. На самолёт мне надо, обратно, в Москву, что непонятного?

ВОРОПАЕВ. Вы же только что...

ЕСЕНИЯ. Только что? Прошло пятьдесят девять минут, как я вышла из ворот вашего допотопного аэропорта и ступила в первую же сибирскую лужу. С тех пор я перестала понимать абсолютно всё на этом свете. Впрочем, по возрасту, мне, возможно, пора уже оказаться и на том свете, что я и сделала, неожиданно для собственного ещё вполне здорового женского организма, приехав в Синегорск. У вас здесь автобусы ходят? Или, по старинке, на лошадях предпочитаете? На перекладных. Сегодня ящик запил, а кони загуляли?

ВОРОПАЕВ. У нас замечательный город, областной центр немалого края с территорией равной Франции и ещё парочке небольших европейских государств, с развитой современной инфраструктурой.

ЕСЕНИЯ. Тогда где же общественный транспорт типа автобус.

ВОРОПАЕВ. Там. На трассе, где общественному транспорту и положено передвигаться.

ЕСЕНИЯ. Вот как. Там трасса. Тогда что это, где я стою?

ВОРОПАЕВ. Вы находитесь на автобусной остановке старой, давно закрытой дороги, соединяющей город с аэропортом. Проезд здесь запрещён и огорожен с обоих концов.

ЕСЕНИЯ. Тогда как же вы меня обнаружили?

ВОРОПАЕВ. Включил логику. Понял, что вы решили пройтись пешком, чтобы полюбоваться и подышать свежестью диковинной для вас сибирской природы. Обошли круглую привокзальную площадь по пра-

вой дуге и двинулись по тропинке, которая ведёт через лесок. Кажется, что напрямик, но это обманчиво. Не вы первая попадаетесь на эту удочку.

ЕСЕНИЯ. Я — не рыба! Я, как выясняется, трёхсотлетняя черепаха.

ВОРОПАЕВ. Есения Константиновна, солнышко моё, перестаньте врать.

ЕСЕНИЯ. Не первая, говорит, попалась. Ещё бы, у такого завидного мужчины на заброшенной транспортной артерии не может быть одна рыбка, их тут перебивало и ещё перебудет, можно не сомневаться.

ВОРОПАЕВ. Пойдёмте, машина ждёт на трассе.

ЕСЕНИЯ. Почему вы здесь?

ВОРОПАЕВ. Я искал вас.

ЕСЕНИЯ. Вы знали, что я приехала?

ВОРОПАЕВ. Конечно. Но мне сегодня быть было присутствовать на совещании у мэра, где обсуждались кадровые вопросы, соответственно, я, как шеф отдела кадров, обязан был докладывать, выслушивать и прочая, прочая, прочая. Поэтому я отправил к рейсу моего заместителя, который почему-то как-то вас пропустил.

ЕСЕНИЯ. Что значит пропустил?

ВОРОПАЕВ. Просмотрел.

ЕСЕНИЯ. Ещё бы, его отправили встречать подругу шефа, он и внимания не обращал на земноводную рухлядь.

ВОРОПАЕВ. Хватит уже про возраст. Как заезженная пластинка.

ЕСЕНИЯ. Заезженная, потому что старая.

ВОРОПАЕВ. Знаете, что означает слово рухлядь в первоизданном смысле? Выделанные шкурки пушных зверей, млекопитающих с ценным мехом, используемые для производства меховых изделий.

ЕСЕНИЯ. Так я для него не только черепаха, но ещё и волосатая крыса на шапку.

ВОРОПАЕВ. Прекратите. Пожалуйста. Я к вам со всей душой, от всего сердца...

ЕСЕНИЯ. Не нравится? Я рада. Отведите меня в аэропорт и на этом расстанемся.

ВОРОПАЕВ. Нет.

ЕСЕНИЯ. Что — нет?

ВОРОПАЕВ. Я вас от себя больше не отпускаю.

ЕСЕНИЯ. Разве я у вас? Я всего лишь в Синегорске, куда меня чёрт занёс. Я и не собиралась с вами встречаться. Просто решила посвятить очередной отпуск осмотру просторов Российской Федерации за Уралом, где ещё не бывала. Кто-то ездит в Минск, кто-то в Самарканд, а я — в

Сибирь. Лично конкретно вы мне не нужны. Были бы нужны, заранее оповестила бы, позвонила бы. Как, чёрт возьми, вы узнали, что я к вам лечу?

ВОРОПАЕВ. Человек, наизусть знающий расписание рейсов в Синегорск, как в будни, так и в выходные дни, со всеми изменениями, не мог стерпеть, он по определению должен опробовать маршрут. Я же кадровик новой волны, Есения Константиновна, я умею составлять психологические профили.

ЕСЕНИЯ. Ну, хорошо, малыш Буратино, ты раскусил тётушку Тортиллу, но номер рейса-то надо знать?

ВОРОПАЕВ. Три месяца, каждый день после нашей прошлой встречи мне сообщали, есть ли ваше имя в списках пассажиров по всем авиарейсам в Синегорск.

ЕСЕНИЯ. Ишь ты, как крут, какие доступы может себе позволить. Ну, а если бы я поехала поездом?

ВОРОПАЕВ. Нет. Поездом — только в случае нелётной погоды. Говорю же, составление психологических профилей — мой конёк.

ЕСЕНИЯ. Вы страшный человек, Воропаев.

ВОРОПАЕВ. Неудивительно, как корабль назовёшь, так он и поплывёт. Основной версией образования моей фамилии является происхождение от прозвища «воропай».

ЕСЕНИЯ. Так на Руси называли разбойников. Знаем, тоже изучали предмет.

ВОРОПАЕВ. Психологию?

ЕСЕНИЯ. И её. Но в данном случае, под словом предмет подразумевается лично вы, конкретно.

ВОРОПАЕВ. Предмет? Хорошо, но всё же одушевлённый и даже моему ангельскому терпению всё сложнее и сложнее.

ЕСЕНИЯ. Наши первые три дня в Москве сводили меня с ума, после, когда вспоминала. А сейчас я готова испепелиться со стыда, пустить саму себя на черепаховую гребёнку от осознания собственной тупости. Как можно было в моём возрасте, реальной бабушке, летать с мальчишкой, держась за руки, и ощущать восторг, безо всяких слов, без единой здоровой скабрёзной мысли. И сейчас, когда я целовала вас в ваших объятиях, мне думалось лишь об одном: овца, балда, дурище, вот, как надо было умереть, счастливой, тогда же, тут же, в Москве. И тогда уже не было ни ожиданий, ни встреч, ни сомнений, ни психов. Почему вы не приезжали полгода после Москвы я поняла, решали там там для себя что-то, взвешивали, прикидывали. Но почему вы уехали из Заборска даже не попытавшись сделать со мной хоть что-нибудь мужское?

ВОРОПАЕВ. Вы же меня прогнали. Прогнали так убедительно, что я счёл за благо ретироваться.

ЕСЕНИЯ. Испугались, что прибью?

ВОРОПАЕВ. Испугался за ваш покой, за ваше выстраданное семейное счастье. Мне ли, холостяку, не знать, что семья — это гениальный дар, от которого нормальному здоровому нельзя просто отмахнуться, запросто откреститься.

ЕСЕНИЯ. То есть, вы, как высококвалифицированный психолог, были уверены, что я никуда не денусь и сама припрусь?

ВОРОПАЕВ. Грубо, но верно.

ЕСЕНИЯ. А если не приехала бы?

ВОРОПАЕВ. Снова приехал бы сам. На новогодние выходные. Когда вся Россия празднует и решает личные вопросы. Вы, преподаватель Академии Госслужбы, как никто, должны понимать, что для человека, занимающего чиновничью должность, такому как мне, выкроить время даже на очередной отпуск — штука непростая.

ЕСЕНИЯ. Ну, приехали бы на Новый Год, ладно, допустим, а там мой законный супруг.

ВОРОПАЕВ. К тому времени, по моему разумению, вы должны были бы уже, если не развестись, то, как минимум, разъехаться с ним.

ЕСЕНИЯ. Умник, блин! А вот у нас не так, и мы не только не расстались, мы спим в одной койке и регулярно справляет супружескую нужду. Что на это скажете?

ВОРОПАЕВ. Врёте. Вы давно не совокупляетесь с мужем. И, скорее всего, уже расстались. Но предположим, что я ошибаюсь. Я приехал бы я по-любому и, скорее всего, вызвал бы соперника на поединок. Дуэль там, не знаю, на бой.

ЕСЕНИЯ. От чёрт, зачем я приехала, такого зрелища на корню лишиться, и деньги на самолёт сэкономила бы. Вот мой Малых накостылял бы вам, мне вас было бы уже заранее жалко.

ВОРОПАЕВ. Так вы за него, против меня?

ЕСЕНИЯ. В какой стороне ваш аэропорт.

ВОРОПАЕВ. Вон в ту! Вы что не видите шпиль на здании вокзала? Зрение проверьте. В конце концов, могли бы идти по дороге, в обратную сторону той, откуда пришли.

ЕСЕНИЯ. Я забыла откуда пришла.

ВОРОПАЕВ. А подтекст вашего спича предельно прост, мол, парень, я тебя очень хочу, но мне как-то неловко, придумай сделать как-нибудь так, чтобы мне стало ловко, так что, давай-ка, уж ты как-нибудь изловчись. Всё вы видите, всё знаете, всё понимаете. Просто не можете спра-

виться со своими психологическими комплексами. При чём здесь возраст, дура, если у меня любовь, а не шуры-муры! И не только у меня, у вас тоже. У нас обоих. Так давайте же вместе справимся. Я помогу вам, вы мне. Для того и встречаются люди на свете, чтобы помогать друг другу. Ведь вместе жить легче, радостнее, продуктивнее, в конце концов. Зачем бить морду, если всего-то и нужно, что разглядеть в ней лицо!

ЕСЕНИЯ. Вы на меня кричите?

ВОРОПАЕВ. Я не предмет, я человек, я не кричу, я вопию. О том, что лучше бы нам никогда не встречаться. Но раз встретились, поехали уже куда-то — в гостиницу, ко мне, в ресторан, я не знаю, чего мы здесь торчим, как рога на голове чёрта?

ЕСЕНИЯ. Вы — не рога, вы — копыта. И я не дура!

ВОРОПАЕВ. Да, конечно, в целом вы умный человек, но в конкретном случае, в отношении меня вы глупите.

ЕСЕНИЯ. Хватит заговаривать мне зубы. То есть, по-вашему, лучше, так, было бы не встречаться?

ВОРОПАЕВ. Со мной такое впервые, вернее, такая. Остановитесь, помолчите, раздышитесь и потом поговорим.

ЕСЕНИЯ. Мне не о чем с вами разговаривать.

ВОРОПАЕВ. Одуреть! Перед ней молодой, красивый, уже состоявшийся, но всё ещё перспективный мужчина, казалось бы, бери, властвуй или хотя бы пользуйся. Второго такого шанса может не быть, а с таким характером, так и точно не будет. Не говоря уже о том, что такого болвана, как я, днём с огнём иди-ка, поищи-ка. Так ведь она же ещё и не ищет! И как только ни оскорбит, как только ни обзовёт. Я же не зову в ЗАГС, не умоляю под венец, не ташу в кусты, я предлагаю совместную радость на всю оставшуюся жизнь.

ЕСЕНИЯ. Вот, что я вам хочу сообщать, молодой и перспективный мужчина, идите вас, пожалуйста, в жопу.

ВОРОПАЕВ. Не возражаю!

ЕСЕНИЯ. «Дура, дура, дура я, дура я проклятая, у него четыре дуры, а я дура пятая». Шестая, седьмая... десятая. (Уходит к аэропорту по тропинке, скрываясь в лесу.)

ВОРОПАЕВ. Я за вами не побегу! Вы ненормальная. У вас даже имя дурацкое, вычурное, неестественное. Есения... Есения Константиновна! Вернитесь, не совершайте необратимых последствий! Вы же понимаете, я обойдусь без вас, а вы нет. Теперь нет. Особенно после объятий и поцелуя. Ещё попомните! А я вас забуду. Уже забыл. Я умею забывать. На-

всегда из жизни, из памяти, из сердца — вон. Машину мне, машину! (Уходит.)

СЦЕНА 12. Зима. Предбанник. Кристина накрывает стол. Стук в дверь.

КРИСТИНА. Стучат, что ли? Папка, небось, опять. Ну, сейчас начнётся, особенно если пьяный. Кайф насмарку. (Подходит к двери.) Пап, хватит стучать, мама запретила тебя пускать. Странно, слишком деликатно, на папку не похоже. (Отодвигает занавеску на окне.) Кто там? Не видно и плохо слышно, кто? Не понимаю. А, вот появился. Серая шапка, у папки такой не было, нет, не он. (Приоткрывает дверь.) Некогда представляться, я раздета, заходите.

В дверном проёме — Воропаев.

ВОРОПАЕВ. Неудобно, я мужчина.

КРИСТИНА. На улице зима, входите, меня же продует, я же из бани, скорее!

ВОРОПАЕВ (входит). Извините.

КРИСТИНА. Ёлки зелёные, Николай!

ВОРОПАЕВ. Я, Кристина. Сколько мог терпел, в дом стучал, никто не открывает, увидел дым из трубы, догадался, что хозяева в бане.

КРИСТИНА. Сегодня мамин традиционный банный день, с подружками, они скоро выйдут.

ВОРОПАЕВ. Так как-то нетактично получается.

КРИСТИНА. Чепуха, здесь все свои. Выпейте с морозца, водочки, выпейте, согреетесь быстрее. (Наливает в бокал водку.)

ВОРОПАЕВ. Так-то бы я не пью, но иногда, для здоровья и тепла.

КРИСТИНА. Вот именно. (Подает бокал Воропаеву.)

ВОРОПАЕВ. Будем здоровы все. (Выпивает.)

КРИСТИНА. Закусывайте. Присаживайтесь, будьте, как дома.

ВОРОПАЕВ. Да-да, очень кстати. (Усаживается на лавку.)

КРИСТИНА. Вы по делу или?

ВОРОПАЕВ. Или.

КРИСТИНА. Ко мне?

ВОРОПАЕВ. Что? Нет-нет, к матери. Жарко же как здесь, разморит, ахнуть не успеешь...

КРИСТИНА. Как-то вы быстро раскисли.

ВОРОПАЕВ. Пойду на улицу, усну.

КРИСТИНА. Да погрейтесь же чуть-чуть.

ВОРОПАЕВ. Пожалуй, очень уж морозно. Не ожидал, что в центральной полосе может быть так же холодно, как у нас. Посижу ещё чуток... минутку. Самолёт вчера вылет задержали, потом Москва из-за непогоды не принимала, вынужденная посадка в Нижнем Новгороде. (Сквозь дрему.) Ночь в гостинице, практически не спал, поездом в Москву семь часов, электричкой сюда почти три.

КРИСТИНА. Николай, помните нашу встречу в гостинице?

ВОРОПАЕВ. В гостинице? Нет, не помню. Гуляли... да, гостиница... нет. (Засыпает.)

КРИСТИНА. Ну, на нет и суда нет. Это я вас как работник полиции ответственно заявляю. Николай? Спит. И всё же, хоть и не слышите, простите меня, пожалуйста. Мне совестно. Может, и к лучшему. (Приоткрыв дверь в баню.) Мам? Мам, к тебе пришли. Вернее, приехали. Выходи, как есть, он спит.

Из бани входит Есения.

ЕСЕНИЯ. Воропаев! Не может быть...

Из бани выходят Евгения, Светлана и Раиса.

ЕВГЕНИЯ. Райка, закрой дверь, пар выпустишь.

РАИСА. А чего теперь его беречь, собираемся и валим отсюда.

ЕВГЕНИЯ. Ещё чего, пока не обсохну, на улицу шагу не сделаю, у меня ребёнок, мама должна быть здорова.

СВЕТЛАНА. А говорила, что между вами — всё, полный расход.

РАИСА. Ой, а у тебя не так же, что ли, говоришь одно, думаешь другое.

ЕВГЕНИЯ. Короче, оставим молодых, пошли домываться.

СВЕТЛАНА. Да мне уже мыть больше нечего.

ЕВГЕНИЯ. Или найдём, или замараем. Кристя, ты — с нами. (Уходит в баню.)

КРИСТИНА. Не поняла, у мамы с ним что-то, в смысле отношения?

СВЕТЛАНА. Какие отношения, девочка, у них любовь. Пошли. (Уходит в баню.)

КРИСТИНА. С ума сойти. (Уходит в баню.)

РАИСА. Сень, может, куда мужчина спит, с нами, на полок?

ЕСЕНИЯ. Нет, теперь я его от себя не отпущу ни на шаг, стеречь буду.

РАИСА. Блин, что ты там про возраст всё время ныла, вы с ним рядом выглядите, как близняшки. То ли ты помолодела, то ли он постарел.

ЕСЕНИЯ. То ли родились в один день, просто я на двенадцать минут его старше. Иди уже!

РАИСА. Классные вы, ребята, и такие красивые... (Уходит в баню.)

ЕСЕНИЯ. Я вас уже не ждала... А вот ведь дождалась. Ты — радость моя, радость...

Стук в дверь. Из бани выходит Кристина.

КРИСТИНА. Извините, вода кончилась. Мам, стучат. (Отодвигает занавеску.) Ой, папка. Мам, слышь? Он ведь разнесёт тут всё.

ЕСЕНИЯ. Плевать, мой защитник приехал.

Из бани выходит Евгения.

ЕВГЕНИЯ. Что-то случилось?

КСЕНИЯ. Папа стучится.

ЕВГЕНИЯ. Девки, наших бьют.

Из бани выходят Раиса и Светлана. Стук в дверь не прекращается.

КСЕНИЯ. Папа просится.

РАИСА. Класс, а этот спит и в ус не дует.

ЕВГЕНИЯ. Устал мужчина с дороги.

СВЕТЛАНА. Помните скульптуру «Девушка с веслом»?

ЕВГЕНИЯ. Ну?

СВЕТЛАНА. А я изображу «Девушку с ведром воды в декабре».

РАИСА. Отлично! Я возьму ещё одно ведро, чтоб наверняка.

СВЕТЛАНА. Жень, откроешь дверь и отходи.

ЕВГЕНИЯ. Ну, уж нет, я тоже хочу казнить Малыха. Кристя, откроешь дверь. И я — первая. Всем ясно?

СВЕТЛАНА. Наполняем ведра. (Зачерпывает ведрами воду из бака и подаёт подругам.)

ЕСЕНИЯ. Кристя, оденься, неприлично перед отцом голой шмыгать.

ВОРОПАЕВ (проснувшись). Есения... Есения Константиновна! Что это...

ЕСЕНИЯ. Банный день, Николай Семёнович. Традиционный банный день.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Королев СКАЗКА ПРО КУТЬКУ	3
Никита Кривцов ОДНАЖДЫ В ВЕНЕЦИИ	14
«БЕВЕРЛИ-ХИЛЛЗ», АТЛАНТА	21
ЭТО — НЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО...	28
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В МЬЯНМЕ	31
ДОРОГИЕ ТКАНИ	40
БУТЫЛКА «СУНТОРИ»	48
Георгий Кулишкин СЧАСТЬЕ	70
Баадур Чхатарашвили ТИФЛИС — МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ	83
Сергей Калабухин КАРЬЕРА МАРКА ЖАБСКОГО	147
МЕЧТА И СЛУЧАЙ	160
Людмила Ефлеева СТИХИ	167
Дмитрий Учитель СТИХИ	172

Мира Кузнецова	
БЛИКИ СОЛНЦА НА ТВОЕЙ КОЖЕ	179
ЛИЦА СТЕРТЫ, КРАСКИ ТУСКЛЫ...	187
ТОЧКА	189
Игорь Бézрук	
Я ВСЕ-ТАКИ В РОССИИ	193
ЗАЧЕМ МУХА ЛЕТАЕТ?	198
ДВОРНИЧИХА	202
САМСЕБЯИЗНУТРИПОЖИРАЮЩИЙ	204
Евгений Савченко	
БЕЗ МАСОК	207
«СЛЕДИТЕ ЗА НОВОСТЯМИ!..»	209
Салтанат Рахимбекова	
НЕ БУДИ ЛИХА...	226
Вячеслав Кушнир	
БАННЫЙ ДЕНЬ	262

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 23**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com
ISBN 978-3-910935-81-5

